

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 6105 128 546 053

71465

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

orig. D.
N. 13. M. 5

ТОВАРИЩЕСКОЕ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Августа 16 дня, 1833.

Ценсоръ *Левъ Цытмаевъ*.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACK

JUN 10 1851

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ВЫСШЕЙ ТАКТИКИ а).

En cherchant à répandre le fruit de l'étude constante de mon état et les lumières d'aussi vrai, mon but est d'être utile.

LALLEMAND.

Опытъ самаго начала образованія народныхъ обществъ, какъ скоро люди, ушвердивъ взаимную ответственность, возымѣли противоположныя выгоды, родились спрасши, копорыя произвели раздоры, и война содѣлалась необходимою.

Хотя бышвы первобытныхъ народовъ произ-

а) Чишанная Апрелья 28 дня 1828 года Гвардин Капшпаномъ и Кавалеромъ, Лейпцигскаго Университета Докпоромъ, Изящныхъ Наукъ Магиспромъ, ИМПЕРАТОРСКОЙ С. Петербургской Академии Наукъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ и Корреспонденшомъ, Н. Навроцкимъ.

водились безъ всякаго порядка и всякой воору-
жался какъ хопѣль, или лучше скажемъ, какъ
могъ; однако скоро нужда и польза, сіи двѣ
сильныя пружины дѣятельности человѣческой,
принудили ихъ изобрѣшать средства: улуч-
шать орудія, совокупляться въ нѣкопорыя мас-
сы для боя, располагать оныя въ извѣстномъ
порядкѣ и дѣйствовать сообразно мѣстополо-
женію. Познаніе сего сполько занимало разумъ
человѣческой, что чрезъ собраніе наблюдений и
правиль, на нихъ основанныхъ, замѣчаемыхъ въ
печеніи вѣковъ и присоединяемыхъ одно къ
другому, образовалась *масса свѣта*, подобная
шой, копорую бы могъ пріобрѣсти человекъ,
симъ занимавшійся нѣсколько спольшій. Это
есть *Теорія Военнаго Искусства*.

Исторія удосповѣряетъ насъ, что во всѣхъ
вѣкахъ были люди, копорые болѣе обрацами
вниманіе на средства изпребленія рода человѣ-
ческаго, нежели на способы содѣлывать его
счастливымъ. Хотя сія истина, судя по человѣ-
честву, доспойна сожалѣнія; однако не лъзя не
согласиться, что наука войны, копорая имѣетъ
предметомъ оберегать безопаснсть народа, на-
казывать нарушителей спокойствія, утвер-
ждать миръ и благосостояніе обществъ — ша-
кая наука дѣйствительно должна быть одною
изъ самыхъ важнѣйшихъ.

Со всѣмъ плѣмъ сколько еспь шакихъ, копо-
рые, посвящая себя военной службѣ, мало или
почти совсѣмъ не спараюшя о приобрѣненіи
основашельныхъ сей часпти свѣденій. »Война,« го-
ворипть одинъ изъ первѣйшихъ Генераловъ,
»еспъ ремесло для невѣжды, но искусство для
человѣка свѣдущаго.« Сіе мнѣніе, съ коимъ были
согласны великіе полководцы всѣхъ времянь, до-
казываешть уже пользу и необходимость науки
военной.

Но нельзя приобрѣсти свѣденія ни въ какой
наукѣ, не обучаясь оной по правиламъ. Если бы
кто хошѣлъ бытъ спроишелемъ какого либо
зданія, не научившись прежде надлежащимъ об-
разомъ полагащъ основаніе спроенію и опдѣлящъ
правильно часпти онаго; по работа его была бы
безобразна, несоразмѣрна и разрушилась бы, не
бывъ окончанною. Человѣкъ, не учившійся
и не обдумавшій началъ своего искусства,
конечно можешть помощію практики доспиг-
нушь до нѣкопорыхъ успѣховъ; но чего ожи-
дашь опть военачальника, копорый дѣйспвуешть,
надѣясь на случай и одни лишь собспвенныя
наблюденія? — Слѣдоващельно одна практика,
и даже множесшво походовъ, не достапочны,
чшобы познакомипть съ многоразличными ча-
спями военного искусства.

Впрочемъ не лзя оспоривашть, чшо иногда
геній замѣняешть теорію, и подробно разобравъ

свойства онаго, удосповѣрмся въ семь еще болѣе. »Геній«—говоритъ Графъ Рошеймонъ—»все замѣчаешь и образуешь не чувствителью; сильное впечатлѣніе предметовъ обогащаетъ его свѣдѣніями, для него непрудными, и онъ не имѣетъ надобности пріобрѣтати познанія поспешенно одно за другимъ. Бросая взглядъ на природу, постигаешь ея дѣйствіе. Его понятіе, простираясь за настоящее, объемлетъ будущее. Неспособный шествовать обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, онъ мгновенно устремляется къ цѣли; извлекаешь богатства начала изъ того, что другіе находятъ темнымъ, и силою шворческаго ума дополняешь опкрытое наблюденіями. На войнѣ геній подобенъ божеству: онъ обзрѣваетъ однимъ взглядомъ возможное, видитъ лучшее и дѣйствуетъ. Великіе полководцы въ необыкновенныхъ случаяхъ кажутся властелинами произшествій и вдохновенными въ нѣсколько мгновеній, гдѣ не доспаетъ времени размысливать и гдѣ первая мысль должна быть лучшего « а).

Но природа слишкомъ скупа на такихъ геніевъ и пошому всѣ военачальники должны основывать свои дѣйствія на правилахъ теорій,

а) См. L'art de la guerre par M. le C. de la Rocheaumont, t. I., сочиненіе, коимъ я наиболѣе руководствовался при составленіи сей лекціи.

глубоко изслѣдованныхъ, чѣмъ избѣжашь ошибки и приобрѣси военныя знанія, или какъ говоритъ Наполеонъ: »Toute guerre doit être méthodique, parceque toute guerre doit avoir un but et doit être conduite conformément aux principes et aux règles de l'art« a).

Хотя вообще при употребленіи всѣхъ отраслей человѣческихъ познаній теоретическія свѣденія должны бытъ соединяемы съ практическими; однако, чѣмъ еще болѣе подтвердишь важность первыхъ, разроемъ древнюю историю; и какое множество найдемъ мы примѣровъ, что люди даже не имѣя случая приобрести необходимыхъ практическихъ свѣденій и по общепользованію являясь въ первый разъ начальниками надъ арміями, при пособіяхъ одной теоріи производили въ дѣйствіе великія предприятия!

Когда Ксенофонъ былъ избранъ на мѣсто Греческихъ полководцевъ, захваченныхъ и умерщвленныхъ Тиссаферномъ; то онъ служилъ охотникомъ и былъ въ малыхъ чинахъ; но при всемъ томъ слушались его совѣтовъ; и онъ предводительствовалъ знаменитымъ ополченіемъ десяти тысячъ Грековъ, обезсмертившимъ его имя. Эпаминондъ, избранный предводительствовать Оивянами, не находился до тѣхъ поръ ни

a) См. *Maximes de guerre de Napoléon.*

въ какомъ сраженіи; но совершенно преданный философіи, полиптикъ и военной наукѣ, въ уединеніи ожидалъ времени служишь опечеспву со славою.

Военное образованіе Римскаго Императора Юліана можешъ также послужить разительнымъ примѣромъ вышесказанному. Извѣстно, что Императоръ Констанцій употреблялъ всѣ способы, дабы Юліанъ былъ чуждъ военныхъ занятій, а посему сей послѣдній юность свою долженъ былъ провести въ Афинахъ, спрантъ мирной и удаленной отъ грома оружія; но сіе по самое и послужило къ его послѣдующей славі. Тамъ онъ часно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми оставшимися еще Греческими учеными мужами и щцапельно занимался чтеніемъ древнихъ военныхъ писателей. Наконецъ, когда Констанцій принужденъ былъ провозгласить его Цезаремъ и послать противъ возмущившихся народовъ Галліи, то, при первомъ взорѣ на войско, онъ долженъ былъ начальствовать онымъ; и здѣсь-то онъ имѣлъ случай оказать на самомъ дѣлѣ важность теоретическихъ занятій: ибо побѣды слѣдовали всюду за его спопами и имя Августа, а въ послѣдствіи корона Римская была достойнымъ возмездіемъ трудовъ его молодости. И въ новѣйшей исторіи можемъ найти подобные примѣры. Фридрихъ Великій въ первую кампанію, не слыжавъ еще шакъ

сказашь выспрѣла , самъ , водилъ войска , завоевалъ Шлезію и проч.

Въ нынѣшнемъ соспояннн наукъ чрезъ метафизическое и метафизическое соединеніе правилъ и наблюдений опносіпельно движенія и дѣйспвія войскъ произошли двѣ важныя опрасли челоѵчeskихъ познаній: *Тактика* и *Стратегія*. Изъ нихъ первая содержишь въ себѣ правила движенія и дѣйспвованія разнаго рода войскъ , сообразно съ ихъ предназначеніемъ , различіемъ соспава войскъ пропшвниковъ и мѣспоположеніемъ , на коемъ онѣ могушь находиться; а *Стратегія* научасшь насъ , какомъ образомъ дѣйспвовашь цѣлою армією , сообразно съ цѣлію войны , мѣспноспію той спраны , въ коей она должна пропзводиться , и съ находящимися въ нашемъ распорядкѣ военными пособіями. Но прежде , нежели приступимъ къ системашическому изложенію сихъ наукъ , обратимся къ разспопрѣнію шѣхъ вспомогательныхъ , шѣхъ необходимыхъ сѣденій и заняшій , копорья вмѣспѣ съ оними соспавляютъ полное и совершенное образование военного челоѵка. Онѣ сушь слѣдующія:

а) *Военная Географія*. Общее познаніе каждой спраны , еспеспвенное , военное и политическое положеніе оной , физическія и моральныя свойспва жптелей сушь предметы , шребующіе великаго вниманія. Всякой народъ имѣсшь особья какія либо преимущесспа опъ природы ,

или учрежденія ему свойственныя. Земля, въ которой есць хорошія лошади и которой жи- шели сушь, шакъ сказашь, природныя всадники, шаквая земля можешь имѣть лучшую конницу. Горныя жилили всегда способнѣе вести войну на гориспыхъ мѣстахъ и проч. Изъ древнихъ наро- довъ Римляне на сіе обрацали всегда особое внима- ніе. Они упошребляли все усиліе, дабы имѣть, Нумидійскихъ коней, Кришскихъ спрѣлковъ, Ба- лкарскихъ пращниковъ, Родоскіе корабли. Сло- вомъ: ни одинъ народъ не пригошвлялъ войны споль мудро и не вель ее споль смѣло; а посе- му-по Іосифъ Флавій говоримъ, что *война для Римлянъ была размышленіемъ, а миръ ученіемъ.* И въ новѣйшія времена Французы должны бы- ли вести войну совсѣмъ другимъ образомъ съ Вашингтономъ, въ Испаніи, и наконецъ въ Рос- сіи, нежели въ Италіи, Германіи, и проч.

б) *Военная Топографія.* Сколько знаніе Воен- ной Географіи нужно для опредѣленія способа *вести войну* въ опношеніи политическомъ и военномъ, сполько же Топографія или наука мѣсположеній необходима, дабы привести оный въ дѣйствіе; ибо не довольно имѣть об- щаго свѣденія шой обласпи, которую должно заняшь, но необходимо оную знать подробно, особливо же часпности, шѣсно соединенныя съ военными предпріяшями, и еспешивенныя пре- пяшшвія, сходно съ коими начальникъ обязанъ

располагать планъ свой. »Мѣсположеніе«—говоришь Монтекукулли — »есть великая и единственная книга войны; кто не умѣетъ въ ней читать, тотъ долженъ довольствоваться званіемъ храбраго воина и не претоваться имени полководца.«

с) *Военный глазомѣръ* или искусство, посредствомъ коего узнается, какое мѣсположеніе болѣе или менѣе выгодно для того или другаго рода войскъ. Извѣстно, что оный бываетъ двоякаго рода: *механический* и *умственный*. Вычисленіе и навыкъ служатъ основаніемъ перваго. Второй же родъ глазомѣра есть неотъемлемый даръ природы, удѣлъ генія. Онъ можетъ усовершенствоваться, но ничѣмъ не претовращается. Къ военному глазомѣру принадлежатъ *черченіе плановъ*. Сіе искусство не различно съ наукой глазомѣра и весьма важно. Одной памяти недоспапочно къ изображенію всего видѣнаго, а потому излагаются на бумагу положенія определенныхъ глазомѣромъ предметовъ, и такимъ образомъ составляются планы, копорые должно начертывать съ особою рачительностью; ибо сообразно съ ними располагаются движенія войскъ.

d) *Фортификація*. Война есть непрерывное нападеніе и оборона, и слѣдовательно Тактика и Фортификація должны вмѣстѣ управлять

всѣми движеніями. Тактика соединяетъ и разделяетъ для выгоднѣйшаго движенія войска, долженствуюція сражаться открыто; Фортификація же, прикрывая ихъ посредствомъ внѣшнихъ препятствій, доставляетъ имъ возможность прошивиться большому числу. Она есть искусство, научающее соразмѣрять положеніе, видъ и пользу сихъ препятствій и показывающее силу оныхъ.

е) *Артиллерія*. Съ пѣхъ поръ, какъ введеніе огнеспрѣльныхъ орудій нанесло послѣдній ударъ рыцарству и уничтожило военныя машины древнихъ, Артиллерія содѣлалась самою полезною принадлежностію войскамъ, необходимою для прибавленія силы онымъ. Правила, какъ употреблять ее при разныхъ оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ, составляютъ предметъ *Тактики Артиллеріи*. Но для сего прежде должно знать дѣйствіе сихъ орудій, дабы судить, какихъ успехов можно ожидать отъ размѣщенія оныхъ, сообразно общему разположенію арміи или частныхъ отрядовъ.

г) *Математика*. Мы уже видѣли пользу, производящую отъ изученія Топографіи, Фортификаціи и Артиллеріи; послѣ сего нѣтъ надобности объяснять пользу Математики, безъ коей сіи науки не могли бы существовать и

копорая, такъ сказать, одушевляешъ ихъ и приводишь въ систему. Сверхъ того безъ оной не можно изчислять маршей армій, ея различныхъ движеній и всего относящагося до времени и распоянія. По симъ-то причинамъ во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, Математика почиается главнымъ предметомъ, служащимъ настояющимъ основаніемъ всѣмъ прочимъ, и въ семъ-то отношеніи надобно понимать совѣтъ Лойда: *воевать по правиламъ Геометріи а).*

г). *Военная исторія.* «Читайте со вниманіемъ — говорите Наполеонъ — описанія походовъ Александра, Аннибала, Цезаря, Густава, Тюрена, Евгения и Фридриха; поспавляйте ихъ себѣ образцемъ. Это есть единственное средство содѣлать великимъ полководцемъ и достигнуть тайны военного искусства.» б).

в) *Обершенное познаніе службы и положенія солдата.* Войско есть машина, управляемая полководцемъ. Частіи оной суть люди. Но не лзя составить яснаго понятія о цѣломъ, не имѣя такого же о частяхъ, оное составляющихъ. Мудрый преобразователь Россіи, Пепръ Великій

а) *Memoires politiques et militaires de Lloyd.*

б) *«Lisez, relisez les campagnes d'Alexandre, Annibal, César, Gustave, Turrenne, Eugène et de Frédéric; modelez-vous sur eux; voilà le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre les secrets de l'art de la guerre.» (Maximes de guerre de Napoléon, pag. 45).*

оспавиль доспославный въ испоріи примѣръ, самъ исправляя обязанности солдата. Благодарительнымъ и опеческимъ попеченіемъ Преимниковъ онаго нынѣ въ Россіи заведены военноучебныя заведенія, въ коихъ молодые люди обучающія вышеозначенному знанію самымъ нечувствительнымъ и необременительнымъ образомъ.

і) *Чтеніе классическихъ военныхъ писателей.*
 Познаніе всѣхъ отраслей военного искусства не будетъ доспапочно, если оно не будетъ усовершенствовано чтеніемъ образцовыхъ о сихъ предметахъ сочиненій. Но для сего недоспапочно еще одного вниманія и памяти; оно пребуешъ глубокаго размыпленія и соображенія. Древняя испорія предспавляетъ намъ примѣръ полководца, образовавшаго себя сего рода чтеніемъ, въ особѣ Филопемена, кошораго по справедливости называютъ послѣднимъ и великимъ Грекомъ. Плущархъ объясняетъ намъ способъ, употребленный имъ, дабы содѣлаться паковымъ. »Болѣе всего«—говоритъ сей писатель—»Филопемень любилъ читать разсужденія Эвангела, называемыя Такпикою, п. е. искусствомъ спроиць войска въ боевой порядокъ, и испорию походовъ Александра Великаго. Онъ былъ увѣренъ, что всегда должно соображать слова съ дѣйствіями и читать для того только, чтобы учиться лучше дѣйствовать. Прочитавъ на

спавленія и правила Тактики, онъ не искалъ доказательства въ черепажахъ, но примѣнялъ ихъ къ самому мѣстоположенію. Во время своихъ прогулокъ, прилежно замѣчалъ положеніе высокихъ и низкихъ мѣстъ, всѣ престѣченія и неправильности мѣстоположеній, всѣ движенія и препяшшвія, коимъ подвержены пѣхота и конница, спѣсняемыя или раздѣляемыя ручьями, оврагами и дефилеями, и разсмотрѣвъ все подробно, разсуждалъ о томъ съ пріятелями своими. «

Сей примѣръ доказываетъ намъ, ММ ГГ. что для военнаго человѣка ни одна минуша не должна быть пошерна; разсмотриваніе природы, путешествіе, самыя гулянья, словомъ: все можетъ служить и должно служить къ его наученію.

II.

ОДИНЪ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ а).

ПОВѢСТЬ БАЛЬЗАКА.

... »Никто еще не рассказывалъ намъ никакого Парижскаго приключенія, какъ оно случившя въ Парижѣ, со всеми фантастическими принадлежностями Парижа: ибо, я спою крѣпко, въ Парижѣ очень много фантастическаго.»

ЛАТУРЪ МЕЗЕРЕЙ.

§ 1.

ГОСПОЖА ЖЮЛЬ.

Есть въ Парижѣ нѣкопорья улицы, сполькожь обезславленныя, сколько можешь бышь человекъ, покрытый позоромъ; есть и благо-

а) Повѣсть сія есть одно изъ послѣднихъ произведеній неистощимаго Бальзака. Она намечана въ *Revue de Paris*, какъ первый опрывокъ изъ пакъ названной авторомъ *Histoire de Treize (Исторія Тринадцати)*. Въ довольно длинномъ предисловіи, которое мы оставили безъ перевода, Бальзакъ объясняетъ сіе странное названіе не менѣе страннымъ событіемъ, которое, по увѣренію его, принадлежишь современной исторіи. Онъ рассказываетъ, будто, во время Имперіи, въ Парижѣ существовало *тринадцать человекъ*, сославывшихъ союзъ невидимый и ужасный. Вошь собственныя слова его:

»Въ Парижѣ было тринадцать братьевъ, кои принадлежали другъ другу, казались совершенно незнакомыми въ

родныя улицы; еспь улицы проспо добрыя; еспь молодыя, о нравспвенноспи коихъ публи-

«свѣтъ и, каждый вечеръ, сходились вмѣстѣ, какъ заговорники: они не скрывали другъ отъ друга никакой мысли, попеременно дѣйствуя, подобно Горному Спарцу; «ноги ихъ были во всѣхъ госпнннхъ, руки во всѣхъ сундукахъ, локти на улицѣ, головы у всѣхъ подь подушками. «Безъ зазрѣнiя совѣспи они упопробляли все для исполненiя «своихъ прихотей. Никто ими не начальспвовалъ; никто «не присвоивалъ себѣ никакой власпи; все рѣшалось «увлеченiемъ спраспи, необходимостью обстоятельство. «Это были судьи и палачи, кон, сдѣлавъ себѣ крылья, на «которыхъ могли пролетать всю лѣспвицу общеспвенную «сверху до низу, пренебрегали быше въ ней чѣмъ лебо, нбо могли дѣлать все.»

Такое описанiе кажется слишкомъ романтическимъ для «девятнадцатаго вѣка въ Парижѣ, и въ добавокъ, еще при «всевидѣшемъ окѣ Душе. Изъ нѣкоторыхъ довольно неясныхъ намековъ Бальзака можно еще какъ будто заключить, что сiя невѣдомые *тринадцать* имѣли связь съ пѣльннмъ общеспвомъ, носящимъ спрашное имя *Пожирающихъ (Dévorans)*, которое еоспавляетъ яко бы опраслъ союза «дѣтелей Иерусалимскаго Храма, распроспраненнаго досель «во Фрэнци. Начальники сего общеспва, по увѣренiю же Бальзака, принимаютъ на себя спранныя имена, по большой «часпи носимыя уже ихъ предшеспвенниками, какъ и. п. TREMPRE-LA-SOUBE IX, FERRAGUS XXII, TUTANUS XIII, MASCHE-FER IV, и п. п. Къ числу ихъ принадлежатъ «герой сей повѣспи, копорую авторъ слышалъ будто изъ «устъ одного изъ *тринадцати*, живущаго теперъ спокойно, «подъ власпию законовъ: нбо и все общеспво сiе, послѣ «смерпи Наполеона, рушилось.

Помпоряемъ, что сiя подробноспи кажутся намъ очень
Телеск. Ч. XV.

ка еще не составила понятія; еспь улицы душегубскія, улицы спарыя, гораздо спарѣ самыхъ спарыхъ вдовушекъ, улицы достопочтенныя; улицы всегда чистыя, улицы всегда грязныя; улицы рабочія, ремесленныя, купческія. Корощко сказашь: улицы Парижа имѣють людскія свойства и своею фізіономією внушають извѣстныя опредѣленныя идеи, опъ коихъ не возможно зацѣпиться. Еспь улицы зазорныя, гдѣ вы ни за что не захошите поселиться, и другія, гдѣ охотно согласитесь ушвердить свое жилище. Нѣкопорыя, какъ улица Монмарпръ, имѣють прекрасную голову и оканчивающся рыбьимъ хвостомъ. Улица Мира еспь большая, широкая улица; но она не возбуждаешъ ни одного изъ шѣхъ изящныхъ, благородныхъ ощущеній, кои объемлюшъ душу, способную къ впечатлѣніямъ, среди Королевской улицы, равно не имѣешъ шого величія, кошорое царспвуетъ на Вандомской площади. Когда вы гуляете по улицамъ острова Сен-Луи, шо приписывайте нервическую унылость, овладѣвающую вами, ихъ одиночеству, мрачной фізіономіи домовъ, запуспѣнію огромныхъ па-

спранными. Мы продаемъ ихъ, за что купили: и пошому предлагаемъ сію повѣсть, какъ новый плодъ фантазіи неистощимаго писателя, съ нѣкошораго времени владѣющаго безусловно вниманіемъ Европы. Здѣсь Бальзакъ выдѣлся весь съ своими достоинствами и недоспапками, *Изд.*

лашь. Эпопть оспровъ, предспавляющій собою мершвый прупъ прежнихъ генерал-ошкупщи-ковъ, можно назвашь Венецією Парижа. Бирже-вая площадь шумна, дѣятельна, распупна: она прекрасна только при свѣтѣ луны, въ два ча-са ушра; днемъ, это сокращеніе Парижа; ночью, сонный призракъ Греціи. Улица Траверсьер-Сенп-Оноре не есть ли одна изъ зазорныхъ улицъ? Тамъ громоздящяся маленькіе негодные домишки о двухъ окнахъ, гдѣ, по разнымъ эшажамъ, гнѣз-дящяся пороки, преспуленія, нищета. Тѣсные переулки, лежащіе на сѣверѣ, гдѣ солнце бываешъ только раза при-чепыре въ годъ, супъ переулки душегубскіе: ибо губящъ людей безнаказанно. Правосудіе не мѣшаешся въ это пеперь; но въ старые годы Парламентъ, можещъ быщъ, попре-бовалъ бы на судъ полицейскаго поручика, чпо-бы сдѣлащъ ему выговоръ *по сему предмету*, и, по крайней мѣрѣ, издалъ бы какое нибудь опредѣ-леніе прошивъ улицы, какъ нѣкогда прошивъ париковъ Бовескаго капишула. Между шѣмъ Г. Бенуатонъ де Шапонѣфъ доказалъ, чпо смершность въ сихъ улицахъ превьшаешъ вдвое смершность другихъ. Чпобы совокупить сіе въ одномъ примѣрѣ, возьмите улицу Фроманшо, кошпоя не есть ли вмѣстѣ и убійспвенная и зазорная улица?

Сія замѣчанія, непоспижимыя внѣ Парижа, безъ сомнѣнія будущъ понятны для шѣхъ воль-

ныхъ пружениковъ наблюденія и мысли, поэзи и удовольствія, кои, бродя по Парижу, умѣютъ ловить наслажденія, безпрестанно мелькающія въ спѣнахъ его; для кошорыхъ Парижъ есть прелеснѣйшее изъ чудовищъ: здѣсь, прекрасная женщина; памъ, дряхлый нищій; далѣе, весь новенькій, какъ монета новаго царствованія; въ помъ углу, разубранный, какъ модная женщина. Впрочемъ совершенное чудовище, во всѣхъ отношеніяхъ! Его чердаки соспавляютъ родъ головы, наполненной ученостью и гениемъ; его первые этажи, блаженные желудки; его лавки, наспоющія ноги; опсюда выползаютъ всѣ ходоки и дѣльцы. И какую вѣчно дѣятельную жизнь ведетъ сіе чудовище! Едва упираетъ въ сердць его послѣдняя возня послѣднихъ каретъ, разѣзжающихся съ бала, какъ руки его снова начинаютъ шевелиться у заспавъ: онъ поворачиваетъ, распрямляетъ себя медленно. Во всѣхъ дверяхъ начинается зѣвоша: онъ ходитъ на своихъ крючьяхъ, какъ перепонки огромнаго морскаго рака, невидимо движимья придесятью тысячами муцинъ и женщинъ, изъ коихъ каждый или каждая живетъ въ пространствѣ шести квадратныхъ фушовъ, гдѣ помѣщается кухня, мастерская, кровать, дѣши, садъ, гдѣ ничего ясно не видно и гдѣ все должно видѣть. Суспавы нечувствительно хруспятъ, движеніе общается, улица заговорила. Въ поддень, все

ожило: печки дымятся, чудовище кормится. Попомъ начинаешъ ревѣть: попомъ его пы-
сачи лагъ всѣ зашевелился. Удивительное зрѣ-
лице! Но, о Парижъ, Парижъ! Кпо не любовал-
ся пвоими мрачными захолусьями, пвоими
скрышными проходами, пвоими глухими, без-
молвными и глубокими переулками; кпо не
слыхалъ пвоего ропота, между полуночи и
двухъ часовъ утра: пошь не знаешъ еще пво-
ей насюящей поэзи, пвоихъ чудныхъ, не-
выразимыхъ контрастовъ!

Есть небольшое число любителей, копо-
рые не бѣгаютъ, выпуча глаза, по Парижу, а
выщупываютъ его подногопно; копорымъ
физиономія его пакъ хорошо извѣсна, что
они видяшъ въ ней каждое пятнышко, каждую
бородавочку, каждый пупырышекъ. Для дру-
гихъ Парижъ всегда оспается дивнымъ чудн-
щемъ, непоспижимую смѣсю движенія машинъ
и мыслей, городомъ со спа пысячью романовъ,
головою міра. Но для нихъ онъ бываетъ и пе-
чажнъ и весель, и безобразенъ и красивъ, и живъ
и мершвъ почередно; для нихъ Парижъ есть
одушевленная пварь; каждый человекъ, каждая
частичка дома, предспавляетъ долю клепча-
пой лкани эпого необыкновеннаго существа,
копораго голова, сердце и фантаспическіе нра-
вы совершенно имъ извѣсны. Посему ихъ
можно назвашъ волокишами, влюбленными въ

Парижъ! Они мапинальные поднимающъ носъ въ извѣспномъ углу улицы, зная навѣрное, что найдутъ здѣсь часовый циферблаштъ; безъ запинки говорятъ пріятелю, у котораго пуспа пабакерка: «спупай, волтъ здѣсь! шамъ, на лѣво, продается пабакъ у пирожника, у котораго премиленькая жена!» Путешествовашъ по Парижу, для пакихъ поэповъ, еспъ роскошь весьма раззорительная! Какъ не издержашъ нѣскольکو минутъ предъ живописными приключеніями, драмами, фигурами, картинами, вспрѣчающимися на каждомъ шагу среди сей вѣчно движущейся царицы сполницъ, копорая вся разодрпа афиннами и не имѣешъ ни одного чиспенъкаго уголка: пакъ велико ея снисхожденіе къ слабоспямъ и порокамъ Французскаго народа! Кому не случилось опсправиться со двора, по упру, на край города и, въ часъ обѣда, находиться еще въ деширѣ, не имѣя возможности пробраться дальѣ! Эти люди, конечно, извиняшъ и меня за сіе безуспное вспуленіе, копорое впрочемъ ведешъ къ соображенію весьма поучительному и новому, если только какое-либо соображеніе можешъ бытъ ново въ Парижѣ, гдѣ нѣшъ ничего новаго, даже до спатуи, посспавленной вчерашняго дня, на копорой бродяга-мальчишка успѣлъ уже написашъ свое имя.

И пакъ, еспъ улицы или концы улицъ,

есть нѣкоторыя дома, неизвѣстные, по большой части, людямъ большаго свѣта, гдѣ женщина, принадлежащая къ этому свѣту, не можетъ появиться, не заславивъ думаль о себѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Если эта женщина богата, имѣетъ карету, и замѣчена будетъ пѣшкомъ, переодѣтая, въ одномъ изъ подобныхъ ущелій Парижскаго міра, она подвергается опасности свое доброе имя. Случись это около девяти часовъ вечера, заключенія, къ коимъ она подаетъ поводъ на блюдшело, сдѣлаются ужасны по своимъ слѣдствіямъ. Наконецъ, если эта женщина молода и прекрасна; если она заходитъ въ какой-нибудь домъ на одной изъ подобныхъ улицъ; если въ этомъ домъ ведетъ аллея длинная и шемная, сырая и вонючая; если во глубинѣ этой аллеи брезжетъ блѣдный свѣтъ лампы и въ этомъ блескѣ рисуется опвратительное лицо спарухи съ изсохшими пальцами: то, скажемъ ошкровенно, изъ доброжелательства ко всѣмъ молодымъ и прекраснымъ женщинамъ, эта женщина совершенно поперяна! Она предана на произволь первому знакомому, который встрѣтитъ ее въ подобной трущобѣ. Есть даже такія улицы въ Парижѣ, гдѣ подобная встрѣча можетъ превратиться въ ужаснѣйшую драму, въ драму, исполненную крови и любви, въ насющую драму новѣйшей школы. По несчастію

эпопъ драматическій эффектъ, подобно эффекту всѣхъ новѣйшихъ драмъ, будетъ понятъ немногими; а рассказывашъ испорію публикѣ, не поспигающей вполне всѣхъ доспоинспивъ мѣспности, весьма груспно. Но кто можетъ ласкаться себя надеждою, что его понимаютъ? Мы всѣ умремъ неразгаданные. Эпо девизъ женщинъ и авспоровъ!

Такимъ образомъ, въ восемь часовъ съ половиною вечера, въ переулкѣ Пажевень; въ то время, какъ переулочъ Пажевень не имѣлъ еще камешка на моспвой, копорый бы не слыкалъ какого-нибудь зазорнаго слова; въ направленіи къ переулку Соли, самому шѣспному и самому непроходимому изъ всѣхъ Парижскихъ переулковъ, не выключая самага биспаго угла самой пуспой улицы; въ началѣ Февраля мѣсяца; пому назадъ уже шринадцашъ лѣшъ; одинъ молодой человекъ, по одному изъ шѣхъ случаевъ, копорые не бываюшъ по два раза въ жизни, шѣнкомъ, заворачивалъ угломъ переулка Пажевень, чтобы войти въ улицу Спарыкъ-Августинцевъ, вправо, именно шуда, гдѣ идешъ переулочъ Соли...

Здѣсь-то, сей молодой человекъ, копорый самъ жилъ въ Бурбонской улицѣ, замѣшилъ въ женщинѣ, за копорою совершенно безопасно слѣдовалъ въ нѣсколькихъ шагахъ, нѣкопорое

сходство съ самую прелестнѣйшую изъ Парижскихъ женщинъ, особою чистѣйшей нравственности и совершеннѣйшей красотою, въ которую вѣрнѣе былъ слѣпотою влюбленъ, и влюбленъ безъ надежды: она была за мужемъ!

Въ одно мгновеніе сердце его забилося; нестерпимый жаръ хлынулъ къ груди и разлился по всемъ жиламъ; морозъ пробѣжалъ по спинѣ; и на поверхности головы опразилось невольное содроганіе. Онъ любилъ, онъ былъ молодъ, онъ зналъ Парижъ: и опъ проницательности его не могло скрыться, какому безславію подвергалась прекрасная, богатая, молодая женщина, прогуливающаяся здѣсь, такимъ пресупно-украдочнымъ шагомъ. Она, въ шапкѣ грязи, въ такое время!...

Любовь, которую сей молодой человекъ питалъ къ этой женщинѣ, могла бы показаться весьма романческою, иль бы болѣе, что онъ былъ офицеръ Королевской гвардіи. Если бы онъ былъ изъ пѣхоты, это было бы еще вѣроподобно: но, будучи штаб-офицеромъ кавалеріи, онъ принадлежалъ къ шой частіи Французской арміи, которая ищетъ наибольшей быспроты въ своихъ завоеваніяхъ и которая хвастается своимъ волокипскимъ костюмомъ и нравами. Не смотря на шо, спросъ его была спросъ насмѣшная и многимъ юнымъ сердцамъ могла бы показаться высокою. Онъ любилъ эту женщи-

ну, пошому что она была добродѣтельна: любить ея добродѣтель, цѣломудренную прелесть, величественную чистоту, какъ драгоценнѣйшя сокровища своей пайной сираспи. И эта женщина была дѣйствительно достойна внушить одну изъ тѣхъ плашоническихъ привязанностей, кои подобно цвѣтамъ мелькають среди кровавыхъ сираницъ и ужасовъ времени среднихъ; бытъ сокровеннымъ началомъ всѣхъ дѣйствій молодого челоука; возбудишь любовь споль же выпреннюю, споль же чистую, какъ небо, когда оно лазурно; любовь безнадежную, коей предаюшя навсегда, пошому что она никогда не обманываетъ; любовь, впрочемъ богатую изспулненными наслажденiями, особенно въ шомъ возрастѣ, когда сердце кипишь, воображенiе пылаешъ, и между тѣмъ глаза видяшь очень ясно.

Въ Парижѣ бывають ночи съ эффектами необыкновенными, чудными, непоспижимыми; и тѣ шолько, кои любятъ наблюдать ихъ, знаютъ, какъ женщина можетъ показашься фантаспическою при сумеркахъ. Иногда созданiе, кошорое вы прелсѣдуете случайно или съ намѣренiемъ, кажется вамъ легкимъ, сильфомъ; чулокъ, особенно если онъ очень бѣлъ, заспавляетъ васъ предполагашъ споненькую, прелестную ножку; шадя, коня закушанная въ шаль или въ шубу, предспавляется очаровашельно гибкою и сладо-

спрасною во мракъ; наконецъ двусмысленное мерцаніе лавки или уличнаго фонаря обливаешъ незнакомку бѣглымъ свѣтомъ, почти всегда обманчивымъ, который пробуждаешъ, разжигаетъ воображеніе, и бросаешъ его далеко за предѣлы истины. Тогда чувства закипаютъ: все оцѣпляешся и оживаетъ! Бываютъ мгновенія, когда существо сіе перестаетъ быть женщиной, становится демономъ, волшебнымъ лепечущимъ огонькомъ, который васъ влечетъ за собой, силою непреодолимаго магнетизма, до какого-нибудь чуждаго домика, коего бѣдная хозяйка, испугавшись вашихъ шаговъ или спуска, производимаго сапогами, хлопываетъ вамъ подъ носъ двери, остерегаясь взглянуть на васъ.

Дрожащій свѣтъ, проливавшійся изъ оконъ лавки одного сапожника, освѣтилъ внезапно, въ самомъ обхватѣ, палію женщины, находившейся впереди молодаго человѣка. Ахъ! это она точно! Она одна владѣла шайною, рисовалась въ походкѣ такъ спройной и вмѣстѣ такъ цѣломудренной, открывающей, во всей чистотѣ невинности, красоты формъ самыхъ очаровательныхъ. Это была ея упренная шаль и бархатная шляпка. На сѣромъ шелковомъ чулкѣ, ни одной мушки; на башмакѣ, ни одного грязнаго пынышка. Шаль плотно обвивала бюстъ; скрадывая опчаспи его прелестныя

контуры; но молодой человекъ видалъ эти алебасровыя плеча на балахъ и зналъ, какія сокровища шаятся подъ эвою шалью. По способу, какимъ Парижанка заверпывается въ свою шаль, пошому, какъ она поднимаетъ ногу свою на улицъ, пронцапельный человекъ угадываетъ шайну ея сокровеннаго пупешествія. Чшо-шо прешешное выражаетъ въ ея походкѣ: она, кажешся, вѣситъ менѣе . . . идетъ, идетъ . . . или лучше, несешся, какъ звѣздочка, увлекаемая мыслию, коей вѣроломно измѣняютъ сгибы ея волнующагося плашья.

Молодой человекъ ускорилъ свои шаги, опередилъ женщину и обернулся взглянуть на нее. Ахъ! она исчезла въ аллеѣ, коей рѣшешчатшья вороша съ звонкомъ проскрыпѣли и прозвенѣли. Молодой человекъ воропился и увидѣлъ, чшо она, принявъ почшпительный поклонъ опъ старой приврашницы, во глубинѣ аллеи пошла на излучиспую лѣспницу, коей первыя спупени были освѣщены ярко. И она поднималась по нимъ шакъ легко, шакъ быспро, какъ полько можетъ и должна женщина, сгарающая шерпвнѣмъ..

— Чшо это?.. сказалъ про себя молодой человекъ, опскочивъ и прильнувъ къ спѣнѣ на пропшвуположной споронѣ переулка. И онъ разспошрѣлъ все, несчаспный!..

Эшо былъ одинъ изъ шѣхъ домовъ, коихъ

тысячи находяпся въ Парижѣ: домишка под-
лый, грязный, тѣсный, желпобураго цвѣпа, въ
чешыре эшажа и при окошка. Лавки и анпре-
соли занимались сапожникомъ. Доцапыя спо-
ры перваго эшажа были закрыты. Куда шла
она? Молодому человѣку послышался звонъ ко-
локольчика во впоромъ эшажѣ. Въ самомъ дѣлѣ,
свѣпъ заколыхался въ двухъ окнахъ, весьма яр-
ко освѣщенныхъ, и освѣпилъ шрешье, коего
темнопа по видимому означала первую комнапу,
вѣрояпно служившую госпиною или споло-
вою кварпирь. Топчасъ образовался туманно
сулуэпъ шляпки; дверь зашворилась и первая
комнапа снова погрузилась во мракъ. Потомъ
оба послѣднія окна снова оцвѣпились прежнимъ
багровымъ блескомъ.

Тупъ молодой человѣкъ услышалъ крикъ:
згей! берегись! и получилъ шлочокъ въ плечо.

— Вы ничего не видите! . . . сказалъ грубый
голосъ. То былъ голосъ рабочаго, который ша-
пилъ на плечахъ длинную доску.

Рабочій прошелъ. Эпо былъ человѣкъ, какъ
будшо нарочно посланный Провидѣниемъ ска-
зашъ дозорцику: »Чшо пы мѣшаешься не въ свое
дѣло! Думай о своей службѣ и оставь Пари-
жягъ занимать свои хлопотишками!»

Молодой человѣкъ сложилъ креспомъ руки;
попомъ, не видя никого, выронилъ на свои

щеки нѣсколько крупныхъ слезъ ярости, кои оспавилъ скопишься, не опирая. Наконецъ видѣ шѣни, рисовавшейся на эпикѣ двухъ освѣщенныхъ окнахъ, сдѣлался для него слишкомъ прятоспенъ: онъ взглянулъ вверхъ по улицѣ Спарыхъ Августинцевъ, случайно, какъ человекъ въ опчаяніи, и увидѣлъ фіакръ, сплющій возлѣ спѣны, въ такомъ мѣспѣ, гдѣ не было ни дверей дома, ни свѣща изъ лавки.

— Она ли эшо? Не она ли эшо? ..

Жизнь или смерть для любовника! И онъ рѣшился ждашь. Онъ оспавался здѣсь цѣлый вѣкъ, продолжавшійся двадцать минутокъ. Наконецъ женщина вышла: и тогда онъ призналъ совершенно шу, кошорую любилъ шакъ спраспно. Но ему все еще хотѣлось сомнѣваться. Незнакомка подошла къ фіакру и сѣла въ него.

— Домъ всегда оспанешся здѣсь! его всегда можно обшарить! сказалъ про себя молодой человекъ.

И онъ послѣдовалъ за карешою бѣгомъ, дабы разсѣяшь свои послѣднія сомнѣнія! И вскорѣ не оспалось ни малѣйшей ихъ шѣни!

Фіакръ оспановился въ улицѣ Ришелье, передъ магазиномъ цвѣповъ, возлѣ переулка Менаръ. Здѣсь дама, выпедши изъ фіакра, вошла въ магазинъ, ошослала деньги кучеру и выпшла опяшь, выбравъ себѣ марабу. Марабу для ея прекрасныхъ черныхъ волосъ! Брюнетка, она поднесла

перья къ своей головѣ, чѣобы видѣшь ихъ эффектнѣе. Офицеру показалось, чѣпо онъ слышалъ разговоръ ея съ цвѣточницею.

— Ничего не можешъ бышь лучше для бровешпокъ! Ихъ коншуры какъ-по слишкомъ рѣзки; марабу придаюшъ имъ мягкосшь. Гжа Герцогиня де * * * говоришъ, чѣпо онѣ сообщаюшъ женщинамѣ чѣпо-по фантасмическое, оссиановское, чѣпо-по *très comme il faut*!

— Очень хорошо! Пришлипежь мнѣ ихъ поскорѣе!

Попомъ дама быспро повернула въ переулокъ Менаръ и вошла въ свой домъ.

Когда двери за ней зашворились, молодой влюбленный, поперявъ всѣ свои надежды и, сугубое несчастіе! разочаровавшись въ самыхъ драгоценнѣйшихъ своихъ вѣрованіяхъ, понесся по Парижу, какъ угорѣлый, какъ пьяный, и вскорѣ очутился дома, не зная, какъ дошелъ шуда.

Онъ бросился въ кресла, обхващивъ голову обѣими руками, и поспавилъ ноги предъ пылающій каминъ, оспавляя безопасно сушишься, даже горѣшь свои мокрые сапоги. Эпо была минута ужасная, одна изъ шѣхъ минушъ, когда, въ жизни человѣческой, характеръ перемѣляется и поведеніе лучшаго человѣка записывшъ опъ счастливаго или несчастнаго на

правленія его перваго дѣйствія. Провидѣніе или судьба, выбирайше!

Эпопъ молодой человекъ принадлежалъ къ хорошей фамилии, коей благородство было однако не очень старо: но теперь во Франціи такъ мало старинныхъ фамилій, что все молодые люди безспорно слывутъ старинными. Его прадедъ купилъ себѣ должность Советника въ Парижскомъ Парламентѣ, гдѣ и сдѣлался Президентомъ. Сыновья его, имѣвшіе прекрасное воспитаніе, пошли въ службу и, по связямъ своимъ, достигли ко Двору. Революція вымела изъ Франціи все ихъ потомство: но осталась одна старая упрямая вдова, которая ни за что не рѣшилась на эмиграцію; которая, будучи брошена въ тюрьму, обречена смерти, и спасшись 9 перидора, возвратила свое имущество. Въ благопріятное время, около 1804 года, она выписала во Францію своего внука, Августа де Моленкура, последнюю и единственную опрашу Шарбоннонъ де Моленкуръ, который и былъ воспитанъ доброю вдовою съ проявою попечительностію матери, старинной дворянки и упрямой вдовы. Потомъ, когда наступила республика, молодой человекъ, будучи семнадцати лѣтъ отъ роду, вступилъ въ Мезон-Ружъ, слѣдовалъ за Королемъ въ Геннъ, сдѣлался офицеромъ гвардіи, откуда вышелъ въ линейную службу, но былъ снова вызванъ въ

гвардію, гдѣ и находился въ сіе время, двадцати прехъ лѣтъ, командиромъ эскадрона кавалеріи: послѣ завидный, коимъ онъ одолженъ былъ своей бабушкѣ, умѣвшей, не смотря на преклонность лѣтъ, очень хорошо обрабатывать свои дѣла!

Сія двойная біографія естъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ, сокращеніе общей и частной исторіи всѣхъ эмигрантскихъ семействъ, у коихъ были долги и помѣстья, спарыя бабушки и искусство жить.

Гжа Баронесса де Моленкуръ имѣла у себя домашняго друга, спараго Видама де Палье, бывшаго Мальшійскаго Командора. Эпо была одна изъ тѣхъ вѣчныхъ дружескихъ связей, кои основываются на шестидесятилѣтней давности и копорыхъ ничто не можетъ разрушить, потому что во глубинѣ ихъ скрываются всегда нѣкоторыя изъ любопытныхъ тайнъ сердца человѣческаго, кои весьма занимательно разгадывать, когда естъ на то время, но изъяснить въ двадцати спрокахъ не возможно, и копорыя могутъ сослужить шекспъ для цѣлаго сочиненія въ чепырехъ томахъ, занимательнаго не менѣ знаменитаго *le Douen de Killeringe*, одного изъ тѣхъ швореній, о копорыхъ молодые люди говорятъ и судятъ, не чинал.

И шакъ Августъ де Моленкуръ принадлежалъ къ Сен-Жерменскому предмѣстью по своей ба-
Телеск. Ч. XV.

бушкѣ и Видаму. Двух-вѣковой древности доспапочно было, чпобы внушишь ему мнѣнія и осанку пѣхъ, кои возводили происхождение свое ко временамъ Кловиса. Эпо. былъ молодой человекъ, блѣдный, длинный, щедушный, мягкій по наружности, но съ понятиями чести и съ храбростью. Онъ выходилъ на дуель безъ разбора за да и за нльтъ: но еще не былъ ни разу на полѣ битвы, хопя и носилъ въ пеплицѣ крестикъ Почетнаго Легиона. Эпо была одна изъ живыхъ ошибокъ респавраціи, можешъ бышь, самая извинительная. Молодежь того времени не походила на молодежь никакой другой эпохи. Ей довелось жить между воспоминаніями имперіи и эмиграціи, между старыми преданіями двора и новыми понятиями мѣщанства, между религіею и космомированными балами, между двумя политическими вѣрованіями, между Людовикомъ XVIII, кошорый сморѣлъ впередъ, и Карломъ X, кошорый сморѣлъ назадъ. Сія молодежь, неръшительная ни въ чемъ, слѣпая и ясновидящая, не считалась ни во что спариками, зависливо державшими въ своихъ дряхлыхъ рукахъ бразды правленія, шогда какъ монархія могла бышь спасена шолько ихъ удаленіемъ и призваніемъ шой юной Франціи, надъ кошорою и нынѣ смѣюпся еще старые докпринеры, сіи эмигранты респавраціи. Августъ

де Моленкуръ былъ жерпвою идей, пягопгъ-впихъ надъ сею молодежью: и вопгь какимъ образомъ.

Видамъ, въ восемьдесятъ семь лѣтъ, былъ все еще большой оспрякъ, копорый много жилъ, много видѣлъ, умѣлъ хорошо разсказывать всякую всячину, былъ человекъ добрый, любезный, но въ опношеніи къ женщинамъ имѣлъ самыя скверныя понятія. Онъ ихъ любилъ и презиралъ. Ихъ чеспъ, ихъ чувспва? ... Та! па! па! Вздоръ и пуспяки!.. Въ глаза онъ вѣрилъ имъ, эпо бывшее *удовище!* не противорѣчилъ никогда и успупалъ во всемъ верхъ. Но между пріяпелями, когда рѣчь доходила до нихъ, Видамъ посшавлялъ главнымъ правиломъ, что обманывашъ женщинъ, веспи множеспво инпригъ сплошь и рядомъ, должно быть единспвеннымъ заняпиемъ молодыхъ людей, копорые сбивались съ прямого пуши, мѣшаясь во всякое другое дѣло. Груспно рисовашъ порптрешъ споль успарѣлый: онъ являлся буквально вездѣ; и шеперь почти шакже выпперся, какъ порптрешъ гренадира Имперіи. Но Видамъ имѣлъ слишкомъ суцеспвенное вліяніе на судьбу Г. де Моленкура. Онъ проповѣдывалъ ему нравспвенность на свой манеръ и спарался всячески обрапншъ его къ образу мыслей и дѣйспвованій, господспвовавшему въ минувпій великій вѣкъ волокишспва.

Вдова, женщина добрая и набожная, образецъ крошечности и благочестія, но одаренная пѣтъ непреодолимымъ упрямствомъ любезности, которое мало по малу порожествуетъ надъ всѣмъ, хотѣла сохранить своему внуку всѣ прекрасныя мечпы жизни и воспитала его въ самыхъ лучшихъ началахъ. Но чрезъ то она изнѣжила его удивительнымъ образомъ, такъ что сдѣлала изъ него самаго робкаго челоуѣка, насмѣющаго дурачка по наружности. Его чувствительность, сохранившаяся во всей чистотѣ, не распоченная наружу, оспалась въ немъ такъ робкою, такъ щекотливою, что онъ весьма живо оскорблялся такими поступками и правилами, коимъ свѣтъ не приписываетъ никакой важности. Слыдясь своей застенчивости, молодой челоуѣкъ скрывалъ ее подъ обманчивой самонадѣянностью и спрадалъ впайнѣ: передъ людьми, вмѣстѣ съ ними, онъ издѣвался надъ вещами, кои обожалъ внутренно. Посему скоро испыталъ горестъ обмана; ибо, по довольно обыкновенной прихотливости судьбы, встрѣпилъ въ первомъ предметѣ своей спраспи—онъ челоуѣкъ самой нѣжной меланхоліи и спиритуалисптъ въ любви—такую женщину, которая не могла пергѣтъ Нѣмецкой саншменпальности.

Тогда молодой челоуѣкъ предался сомнѣніямъ, сдѣлался мечпашелемъ и погрузился въ поску,

жалуюсь, что его не поняли. Попомъ, такъ какъ мы шѣмъ сильнѣе домогаемся вещей, чѣмъ доспиченіе ихъ для насъ труднѣе, продолжалъ любить женщинъ, съ шѣми упонченнымъ кокепспвомъ, съ шѣми аптекарски расчипанными нѣжноспями, коихъ пайною владѣюшъ женщины, но въ коихъ, можетъ быть, онѣ хопяшъ имѣшъ совершенную монополию. Въ самомъ дѣлѣ, хопя женщины и жалуюсь, что муцины дурно умѣюшъ любить ихъ, не смопря на то сами очень мало бываюшъ расположены къ шѣмъ, въ коихъ душа полу-женская. Все превосходспво ихъ соспощъ въ умѣни заспавляшъ муцинъ вѣришъ, что они гораздо ниже ихъ въ любви: почему сами охошно бросаюшъ любовника, какъ скоро онѣ сполько не опышемъ, что хопешъ похипишъ у нихъ опасенія, коими онѣ однѣ хопяшъ украшались: сіи сладкія муки ложной ревности, сіи огорченія обманушой надежды, сіи щепетныя ожиданія, коропко сказашъ, весь снарядъ мнимыхъ женскихъ несчастій. Онѣ не могушъ терпѣшъ Грандиссоновъ. Нѣшъ ничего прошивнѣ ихъ природѣ, какъ любовь мирная и спокойная. Онѣ шребуюшъ поспрасеній: счастье, кошорое не чувспвуешся, для нихъ не есть счастье. Души, имѣющія доспачочно силы для шого, чтошбы внесли безконечное въ любовь свою, соспавляюшъ въ женской напурѣ ангельскія исключенія и сущъ поже между

женщинами, что высокіе шворческіе гени между мужчинами. Великія спраспи также рѣдки, какъ образцовыя промзведенія искусства. Въ подобной любви нѣтъ ничего, кромѣ спачекъ, кромѣ мгновенныхъ, преходящихъ раздраженій, презрѣнныхъ, какъ все мѣлкое и ничтожное.

Среди сихъ сокровенныхъ мученій сердца, опыскивая женщину, копорая бы могла понять его—идея, копорая, замѣшимъ мимоходомъ, соспавляетъ основную идею любовнаго кодекса нашей эпохи—Августъ вспрѣшилъ въ области, самой далекой отъ него, въ шой сферѣ денежнаго міра, гдѣ банкъ занимаетъ первое мѣсто, созданіе самое совершенное, одну изъ шѣхъ женщинъ, въ коихъ есть что-то святое и небесное, копорыя внушаютъ сполько уваженія, что любовники имѣютъ нужду во всѣхъ корощкоспяхъ долговременнаго и шѣснаго знакомства, дабы опважиться на объясненіе. И пакъ Августъ предался наслажденіямъ спраспи самой прогашельной и самой глубокой, любви чистю обожашельной. Эпо была бездна желаній безпреспанно подаваемыхъ, оппѣнки чувства споль неопредѣленные и споль глубокіе, споль бѣглые и споль поразительные, наконецъ споль шонкіе и непримѣшныя, что не знаешь, съ чѣмъ и сравнишь ихъ: они подобны благовошіямъ, парамъ, лучамъ солнцамъ, игрѣ шѣни, всему, что въ

природѣ можешъ въ одно мгновеніе блеснуть и исчезнуть, ожить и умереть, оспавляя въ сердцѣ долговременныя поспрашенія. Въ по время, когда душа еще сполько юна, что можешъ предаваться мечпамъ, и опдаленнымъ надеждамъ, находишь въ женщинѣ болѣе, чѣмъ женщину, въ по время, не ешь ли самое величайшее блаженство, какое сполько можешъ доспаваться въ удѣлъ человеку, любишь сполько, чтобы, припронувшись къ бѣлой перчаткѣ, опашнувшись локономъ волосъ, услышавъ одну фразу, поймавъ одинъ взглядъ, чувствовашъ болѣе наслажденія, нежели сколько можешъ доспавить самое необузданное обладаніе? Такъ люди опверженные, безобразныя, несчастныя, любовники непризнанныя, женщины и мужчины заспѣнчивыя, одни сполько знакомы со всеми сокровищами, кои заключаешъ въ себѣ голосъ любимой особы: его переливы, коихъ испочникъ и начало скрывается во глубинѣ души, приводящъ сердца ихъ въ такое шѣсное соотношеніе, освѣщающъ ихъ шакъ ярко и бывающъ шакъ рѣдко обманчивы, что часпо одинъ звукъ содержишь въ себѣ всю развязку. Какихъ чаръ не изливаешъ въ сердце поэта гармоническій звонъ нѣжнаго голоса! Сколько идей пробуждаешъ! Какою обливаешъ свѣжеспѣю! Любовь шашся въ голосъ, прежде чѣмъ изобличаешся взоромъ. Августъ, поэтъ

на манеръ любовниковъ — ибо есць поэты, копорые чувспвуютъ, и поэты, копорые въражаютъ, и первые гораздо счастливѣе послѣднихъ — Августъ упивался сими первыми, споль обильными, споль неисчерпаемыми воспорами. Она обладала самымъ обольспительнымъ органомъ, какого сполько можетъ пожеласть женщина, чшобы обманывать, сколько душъ ея угодно: она имѣла эпошь серебряный голосъ, шихій для проспаго уха, но сплькомъ звучный для сердца, копорое смущаетъ и волнуетъ, лелѣетъ и вмѣстѣ нисровергаетъ...

И эша женщина шла пѣшкомъ, ввечеру, переулкомъ Соли, возлѣ переулка Пажевень! И эша великолѣпная спрасъ вдругъ разрушилась!...

Видамъ быть правъ.

— Если она измѣняетъ своему мужу, мы описшимъ за себя!...

Любовь скрывалась еще въ эпошь если... Философическое сомнѣнне Декарпа есць въжли-восъ, копорую мы всегда обязаны добродѣтели.

Десять часовъ пробило.

Въ сию минушу Баронъ де Моленкуръ вспомнилъ, чшо эша женщина должна быть на балѣ, въ одномъ домѣ, куда онъ имѣлъ входъ. Топ-

часъ онъ одѣлся, поскакалъ, пріѣхалъ, и явился въ залъ, опыскивая ее всюду съ мрачнымъ видомъ.

Хозяйка дома, видя его пакъ занятымъ, сказала:

— » Вы не находите Гжи Жюль!... Она еще не пріѣзжала!«...

— Здравствуй, милая!.. сказалъ одинъ голосъ.

Августъ и хозяйка обернулись. Гжа Жюль была здѣсь. Она пріѣхала, одѣтая въ бѣлое платье, просто и благородно, съ пѣми именно марabu на головѣ, копорыя въ глазахъ Барона выбрала себѣ въ магазинѣ. Эпошъ драгоценный голосъ пронзилъ сердце Августа. Еслибъ онъ умѣлъ пріобрѣсти малѣйшее право, которое дозволилобъ ему ревновать къ сей женщинѣ, онъ бы могъ окаменишь ее однимъ словомъ:

— Переулочъ Соли!...

Но онъ, человекъ совершенно пдспоронній и чужой, могъ пысячу разъ повпорить се слово на ухо Гжѣ Жюль; и она полькобы съ удивленіемъ спросила его: что все эпо значить? И пакъ онъ глядѣлъ на нее съ бессмысленнымъ видомъ.

Для людей злыхъ, копорыя смѣются надъ всѣмъ, можешь бышь, соспавляешъ большую забаву владѣшь тайной женщины, знашь, что ея скромность лжива, что ея спокойное лице

скрываетъ глубокую мысль, что подъ ея непорочнымъ челомъ шапся ужасная драма. Но еспь люди, коихъ подобное зрѣлище огорчаетъ до глубины души: и многіе, кои явно смѣются надъ симъ, возвращаясь домой и оспавшись одинъ на одинъ съ своею совѣстью, проклинающъ свѣтъ и презирающъ сію женщину.

Тоже было съ Августомъ де Моленкуръ въ присущствіи Гжи Жюль. Положеніе спрванное! Между ними не было другихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, кои соспавляются въ свѣтъ между людьми, размѣнивающимися парюю словъ разъ семь или восемь въ зиму; и онъ пребо-валъ у ней опчеша въ счаспій, въ коемъ она не была никогда учаспницей. Онъ судилъ ее, не давъ знашь ей, что она виновата. Часпо подобныи обспояпельства бывающъ съ молодыми людьми, когда, возвращаясь домой, они предаются опчаянію, что разорвали навсегда союзъ съ женщиной, обожаемой впайнѣ и впайнѣ осужденной, обреченной презрѣнію. Эспо сокровенные, безвѣстные монологи, слышимые полько спѣнами уединеннаго убѣжища; бури, раждающіяся и упишающія, не выходя изъ глубины сердца; удивительныя сцены нравспвеннаго міра, заслуживающія имѣть своего живописца!

Гжа Жюль съла, оспавивъ своего мужа, который пошелъ кругомъ госпиной: но съвши, она чувспвовала себя въ нѣкошоромъ прину-ж-

дени. Говоря съ своею сосѣдкою, она бросала украдкою взгляды на Г. Жюля Демаре, своего супруга. Вошь испорія эпой чепсы.

Г. Демаре, за пяшь лѣтъ до своего супружества, былъ въ услугахъ у одного биржеваго агенша, не имѣя никакого соспоянiя, кромѣ скуднаго коммиссіонерскаго жалованья. Но эпо былъ одинъ изъ пѣхъ людей, коихъ несчаспiе рано знакомишь съ жипейскими дѣлами и копорые идупъ одною прямою дорогою, съ поспояншвомъ насѣкомаго, возвращающагося въ свою норку; одинъ изъ пѣхъ упрямцевъ, копорые мершвы для всѣхъ препяшпвiй и ушомляюшь всякое шерпѣнiе безопвязнымъ шерпѣнiемъ мокрицы. Посему, будучи молодъ, онъ имѣлъ всѣ добродѣтели бѣдноспи: былъ презвѣ, скупъ на время, врагъ удовольспвiй: жилъ ожиданiями. Впрочемъ природа наградила его величайшими преимущеспвами со спороны наружноспи. Его чело было спокойно и число; профиль лица крошокъ, но выразишелень. Его проспые прiемы изобличали жизнь спрудолкобивую и смиренную, но вмѣспѣ съ пѣмъ высокое личное доспоинспво, запечапльнное важностью сокровенное благородспво сердца, могущее успояпть швердо во всѣхъ обспояпельспвахъ. Скромность его внушала нѣкопорый родъ почшенiя всѣмъ, кои его знали. Впрочемъ, одинокий среди Парижа, онъ видалъ свѣшъ поль-

ко изрѣдка, въ шѣ немногія минушы, когда, по праздникамъ, бывалъ въ госпиной своего папрона.

Человѣкъ сей, какъ и большая часшь живущихъ подобнымъ образомъ, имѣлъ спраспи удивительно глубокія и обширныя, коимъ шѣсно было изобличаѣть себя въ мѣлкихъ, обыкновенныхъ обспояшельспвахъ. Бѣдность обязывала его веспи жизнь самую спрогую; онъ подавлялъ свои прихопи излишешвомъ шрудовъ. Прокопшѣвъ надъ цифрами, онъ опдыхалъ, спараясь обогощаѣть себя познаніями, кои нынѣ необходимы для всякаго, желающаго въ свѣшѣ сдѣлаться замѣчашельнымъ, какъ бы по ни было, въ шорговлѣ, предъ судилищемъ, въ полипикѣ или въ липерашурѣ. Единспвенный подводный камень, вспрѣчаемый подобными прекрасными душами, еспъ самая ихъ доброша. Если увидяшъ они бѣдную дѣвушку, шо влюбляюшся, женияшся и испощаюшъ все свое бышіе въ борбѣ между нищешой и любовью. Ихъ чесплюбіе погасаетъ въ приходорасходной книгѣ домашняго обихода. И Жюль Демаре попалъ именно на эшощъ подводный камень.

Въ одинъ вечеръ онъ увидѣлъ у своего папрона молодую дѣвушку рѣдчайшей красопы. Несчастныя, липенные воѣхъ привязанноспей и испощающіе свои прекраснѣйшіе дни въ шажкихъ шрудахъ, одни знаюшъ шайну шѣхъ

бѣспрыхъ опуспошеній, кои спраспъ произ-
водишь въ сердцахъ одинокихъ, непризрѣнныхъ.
Они шолько умѣюшъ испинно любить; всѣ ихъ
силы сосредоточиваюшся пакъ мгновенно на
женщинѣ, ими овладѣвшей, чпо, въ присупсп-
ни ея, они упиваюшся самыми сладоспнѣйшими
чувспвованіями и часпо не обнаруживаюшъ ни-
какого. Для женщины самый оболсппшельнѣй-
шій эгоизмъ соспопшъ въ помѣ, чшобы угадаль
сйо неподвижностъ спраспи, сн раны шполь глу-
бокія, чшо нерѣдко поспребно бываешъ нѣсколь-
ко времени, дабы онѣ ошкрылись видимо, на по-
верхности человѣческой. Сн бѣдняки, анахорепы
среди Парижа, имѣюшъ всѣ наслажденія анахоре-
повъ и иногда могушъ подвергаться ихъ иску-
шеніямъ; но всего чаще обманутые, непонятые,
ошвергнутые, они рѣдко имѣюшъ дозволеніе соби-
рашъ сладкіе плоды сей любви, копорая для
нихъ всегда еспъ цвѣпъ, падающій съ неба. Одной
улыбки, одного звука голоса доспапочно было,
чшобы внушишь Жюлю Демаре спраспъ без-
предѣльную; и по счаспію сосредоточенное пла-
мя сей спраспи ошкрылось во всей чиспошѣ шой,
копорая ее вдохнула. Тогда они полюбили другъ
друга и полюбили съ испупленіемъ. Корощко
сказашъ, они схващили безъ спыда другъ друга за
руки среди свѣпа, какъ двое дѣшей, брапъ съ
сеспроку, желая пробишся сквозъ шолпу, копорая
любяшъ ими, раздвинулась и дала имъ мѣспо.

Молодая дѣвушка находилась въ одномъ изъ шѣхъ ужасныхъ положеній, въ которое эгоизмъ повергаетъ нѣкопрыхъ дѣшей. Она не имѣла званія: богатство ея было не велико. Жюль Демаре былъ самый счастливейшій человекъ, узнавъ сіе несчастіе. Еслибъ Клеменція принадлежала къ какой-нибудь богатой фамиліи, онъ бы не имѣлъ надежды получить ея: но она была бѣдна — и сдѣлалась его женою! . .

Съ шѣхъ поръ начался для Жюля Демаре непрерывный рядъ успѣховъ; и каждый, завидуя его счастью, обвинялъ его въ шомъ, что ему все удавалось, не принимая въ расчетъ ни его добродѣтелей, ни усилій. Спустя нѣсколько дней послѣ замужства дочери, мать Клеменціи, которая въ свѣтѣ слыла ея крестною матерью, присовѣщивала Жюлю купить званіе агента, обѣщая промыслишь всѣ нужные капиталы. Въ то время званія сіи продавались еще за умеренную цѣну.

Вечеромъ, въ самой залѣ его папрона, одинъ богатый капиталистъ, по рекомендаціи сей же самой дамы, предложилъ Жюлю весьма выгодную покупку, какую только можно было сдѣлать, давъ вмѣстѣ всѣ нужные фонды для обзаведенія; и на другой день счастливый комиссіонеръ купилъ званіе своего папрона. Въ чепыре года, Жюль Демаре сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ чле-

новъ своего сословія. Весьма значительные кліенты присоединились къ шѣмъ, коихъ имѣлъ его предшественникъ. Онъ внушалъ безпредѣльную довѣренность; и между шѣмъ, въ ходѣ дѣлъ, какъ онѣ ему предсавлялись, не лѣзя было не признавъ шайнаго вліянія, копорое онъ приписывалъ своей шещѣ или другому невѣдомому покровительству, ниспосланному Провидѣніемъ. Въ концѣ прешьяго года, Клеменція потеряла свою креспную мать.

Въ сіе время, Г. Жюль, копорого называли шакъ въ ошличіе ошъ спаршаго брата; бывшаго нопаріусомъ въ Парижѣ, имѣлъ уже около двухъ сотъ тысячъ ливровъ годоваго дохода. Въ Парижѣ не было другаго примѣра счастья, коимъ наслаждалась сія чеша. Въ продолженіе пиши лѣтъ спокойствіе ея было возмущено шолько однажды клеветною, за копорую Г. Жюль ошмспилъ весьма разишельно. Одинъ изъ его спаринныхъ шоварицей приписывалъ Гжѣ Жюль богатство ея мужа, изъясняя сіе какимъ-шо высокимъ покровительствомъ, весьма дорого покупаемымъ. Клеветникъ былъ убитъ на дуэли.

Глубокая спрасъ обоихъ супруговъ другъ къ другу, не ослабляемая бракомъ, имѣла большой успѣхъ въ свѣшѣ, хопя доваждала многимъ женщинамъ. Всѣ уважали ошаспливую чешу: всѣ ошпали ее привѣшпвіями и ласка-

ми. Г. и Гжа Жюль были искренно любимы, можешь быть попому, что нѣтъ ничего пріятнѣе видѣть, какъ людей счастливыхъ; но они никогда долго не оспавались въ госпинныхъ и неперпѣливо оспавляли ихъ, дабы, подобно двумъ заблудившимся голубкамъ, лептѣть назадъ въ свое гнѣздышко. Впрочемъ это гнѣздышко были огромныя и прекрасныя палашы на улицѣ Менаръ, гдѣ изящный вкусъ умѣрялъ пу пышную роскошь, копорую денежныя люди хваспаются по преданію, и гдѣ оба супруга принимали весьма великолѣпно, хотя мало любили свѣтскія обязанности. Г. Жюль не чуждался людей, зная, что рано или поздно всякое семейство должно имѣть въ нихъ нужду; но онъ и жена его, посреди общесства, были всегда подобны пересаженнымъ, спраждающимъ распенямъ.

По разборчивости весьма еспеспвенной, Жюль скрывалъ щипательно ошъ жены своей клевету и смерть клеветника, копорый едва не успѣлъ возмушнить его счастья. Гжа Жюль, по своему совершенно художественному, изящному расположенію, любила роскошь. Но не смотря на грозный урокъ дуэли, нѣкопорыя нескромныя женщины говорили другъ другу на ухо, что Гжа Жюль должна находишся въ большой нуждѣ. По ихъ выкладкамъ, спа пысячь франковъ, кои мужъ давалъ ей на шуалешъ и другія

прихопи, не могло доспавашь на ея издержки. Въ домѣ дѣль, ее часпо находили гораздо нарядиѣ у себя дома, чѣмъ въ госпяхъ; ибо она любила наряжашься полько для своего мужа, желая ему доказашь всякую минушу, что онъ для ней всего дороже на свѣстѣ. Эпо была любовь испинная, любовь чистая, любовь сполько счастливая, сполько можетъ быти любовь гласная. Равно и Г. Жюль, всегда любящій, день опо дня влюбленнѣ, счастливыи полько подлѣ своей жены, даже самими ея прихощами, безпокоился, какъ скоро не видалъ ихъ въ ней, какъ будшо эпо былъ признакъ какой нибудь болѣзни.

И на подобную спрасъ имѣлъ несчаспие попасъ Августъ де Моленкуръ! Въ эшу женщину онъ влюбился до шого, что пошерялъ голову. Впрочемъ, не смопря на выпренносъ своей спраспи, онъ не былъ ни мало смѣшонъ: спокойно покорялся всѣмъ шребованіямъ военныхъ обычаевъ и нравовъ; но всегда, даже когда пилъ въ шумной бесѣдѣ Шампанское, сохранялъ пошпъ меланхолическій видъ, по молчаливое презрѣніе къ бышню, по облачное лице, кошорое, по разнымъ правамъ, принадлежило людямъ прѣсшщеннымъ, людямъ мало довольнымъ изнуренною жизнію, наравнѣ съ шми, кои считающъ себя слабогрудыми или жалуются на боль сердца. Любишъ безъ надежды,

имѣль отъвращеніе къ жизни—это нынѣ въ порядкѣ общественнаго бытiя. Но покушеніе овладѣль сердцемъ королевы, можетъ бытъ, сопровождалось бы большими надеждами, чѣмъ любовь, мiтаемая безразсудно къ счастливой женщинѣ: посему Моленкуръ имѣль доспапочныя причины оставаться суровымъ и мрачнымъ. Королева имѣетъ еще противъ себя суешность своего могущества: но добродѣпельная мѣщанка есть насполицій ежъ, наспоицая усприца, въ жеспкой оболочкѣ; а юриспруденція *Антони* въ по время еще не существовала!

Въ эту минушу молодой офицеръ находился возлѣ своей шайной любовницы, копорая безъ сомнѣнiя не умѣла бытъ вдвойнѣ невѣрною. Она держала себя весьма просподушно, какъ женщина, наименѣ искуспвенная, кропкая, исполненная спокойнаго величiя. Чпо за бездна человѣческая природа! Прѣжде вспупленiя въ разговоръ, Баронъ поочередно смощрѣль по на жену, по на мужа. Сколько мыслей приходило ему въ голову! Въ одно мгновение пересочинилъ онъ вновь всѣ Юнговы Ночи! Между шѣмъ музыка гремяла; свѣшъ разливался опѣ пысячи свѣчь; балъ давался у банкира: по былъ одинъ изъ шѣхъ заносчивыхъ праздниковъ, коими золопо-слипковой мiръ денежныхъ людей усиливается запмишь испершую мишуру ариспокрапическихъ госпипныхъ, гдѣ

веселое общество Сен-Жерменскаго предместья въ то время смѣялось и шутило, не предчувствуя, что банкъ скоро завоеуетъ Люксембургъ и овладѣетъ трономъ. Тогда заговоры безопасно панцовали, также мало заботясь о будущихъ банкротствахъ власпи, какъ и о банкротствахъ биржи. Раззолоченныя залы амфипріона имѣли по особенное одушевленіе, которое Парижское общество, веселое, по крайней мѣрѣ, по наружности, придаетъ Парижскимъ праздникамъ. Здѣсь люди съ палангами сообщаютъ глупцамъ свой умъ, а глупцы сообщаютъ имъ пошлый счастливыи видъ, который ихъ оплачиваетъ; сею мѣною все оживляется. Но праздникъ въ Парижѣ всегда походитъ нѣсколько на пышный огонь фейерверка: оспроуміе, кокетство, наслажденіе, все здѣсь блещетъ и гаснетъ немедленно, подобно ракетамъ.

— Такъ чтожь? сказалъ наконецъ самъ себя Августъ, въ формѣ заключенія. Спало бышь, женщины именно по, чѣмъ ихъ считаешь Видамъ! Конечно, тѣ, которые здѣсь панцуютъ, всѣ менѣе безукоризненны, чѣмъ Гжа Жюль... И между тѣмъ Гжа Жюль ходитъ по переулку Соли!...

Переулокъ Соли былъ его болѣзнь: одно это слово корчило ему сердце.

— Вы вѣрно никогда не панцуете, сударыня? спросилъ онъ ее.

— » Вошь уже преній разъ, какъ вы дѣлаете мнѣ эпольть вопросъ, съ начала нынѣшней зимы! « ошвѣчала она, улыбаясь.

— Но вы, можете бышь, никогда на него не ошвѣчали?

— » Да! правда! «

— Я зналъ очень хорошо, что вы шакже лукавы, какъ всѣ женщины....

Гжа Жюль продолжала улыбаясь.

— » Послушайте, сударь, если я скажу вамъ наспоющую причину, она вамъ покажется смѣшною; а, по моему мнѣнію, нѣтъ никакого лукавства скрывать шайну, надъ копорю люди имѣють привычку смѣяться. «

— Всякая шайна, сударыня, вѣррется шолько дружбѣ, копорой я безъ сомнѣнія не доспоинтъ. Но вы можете имѣть шолько благородныя шайны: и не ужели вы считаеете меня способнымъ смѣяться надъ шѣмъ, что заслуживаетъ уваженіе? ...

— » Да! « ошвѣчала она. » Вы, какъ и всѣ другіе, смѣшаетесь всегда надъ чувствами бѣдныхъ женщинъ; вы ими ругаетесь. Впрочемъ, у меня нѣтъ шайны. Я люблю своего мужа предъ лицемъ всего свѣша: говорю это вслухъ и горжусь шѣмъ. И если вы будете смѣяться, узнавъ ошъ меня, что я не шанцую ни съ кѣмъ, кромѣ его, то я буду имѣть самое дурное понятіе о вашемъ сердцѣ... «

— Такъ вы не панцовали никогда, ни съ кѣмъ, съ самага вашего замужеспва?

— » Никогда, сударь!.. Я никому не подавала никогда руки, даже не чувспвовала ни чьего въ свѣлпѣ прикосновенія. . . «

— Даже вашъ медикъ вамъ не щупаль пульса? ..

— » Волпъ вы уже и смѣшесь! . . «

— Ныпъ, сударыня! Я только дивлюсь вамъ, попому, чпо понимаю васъ. Но. . . вы позволяете слышпль вашъ голосъ, позволяете васъ видѣпъ. . . вы позволяете нашимъ глазамъ любовашься. . .

— » Ахъ! эпо крайне огорчаешъ меня! « опвъчала она, перерывая. » Я бы желала, чпобы замужня женщина могла шакже жить съ своимъ мужемъ, какъ любовница съ своимъ любовникомъ; ибо, въ шакомъ случаѣ. . . «

— Въ шакомъ случаѣ, за чѣмъ же были вы, назадъ пому часа два, ппшкомъ, переодѣшая, въ переулкѣ Соли? ..

— » Чпо эпо за переулокъ Соли? « сказала она.

И ея голосъ, все шакже чпспый, не изблпчплъ никакого движенія; ни одна черпа не поколебалась въ ея лицѣ; она не покраснѣла и оспалась совершенно спокойною.

— Какъ! вы не входили во впорой эшакъ од-

ного дома, на улицѣ Сфарыкхъ Августинцевъ, угольнаго къ переулку Соли? Вы не оспавляли въ десяти шагахъ опшполѣ фіакра и не воропились пошомъ, въ улицу Рипелъе, къ цвѣшочницѣ, гдѣ выбрали эпи самыя марабу, кошпорыя шеперь на вашей головѣ? ..

— «Нынѣ вечеромъ я совсѣмъ не выходила со двора!»

Солгавъ пакимъ образомъ, она оспалась спокойною и веселою; шолько опахнула въеромъ; но шоптъ, кпо имѣлъ бы право положить руку на ея поясъ, среди спины, вѣрно нашель бы его взмокшимъ.

Въ сію минушу Августъ вспомнилъ уроки Видама и сказалъ Гжѣ Жюль:

— Такъ эшо была женщина, кошпорая удивительно на васъ походилъ!

— «Если вы, сударь» — сказала она — «способны преслѣдовать женщину и подсматривать ея секреты, шо позволите сказать вамъ, что эшо дурно, очень дурно... И я шполько васъ уважаю, что ни мало не вѣрю вамъ!» ..

Августъ опошель, спалъ передъ каминомъ и, по видимому, погрузился въ задумчивость. Онъ наклонилъ голову: но его взоръ былъ мрачно прикованъ къ Гжѣ Жюль, кошпорая, не думая объ игрѣ зеркалъ, бросила на него два или три взгляда, проникнушыя ужасомъ. Пошомъ

дала знакъ своему мужу и, подавъ ему руку, пошла пройпись съ нимъ по заламъ.

Когда она проходила мимо Г. де Моленкура, по сей послѣдній, разговаривая въ то время съ однимъ изъ своихъ друзей, сказалъ громко, какъ будшо опшвѣчая на вопросъ:

— Вопъ женщина, копорая въ эту ночь вѣрно не будетъ спать покойно. . . .

Гжа Жюль оспановилась; бросила на него грозный взглядъ, исполненный презрѣнiя, и пошла далѣе, не думая, что еще подобный взглядъ, схваченный ея мужемъ, могъ подвергнуть опасноспи ея счастье и жизнь двухъ человекъ.

Августъ, преданный въ добычу ярости, копорую задушилъ во глубинѣ своего сердца, вскорѣ вышелъ, заклывшись проникнуть въ спонипригу. До опгѣзда, онъ искалъ Гжу Жюль, чтобы увидѣшь ее еще разъ; но она исчезла. Какая драма брошена была въ эту молодую голову, въ высшей степени романическую, какъ всѣ шѣ, кон не извѣдали любви во всей обширноспи, ей приписываемой! Теперь онъ обожалъ Гжу Жюль новыиъ манеромъ: онъ любилъ ее съ неистовспвомъ ревноспи, съ бѣшенными шерзанiями надежды; ибо, невѣрная своему мужу, эта женщина спановилась для него обыкновеннымъ созданиемъ; онъ могъ предашья всѣмъ наслажденiямъ счастливой любви; и его воображенiе

уже вскрывало предъ нимъ безбрежную перспективу воспорговъ обладанія. Королко сказалъ: если онъ перья ангела, то находилъ прелестнѣйшаго демона. Онъ легъ, спроя тысячи воздушныхъ замковъ, оправдывая Гжу Жюль какимъ-нибудь романтическимъ благошвореніемъ, но самъ шому не вѣря. Потомъ рѣшился съ слѣдующаго утра посвящать себя разысканію причинъ, инпересовъ, узловъ, скрывавшихся въ оей цайнѣ. Въ головѣ у него былъ цѣлый романъ, или лучше драма, гдѣ онъ имѣлъ самую важную роль

(до слѣдующей книжки).

III

ЖИВОПИСНЫЕ САДЫ

ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ

ЕВРОПЫ.

»Я построилъ прекраснѣйшіе сады!« говоритъ Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ другу своему Аппику: »hortos aedificavi pulcherrimos!« И дѣйствительно, Римляне строили, а не рисовали свои сады. Разсматривая, сіи колоннады, смѣшанные съ деревьями, сіи аллеи, наполненныя статуями, сіи шпирассы изъ Пендлицческаго мрамора

съ безчисленными ступенями, сіи порфировыя вазы, сіи прекрасныя обелиски, коими сады ихъ были усыяны съ такимъ великолѣпьемъ и изобиліемъ, не лзя не признашь вѣрнымъ употребленнаго Цицерономъ выраженія: *»hortos aedificavit»*. Сей архитектурный стиль, сіе обыкновеніе спрощь, а не рисовашь сады, сохранилось въ новѣйшей Италіи. Здѣсь природа играетъ впороспешенную роль: она подчиняется скульптурѣ и зодчеству. Она порабощена искусству: или лучше, сіе послѣднее, сознаваясь въ своемъ безсиліи украситъ природу, опказывающа измѣняясь ея, спановишся съ ней рядомъ и довольствуется прошивупоспавленіемъ своихъ созданій созданіямъ вѣчной своей соперницы.

Французы не говоряшь, какъ Римляне, *строить садъ*, а *рисовать садъ* (*dessiner un jardin*): сіе выраженіе равно точно и знаменательно. Спаринный Французскій садъ былъ не что иное, какъ геометрическій планъ, *обрисованный* со всею правильностію и симметриєю. Онъ располагался по равномѣрнымъ линіямъ: циркуль, ваперпасъ и наугольникъ, управляли его устройствомъ: въ немъ были квадраты, ромбы, полукружія, параллелограммы. Наспояцій Французскій садъ спариннаго стиля поже въ отношеніи къ Италіянскому парку, чпо нарядный судейскій паркъ, съ своими симметрическими кудрями и нудрою, въ сравненіи съ пре-

красными еспешпвенными локонами, перевиптыми жемчугомъ и золошомъ. Да и понынѣ, не говорипся ли у Французовъ *carré de tulipes* (квадратъ тюльпановъ)? И выраженіе *plate-bande* (цвѣпная п.лоса) не еспѣ ли свидѣпельствошой однообразной правильности, на копорую нѣкогда осуждали себя Французскіе садовники?

Въ Англіи упопрелбляется выраженіе *садить садъ* (to *plant* a garden), шочно шакже, какъ и въ Германіи. Сіе выраженіе шакже вполне прилично спидю Англійскихъ садовъ. Я не намѣренъ здѣсь говорипш о шѣхъ чудовищныхъ созданіяхъ, комни Англія обязапа своимъ оригиналамъ, людямъ безъ вкуса, гоняющимся шолько за спранностию и необычайностию; о шѣхъ песпрыхъ, разноцвѣпныхъ садахъ, загроможденныхъ кіосками, обелисками, пагодами, кипайскими мостами, переброшенными чрезъ сухую дорогу; о новыхъ развалинахъ, пародіяхъ священнодревности, и о прочихъ запѣяхъ, выдумываемыхъ капризами больныхъ головъ. Наспояцій Англійскій садъ принадлежиптъ Англіи не болѣе, какъ и всякой другой спранѣ Европы. Совершенство его соспощъ въ искусствѣ приспособляпся къ мѣспностиамъ, извлекапъ изъ нихъ всевозможные эффекты, выказывапъ во всемъ блескѣ прекрасную бархатную мураву Великобританіи, располагапъ ея зеленые луга и ма-

спишыя дубы въ пріяшной для глазъ перспективѣ. Даже въ Голландіи, унылая монопонія видовъ, прямыя жилы каналовъ, покрытыхъ сугами, почва лишенная всякаго разнообразія, измѣняющіяся и какбы поправляющіяся умѣньемъ садовника-пейзажиста. Сей художникъ (имя эпо въполнѣ ему приличесшвуесть) не долженъ, какъ обыкновенно думаютъ, все переламывать и переспровивать, воздвигать холмы шамъ, гдѣ прежде были озера, и напрошивъ, корошко сказавъ, шворить своими руками природу новую, небывалую. Онъ изучаетъ ландшафтъ, ему ввѣренный, и въ немъ самомъ обрѣшаетъ всѣ средства его усовершенствованія; пользуется еспешвенными почками зрѣнія; располагаетъ группы деревьевъ и цвѣшовъ съ искусствомъ, но безъ всякой изысканности и припязательности. Однимъ словомъ, онъ шолько помогаетъ природѣ и служитъ ея красотѣ.

Изящный садъ, называемый у Англичанъ *садомъ-ландшафтомъ* (*landscape-garden*), еспъ явленіе, воспрѣчаемое гораздо рѣже, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Обѣхавъ большую часть Европы и Америки, мы не много нашли образцовъ, кои можно указать любителямъ. Прихоши хозяевъ больше любяшъ пропшвишья, чѣмъ служить природѣ; и самыя спранныя причуды обезображиваютъ рисунки большей части знаменитыхъ садовъ. Въ Трехъ Соединенныхъ Коро-

двухъ особенно встрѣчаются образцы самыхъ нѣжныхъ спранныхъ вмѣстѣ съ прекраснѣйшими искусственными ландшафтами.

Я уже сказалъ мысль мою о садахъ Италіи. Но не смотря на то, я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы презирать сей спилъ безусловно. Безумнобыло поразить анаемой еи прекрасные регулярные парки, кои художники пятнадцатаго и шестнадцатаго спольспій устали своими дивными созданіями. Конечно, великолѣпныя черпы Италіянскаго ландшафта исчаютъ подѣ рукою архисектора. Подѣ симъ огненнымъ небомъ, на сей раскаленной землѣ, вы съ удивленіемъ встрѣчаете большія опкрыпья аллеи, цирки, украшенные спашуями и лишенные пѣни, мраморные храмы, огромные портики, наполненные чудесами зиждипельнаго рѣзца. Но Италіянскій ландшафтъ, споль пыщный и вмѣстѣ споль суровый, являешся во всемъ своемъ блескѣ сполько въ ущеліяхъ Апруццовъ и въ долинахъ Ломбардіи. Берегивешся замыкать въ предѣлахъ парка ея вѣковые дубы, ея развѣсившыя виноградники! Лѣса ея имѣютъ сплькомъ много еспешвеннаго величія; просѣки и озера заключаютъ въ самихъ себѣ поэію сплькомъ могущественную: сплькѣ чпо рукъ человѣческой нечего прибавлять къ ихъ очаровательной красотѣ.

И сплькѣ спощриве, какъ на памятникѣ

зодчесіва, на шеррасы и спашуи Борромейскихъ Оспрововъ или на прекрасныя сады Боньоли близъ Флоренціи, замѣчательныя образцы Италіянскаго сипилія. Здѣсь больше спашуй, чѣмъ боскеповъ; больше мрамора, чѣмъ цвѣшовъ. При всемъ нашемъ предрасположеніи къ Англійскимъ паркамъ, къ бархатной зелени газоновъ и мрачнымъ излучинамъ аллей, мы огорчилисъ бы до глубины души, еслибъ сіи оспашки искусствва, кошорое скоро должно исчезнушь, испребилисъ совершенно. Кпо не чувспвуешъ, что Версаль, съ своими грабинными аллеями, съ своими несмѣнными полчищами боговъ и богинь, естъ изображеніе цѣлаго вѣка? Кпо согласилсъ поперяшь навсегда сіи великія воспоминанія время минувшихъ? По расположенію плановъ и соображенію подробностей, по устройству перспективы и распорядженію массъ, сіи длинныя подъѣзды изъ мрамора всѣхъ цвѣшовъ, сіи дремучіе лѣса древнихъ вазъ и спашуй, расположенныхъ эпажами посреди аллей, имѣютъ въ себѣ нѣчто очаровательное, подобно декораціямъ театра. Оспановивешъ здѣсь, во время лѣпней ночи, когда луна разсыпаетъ свой серебрянный блескъ, или ушромъ, когда легкой вѣперокъ спруиетъ зеркальныя воды, оправленные въ бронзовыя и мраморныя рамы бассейновъ; вы почувспвуете гораздо живѣе волшебную красоту Версали,

чѣмъ при дневномъ ослѣпительномъ сіяніи. Или лучше посыпите Оспрова Борромейскіе а; это совершеннѣйшій образецъ спилля, о копоромъ мы шеперь говоримъ! Облокопишесь на

а) Группа Борромейскихъ Острововъ, находящихся среди Большаго Озера, представляетъ самый живописнѣйшій видъ, какой только гдѣ-либо встрѣчается. Можно противоположивъ сей картинѣ развѣ только смѣющіеся ландшафты береговъ Воспорскихъ или группы острововъ при входѣ въ Неаполитанскій заливъ. Весьма странно, что географы довольствуются только простымъ наименованіемъ Большаго Озера и Борромейскихъ Острововъ, не удаляя ни одной строчки ихъ описанію. Поспашаемся вознаградивъ здѣсь сію небрежность. Большое Озеро заключаетъ въ себѣ до двадцати квадратныиъ ле. Борромейскихъ Острововъ, занимающихъ свое имя отъ богатой Миланской фамили, коей они принадлежатъ, числомъ четыре: Изола-Белла, Изола-Мадре, Изола Сан-Джованни и Део-Пискашори. Графъ Борромео, правнукъ С. Карла Борромео, проводивъ лето попеременно въ двухъ первыхъ. Въ Изолѣ-Беллѣ принималъ отъ Наполеона и Жозефину во время Италіанскихъ кампаній. Чертоги Изолы-Мадре служили убежищемъ Каролинѣ, супругѣ Георга IV, желавшей погребсти во мракѣ свѣзъ свою съ Кремонцемъ Бергамъ. При выходѣ изъ долины Гравеллонской, не доходя до Бавено, Большое Озеро представляется взорамъ путешника внезапно, во всей своей обширности. Ничто не можетъ сравниться съ красотою сей великолѣпной картинны. По мѣрѣ приближенія къ ней, постепенно возрастаетъ очаровательность ея удивительныхъ контрастовъ, неисчислимаго разнообразія и гармонической цѣлости. Берега, покрытые роскошною зеленью, образуютъ горизонты; они усыяны городами, деревушками, увесели-

ОДИНЪ ИЗЪ БАЛКОНОВЪ , ВОЗВЫШАЮЩИХСЯ ЭПАЖАМИ НАДЪ СЕЮ ПРЕЛЕСНОЮ ПЕРСПЕКТИВОЮ; И ПОБУДЬШЕ ШАМЪ , КОГДА УШРЕННІЙ ВЪПЕРОКЪ МЧИШЪ ЛЕГКІЕ ЧЕЛНОКИ ПО ГОЛУБЫМЪ ВОЛНАМЪ

пельными домиками; и изъ среди волнъ возникаютъ Борромейскіе Оспрова, подобно огромнымъ цвѣпочнымъ корзинамъ. Изола-Мадра, самый величайшій изъ нихъ, имѣетъ около полу-лье въ окружности. Говоря собственно, это ни что иное, какъ гранитная скала въ ровень съ водою, порытая слоями плодородной земли, гдѣ произрастаютъ алоэ и бабукъ, индійская смоковница и дикій каперсъ: со всѣхъ сторонъ идутъ шпалерники изъ померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ: воздухъ напоитъ ихъ благовоиємъ. На поворотѣ каждой шпалерники развертываются удивительныя виды. Вездѣ приготовлена какая-нибудь нечаянность: здѣсь иноземныя распеиія, изумительныя своею необычайностію; тамъ огромныя сосны; далѣе цвѣсистыя деревья; шустъ боскеты изъ пинсовъ, падубовъ, кипарисовъ и лавровъ. Изола-Белла опустошитъ на полчаса ѣзды отъ Изолы-Мадра. Палаты Графа Борромео, гдѣ выходятъ на берегъ многочисленными мраморными ступенями, имѣютъ прекраснѣйшую наружность. Сады, зависящіе отъ нихъ, образуютъ родъ пирамиды среди оспрова. Издали можно почтешъ ихъ за огромную лѣспницу, усаженную деревьями и всякаго рода распеиіями безчисленныхъ цвѣповъ и опитковъ, коей ступени составляютъ изъ отдѣльныхъ великолѣпныхъ террасъ. Изъ нихъ съ одной на другую ведутъ лѣспницы, опчасни изогнутыя, украшенныя фениксами, вазами, статуями и разными другими фалшаспическими фигурами. Со всѣхъ сторонъ громоздятся купы горпензій, рододендроновъ, камелій, вересковъ. Взоръ ослѣпляется сею удивительною пестротю: обоняніе мочши задыхается въ упоительномъ благовоиіи.

Бель-Респиро, подлѣ заставы Эпуаль, есть совершенно искусственный садъ, коего деревья насажены всѣ весною 1828 года. Архитектура дома Ипаліанская и весьма красива. Располагать можно было небольшимъ пространствомъ. Бронзовая статуя, поставленная при входѣ, производитъ прекрасный эффектъ и вмѣстѣ служить къ измѣренію разстоянія, которое по наружности увеличивается. Впрочемъ, сады сіи, находящіеся внутри городовъ, весьма далеки отъ того, чтобы имѣть занимательность и достоинства сада-ландшафта, коими теперь мы занимаемся.

Паркъ Г. Терно, въ Сент-Уанѣ, лежащій на возвышенномъ берегу Сены, имѣетъ по преимуществу, что владычествуетъ обширную перспективную и разнообразнымъ пейзажемъ. Здѣсь особенно приложены старанія о приведеніи въ гармонию внутренности сада съ окрестнымъ ландшафтомъ. Это условіе есть подводный камень, о копорый обыкновенно разбивается планъ садовника-пейзажиста: и здѣсь оно исполнено весьма успѣшно.

Изъ замка кажется, что всѣ водоемы парка соединяются и даже составляютъ одно съ Сеною, копорая течетъ далѣе: обольщеніе, производимое различными возвышеніями почвы и искусствомъ усроенія перспективы! Большое затрудненіе представлялось владѣльцу: Сена

щегося къ благоговѣнію, на сію толпу фигуръ, безмолвныхъ, неподвижныхъ, иногда прекрасныхъ и высокихъ, на всѣ сіи богатства, извлеченныя изъ земныхъ нѣдръ, на сію величественную регулярность, на сію непреложную симметрію, напоминающую вѣкъ порядка, силы и эпикейта. Вся карпина представляешъ совершеннѣйшую гармонію: каждая дробь содѣйствуетъ эффекту цѣлаго. Должно безъ сомнѣнія сберегать сіи спранные памятники прежняго искусства, сіи живыя ограды, пакъ опряшно выприженныя, пакъ зашѣйливо приколѣнныя ножницами: должно сберегать все, даже до писовъ, искривленныхъ причудами Людовика XIV. Конечно, все это опзывается педантизмомъ и напыщенностію. Вы воспоминаете невольно зашѣйливые парики тойже эпохи, опличающіеся своею гигантскою огромностію и симметрическою правильностію: но съ зрѣлицемъ, представляемымъ сими садами, не можете соединить никакой низкой, пошлой и мѣщанской мысли; и съ перваго взгляда признаете духъ человѣка, который выбрасывалъ изъ своихъ чертоговъ къ лакеямъ грешески Бамбочіо и просподушныя карпины Теньера.

Около половины осьмнадцатаго столѣтія, началъ входить во Францію стиль Англійскихъ садовъ: однако много слѣдовъ прежняго вкуса

качествами: онъ для него не сушь дѣйствительныя спутницы его музы, а невольницы его прихотливаго своенравія, коими онъ безжалостно помыкаешъ, какъ скоро это можетъ служить ему къ вымъщенію досады на жизнь и на время. Его наслажденіе разрушаешъ: и вопль почему спихотворенія его никогда не возвышающъ, не вдохновляющъ, не имѣющъ ничего оправданнаго, умиротворительнаго; онъ изображающъ только неудовольствіе поэта, разъединеніе, существующее между нимъ и дѣйствительною жизнью, которая однако составляетъ для него все. Впрочемъ сіи основныя тоны его бытія, подобно искусному композитору, онъ умѣешъ измѣняешъ до безконечности, сообщая обыкновенной дисгармоніи своей души поочередно выраженія ужаса, опчальнія, чувствительности самой развратной или насмѣшливости самой желчной. И никогда не успѣваешъ онъ спасти или разрѣшитъ въ гармонію сіи диссонансы; ибо ему не достаешъ крошечной гармонической проицы, образуемой вѣрою, любовью и надеждою.

Гейне естъ слишкомъ сынъ своего вѣка: и строгое осужденіе, заслуживаемое имъ во многихъ отношеніяхъ, падаешъ болѣе на духъ времени, чѣмъ на него лично. Такъ, на примѣръ, наглость, которую онъ прошивополагаешъ подлости, чпобы казнить ее, не естъ качество, собственно ему принадлежащее: онъ заимствоваль ее отъ

жизни, среди коей находишься, и выражаетъ шѣмъ съ большою вѣрностію, что употребляетъ обороты самыя обыкновенныя и выраженія свѣжія, соднвныя. Какъ человекъ въ гнѣвѣ, онъ представляетъ вещи преувеличенно, что еще болѣе возбуждаетъ и волнуетъ его желчь. Опшуда и та умственная анархія, или лучше та аномія, шо презрѣніе всякой законности, которое есть величайшій врагъ его; ибо препяпсываетъ ему сообщать своимъ произведеніямъ шо опносительное совершенство, къ которому всякой поэтъ долженъ спремиться.

Въ сикъ-шо прехъ направленіяхъ, въ послѣднія времена, двигались и еще движущіяся большаа часть Германскихъ лирическихъ поэтовъ; шакъ однако, что ихъ не лзя называть подражаателями во всей силѣ слова, ибо множество мѣстныхъ и личныхъ обстоятельствъ имѣютъ необходимое вліяніе на сію отрасль поэзіи. Пришомъ не должно строго размѣщать поэтовъ по симъ премъ категоріямъ; ибо многіе изъ нихъ составляютъ какбы переходъ ошъ одного направленія къ другому: одни успремляясь пошердно шо шуда, шо сюда; другіе спановясь исключительно подъ знамена романтизма и классицизма, или занимаясь лирической, нравственной и гражданской поэзіей прошедшаго вѣка. Я ограничусь замѣчаніемъ, что сѣверные Германцы слѣдовали съ большимъ предрасположеніемъ по дороге,

начерпанной Геше, южные предпочитали манеру Виланда, а ученики Гейне по большой части суть молодые люди, кои, подражая ему, надѣются произвести подобное дѣйствіе. Лирическія стихотворенія Шиллера вообще остались безъ вліянія опносительно къ искусству, хопя все еще сохраняютъ силу чаровать Германію и сдѣлались національною ея собственностию. Его поэзія, идеализирующая и весьма часно основанная на философическомъ размышленіи, переспала нравиться полнѣ, какъ скоро сія послѣдняя вышла изъ подъ владычества генія споль могущественнаго, каковъ былъ самъ Шиллеръ; и сія высокая сила, въ копорою онъ умѣлъ украшать опвлеченія богатѣйшими цвѣтами воображенія, не доспалась въ удѣлъ никому изъ его подражателей; посему они скоро оппали опъ него. Замѣчательнѣйшій между ними есть Христіанъ Шрейберъ.

Еслибъ я захопѣлъ перечислять иеперь всѣхъ поэшовъ, принадлежащихъ къ сей категоріи, то мнѣ надобнобъ было гораздо больше времени на одну Германскую липерашуру, чѣмъ на всю опспальную Европу. И такъ я ограничусь наименованіемъ тѣхъ, кои наиболѣе опличились въ разныхъ родахъ лирической поэзіи.

Въ пѣсни патріотической особенно замѣчательны: Арндтъ, Кернеръ, Фридрихъ Риккершъ, Шенкендорфъ, Людвигъ Фолленіусъ, Пфидеръ; въ

пѣсни эроической: Вильгельмъ Миллеръ, Риккерпъ, I. Кернеръ, Эльмина де Шези, Эрнестъ Шульце. Прекрасныя запольныя пѣсни принадлежатъ Вильгельму Миллеру и Риккерпу. Пѣсня семейная, особый родъ, свойственнѣй Германіи, коей любители принадлежатъ большаго частію къ старой школѣ, сущь пѣ, кои, по выраженію Фосса, любятъ пошалить съ Піэридою, чшобы отдохнуть отъ прудовъ и помочь варенію желудка, мало обращала на себя вниманія въ послѣднія времена: наиболѣе успѣли въ ней Прешцель, Фоссъ, Винклеръ, называющійся иначе Теодоръ Гелль, Шмидтъ фон-Любекъ и Шмидтъ фон-Вернейхенъ, прославленные Гепе въ извѣстной пѣсни: *Musen und Grazien in der Mark*.

Древняя классическая ода обрабатывалась съ особеннымъ успѣхомъ Гризомъ и Плашеномъ, романтическая Римеромъ и Цедлицемъ. Сонетъ, даже по прекращеніи вліянія Шлегелевской школы, былъ любимымъ занятіемъ многихъ опличныхъ паланповъ, какъ-то: Ф. Риккерпа, В. Миллера, Иммерманна, Г. Шваба, Фуке, фон-Калкрейпа, Шпрекфусса, Э. Шульце и другихъ. Элегія была менѣе: наименуемъ однако А. В. Шлегеля, В. фон-Гумбольдта, Э. Шульце, Гельдерлина, Иммерманна.

Пѣсня комическая, въ коей выражается безпечность и радушіе, свойственныя Нѣмцамъ, имѣла усердныхъ и искусныхъ ревнипелей въ

Прешцель, Киндъ, Каспелли, Гризъ, Римеръ, Сп. Шипце, Берманъ и другихъ. Но особенно, въ сии послѣднія времена, Нѣмцы опличились въ романсъ и балладъ, кои соспавляюгъ переходъ отъ поэзи лирической къ эпической. Никакой другой народъ не можетъ съ ними равняться въ семъ отношеніи: ихъ произведенія въ сей отрасли поэзи могутъ быть образцами, какъ по внутренней силѣ, такъ и по наружной формѣ, для всѣхъ другихъ націй, даже для Испанцевъ и Англичанъ, коимъ они первоначально подражали, но коихъ, въ сіе спользіе, смѣло можно сказать, оставили далеко за собою. Первыише Германскіе поэты упражнялись въ семъ родѣ съ любовію и успѣхомъ: и близь именъ Г. Шваба, В. Миллера, Г. Кернера, Иммерманна, Кинда, Шамиссо а), съ доспойными похвалами можно пославить также имена Галирша, Циммерманна, Бехштейна.

Современныя бѣдспвія народовъ вдохнули недав-

-
- а) Людольфъ-Адальбертъ Шамиссо Французскаго происхожденія. Онъ родился въ Шампани, 1781 года, и оставилъ Францію съ родителями во время революци. Теперь онъ совершенный Нѣмецъ. Онъ извѣстенъ многими стихотвореніями и юмористическою сатирою: *Peter Schlemihl* (1814); это исторія челоѣка, потерявшаго свою тѣнь. Шамиссо сверхъ того отличный натуралистъ; и въ семъ качествѣ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта (1818—1818). Теперь онъ находится при Берлинскомъ ботаническомъ садѣ.

но нѣкопорымъ поэтамъ новый родъ лирическихъ стихотвореній, въ коихъ дышашъ преимущественно гнѣвъ и негодованіе. Между многими опличными произведеніями полишической музы, особенно достойны замѣчанія Эллинскія Пѣсни В. Миллера. Наконецъ, по примѣру Гете, многіе лирическіе поэты обратились къ воспоку: Риккерпъ и Л. Шпиглицъ съ наибольшимъ услѣхомъ расчерпывали сей источникъ; особенно Карпины Воспока, принадлежація послѣднему, не лѣзя доспапочно похвалишь для любители поэзіи.

(до слѣдующей книжки).

V.

ЛѢТОПИСИ

ОТВѢСТВЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОСНОВАНІЯ ФИЗИКИ,

Михаила Павлова.

Съ наслажденіемъ и гордостію привѣтствуемъ сей новый плодъ трудовъ достопочтеннаго Профессора, украшающаго Императорскій Московскій Университетъ, горнило Русскаго просвѣщенія. Говоримъ, съ гордостію: ибо опытъ сей можемъ смѣло предсавитъ на судъ ученой Европы и сказали во всеуслышаніе: «мы пакже умѣемъ мыслишь!»

Сіе искреннее выраженіе нашихъ чувствъ да не по-

чпущь возгласомъ журнальнаго приспращія! *Основанія Физики* Г. Павлова находящя въ рукахъ у всѣхъ: и попому всякой можеть повѣрити насъ собшвеннымъ разумѣнемъ. Пущь каждый любознапельный соощечешвенникъ, прочишавъ ихъ съ безприопраспноу внимательностію, положишь руку на сердце и скажеть: предсавлялась ли когда Физика на Русскомъ языкѣ подобнымъ образомъ?

Не смощря на масшпную древностъ своего произхожденія, сія наука, важнѣйшая въ кругѣ ещешешвенныхъ знаній, досель чужда была системашическаго устройсва, сосавляющаго необходимоу, сущешвенную попребностъ каждой науки. Будучи обязана своимъ вещешвеннымъ усоверешешивованіемъ преимущественно Англійскимъ и Французскимъ ученымъ, кои во всѣхъ опрасляхъ знанія любящъ довольсшвовашься ясностію и положишельностію опышныхъ свѣденій, не заботясь о теорешическомъ ихъ благоуспройсшвъ, Физика, въ своихъ лучшихъ современныхъ начертаніяхъ, пользующихся, опносишельно содержанія, досшойно заслуженною славою, предсавляентъ агрегатъ повяшій, складочное депо опышовъ и предположеній о разныхъ явленіяхъ природы, безъ всякой центральноу идеи, которая бы давала имъ наукообразное единсшво и архитекпониическую цѣлосшь. Таковы физическіе курсы знаменнѣйшпихъ Французскихъ Профессоровъ, Біота, Гей-Люсака, Пулье, коихъ можно по справедливости назвашь современными предсавишелями Физики. Въ своемъ введеніи, Г. Павловъ изложилъ подробно ихъ планы, кои опличаются удивишельною произвольностію въ располо-

женіи предспавляемыхъ матеріаловъ; и, что всего еще спранные, сія произвольность есть слѣдствіе умышленнаго пренебреженія всякой системапической послѣдовательности, въ коемъ сіи знаменитые ученые, не спыдаясь, признаются шоржесивно. Весьма любопытны собственныя слова одного Французскаго физика, Г. Дебре, приведенныя Г. Павловымъ въ помѣже введеніи, конми утверждается, что » Физика, будучи соспавлена изъ часпей независимыхъ одна ошь другой, предспавляетъ большую свободу въ выборѣ порядка для ея изложенія; шакъ н. п. послѣ общихъ свойствъ вещества, послѣ шеоріи газовъ и паровъ, почти все равно, начинать ли съ опшки, или съ элекпричества, или съ акустики« а). При шакой увѣренности, могла ли существовать Физика, какъ наука?

Спраннобъ, кажется въ наши времена, опличающіяся возмужалостью просвѣщенія, доказывать необходимость системапического устройства для всякаго знанія, имѣющаго притязанія на имя науки. Порядокъ душа дѣла, говаривали спранныя мудрецы: и сіе изреченіе вошло въ общую пословицу у всѣхъ народовъ. Но порядокъ соспавъ въ благоустроенномъ расположеніи всѣхъ часпей, соспавляющихъ цѣлое; его основаніе есть единство и согласіе: въ дѣйствіи

а) » La physique, étant composée de parties independantes les unes des autres, laisse beaucoup de liberté dans le choix de l'ordre à suivre dans son étude. Ainsi, quand on s'est occupé des propriétés générales de la matière, quand on a donné la théorie des gaz et des vapens, il est à peu près indifférent de commencer par l'optique, l'électricité ou l'acoustique. « осн. физ. с. 38.

лхъ, единство цѣли и согласіе средствъ; въ понятіяхъ, единство начала и согласіе выводовъ. Последнее есть то, что въ логикѣ называется системою. Сіе единство не должно считаться роскошью, безъ которой можно было обходиться: это напротивъ существенная потребность человѣческой природы, необходимая форма всякой разумно-правственной дѣятельности. Ошибаются и тѣ, кои думаютъ, что умственное единство, сообщаемое знаніямъ систематическою формою, есть только школьное пособие къ облегченію ихъ уразумѣнія: ибо если бы это было дѣйствительно такъ, то надлежало бы быть несмысленному множеству системъ, сообразно степенямъ приемлемости разныхъ организацій, возрастовъ и состояній. Тогда было бы столько системъ, сколько умовъ; а, по пословицѣ, *столько умовъ, сколько головъ!* И сіи безчисленно-разнообразныя системы не должны бы были взаимно исключать другъ друга, но всѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, могли бы быть истинны и удовлетворительны. Между тѣмъ пылчелвпнй опытъ доказываетъ, что всякая вновь изобрѣтаемая система, съ безжалостною несдержимостью, разрушаетъ всѣ прочія, любяща властвовать единодержавно, хочеть одна быть исключительно истинною. Это не должно считаться прихотью, своеуравіемъ, эгоизмомъ; напротивъ пайнымъ намекомъ на то, что истинная система, могущая удовлетворить вполнѣ претребованіямъ разума, дѣйствительно должна быть едина. Ибо что есть знаніе, по существу своему? Объятіе мыслимой природы мыслящимъ духомъ, претвореніе бытія въ понятіа. Природа постигается нашими чувствами,

какъ безпредѣльное разнообразіе: и сіе разнообразіе, въ своей необъятной многосложности, погибало бы для нашего сознанія, еслибы понятія, образуемая изъ чувственныхъ впечатлѣній мыслящимъ духомъ, не полагали на него печать единства. Но сами понятія, сіи умственные единицы, сіи недѣлимые явленія мысли, представляють собой новое безпредѣльное разнообразіе: и это разнообразіе точно также погибнетъ для высшаго акта виденія, если умъ не запечатлѣетъ его клеймомъ систематическаго единства. Сіе единство не вымышляется, а угадывается мыслящимъ духомъ: оно не вносится имъ произвольно въ природу мыслимыхъ вещей, а открывается силою прозрѣнія въ ея сокровенныя глубины, гдѣ почиваетъ дѣйствительно, какъ залогъ происхожденія ея изъ ядра вѣчнаго и безпредѣльнаго единства. Сама природа, въ своемъ видимомъ разнообразіи, существенно едина: какъ произведеніе безконечной премудрости, она должна представлять собой самую стройную, самую великолѣпную систему. Духъ нашъ есть не что иное, какъ самосознаніе природы: его мысль должна быть полнымъ, всеобъемлющимъ зеркаломъ бытія; это составляетъ истину, которая есть сущность знанія! Понятіе, въ коемъ чувственное разнообразіе представляемаго явленія, не приведено къ логическому единству, не есть понятіе истинное: это живой призракъ, мечта, умственное ничто! Равнымъ образомъ и цѣлое знаніе, въ коемъ разнообразіе многихъ явленій, уловленныхъ въ понятія, хопя бы сіи понятія опдѣльно сами по себѣ и были истинны, не возведено къ общему систематическому единству,

не есть знаніе полное и совершенное, не есть знаніе истинное, долженствующее вполне насытить требованія ума, коего назначеніе быть полнымъ и всеобъемлющимъ зеркаломъ природы. Вопь изъясненіе потребности системъ во всякой отрасли знанія, необходимо сопутствующее развитію мышленія во все времена и всехъ народовъ! Отрѣкаешься добровольно отъ удовольстворенія сей потребности, значитъ не признавалъ своего разумнаго назначенія, своей духовной природы: умышленно подавляешь ее, значитъ оскорбляешь свою мыслящую силу, унижаешь свое человеческое достоинство! Это умышленное самоубійство, тѣмъ болѣе непрощительное въ наши просвѣщенные времена, когда духъ нашъ имѣетъ все средства наслаждаться полною, роскошною жизнью разумнія и знанія!

У заклыхъ противниковъ системъ обыкновеннымъ возраженіемъ, на которомъ основываютъ они свое ожесточенное упорство, служишь зыбкость и неудовлетворительность всехъ доселѣ существовавшихъ опытовъ систематическаго построенія природы. На сіе стародавнее возраженіе, которое давнобъ слѣдовало бросить въ уголь съ полинявшими париками прощлаго, ничему не вѣровавшаго и все переживавшаго спольщія, въ нынѣшнія времена и отвѣчать спыдно. Изъ безуспѣшности покушеній заключаешь о ихъ невозможности, противно первымъ правиламъ здраваго смысла. Извѣстна логическая аксіома: *a non esse ad non posse non valet consequentia!* Къ ней примыкаешь весьма близко, по внутреннему смыслу, Русская народная пословица: *волка болтъся, въ лѣсъ*

не ходитъ! Человѣкъ, начиная учиться ходишь, безпре-
спанно падаешь: чпожъ бы было, еслибъ сн без-
преспанна паденія должны были повесни къ заклю-
ченію, чпо онъ никогда ходишь не будешь? Гораздо
хипрѣе, но не опаснѣе, шѣ, кои свое опшраценіе
оптъ системъ прикрываюптъ ложнымъ фарисейскимъ
самоуничженіемъ, говоря, чпо осмѣливапшься проник-
нуть во внутреннее единство природы и уловитъ
его въ правильной опредѣленной формѣ, выше силъ
нашего ограниченнаго духа и чпо всякое подобное
припязаніе ума еспъ родъ святопапшской дерзости,
посагающей на шайны, одному Творцу принадлежа-
щія. Эпо совершенная неправда! Для чегожъ намъ данъ
и разумъ самимъ Творцемъ, какъ не для того, чпо-
бы разумъ созданныю имъ природу? И не еспъ ли
сей разумъ искра его вѣчной и безпредѣльной пре-
мудрости? Опкровенное слово Божіе, дарованное намъ
для просвѣщенія еспеспственнаго разумія, безпре-
спанно омрачаемаго заблужденіями, обуздывая зло-
употребленія ложнаго суемудрія, не уничтожаетъ
совершенно довѣренности нашей къ самимъ себѣ, на-
противъ возвышаетъ и ободряетъ ее высокимъ из-
реченіемъ: *невидимая Божія отъ созданія міра тво-
ренъми помышляема видима суть и присносущная
сила Его и Божество!* Само собою разумѣется, чпо
всестороннее, всесовершенное объяніе природы для
насъ невозможно: эпо противорѣчитъ существеннымъ
законамъ бытія, по копорымъ знаніе должно быть
не чпо иное, какъ безконечное уравненіе мысли съ при-
родою, а не совершенное съ нею равенство. пождество.
Сіе пождество уничтожило бы опдѣльную самобыш-

носпь природы и духа: посему припязаніе на подобіую всеосѣмлемоспъ знанія дѣйствительно должно счи-
 нять суешнымъ киченіемъ ослабленнаго ума, без-
 смысліемъ, преспуцленіемъ! Но спарашься поспиг-
 нушь природу въ ея единствѣ, усиливашься предста-
 вить ея безпредѣльное разнообразіе, не какъ бездну
 невидимую и неуспроенную, а какъ свѣтлое знаніе,
 ровнякнущее едіною мыслію и движимое едіною во-
 лею, по однімъ вѣчнымъ и непреложнымъ законамъ,
 значить вѣрно и прямо исполнить назначеніе, для
 котораго пославлены мы Творцемъ среди природы съ
 лучезарнымъ окомъ сознанія, значить именно *видѣть*
невидимая Божія, твореньми помышляема, и возвы-
 шать себя въ созерцанію *Его присносущной силы*
въ Божества! Пущь вопросятъ испорію, вели-
 кую свидѣтельницу человечества! Когда знаніе при-
 роды разрѣшалось въ ложныя и пагубныя мудро-
 ванія, оканчивавшіяся не рѣдко безумною слѣпо-
 шю невѣріемъ? Когда оно было безсвязное, опры-
 вочное, хаотическое! Дѣйствительно, не имѣя одного
 центра для своихъ понятій, мудроно предполагать
 подобный центръ и въ явленіяхъ, представляемыхъ
 понятіями. Укажемъ примѣръ проспой и очевид-
 ной изъ обыкновеннаго опыта! Вообразимъ себя сре-
 ди обширной коллекцій еспественныхъ или искус-
 ственныхъ произведеній, безъ ключа къ ихъ класси-
 фикаціи. Вскрывая опдѣльно полку за полкой, шкафъ
 за шкафомъ, разумъ не долженъ ли наконецъ, попере-
 явшись въ ихъ разнородной многосложности, при-
 знать все сіе собраніе дѣломъ слѣпаго случая? Тѣмъ
 болѣе сіе можетъ и должно происходить при рап-

содическомъ изслѣдованіи безпредѣльнаго зданія природы. Первые безбожники были апоииспы, разбиравшіе вселенную по пылникамъ, по дребезгамъ, а не въ паниспвенной ея цѣлости. Только пѣ, кои наблюдая природу, возвышаются до предощущенія ея вѣчнаго единства, ея высокой, паниспвенной гармоніи, шолько пѣ въ пваряхъ обрѣтають Творца и съ благоговѣніемъ восклицаютъ: *дивна дѣла Твоа! вса премудростію сотворилъ еси!*

Къ чести современнаго просвѣщенія должно признать, что первая удачная покушенія возвести знаніе о природѣ къ живому, систематическому единству, принадлежатъ такъ называемой Философін Природы, воснипываемой въ школѣ новаго Германскаго любомудрія. Но основатели ея, Шеллингъ и Окенъ, простѣлись уже слишкомъ далеко. Возвысившись счастливо на такую почку зрѣнія, съ коей природа открывалась имъ въ своемъ живомъ, гармоническомъ единствѣ, они мечпали изъяснить вполнѣ пайну ея божеспвеннаго происхожденія, пайну, принадлежащую неоспоримо къ неизлѣдимымъ совѣщаніямъ вѣчнаго и безпредѣльнаго Творца. Они думали создать космогонію. Излагая систему Окена, мы имѣли случай нѣкогда замѣтить, какъ исполненъ имъ сей Титанскій замыселъ. У насъ, въ Россіи, съ подобной космогонической почки зрѣнія ученіе о природѣ предспавлено знаменитымъ Велланскимъ въ его Физикѣ, котора, къ сожалѣнію, не нашла себѣ между нами достойныхъ исполкователей.

Г. Павловъ въ своихъ изслѣдованіяхъ поступилъ гораздо оспорожнѣе и безопаснѣе. Удержавъ основ-

ный взгляд на природу, какъ на гармоническое единство силъ, онъ усматриваетъ лишь себя въ метафизическія припязанія. Посему его *Основанія Физики* ограничиваются только систематическимъ развитіемъ силъ природы. И сіе развитіе, къ чести Русскаго мышленія, не заимствовано ни откуда, а принадлежитъ самому Г. Павлову. Вотъ краткій очеркъ его системы, коей важнѣйшіе опрыски неоднократно были помѣщаемы въ *Телескопъ!*

Физика есть наука о силахъ или дѣятеляхъ природы. Главныхъ силъ, коими содержится бытіе вещественнаго міра, двѣ: сила разширительная или средобъжная и сила сжимательная или средоспремительная. Сія двѣ силы являюся въ трехъ видахъ или степеняхъ могущества: какъ силы общія или міровыя, какъ силы частныя или планетныя, какъ силы органическія. На первой степени сила средобъжная есть свѣтъ, сила средоспремительная есть тяжесть: изъ ихъ соединенія образуется вещество, прешій дѣятель міровой жизни, которое есть не что иное, какъ свѣтъ попомѣнный тяжестью. Разсмотрѣніе сихъ трехъ дѣятелей составляетъ первую часть системы Г. Павлова, которую онъ называетъ *Физикою Общую*. На второй степени сила разширительная является электричествомъ, сила сжимательная магнетизмомъ; соединеніе ихъ составляетъ гальванизмъ: это предметъ второй части, которую Г. Павловъ называетъ *Физикою Частною*; сюда относятся также изслѣдованія воздуха, земли и воды, какъ трехъ вещественныхъ дѣятелей планетной жизни, соотвѣтствующихъ невещественнымъ

силамъ электричества, магнетизма и гальванизма. На прешней степени, органическая жизнь выражается двумя главными процессами, распшипелнымъ и живошнымъ, сливающимися въ единствѣ процесса міроваго: это содержаніе прешней часпи, копорую Г. Павловъ называетъ *Физикою Органическою*.

Нытъ сомнѣнія, что основная идея пріединства силъ, на коей зиждется система Г. Павлова, не есть его собственное произведеніе: она соспавляется пеперь уже общее достояніе философскаго умозрѣнія. Но Г. Павловъ обнялъ и развилъ сію идею собственнымъ, оригинальнымъ образомъ. Теперь вышла только первая часть его системы, соспавляющая *Общую Физику*: и здѣсь видны уже значительныя опспупленія, ему собственно принадлежащія. По ученію Германскихъ предспавишелей философскаго еспеспвознанія, міровая жизнь держится ппакже двумя главными силами, свѣпомъ и пляжеспью: но ихъ единствомъ признается не вещество, а шеплоша, копорую Г. Павловъ, съ своей спороны, разспатриваетъ, какъ явленіе свѣпа, а не какъ общую міровую силу. Вѣрный основному взгляду, Г. Павловъ предспавилъ общія свойства вещества въ системапическомъ единствѣ, копорое принадлежитъ ппакже собственнo ему. Воптъ права на оригинальную самомыслипельность, доказанныя одною первою часпью; съ неперпвнѣмъ ожидаемъ послѣдующихъ, гдѣ сіи опспупленія должны повеспи къ другимъ часптивѣшнимъ особенностямъ, кои довершатъ самобышнюю физиономию умспвеннаго созданія Г. Павлова.

Само собою разумѣется, что положительныя свѣденія, сославляющія вещеспивенное содержаніе Физики, въ сей превосходной рамѣ умѣщены во всей современной свѣжести и полнотѣ. Отспранена шолко чуждая примѣсь, коей прежніе физическіе учебники загромождались, въ слѣдспвіе логической неопредѣленности круга науки: но это необходимая ампутация, отъ которой система выигрывала самоспоятельность и цѣлостъ. Въспо хаопического крохоборства изъ Механики, Химіи, Акустики и Оптики, наукъ, имѣющихъ свою опдѣльную самобытность, въ системѣ Г. Павлова Физика дополнила соспавъ свой изслѣдованіемъ органическихъ силъ, предспавляющихъ послѣднюю степенъ развитія вещеспивенной жизни, и шакимъ образомъ сдѣлалась полною умспивенною каршиною великаго зданія природы.

Повпоряемъ, шрудъ Г. Павлова есть сокровище, коимъ мы достойно можемъ хвалиться. И сіе должно бытъ шѣмъ пріятнѣе для насъ, что онъ начашъ и совершается въ нѣдрахъ Императорскаго Московскаго Университеша, въ сердцѣ Русскаго образованія и духа! Честъ и слава Московскому Университешу! Да процвѣтаетъ онъ въ роды родовъ подъ сѣнію попечительнаго правительстваша! Да украшается всегда, истинными жрецами наукъ! И да возвращаетъ на Русской двѣспивенной почвѣ достойные плоды живаго, благошворнаго просвѣщенія!

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ЛЮКЗОРСКИЙ ОБЕЛИСКЪ

ВЪ ТУЛОНѢ а).

ПИСЬМО Г. МЕРИ КЪ Г. БАРТЕЛЕМИ.

Тулонъ, 3 Юня, 1835.

Третьяго дня *Люкзоръ* вошелъ въ бассейнъ Арсенала. Я прѣхалъ въ Тулонъ, вчера утромъ, въ воскресенье, весьма къ спашу, чтобы видѣть знаменитѣйшаго пилигрима, спранспововавшаго въ землѣ Египетской. Такъ какъ день былъ праздничный, то мнѣ должно было выпросить дозволеніе войти въ Арсеналъ. Всѣ работы были прекращены: пуспота и безмолвіе царствовали въ эпозѣ обширномъ музеумѣ

а) Нѣсколько уже разъ имѣли мы случай уведомлять нашихъ читателей о перевозѣ во Францію одного изъ двухъ огромныхъ обелисковъ, находящихся среди развалинъ древнихъ Овъ, близъ деревушки *Люкзоръ* (*el Aqseir* у Французовъ, *el Qhuzr* у Англичанъ), отъ которой и имя свое они получили. Теперь сей памятникъ, на транспортъ называющемся также *Люкзоръ*, подъ командою Капитана Вериннака, прибылъ въ Тулонъ, откуда 22 Юня отправился въ Шербургъ. Г. Мери, извѣстный поэтъ Французскій, видѣвшій его въ Тулонѣ, написалъ, по сему случаю, дружеское письмо къ Г. Бартелеми, также поэту, съ коимъ сообща нѣкогда сложили они эпическую поему: *Наполеонъ въ Египтѣ*. Сіе любопытное письмо здѣсь предлагается. *Изд.*

всѣхъ морскихъ рѣдкостей. Я никогда не видывалъ Арсенала такъ молчаливымъ и тихимъ, Арсенала безъ галерныхъ невольниковъ; мнѣ не нужно было шлокашья о пресупленія и угрызенія, чтобы дойти до бассейна; дорога была совершенно пуста; посему ничто не развлекало моихъ мыслей. Въ безводномъ бассейнѣ поконился *Люкзоръ* на своихъ пяши кляхъ. Онъ казался небольшою корветкою, по наружности крѣпкою, швердою и легкою: но эта наружность обманчива; въ немъ нѣтъ Гораціанскаго *robur* и *aes triplex*; это просто бѣлое дерево, разрисованное черною краскою: прюмъ судна не двойной; больша мачта не враспаешъ въ палубу, а укрѣплена справа и слева стойками. Носъ изображаетъ крокодила: это гіероглифическая сигнатура *Люкзора*. Лестно думать, что наша Франція, для пріятнаго времяпрепровожденія, построила въ нѣсколько дней особаго рода корабль, чтобы съѣздить за обелискомъ въ пустыню. Когда *Люкзоръ* кончитъ свое путешествіе, все для него кончилось: его, можетъ быть, помѣстятъ, какъ обычный профей, подъ какимъ-нибудь навѣсомъ въ Парижъ, какъ некогда Римляне спустили съ приремой, привезшей къ нимъ обелискъ Каракалина цирка. Разрушить *Люкзоръ* было бы родъ смертоубійства: это святыня достойная сохраненія. Для Парижа весьма пріятно будетъ видѣть это Галло-Эгипское судно, покрытое арабесками изъ сѣдыхъ и зеленыхъ мховъ, вкрупленными въ бока его Ниломъ, подобно гіероглифическимъ начерпаніямъ. Его слѣдовало бы развѣсить по часнямъ въ Лувръ, такъ какъ моряки вѣщаютъ свои *ex-voto* въ часовняхъ: и

это было бы для Парижанъ гораздо импересиве, чѣмъ всѣ эти гробницы съ своими *divis manibus*, всѣ эти пустые саркофаги, собираемые на кладбищахъ Римской Имперіи.

Я обошелъ пять или шесть разъ вокругъ *Люкзора*, чтобы увѣрился въ его цѣлостіи; онъ не поспрадалъ ни сколько отъ путешествія по Нилу; онъ достойно перенесъ на себя колоссъ въ шесть тысячъ центнеровъ. Честь и слава инженеру! Я вошелъ на бордъ: шамъ было жарко, словно въ *Фивахъ*. Нѣсколько мапросовъ спали, растянувшись на палубѣ; два офицера прохаживались взадъ и впередъ; всѣ носили на лицахъ клейма Египетскаго солнца. Три превосходные коршуна, въ пльну у подошвы мачшы, вытягивали свои длинныя шеи сквозь прутья кльшокъ, какъ будто ища насѣсти Пирамидъ или гнзздъ въ пещерахъ *Мокашама*. Одинъ молодой офицеръ предложилъ проводить меня подъ палубу съ шюю упонченною въжливоспью, кошорая шенерь господшвуешъ между моряками, съ давнихъ временъ замьнивъ грубыя ругашельства и кляшвы, приписываемыя имъ въ романахъ.

Мы сошли внизъ по лѣстницѣ; и я очутился лицомъ къ лицу предъ обелискомъ. Онъ увязаетъ и закрываетъ почти во всю свою длину, какъ исполнская мумія изъ гранита, у кошорой видно шолько голову и ноги. Я не ожидалъ встрѣвить массы столь огромной: обелискъ предшавлялъ всегда мнѣ что-шо выплывшое, сухопарое, чаклое; а передо мной лежала цѣлая пирамида. Его вершина, вся оперышая, по ви-

дному, вытерпѣла сильныя перемены: на ней ѣшь уже чепырехъ гладкихъ поверхносней, кои изкогда должна была выполнивать рука Оивскаго скульптора. Это и не удивительно! Сполько въковъ на ней опиралось! Сполько смуновъ бушевало надъ главою пысячелѣпняго спарца! Сполько коршуновъ почило свои желѣзные носы о ея гранитное шѣмя! Я побѣждалъ попомъ къ основанію, также опкрышому, какъ вершина. Основаніе представляеть справносшь довольно замѣчательную: на немъ видна шрещина, разсѣкающая его исподнюю часть, видную шолько тогда, когда обелискъ опрокинуть. Сіе несчастіе ни сколько не падаеть на инженера *Люкзора*: это природный порокъ обелиска, что весьма легко доказать можно. Найдена смычка изъ сикомороваго дерева, называемая у плотниковъ сковородень (queue d'hironde или d'aronde), сдѣланная самими Египтянами для сей шрешины, дабы предупредить ея дальнѣйшее разширеніе. Этошь сковородень уже сгнилъ; ибо служилъ около пяти пысячъ лѣтъ. Инженеръ *Люкзор* замѣнилъ сію смычку новою, такойже формы, копорая вошла въ тѣже самыя рубцы. Сіа маленькая исторійка любопытна шѣмъ, что доказываетъ употребленіе сковородня у Египтянъ за пять пысячъ лѣтъ до насъ, приписывающихъ себѣ его изобрѣтеніе! Еще въсколько опкрышій: и вѣрно найдуть паровыя машины въ колодцахъ Оивскаго Некрополя и газовыя снаряды въ подземныхъ святилищахъ Изиды!

На сей исподней части обелиска, невидимой, когда

онъ спонсръ, изображены фигуры царей и боговъ, съ гіероглифическимъ означеніемъ времени. Сін начершавія, глубоко изсѣченныя, замѣняли у Египтянъ медали. Мы зарываемъ подѣ основанія нашихъ памятниковъ золото и бронзу: они вкрѣпляли въ самый памятникъ свои медали; значить, и они также мало довѣряли прочноспи своихъ обелисковъ! Весьма огорчительна мысль, понуждающая людей бросать сін медали или начершывавш подобныя надписи: она заспавляетъ думашь о разрушеніи памятника, въ томъ самый часъ, какъ онъ воздвигается! Эпа усердная заботливѣсть о доспавленіи нечаянности будущимъ разрушителямъ, имѣетъ въ себѣ что-то спранные и необдуманное, наводящее невольную грусть. Какъ! И онъ также—этомъ важный Египтянинъ, скульпторъ по званію, жившій въ Оивахъ, на улицѣ Гермопольской—и онъ, сидя нѣкогда, въ прекрасное утро, между стѣмъ какъ колоссъ Мемноновъ звучалъ свою привѣщную пѣснь восходящему солнцу; сидя въ томъ же положеніи, какъ я шеперь предъ симъ преснувшимъ основаніемъ, принимался за рѣзецъ говоря самъ себѣ: »я изображу здѣсь поршреть Рамзеса и нѣсколькихъ боговъ; вырѣжу загадочно число мѣсяца на этомъ исподнемъ планѣ, на шакомъ мѣстѣ, кошораго никакой глазъ не можетъ увидѣть; и за шо, чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, эпо доспавивш удовольствіе свяшопашцу-разрушителю, кошорый испровергнетъ обелискъ; сей обелискъ, спонившій мнѣ шрехъ лѣтъ работы на знойномъ солнцѣ, за кошорую заплачено мнѣ наличными луковницами; съ удовольствіемъ прибавлю я этомъ невидимый поспскрипнуть, дабы доспавивш пріятную нечаянность

снѣтъ, дабы отпоргнушь отъ лона Оивъ сей обелискъ, ко-
его работа и устройство должны были испощить
столько прудовъ и поща. Я любовался изумленіемъ
этихъ пустынныхъ феллаговъ, когда, выспаваясь изъ
своихъ глиняныхъ мазанокъ, они увидѣли среди
песковъ огромный корабль о трехъ мачтахъ. Можесть
быть, между ними были спарки, сражавшіеся подъ
Мурад-Беемъ, кои видали трехъ-цвѣтное знамя, про-
ходившее съ Дезе мимо Оивъ и Дендераха, и шеперь
спуслия тридцать четьре года, снова увидѣли шоже
знамя на *Люкзоръ*, шуже кокарду на шляпахъ офи-
церовъ. Это были тѣже самые Франгузы, сражающіеся
шеперь съ холерою, какъ нѣкогда сражались съ чу-
мою въ *Ясѣ*, при тридцати пяти градусахъ жара надъ
головой и пятидесяти подъ ногами, въ шемперашурѣ,
отъ которой мозгъ кипитъ подъ черепомъ, подошвы
кальцинируются! И съ какою цѣлю! Чшобы приоб-
рѣсти чашничку шой славы, коей сопровождающа
всѣ отважныя предпріятія, будещъ ли шо для по-
раженія опдаленнаго непріятеля или для завоеванія
древняго памятника. Сія доля славы не минуещъ ко-
нечно мориковъ *Люкзора*. Здѣсь неумѣспна презри-
штельная улыбка философин ложной и кощунской: не
въ шомъ слава сей экспедиціи, что Франція
будещъ имѣть обелисковъ больше или меньше. Пре-
красно создашь миссіонеровъ героизма и чести Фран-
цузской между сими варварскими племенами; при-
несши къ нимъ алфавитъ цивилизаціи; вступиши съ
ними въ сношенія и шщапательно наблюдашь ихъ;
работашъ съ ними на однихъ лѣсахъ и расчищавашъ
ихъ изъ собшвенныхъ рукъ за работу! Тришна Ара-

бовъ были поварищами моряковъ *Люкзора*: и конечно они много выиграли отъ споль птвснаго соприкосновенія съ людьми запада; они возвысились въ собственныхъ глазахъ своихъ эпой общей работойъ. Какой неиспощимый предметъ разговоровъ должно доставить прибытіе *Люкзора* этому народу, споль любящему рассказы! Его доставишь на болге тысячи-одной ночи! Приятно воображать, что о Франціи говоряшь по Арабски, подъ пальмами Карнака, на граничныхъ скалахъ Филоэ, подъ поршикомъ Ахмуена, древяго града Гермесова: и, по крайней мѣрѣ, на сей разъ воспомнанія, оставленные нами въ Оивахъ, чиспы и мирны; шрек-цѣшное знамя, развѣвавшееся на колосѣ Мемноновомъ, не было обагрено Египетскою кровью въ своихъ волниспыхъ сгибахъ! Предводители каравановъ вспомянь объ немъ, перескажущъ племенамъ Элефанпины и Мероз: и во глубинахъ пустынь благословишь имя Франціи!

Съ головой, наполненной Египтомъ, я сошелъ съ *Люкзора*, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ на широкихъ набережныхъ Арсенала. Куда ни обращалъ я взоры вокругъ себя, нигдѣ не встрѣчалъ ничего, могущаго разочаровать мою національную гордость. По счастью, я находился именно въ шакомъ пунктѣ Франціи, гдѣ колоссы Египетскіе встрѣчаютъ dospойныхъ себя собратій. Я спрашивалъ самъ себя: не ужели эпойъ превосходный корабль, *Городъ-Марсель*, который рука человѣческая бросила передо мною на землю, спонитъ менте, чѣмъ обеласкъ Люкзорскій? Не безъ гордости смотрѣлъ я и на Оив-

скую архитектуру нашего Французскаго Арсенала: мнѣ пріятно было сидѣть предъ этими крытыми верфями, изъ коихъ каждая, подобно безмѣрной внушительности готическаго собора, заключала въ себѣ корабль о трехъ палубахъ, видѣвшійся въ ней, словно миніатюра изъ слоновой кости подъ спекляннѣмъ колпакомъ. Я могъ еще различать вдали Тулонское чудо, эпопей дворець Сен-Мандрье, превосходящій Версаль красою, который не что иное, какъ больница; и, непосредственно возлѣ него, колоннадную ротонду, созданіе фантастическое, вызванное Трипономъ изъ нѣдръ моря. Нечувствительнѣю обелискъ уменьшился въ моихъ глазахъ: обольщеніе самолюбія заставило меня думать о Оивахъ безъ зависти. Къ довершенію моего восторга, здѣсь находился также и *Сфинксъ*, парходная корвета, столь прелестная, столь живая, столь очаровательная: потъ самый *Сфинксъ*, кошорый въ одинъ прекрасный день схватилъ *Люкзоръ* за обѣ руки и бросилъ его въ Арсеналь съ обелискомъ, какъ загадку для рѣшенія.

Сегодня утромъ, въ шесть часовъ, я былъ снова на *Люкзоръ*. На сей разъ имѣлъ я счастье встрѣтити командира судна, Г. Вернинака, и говорилъ съ нимъ очень долго. Сей чиновникъ показался мнѣ совершенно достойнымъ высокаго порученія, кошорое на него возложено. Онъ имѣетъ всѣ нужныя свѣденія, всѣ добродѣтели своего благороднаго званія: сверхъ того наблюдательность спокойную, здравомысленную, разсудительную, въ соединеніи съ прочими качествами необходимыми для путешественника, съ смѣлостію, по-

споясывомъ и перигнѣемъ, съ изыскательностью, ко-
торая любитъ сомнѣваться и испытывать, съ разсуд-
комъ холоднымъ и вѣрнымъ, обнаруживающимся при
нужныхъ случаяхъ съ удивительною прозорливостію и
связностью. Между многими замѣчаніями, которыя ме-
ня поразили, Г. Верниакъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее,
за обнаруженіе коего прошу у него благосклоннаго
извиненія: » Еще не рѣшено о мѣстѣ, гдѣ должно по-
спавить обелискъ. Говорили о Площади Согласія,
о Поляхъ Елисейскихъ: но изътъ пока ничего
опредѣленнаго. Не осуждая выбора правительств-
ва, я думаю, что въ подобномъ случаѣ должно
прибѣгнуть къ самымъ Египтянамъ. Египтяне, ко-
торые изсѣкли и воздвигли сей обелискъ, одни дол-
жны имѣть полное право судить о его назначеніи и
о характерѣ положенія, которое должно ему дать.
Обелискъ сей былъ поставленъ предъ перистил-
лемъ большаго храма, съ другимъ такойже высо-
пы, который ему совершенно подѣ пару. Надобно бы
имѣть къ оба въ нашей власти и, соображаясь съ
идеѣй Египтянъ, помѣстить, какъ въ Люкзорѣ, передъ
храмомъ Славы въ Парижѣ. «

Сія мысль весьма счастлива и основательна. Та-
кая страна, какъ Франція, не должна ничего дѣлать
въ половину. Воспичный обелискъ ожидается насъ въ
Фивахъ. Надобно завоевать этихъ безсмертныхъ
близнецовъ и помѣстить, какъ двухъ сражей, предъ
С. Магдалиной, памятникомъ столь колоссальнымъ,
что его можно счесть за Египетскій, и находящимся
на концѣ прекраснѣйшей улицы Парижа.

Я имѣлъ понюкомъ счастье встрѣтити на *Люкзоръ* Г. Жоанни, лейтенанта корабля, чиновника съ большими достоинствами, который совершилъ путешествіе въ Египетъ со всемъ жаромъ и энтузіазмомъ поэта. Онъ былъ столько добръ — (и я обязанъ ему за это величайшею благодарностію, ибо рѣдко въ жизни вкушалъ подобныя умственные наслажденія)— столько добръ, что показалъ мнѣ альбомъ, имъ самимъ нарисованный и раскрашенный, альбомъ самый любопытный, самый новый, самый неожиданный изъ всѣхъ, которые до сихъ поръ привозимы были изъ Египта, столько разъ рисованнаго и гравированнаго. Г. Жоанни былъ гораздо счастливѣе артистовъ, находившихся при экспедиціи Дезе: онъ могъ свободно рыться въ глубокихъ архивахъ Фивскаго Некрополя: во времени не было ему недоспадка; мамлюки Мурад-Бей не опускали головы. Посему, благодаря мирнымъ изысканіямъ юнаго офицера, мы скоро будемъ имѣть живую, полную исторію искусствъ и ремеслъ древняго Египта. Умалчиваю, дабы не ослабить интереса будущаго ея изданія и не выдать пайка, вѣрныя мнѣ искренностію художника.

Теперь весьма бы прилично было воспѣть гармонически, по примѣру Горация: Sic te, diva potens Curgis! Но я, сознавая свое безсиліе, довольствуюсь прозаическими желаніями благополучнаго путешествія *Люкзору*. Отсюда еще далеко до Гавра. Нуженъ новый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ, отъ пролива Гибралтарскаго до роковой башни Франциска I, гдѣ въ прошломъ

году, въ эту пору, видѣли мы столько кораблекрушеній. Да будешь благопріятедь ему приливъ Гавра! Да улыбнуся боги покровители Египта *Люкзору*, когда онъ направитъ путь свой къ океану! Сіи боги, кои всегда карають грабителей; кои задушили Камбиза порывомъ симуна; кои погубили Клебера, осквернившаго святыню Солнцева Града; кои возмутили недавно Нилъ противъ Англійскихъ антикваріевъ, сей осмой язвы Египта; кои защищали обелискъ и противъ нашихъ моряковъ, принимая имена шифа и холеры: сіи боги умилосердивились шеперь для насъ, ибо видѣли благоговѣніе наше къ Египту, даже при самомъ совершеніи святопапства. И кто знаетъ, не заключается ли въ сихъ мечтахъ поэма мудрая истина? Нѣтъ ли въ нихъ призваній силы, спасающей отъ кораблекрушенія? Сказать ли вамъ? Будущая участь обелиска меня беспокоитъ: онъ пакъ былъ счастливъ до Тулона, что сіе счастье меня устрашаетъ; я боюсь измѣны! Можетъ быть гораздо лучше: имѣть меньше вѣры въ боговъ Египетскихъ и болѣе полагаться на офицеровъ *Люкзора* и искусство инженера, кои досель своими знаніями укрощали ярость Тифона. У нихъ въ рукахъ всѣ чудеса разума человеческого; они богаче и могущественнѣе идоловъ Египта; обелискъ будешь цѣль и невредимъ!.. Разсказаясь съ нимъ, я сказалъ про себя: » до свиданія въ Парижъ! «

VII.

МИКРОСКОПЪ.

§ 9. МИНЕРАЛЬНОЕ ЦАРСТВО.

Минералы, какъ особыя тѣла, составляютъ предметъ собственно-*минералогической* (или *ориктологической*) системы. Они раздѣляются на а) *простые*, въ конхъ усматриваются частицы только одинакаго состава, и б) *сложные*, въ конхъ примѣтны разнородныя части.

Син *сложные* и многіе изъ *простыхъ* минераловъ бывають въ такой значительной величинѣ, что входятъ въ составъ цѣлыхъ *кряжей* (terrain), изъ конхъ составляется *кора земная*. Минералы, разсматриваемые въ семъ отношеніи, ш. е. какъ составители земной коры, суть предметъ *геогностической* системы и называются *кряжевиками* (по Фр. досне)
 а). Окаменѣлости (petraefacta) органическихъ тѣлъ, какъ особыя тѣла, собственно относятся къ зоологич и ботаникѣ (составляя часть прибавочныя въпви: *геологию животныхъ и растений* или *петромактологию*): но разсматриваемыя относительно кряжей, въ конхъ находятся, онѣ входятъ въ составъ геогнозиса.

-
- а) Слово *roche* переводить у насъ всего обыкновеннѣе *горнокаменная порода*; по неловкости и неправильности слова сего, пытался переводить его иначе: оди словомъ *оскальность*, другіе — *каменность*. Но окончаніе *ость* дѣлаетъ син переводы неправильными прошивъ языка, выражая *свойство*, а не самый *вещественный пред-*

МИНЕРАЛЫ ПРОСТЫЕ.

Раздѣляюся издавна на чепыре класса:

Кл. I. Камни—минералы нераспворные, безвку-
сные, негорючіе, соспавляющіе наибольшую
и собспвеннѣйшую часть земной коры. Они
соспоятъ изъ мепаллонда съ кислородомъ
(или вообще съ сожигающимъ веществвомъ:
съ хлоромъ, флюоромъ). Сей классъ доволь-
но еспественно раздѣляется на слѣдующіе
разряды (ordines): а) *кремневые*, б) *амфи-
боловые*, в) *фельдшпатовые*, г) *цеолитовые*,
д) *глинистые*, е) *слюдистые*, ж) *известня-
ковые* (кислотные).

Кл. II. Соли = минералы распворимые въ водѣ,
имѣющіе вкусъ. Соспоятъ изъ мепалли-
ческаго основанія съ сожигающимъ веще-
ствомъ.

Разрядъ 1. Соли Металлоидныя: (каменная соль,
квасцы, бура, селипра).

Разрядъ 2. Соли Металловыя или *Купоросы*.

Кл. III. Пламевики—минералы возгораемые въ воз-
духъ съ дымомъ, запахомъ и почпи всѣ съ
пламенемъ. Они не содержатъ въ себѣ мепал-
лическихъ веществъ.

метъ. Мнѣ кажется, что слово *госче*, соотвѣтспвенно
его значенію и языку нашему, можно назвать *кряжеви-*
номъ; отъ слова *кряжъ*, которое по моему совершенно
соотвѣтспствуетъ слову *terrain*. Окончаніе словъ: *кряже-*
ские, *кряжевичъ*, я соспавилъ по формѣ народнаго сло-
ва = *рудовика*, *злѣевичъ*, *жировичъ*, *красавичъ*.

бы искашь въ нихъ республики Бернской, которая есть величайшая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ Европѣ республикъ; равно итъ ни малѣйшаго указанія на республику Андоррскую, коей народонаселеніе вдвое больше Санто-Марино. Двадцать шесть Швейцарскихъ республикъ представляются почти у всѣхъ географовъ, какъ будио составляющіе одно государство, хотя сін географы сами же даютъ имъ названіе конфедерацин, что указываетъ довольно ясно на политическій союзъ многихъ независимыхъ другъ опъ друга областей: Даже итъ, кои разсмаприваютъ Швейцарію, какъ составъ различныхъ областей, счишаютъ ихъ только двадцать двѣ; ношому что Швейцарія раздѣляется на двадцать два кантона: между нѣмъ кантоны Алпенцель и Унтервальденъ состоятъ каждый изъ двухъ совершенно независимыхъ областей: кантонъ Граубинденскій дѣлится на три различныя области, именно лигу Гризонскую, лигу Каде и лигу Десяти Волостей а). Норвегія, съ 1815 года, не есть большая область Швеціи, а королевство совершенно отдѣльное, которое съ Швеціей не иметъ ничего общаго, кромѣ одного Короля.

Что скажешь о безмѣрныхъ различіяхъ, представляемыхъ государствами Европы въ отношеніи къ образамъ правленія? Тщешно спали бы мы искашь, въ самыхъ подробнѣйшихъ географіяхъ, методической клас-

а) О современномъ состояніи Швейцарской Конфедерацин любопытная статья Бальби напечатана была въ N 22 *Телеск.* 1851. Изд.

снѣженіи ихъ съ сей точки зрѣнія. Обыкновенно ограничивающа неопредѣленнымъ раздѣленіемъ ихъ на государства *монархическія неограниченныя* и *конституціонныя* и на *республики*: но сіи послѣднія предспавляютъ собою столько же опытовъ, какъ и первыя. Понятія о главныхъ политическихъ и географическихъ дѣленіяхъ Европы не менѣе неопредѣленное, не говоримъ уже невѣрны. Обыкновенно Россію относятъ къ северной Европѣ, тогда какъ она своимъ безмѣрнымъ пространствомъ занимаетъ всю восточную ея часть.

Изъ современныхъ Европейскихъ географовъ, знаменитѣйшій Бальби преимущественно посвящаетъ свои обширныя знанія и неутомимыя труды всевозможному направлению силъ заблужденій а). Опытъ него: занимаемъ мы теперь слѣдующій, самый новый и самый удовлетворительный взглядъ на современное географическое и политическое раздѣленіе Европы.

Невозможно, говорить сей великій географъ-спеціалистикъ, проведши естественныя раздѣленія Европы, соотноспивующія вѣрно ея политическимъ дробленіямъ. Для достиженія сей цѣли, должно ограничиться прѣма или четырьмя большими дѣленіями. Такъ поступали почти все географы, хотя безъ большаго успѣха. Они дѣлили Европу на три главныхъ подосы: *южную, среднюю и северную*; но нѣтъ ничего нелѣпѣ сей системы; ибо Россійская Имперія, которая помѣщается обыкновенно въ по-

а) Бальби издалъ недавно *Сокращеніе Географіи (Abrégé de Géographie)*, сочиненіе превосходное, которому доселѣ не было подобнаго. Оно есть уже въ Россіи. *Изд.*

сладней, равно принадлежишь къ обвинъ первымъ. Съ 1815 года, я почувствовалъ невѣрность сей классификаци и рѣшился раздѣлить Европу на двѣ главныя половины: *восточную* и *западную*. Къ первой отнесъ я Россійскую Имперію: послѣднюю подраздѣлить на *сѣверную*, *среднюю* и *южную*, и въ сихъ прѣхъ подраздѣленіяхъ помѣстить всѣ остальные государства Европы. Но, въ послѣдствіи, обдумавъ зрѣлье сіе дѣленіе и видя, что Европейская Турція, Ионическіе Острова и Краковъ, принадлежатъ неоспоримо къ Восточной Европѣ, я рѣшился присавить ихъ вмѣстѣ съ Россією. Въ самомъ дѣлѣ, центръ Европейскаго материка находится въ небольшомъ разстояніи отъ Варшавы къ западу. Проведши чрезъ сію точку прямую линію отъ сѣвера къ югу, вы получите на востокъ всю Россійскую Имперію и при поименованныя державы: только небольшая частичка Ошпоманской Имперіи перейдетъ за черту. Всѣ прочія Европейскія государства останутся на западѣ, кромѣ около половины Австрійской Имперіи и небольшой частички Прусскаго государства. И такъ сіе раздѣленіе можно принять, какъ наиболее согласное съ современными политическими дѣленіями Европы. Система, предлагаемая Нѣмецкими географами, совершенно отлична отъ нашей. Они дѣлятъ Европу на пять большихъ частей, изъ коихъ *три* называютъ *аглійскими*, а *два* *пришорскими*, подраздѣляя ихъ припомъ на двенадцать меньшихъ оцѣловъ. Дѣленіе сіе, кромѣ частныхъ невѣрностей, состоитъ въ слишкомъ явной произволности съ политическимъ раздробленіемъ

Европы; и пошому не можеть служить для него основаніемъ.

Въ слѣдствіе сиспемы, изложенной Балъби, Европа можеть раздѣляться слѣдующимъ образомъ:

I. Западная Европа, раздѣляющаяся на:

- A) *Часть Центральную*, въ коей заключающа Авспрійская Имперія, Монархія Французская, Монархія Голландская, Королевство Бельгійское и Конфедерация Германская и Швейцарская;
- B) *Часть Южную*, содержащую въ себя Монархін Португальскую и Испанскую, съ Республикой Авдорской, на Пирнейскомъ полуостровѣ, и разными государства Италіи;
- B) *Часть Северную*, въ коей заключающа Монархін Англійская, Шведо-Норвежская и Датская.

II. Восточная Европа, заключающая въ себя Имперіи Россійскую и Османскую, Республику Ионическихъ Оспрововъ и Краковъ, новое Королевство Греческое и Княжества Сербское, Молдавское и Валакское.

Съ политической точки зрѣнія, Европа представляеть нынѣ восемьдесятъ восемь отдѣльныхъ государствъ, весьма различныхъ между собою, но копорыи, съ нѣсколькими небольшими исключениями, въ равнѣ въ отношеніи политической независимости. Географы и экономисты раздѣляютъ ихъ на государства *перваго, втораго и третьаго* порядка, основывая сіе дѣленіе на внутреннѣи и внѣшнѣи силы каждаго государства. Но сія классификація весьма не-

Раз. 1. *Пламевики Узловые*: (алмазь, графитъ, антрацитъ, каменный уголь, и проч.)

Разр. 2. *Пламевики Смоляные*: (сѣра, янтарь, горное масло, медовикъ).

Классъ IV. **МЕТАЛЛЫ**—минералы нераспворимые въ водѣ, состоящіе изъ собственно-*металло-*выхъ основаній, чистыхъ, либо соединенныхъ съ другими веществами.

Разр. 1. Самородки—безпримѣсныя, состоящіе изъ одного, либо нѣсколькихъ металловъ, непрозрачные, блестящіе.

Разр. 2. Рудовики = металлы соединенные съ другими веществами. Раздѣляются на:

а) *Коледаны* или *Рудовики Сѣрные*: а) собсп. коледаны (pyrites), б) блески (galenae), в) блнды (киноварь, оперментъ).

б) *Рудовики Окисловые*: а) блестящіе, б) тусклые.

в) *Рудовики Кислотные*: (малахитъ и проч.) минералы или дражевики сложные.

Состоящіе изъ часпицъ разнородныхъ. Въ сущъ камни. Раздѣляются на два разряда:

Разр. 1. *Кряжевики Кристаллизованные*, состоящіе изъ разнородныхъ часпицъ скриспаллизованныхъ между собою. Напр. гранитъ, гнейсъ, порфиръ, сланецъ палъковый, слюдистый.

Разр. 2. *Кряжевики Сростковые (aggregata)*, состоящіе изъ разнородныхъ минераловъ, соединенныхъ механическимъ сцепленіемъ, либо посредствомъ связующаго минеральнаго вещества (цементна). Между ними: пуддингъ, бреччія.

Примеч. Въ геогнозѣ *кряжи* (terrains) раздѣляются на два главные отдѣла: *послѣпотопныя*, (postdiluviana), принадлежащія къ наслоящему періоду земли, и *допотопныя*, (antediluviana), принадлежащія къ періодамъ земли, кои предшествовали наслоящему періоду, следовательно были до послѣдняго великаго наводненія.

§ 10. ЕЩЕ ЗАМѢЧАНІЕ О РУССКОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРѢ.

Что есть *стручокъ*? — Разумѣется, каждый Русскій пошчасъ назоветъ вамъ плоды *гороха*, *бобовъ*, *фасоли*, *сладкіе стручки* (Ceratonia); ибо это собственно виды *стручка*. Но если бы кто янбудъ изъ слушателей Ботаники вздумалъ сдѣлать такой національный опевъшъ своему учителю въ классѣ Ботаники, то опевъшъ былъ бы не въ попадѣ. Послѣдую Русскимъ книгамъ, онъ долженъ опевъчать, что *стручокъ* находится у горчицы, левкоя, хрѣна, вайды, и называется *злюка*; а у гороховыхъ распешия плодъ называется *бобомъ* (legumen)!..

Вопшъ примъръ, какъ иногда *искусственный языкъ книжный* разногласитъ съ *природнымъ живымъ языкомъ*.

Во многихъ (особенно съ *народнаго языка* взятыхъ) словахъ сходится большая часть нашихъ ботаническихъ писателей; но во многихъ (особенно соснавленныхъ *искусственно*) словахъ они разногласитъ. Изъ этого видно, что не только *писатели*, но и самыя *слова* ихъ ознаменованы различнымъ *вкусомъ*. Хорошія имена могутъ быть не приняты иногда только въкопформы писателями, привыкшими уже къ своимъ перминамъ; но съ *языкъ* онъ будущъ приманы, ибо въ нихъ нуждается языкъ.

- И пакъ не лѣзя еще слишкомъ обвинять за разногласіе и непоспоявство нашу *ученую номенклатуру*. Много уже сдѣдано для нея опышовъ и припасено матеріаловъ въ книгахъ; но много еще хранятся оныхъ и въ *природномъ языкѣ* Русскомъ. Надобно свараться, чпобы терминологія наша сколько можно соопвѣщивовала и своему предмету, и духу языка нашего, выразительнаго и благозвучнаго. *Насильственная искусственность* споль же невыгодна и въ номенклатурѣ, какъ и въ знаніи; ибо какъ разуму пропивно ложное понятіе, пакъ и языкъ нашъ не приметъ пропивнаго себѣ слова. Для успѣха науки въ обществѣ, надобно *сроднить* ее съ языкомъ; ибо словесность для наукъ поже, чпо образованность для учености; и въ образованномъ языкѣ пошъ полько терминъ прочно примется, въ кошоромъ согласяся ученая основательность съ липерашурнымъ вкусомъ. Безъ сихъ условій, ученость разногласитъ съ прихотливымъ обществомъ; и ботаническій языкъ нашъ будетъ пакже произвольно-условенъ, какъ *селама* воспочныхъ одалисокъ.

Для успѣшной обработки ботаническаго языка надобно: а) чпобы номенклаторы наши совѣщались въ помѣ съ липерашорами и сами бы имѣли вкусъ изящный; б) чпобы, кпо имѣеть возможность, собирать и обнародовать *народные* имена распеній въ разныхъ мѣсцахъ Россіи. Всѣ имена, конни можеть красоваться номенклатура наша, сушь не кованые выплавки, а самородки.

Иногда терминъ, съ Греческаго переведенный, довольно свосенъ и даже хорошъ; но принская Рус-

окое слово, выражающее предметъ онаго, всегда виднѣе большее преимущественно его.

§ 11. КОЗЕЛЪ СЪ МОЛОКОМЪ.

Хотя Русская пословица и говоритъ, что *отъ козла ни шерсти ни молока*, но Тамбовская Губернія предсказала поному опроверженія. Тамъ нашелся козель, у коего, изъ двухъ сосцевъ на брюхѣ, выдававш. можно было молока до полного спавана, особливо въ весеннее время. Замѣчательно, что оный козла сего родился козель шакого же свойства, которое шакомъ образомъ начинается уже дѣлающа наследственнѣе. Сообщаю объ этомъ любопытству читателей, какъ самовидецъ.

М. Максимовичъ.

VIII.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

Е В Р О П Ъ.

Не смотря на распространяющіеся успѣхи географическихъ знаній, досель еще господствуютъ весьма ложныя понятія о политическихъ раздѣленіяхъ Европы, о числѣ ея областей и о различныхъ образахъ правленій, коимъ онѣ подчиняются. Источникъ сихъ заблужденій составляютъ дурныя компиляціи, украшаемыя именемъ географій. Нѣтъ ни одной изъ сихъ книжонокъ, гдѣ бы не описывалась маленькая республика Санто-Марино и не означались по крайней мѣрѣ имена и города самыхъ мелкихъ областей Германской конфедераци: но напрасно спали

опредѣлена, даже невѣрна; ибо невозможно провести между ними према главными дѣленіями границъ, почтовыхъ и рѣчныхъ. Однако, должно казаться привышь довольно вѣрнымъ наименованіе *великихъ державъ*, которое дають Англіи, Франціи, Австріи, Россіи и Пруссіи, хоть послѣдняя гораздо ниже четырехъ первыхъ въ отношеніи къ народонаселенію, богатству и силѣ.

Въ существующихъ нынѣ государствахъ Европы находящіяся почти всѣ возможныя формы правленія, отъ деспотизма самаго неограниченнаго до демократіи самой рѣшительной. Разсматривая сіи формы, можно возвести ихъ къ тремъ главнымъ классамъ, изъ коихъ каждый предсавляетъ въ себѣ множество весьма разнообразныхъ опшійковъ. Есть даже государства, кои не лзя никакъ подвести подъ сію классификацію: на примѣръ Королевство Сардинское, въ коемъ правленіе земель, находящихся на материкѣ, есть монархическое неограниченное, а правленіе острова Сардиніи принадлежишь къ категоріи конституціонныхъ монархій. Другія, какъ н. п. Прусская Монархія, предсавляютъ шакіе шонкіе опшійки, что ихъ можно опшосишь и къ шому и къ другому разряду. Не смотря на шо, классификація сія заслужила одобреніе большей части географовъ и политиковъ. Вотъ она:

I. Самодержавныя Монархія. Ихъ считяется осмнадцать. Именно: Россійская Имперія со включеніемъ Царства Польскаго; Королевства Датское и Обшій Сидній; Королевство Сардинское, собственно шакъ называемое; Королевство Испанское

за исключеніем острова Сардиніи; Австрійская Имперія, кромѣ Венгрии и Трансильваніи; Церковная Область; Великія Герцогства Тосканское и Ольденбургское; Курфюршество Гессен-Кассельское; Герцогства Пармское и Моденское въ Италіи; Княжество Шварцбург-Зондергаузенское въ Германіи и Монако въ Италіи; Ландграфство Гессен-Гомбургское; Владѣніе Кинпгаузенъ. Сюдаже принадлежатъ Опшманская Имперія, которая однако составляетъ особое подраздѣленіе.

II. Монархіи Ограниченныя. Ихъ считается шринадцать семь. Именно: Три Соединенныя Королевства или Монархія Англійская; Монархія Французская; Королевства Голландское и Велгійское; Монархія Шведо-Норвежская, состоящая изъ двухъ отдѣльныхъ государствъ; Королевства Баварское и Вюртембергское; Великія Герцогства Баденское и Гессен-Дармштадтское; Герцогство Нассау и Княжество Гогенцоллерн-Гехингенъ; Княжество Нешампельское въ Швейцарской Конфедераціи: всѣ сии области суть настоящія ограниченныя монархіи. Помимо сюдаже могутъ отнестись Монархія Прусская; Королевства Саксонское и Ганноверское; Великое Герцогство Саксен-Веймарское; Герцогства Саксен-Кобург-Гота, Саксен-Мейнунген-Фильдбурггаузенъ и Саксен-Алтенбургъ; Герцогства Брауншвейгское; Княжества Вальдекъ, Липпе-Детмольдъ, Шварцбург-Рудольштадтъ и Лихтенштейнъ; Герцогство Луккское; два Великія Герцогства Мекленбургскія; три Герцогства Аиталійскія; три Княжества Рейссъ. Равно къ сейже категоріи должно отнести, не только новое Греческое Королевство,

но и при Княжества: Сербское, Молдавское и Валахское, вон, плаща дань Опшоманской Порты, состоятъ подъ покровительствомъ Россійской Имперіи.

III. РЕСПУБЛИКИ. Ихъ считается тридцать одна. Они могутъ раздѣлиться на два разряда: А) аристократическія, къ коимъ принадлежатъ: Швейцарскіе Кантоны Люцернъ, Цюрихъ, Бернъ, Френбургъ, Солернъ, Базель, Шафгаузенъ и Острова Ионическіе; Б) демократическія, къ коимъ относятся Кантоны Швицъ, Ури, Гларисъ, Цугъ, Аппенцель Вѣншній и Внутренній, Унтервальденъ Верхній и Нижній, Сент-Галль, Арговіа, Турговіа, Тессинъ, Вадпландъ, Женева, при Граубинденскія Лиги и Декуріи Валезскія, кон, съ Княжествомъ Невшательскимъ, составляютъ Швейцарскую Конфедерацию; потомъ Республика Андоррская на Испанскомъ полуостровѣ; Санто-Марино въ Италіи; Краковъ въ Польшѣ; Любекъ, Франкфуртъ, Бременъ и Гамбургъ въ Германіи.

Соображая все сіе, находимъ, что въ Европѣ существуютъ теперь: три Имперіи; одна Духовная Монархія; семнадцать Королевствъ; семь Великихъ Герцогствъ; одно Курфиршество; двенадцать Герцогствъ; семнадцать Княжествъ; одно Ландграфство; одно Владѣніе; тридцать одна Республика. Только должно замѣтить, что Герцогъ Ольденбургскій еще не принялъ титула Великаго Герцога, который данъ ему Высшимъ Конгрессомъ; равно и Курфирстъ Гессен-Кассельскій, который именуется Великимъ Герцогомъ только въ актахъ относительно къ управляемому имъ Великому Герцогству Фундскому.

Сверхъ того замѣнимъ, что изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ Европѣ Имперій, старѣе всѣхъ Опшноманская, ибо начинается съ взятія Константинополя въ 1453 году, тогда какъ Россійская начинается съ 1721, а Австрійская съ 1804 года; что, изъ существующихъ Монархій, древнѣе всѣхъ Французская, коей начало относится къ 486 году; что Тоскана есть древнѣйшее изъ Великихъ Герцогствъ, а Брауншвейгъ изъ Герцогствъ; что Санно-Марино есть не только старѣйшая изъ всѣхъ Республикъ, но даже изъ всѣхъ государствъ Европы; что Республикы Швицъ, Ури и Унтервальденъ существуютъ съ 1308 года; что вольный городъ Гамбургъ есть самый богатый и самый торговый, а Княжество Лихтенштейнъ и Монако и Владнѣе Кнингаузенъ, самыя мѣлчайшія изъ всѣхъ государствъ Европы.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАПИСКА

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВЪ БАКИНСКОЙ ПРОВИНЦІИ

(ДОКТ. И. ПАВЛОВА)

Извѣстно, что по различію климатовъ на земномъ шарѣ произрастаніе бываетъ различно. Посему для почивѣйшаго дознанія, какія расценія въ Бакинской провинціи могутъ быть разводимы съ успѣхомъ и выгодною, должно опредѣлить климатъ сей провинціи. Но и безъ изслѣдованія онаго, при первомъ взглядѣ, Бакинская провинція во всякое время года представляется безжизненною, мертвою, лишенною зеленаго покрова, который служилъ бы доказательствомъ плодотворной земли. Казалось бы, что Бакинскій округъ, по причинѣ недостатка расценій, долженъ быть не населеннымъ; но вы увидите, что

Телеск. Ч. XV.

жишли живутъ доспапочно, не опгъ пого полько, чпо Баку еспъ порповой городъ, но и попому, чпо земля, по видимому бесплодная, вознаграждаеспъ труды хлѣбопашцевъ. Сии пропивуръчил, бесплодіе и плодоносіе земли въ Бакинской провинціи, усйливають болѣе любопытнство изслѣдовать ея климатъ.

Бакинская провинція, по своему положенію, опносптся къ спранъ полуденной, гдѣ произраспаніе совершается дѣяпельно. Но теплота, какъ условіе произраспанія, сама по себѣ недоспапочна. Вліяніе тепла развиваеспъ сѣмена въ землѣ къ шому способной; а почва земли въ Бакинской провинціи во всякое время года предспавляется обнаженною, бесплодною. Слѣспвенно почва земли Бакинскаго округа не имѣеспъ доспапочныхъ къ шому условій. Почему же? Сей разборъ или изслѣдованіе необходимо для агронома.

Бакинская провинція заключаеспъ въ Абшеронскомъ полуостровѣ, омывающемся Каспійскимъ моремъ. Сей полуостровъ по преимуцспву соспавной части можно назващъ песочнымъ. Около самаго города и деревень песчаная почва земли имѣеспъ примѣсъ въ небольшомъ количеспвѣ чернозема, а по нѣкопюримъ мѣспамъ въ меньшемъ количеспвѣ глины и извеспи. Черноземъ, какъ необходимое вещество, изъ котораго вырабопывается пишпельный сокъ

распеліями, недоспелочень. Почему песчаной полуостровъ кажется обнаженнымъ, безжизненнымъ. Но ежели гдѣ недоспелочны условія для произвольнаго произраспелія, памъ помагаешъ искусствво. Искусствво, сопряженное съ необходимосцію, нашло выгоднымъ въ песочной почвѣ Бакинскаго округа сѣяшь съ успѣхомъ и выгодною пшеницу, ячмень и шолько. Пшеница, ячмень, еще находящъ себѣ пицу въ песчаной почвѣ. Для сихъ распелій, довольсшвующихся малымъ количесшвомъ чернозема, песчаная почва способсшвуетъ хорошему урожаю. Я бы не повѣрилъ, если бы нѣсколько разъ не былъ увѣряемъ опышомъ, что пшеница въ Бакинской провинціи бываешъ самъ 20 и самъ 30, а при лучшемъ урожаѣ и болѣе. Слѣдовашельно однородныя распелія съ пшеницею и ячменемъ въ Бакинской провинціи могутъ бышь разводимы съ успѣхомъ и выгодною. Присемъ я не могу не упомянушь о помѣ, что по причинѣ недоспашка правы въ Бакинской провинціи скоптъ кормишся саманомъ а). Но саманъ не доспелочень

а) Саманъ естъ измельченная солома. Здѣсь обыкновенно хлѣбъ не молопашъ цѣпами, какъ въ Россіи; а на шюку развязываютъ снопы пшеницы или ячменя и мнутъ оныя доскою, которую на веревкахъ по шюку возашъ лошади; на самой же доскѣ кладется для тяжеспи камень и спонитъ на ней рабочій. Почему солома совершенно мнешся; и это-то называется саманъ, которымъ кормишся скоптъ.

къ прокормленію скота, который уптучивается, или отъ копорого добывается молоко, или который упошребляется для работъ. Конечно ячмень замѣняетъ сей недоспапокъ; но ячмень по цѣнности не всегда выгоденъ для прокормленія скота. Посему полезно было бы въ Бакинской провинціи развести дятловину, которая разводится на опытномъ хуторѣ при Москвѣ. Дятловина есть самое кормовое растение, которое съ успѣхомъ можетъ быть разводится на песчаной почвѣ; ибо оно есть широколиственное растение, питающееся болѣе листомъ на счетъ воздуха; но мало изживающее корнемъ питательность почвы. На опытномъ хуторѣ оную дятловину, по причинѣ большей питательности, перемѣшиваютъ съ соломою; и здѣсь хорошо бы было мѣшать оную съ саманомъ.

Первая потребность, доспапокъ хлѣба, удовлетворяется хорошимъ урожаемъ пшеницы и ячменя. Скудная природа Бакинской провинціи не чуждается и роскошныхъ произведеній, которыми славится воспокъ. Къ числу паковыхъ произведеній принадлежатъ шуповля и фиговья деревья, марена, виноградныя лозы, гранаты и каляннй табакъ. Но шафранъ есть неотъемлемое достояніе Бакинской провинціи. Скажемъ о сихъ произведеніяхъ порознь и въ особеннсти о шафранѣ.

шафранъ въ Бакинскій провинціи есць рас-
спеніе, которое сей Провинціи доставляешъ
годоваго дохода до 120 тысячъ рублей ассигна-
ціями и болѣе. Посему о шаковомъ выгодномъ
распеніи слѣдовало бы сообщить испорическое
свѣденіе, но, по обычаю Азіяпцевъ, исторія сего
распенія перелетѣла во мракъ времени давно минув-
шихъ. Никшо не помнишь и нѣтъ никакихъ преда-
ній о семъ распеніи, откуда и когда оно выве-
зено въ Бакинскую провинцію. Нельзя же допу-
сцишь, чшобы оно произвольно выросло на Ба-
кинскій почвъ, которая и при нѣкопоромъ
удобреніи не оказываешъ доставочной дѣятель-
ности въ своемъ произведеніи. Но чшо же бы-
ло прежде, когда песчаной Абшеронскій полу-
островъ былъ игралищемъ однихъ порывовъ
въпра? Чшо можешъ росци на пескъ? А замѣ-
чаемая шеперь примѣсь чернозема въ здѣшней по-
чвъ, въроятно, есць произведеніе общаемосци
сего полуострова; ибо примѣсь чернозема въ пе-
скъ замѣчашельна болѣе около города и деревень.
Такъ, на счетъ первоначальнаго разведенія шаф-
рана въ Бакинскій провинціи супъ однь догадки.
Здѣшніе житѣли довольствуюшя нѣмъ, чшо
разводяшъ его, передавая другъ другу какъ
природное наслѣдіе. Сіе распеніе, которое со-
ставляешъ роскошь Индіи, разводишя въ Ба-
кинскій провинціи по полямъ и огородамъ.
Предметъ сего сочиненія шребуешъ упомянушь

въ особенності о разведеніи сего распенія. Я не буду говоришь, какъ бы слѣдовало обходиться при разведеніи шафрана по меподѣ лучшихъ агрономовъ; скажу только о томъ, какъ шеперь разводятъ шафранъ Бакинскіе жишели, копорые держатся меподы своихъ предковъ.

Землю, на копорой копятъ сажаютъ шафранъ, желѣзными лопатками рыхлятъ; изъ рыхлой земли грядами дѣлаютъ возвышенія; а между сихъ возвышеній дѣлаются углубленія на подобіе жолоба; въ сіи-шо углубленія кладутъ луковицы шафрана и засыпаютъ землею. Шафранъ, такимъ образомъ посаженный съ осени, на другую осень приноситъ плодъ. Шафранъ, при своемъ произраспеніи не шепитъ соперничества съ другими распеніями; а пошому его почасту очищаютъ отъ сорныхъ шравъ. Сіе основывается на томъ, что сорныя шравы понапрасну испощаютъ землю, въ копорой шафранъ получаетъ свое пишаніе. Злѣйшія испребишели луковицы шафрана сушь земляныя мыши, копорыя иногда испребляютъ цѣлыя шафранныя гряды. Земледѣльцы всѣми силами вооружаются къ испребленію похишителей ихъ собственности; но способы земледѣльцевъ къ испребленію мышей недоспапочны, а пошому улучшение сего способа досшавитъ земледѣльцамъ не малую вышоду. О чемъ

ученье разсуждаютъ въ кабинетахъ, по просполюдинамъ доспаеися многопруднымъ опыпомъ. Они каждый годъ подъ шафранныя гряды оспрыми колыями дѣлаютъ углубленія съ шѣмъ, какъ говорятъ, чшобы вода прошла; а мы прибавимъ, чшобъ былъ и свободный доспугъ воздуха, какъ необходимое условіе при распишельномъ процессѣ. Посаженный шафранъ съ осени, слѣдующею весною въ хозяйнѣ возбуждаеть любопытство: хорошъ ли будетъ урожай онаго? Лишь только спебель выкажешся изъ земли, хозяйнѣ выкапываетъ луковицу, разрѣзываетъ оную по поламъ и разсматриваетъ продолговашыя знаки въ срединѣ луковицы, копорыя суть знаки будущаго плода ихъ. Они по вдольнымъ знакамъ внупри луковицы судятъ, самъ ли прешей или самъ чешвертъ будетъ; хорошій урожай бываетъ самъ пяпъ и самъ шесшъ. До чего доводитъ опыпность! Мы недавно приносили вырыпныя изъ подъ снѣга луковицы шафрана, по сняпнн внѣшней оболочки указывали на шемно-красныя пяпна самой луковицы, копорыя знаки предвѣщали, каковъ будетъ урожай шафрана; ибо сколько шаковыхъ знаковъ находипся, сполько обвщаетъ и плодовъ онаго. По посаженіи шафранныхъ луковицъ на первый годъ прибываетъ оныхъ вдвое и вшрое, а на вшрой и шрепій годъ прогресивно увеличиваетъ размно-

женіе шафрана, а на четвертый, уменьшается; значить, что земля под шафраномъ находящаяся испощилась. Черезъ четыре года шафранныя луковицы пересаживаютъ на другое мѣсто. Ежели шафранъ, по посаженіи онаго, въ три года прогрессивно увеличивается, то черезъ три года изъ одной гряды можетъ быть грядъ пятнадцать. Но не шакowo бываетъ на самомъ дѣлѣ. По чему же? спросилъ я. Земледѣлецъ-Мусульманинъ по Русски отвѣчалъ сравненіемъ, что не всѣ живутъ дѣши, которыя рождаются, что изъ нихъ иногда большая часть умираетъ; шакъ и шафранъ по поршился, гнѣетъ, то бываетъ поѣденъ мышами, то даже скопомъ, а особенно свиньями а). Слѣдовательно за всѣмъ вычетомъ ущербъ шафранныхъ луковицъ изъ одной гряды въ три года можетъ прибыть четыре гряды и не болѣе пяти грядъ. Урожай шафрана зависитъ отъ того, если по часпу перепадаютъ дожди весною, или по грядамъ, гдѣ есть возможность, проводящъ каналы отъ колодезей.

Шафранъ цвѣшетъ осенью въ концѣ Ок-

-
- а) При всей справедливости Мусульманина при семъ замѣтна была ненависть къ свиньямъ, которыхъ небольшое количество близъ крѣпости разводилъ Русскими солдатами. Сіи свиньи большого вреда не могутъ нанести шафрану, разводному по всей провинціи.

шября мѣсяца и въ началѣ Ноября. Цвѣщеніе совершается въ 10 и 15 дней. Въ сіи дни жипели спарающія убрашь весь шафранъ; мужа, жены, дѣши просиживають ночи, выщипывая изъ цвѣшка пычинки и песпики. По сорваніи съ грядъ цвѣшковъ, немедля должно вырывать пычинки и песпики; а ежели цвѣшки полежалъ сушки, шо они порпяшся, гнѣють. Причина скорой порчи происходитъ опгъ сочноспи шафраннаго цвѣшка, и вѣрояшно, опгъ примѣси соли, копорую почва земли Абшеронскаго полуострова проникнула. Посему сомнишельно, чптобы Бакинскій шафранъ имѣлъ шоже совершенно качество, каковое имѣеть шафранъ въ Южной Европѣ размножаемый. Я не имѣлъ случая, чптобы вѣрно испытать доброту онаго. Лучшее собираніе шафрана, изъ числа пѣнадцати дней, производится въ печеніи прехъ дней. Сіи при дня Мусульмане называютъ; *калинъ нуйбетъ*; *калинъ* значить гуспой, *нуйбетъ* очередь; переводя слово въ слово, значить гуспая очередь для собиранія шафрана, шо есть, лучший сборъ шафрана. На чемъ основывается сіе замѣчаніе Мусульманъ, что при дня при цвѣщеніи шафрана сущъ лучшіе для собиранія онаго, неизвѣстно. Вѣрояшно, что шафранъ поспѣваетъ современно. Слѣд. въ сіе время собираніе его есть самое лучшее. Но ежели шафранъ долго оспається на грядкахъ; шо при по-

спѣлоспи или, говоря физиологически, по совершеніи акта оплодотворенія, пычки и песника, теряя связь съ вѣнчикомъ, удобно силою вѣтра вырываются изъ онаго. Чрезъ чпо въ поздніе дни цвѣшенія число пычинокъ и песниковъ уменьшается, а пошому и не спорится.

По выщипаніи изъ цвѣшковъ пычинокъ и песниковъ, положимъ, вѣсомъ одинъ фунтъ, кладупъ оныя пычки и песники на мѣдной или жеспяной подносъ, наливаюпъ шуда воды одинъ спаканъ и варяпъ на угольяхъ а) чепверть часа. Послѣ кипѣнія пычки и песники собираюпся въ кучу, пакъ чпо изъ лгого образуешя шафранный комъ, а по краймъ подноса оспаешя вода, копорую собираюпъ шряпками. Наконецъ паковый шафранный комъ на легкомъ огнѣ подогрѣваюпъ цѣлый день, а на ночь покрываюпъ шряпками. На другой день шафранной комъ провѣшрива-

а) Уголья Бакинцамъ служатъ вмѣсто дровъ. По обычаю Азіяпцевъ въ домахъ печей не имѣется. Бакинцы раскаляюпъ уголья въ жаровняхъ и спавяпъ оныя жаровни подъ чепвероугольную связь, родъ низкаго стола, чпо Мусульманами называется *курси*. Сія курси покрываюпъ шолстыми одѣлами и подъ оныя одѣлы всѣ ложатся, кпо хочеть грѣться. Уголья вывозяпъ изъ Кубы. Куба ошъ Баку ошсповишъ на 150 вершпъ. Русскіе чиновники для зимы ошъ себя дѣлаюпъ солдашми русскія печи и топяпъ дровами. А дрова привозяпъ моремъ на судахъ изъ Персіи или изъ Ланкорана.

юшь и сохраняюшь, обернувши холстомъ и кожью, чпобы оный шафранный комъ болѣе не усыхалъ. Если шаковый шафранный комъ оставишь на свободномъ воздухѣ на однѣ супки, по изъ 20 фунповъ шафраннаго кома убудешъ $\frac{1}{7}$ фунпа вѣсу. Сей шафранный комъ, состоящій изъ однѣхъ пычинокъ и песпиковъ, Мусульманами называется *зафранъ-халисъ*, по еспь, чпсой шафранъ. Если шафранный комъ дѣлается изъ пычинокъ и песпиковъ съ примѣсю листковъ самого вѣнчика, по называется *зафранъ-сарлы*, по еспь, нечиспой шафранъ. Мало шого, чпо къ чпсному шафрану дѣлается подмѣсь изъ листковъ вѣнчика; но корысполюбіе Мусульманъ заспавляетъ въ средину шафраннаго кома дѣлать разную подмѣсь, какъ по: шерпый кирпичь, песокъ, дыню и пр. Таковый шафранный комъ называется *зафранъ-манпуръ*, по еспь, худщій шафранъ, самой нечиспой. Но выгодна ли какая либо подмѣсь къ чпсному шафрану? Шафранъ, разводимый въ Бакинскоѣ провинціи, жипелами большею часпю продается въ Персію, а Персіяне перепродаютъ Индїйцамъ. Теперь чпсшый шафранъ на мѣспѣ въ Баку продается фунпъ 10 руб. ассигн.; но прежде пошь же шафранъ продавался фунпъ 15 и 20 руб. ассигн. Какая же причина шаковаго упадка въ цѣнѣ? Та, что Персіяне, не разъ будучи обманушы Бакинцами,

покупая нечиспый шафранъ за самой чиспой, получали убытокъ ошъ пого и пеперь не дорожащъ шѣмъ вещеспвомъ, коипорое доставляло имъ прежде лучшую выгоду. Бакинцы обыкновенно дѣлають шафранный комъ пакъ, чпо снаружи бываешъ чиспой шафранъ, а внупри разная смѣсь. Персіяне, покупая по наружности шафранъ, безопасно содержатъ его по обыкновенію; а шаковый шафранъ чрезъ нѣкоторое время порпипся, гніешъ и они принуждены его бросашъ. Посему поперяно довѣріе къ Бакинскому шафрану и цѣна упала. Спротій надзоръ за обдѣлкою шафрана можетъ возстановишь прежнюю цѣну. Шафранъ Персіянами употребляешся въ кушанье, красящъ имъ руки, а въ Шемахѣ красящъ имъ шелкъ а); но главная торговля шафраномъ съ Индією. На мѣспѣ въ Баку покупаемый шафранъ по 10 руб. асигн., въ Индіи, какъ слышно, продаетса по 6 и 7 руб. серебромъ фуншъ. При перевозѣ изъ Баку до Индіи, промышленники полагають, изъ 10 фуншовъ убываетъ, п. е. усы-

- а) О шой части шафрана, кошорая вывозишся въ Аспраханъ, не спомпшъ упоминашъ; ибо шафранные Бакинскіе комья мало нужны въ Россіи. Таковыя комья я видѣлъ даже завезенными въ Москву, гдѣ торговецъ, показывая мнѣ, говорилъ, чпобы я, пріѣхавши въ Баку, посовѣтовалъ Бакинцамъ обдѣлывать шафранъ иначе. Но Мусульмане и при видныхъ выгодахъ не скоро послушаютса другихъ совѣшовъ, кромѣ шѣхъ, кошорыхъ они держатса.

хаепъ до двухъ и даже до трехъ фуншовъ въ-су. Индійцы шафранъ также употребляютъ въ кушанье, песпряпъ имъ свои лица, а особенно на лбу, дѣлая родъ креспа; главный же расходъ шафрана въ Индіи попребляется на окрашиваніе домовъ. Кпо изъ Индійцевъ даетъ опкрышый балъ, пошъ окрашиваетъ свой домъ шафраномъ. И шѣмъ блистательнѣе бываетъ оный балъ, чѣмъ болѣе употребляется шафрану на окрашиваніе дома. Окрашиваніе домовъ шафраномъ въ Индіи почищается роскошью. И сія Индійская роскошь у Бакинцевъ покупается слишкомъ за 120,000 руб. ассиг.

Мысляще козяева прочипавъ спатью о разведеніи и добываніи шафрана въ Бакинской провинціи не удовольствовались бы шѣмъ, что Бакинцы дѣлаютъ шафранные комья и продаютъ оныя Индійцамъ и Персіянамъ на 120,000 руб. ассиг. и болѣе. Спросили бы, не выгоднѣе ли было бы для нихъ, вмѣсто шафранныхъ комьевъ, пригошовляемыхъ вареньемъ и просушкою пычинокъ и песпиковъ, обдѣлывать провѣшриваніемъ и вывозить въ Россію для медицинскаго употребленія, когда употребляемый Россійскими медиками шафранъ получается изъ разныхъ мѣспъ южной Европы? Сей предметъ по испинѣ заслуживаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Но должно сказать, что шафранные комья, дѣлаемые съ начальнаго разведенія шафра-

на въ Бакинскои провинци, приносятъ хорошую выгоду Бакинцамъ, копорые имѣютъ хорошихъ покупателей, каковы Индѣйцы, любители шафранныхъ украшеній. Быть можетъ, выгода была бы отъ обдѣльванія шафрана однимъ провѣприваніемъ; но для сего нужны большія спроенія, а дома Бакинцевъ, состоящіе изъ груды камней а), налѣплены одинъ на другомъ такъ тѣсно, что не можно оплчить, сколько домовъ на извѣсномъ пространствѣ земли. И самое устройство домовъ такъ не удобно, что прибывающій моремъ въ Баку видитъ склонъ полугоры, какъ бы изрытой не правильно каменоломнями: это самое и есть городъ. Сильные Бакинскіе вѣпры не малое дѣлаютъ препятствіе къ провѣприванію шафрана, ибо при сильномъ вѣпрѣ во всякую скважинку спроенія набивается песокъ. Вывоза большую часть шафрана въ Россію, неужели вы хотите Индѣйцевъ лишитъ шафранной роскоши? Нельзя не дѣлать одолженія и Индѣйцамъ, копорые снабжаютъ насъ пряными и ароматическими распеніями. Не опнимайте воли у Бакинцевъ: пусть они пригошворяютъ шафранъ

а) Въ Баку по причинѣ недостатка лѣса нѣтъ ни одного деревяннаго дома, а спроеныя оныя изъ камней; жженый кирпичъ иногда привозится на судахъ изъ Астрахани для одѣхъ только печей.

по своему. А опытъ, чшобы шафранъ пригото-
вляеть по методъ Европейцевъ, выгодно мо-
жетъ быть производимъ опъ Правительсва,
успроивъ небольшую колонію для разведенія
и приготовленія шафрана въ Бакинской про-
винці по методъ Европейцевъ. Ежели прави-
тельство, прежде нежели будетъ иждивать
на устройство шафранной колоніи, пожелаеть
знать, какой доброты Бакинской шафранъ и
какую выгоду принесеть при приготовленіи
оного однимъ провъприваніемъ, шо по руково-
дству знающаго чловѣка жштели безъ обременія
съ каждой семьи могутъ дославить по
одной чешверти фунша провъприваніемъ при-
готовленнаго шафрана. Но когда учредится
шафранная колонія, шогда оная колонія зай-
мется разведеніемъ и другихъ расшеній, о ко-
норыхъ шеперь слѣдуетъ говорить.

МАРЕНА естъ также расшеніе Дагестанское, а
именно въ большомъ количествѣ разводится
въ Дербеншской провинці. Она въ Бакинской
провинціи начинаеть разводиться по зависи
здѣшнихъ жштелей, копорые много слышали,
чшо Дербеншскіе жштели богащаются опъ
размноженія оного расшенія.

хлопчатой бумаги разводится небольшое ко-
личество и только тамъ, гдѣ естъ въ ого-
родахъ колодези. Хлопчатая бумага любима

мокрыя мѣспа, а пошому по грядѣмъ хлопчатой бумаги проводятъ каналы съ водою отъ колодезей. Мы не сожалѣемъ о томъ, что хлопчатой бумаги у насъ не много разводится; она во время цвѣшенія наполняетъ воздухъ вредными испареніями, губельными для здоровья.

Кунжутъ также разводится не въ большемъ количествѣ, по тойже причинѣ, какъ и хлопчатая бумага, по есъ, по недоспашку воды. Хлопчатая бумага и кунжутъ съ хорошимъ успѣхомъ разводится въ Сальянскомъ округѣ, которій благоприятствуетъ симъ расшеніямъ.

Кальянный табакъ съется въ довольномъ количествѣ жителями деревни Бузовни. Сія деревня отъ кальяннаго шабаку получаетъ хороше доходы. Табаки и другаго сорпа съ успѣхомъ и выгодною могутъ быть разводимы. Я полагаю, что въ Бакинской провинціи шабакъ лучший можетъ быть, нежели въ Виргиніи (въ Сѣверной Америкѣ), гдѣ морозу бываетъ до 12° Р. Т., а въ Бакинской Провинціи 7° Р. Т.

Виноградные сады покрываютъ весь берегъ моря, начиная отъ Абшеронскаго мыса до Бѣлой рѣчки, пространствомъ верстъ на пятьдесятъ. Сей берегъ есъ чисто песчаный. Будучи въ Баку весною и лѣтомъ, вы услышите, что всѣ почти городскіе жители въгхали въ сады.

Посему возбуждается въ васъ любопытство посмотрѣть Бакинскіе сады. Прїѣзжайте сюда: и вы увидите однѣ только виноградныя лозы, спелющіяся по песку, а индѣ и фруктовыя деревья, попрысаемыя сильными порывами вѣтра. Ваше любопытство скоро превратится въ изнеможеніе, ибо всякой шагъ по зыбкому песку приводитъ васъ въ упомленіе. Виноградныя лозы, посаженныя одинъ разъ въ песокъ, обезпечиваютъ жипелей оупъ дальнѣйшаго пруда. Всякой годъ жипели только занимающа собираниемъ винограда, а лозы произвольно размножаются и плодятся. Изрѣдка случается, что песокъ, волнуемый вѣтромъ, заноситъ нѣкошерыя виноградныя лозы и жипели погда принуждены бывающъ разрывать песчаныя насыпи. Бакинскій виноградъ замѣчашеленъ тѣмъ, что во вкусѣ имѣетъ солоноватость. Сія солоноватость сообщается и винамъ, изъ него выдѣлываемымъ. Собранный виноградъ не долго можетъ быть сохраняемъ: скоро порпортится, гниетъ. Мусульмане изъ винограда дѣлающъ изюмъ и кишмишъ. Русскіе и Армяне выдѣлываютъ изъ него вино. Говорятъ, что вина здѣсь прежде выдѣлывались лучше, чѣмъ теперь, оупъ недоспашка винограднаго мастера. Впрочемъ и теперь дѣлающъ удачно, на подобіе лучшаго сорпа Донскаго. А прочія вина сущъ обыкновенными, имѣющія вкусъ солоноватой.

Въ садахъ естъ фиговья и гранатныя деревья въ довольномъ количествѣ. Естъ и шуповыхъ деревьевъ довольное количество; но шелку во всей провинціи добывается не болѣе двухъ фунтовъ. Впрочемъ распѣнію шуповыхъ деревьевъ здѣшній климатъ благопріятствуетъ, а попому съ успѣхомъ и выгодною могушь быть разводимы сіи деревья.

(до слѣдующей книжки.)

II.

ОДИНЪ МЪЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

ПОВѢСТЬ БАЛЪЗАКА.

§ II.

ФЕРРАГУСЪ.

Прекрасное дѣло ремесло шпіона, когда оно исправляется ради себя, по внушенію спрасити! Это значить давать себѣ удовольствіе быти воромъ, не переслававая быти честнымъ человекомъ. Но въ шакомъ случаѣ должно осудить себя кинуть въ гнѣвомъ, рычать отъ неперпѣнія, моровить ноги въ грязи, коспенѣть и горѣть въ одно время, пресыщаться ложными надеждами. Должно по указанію слабой примѣты, идти къ невѣдомой цѣли, давать промахи,

ругались, бѣсисься, импровизировашь самому себѣ элеги, днѣирамбы, дѣлашь глупыя восклицанія предъ мирнымъ прохожимъ, копорый изумляешся, глядя на васъ; попомъ сбивашь съ ногъ добрыхъ спарушекъ съ ихъ лошками, бѣгашь, опѣдыкашь, спояшь нѣсколько часовъ подъ окошкомъ, дѣлашь пысячи предположеній... Эпо наспопцая охота, охота среди Парижа, охота со всѣми принадлежноспями, за исключеніемъ собаки, ружья и апу-его! Нѣпъ ничего, подобнаго симъ сценамъ, кромѣ развѣ жизни игроковъ. И припомъ нужно сердце, преисполненное любовью или мщеніемъ, чпобы засѣсть въ засаду среди Парижа, подобно пигру, алчущему бросись на свою добычу, и здѣсь наслаждашья всѣми приключеніями Парижа и кварпала, обогащая самимъ собою ихъ, и безъ того обильную, занимашельноспь. Тогда надобно помножить свою душу: ибо должно жить пысячью спраспей, пысячью чувспвованій вмѣспь!

Августъ де Моленкуръ ринулся всѣмъ быпьемъ своимъ въ эпо раскаленное сущеспвованіе: ибо чувспвовалъ всѣ его бѣдспвіа и всѣ наслажденія. Онъ бродилъ, переодѣпмый, по Парижу; спорожилъ во всѣхъ углахъ переулка Пажевень и улицы Спарыхъ - Августинцевъ; и, въ продолженіе прехъ дней, рыскаль, какъ охопникъ, взадъ и впередъ, изъ переулка Менаръ въ переулкъ Соли, изъ переулка Соли въ переулкъ Менаръ,

не думая ни о месши, ни объ удачѣ, коей шагн его могли бытъ вознаграждены или наказаны. Еще не дошелъ онъ до пого соспоянiя неперпѣнiя, когда внупренности выворачивающся на изнанку и пошъ выспунаешъ по всему пѣлу: онъ бродилъ пока съ надеждою, воображая, что Гжа Жюль не осмѣлится въ первые дни ворошиться пуда, гдѣ была подмѣчена. Посему сiи первые дни посвятилъ онъ шому, чтобы прѣникнуть во всѣ таинства переулка. Будучи новичкомъ въ семь ремеслъ, онъ не смѣлъ распрашивашъ ни дворника, ни сапожнаго мастера дома, въ который ходила Гжа Жюль: но надѣялся устроить себѣ обсерваторiю въ домѣ, насупротивъ таинственнаго жилища. Онъ изучалъ шщательно мѣстоположенiе и хотѣлъ согласить благоразумiе съ неперпѣливостью, любовь съ шайною.

Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ Мал, посреди плановъ, кон обдумывалъ, дабы рѣшить все однимъ могучимъ ударомъ, оставивъ свою гаупп-вахту, гдѣ вышоялъ одну изъ бесполезныхъ споекъ, ничего ему не открывшихъ, онъ возвращался около чешырехъ часовъ домой, куда призывали его дѣла службы, какъ, въ переулкѣ Бокильеръ, захваченъ былъ однимъ изъ шѣхъ вродивныхъ дождей, коими вдругъ наполняющся канавы и кошорыхъ каждая капля опскакиваетъ большимъ пузыремъ на уличныхъ лужахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ пѣшеходъ, спранспвующій въ Парижѣ, принужденъ бываетъ остано-
вись и бѣжать искашь приюта въ лавкѣ или
въ кофейной, если сполько богашъ, чшо можешъ
запламишь за сіе насильно вынужденное госпе-
пріимство, или, при крайности, у дверей домовъ,
въ единственномъ убѣжищѣ всѣхъ бѣдныхъ и
дурно одѣтыхъ людей. Какъ доселѣ еще ни
одинъ изъ нашихъ живописцевъ не попытался
изобразить эпошъ рой Парижанъ, струпирован-
ныхъ, во время иенасшья, подъ мокрымъ навѣ-
сомъ крылецъ! Гдѣ найши богаче картину?

Не встрѣчаешъ ли здѣсь вопервыхъ пѣшехо-
да мечтателя или философа, который съ на-
слажденіемъ наблюдаешъ, либо рябь, производи-
мую дождемъ на сѣромъ фондѣ атмосферы, родъ
насѣчекъ, подобныхъ прихотливымъ спруйкамъ
чеканнаго хрусталя; либо клубы сѣдыхъ брыз-
говъ, кои вихрь разбрасываетъ серебряной пы-
лью по кровлямъ; либо шумные, пѣнастые
выплески изъ трубъ; и тысячи другихъ любо-
пытныхъ бездѣлокъ, изучаемыхъ съ наслаждені-
емъ праздношапающими, не смотря на уда-
ры мешлы, коими угощаешъ ихъ хозяинъ дома?

Потомъ пѣшеходъ говорунъ, который кроп-
челся и брюзжитъ съ привратницей, между
тѣмъ какъ сія послѣдняя рисуется предъ нимъ,
опершись на мешлу, какъ гренадиръ на свое
ружьѣ.

Пѣшеходъ нищій, ~~свѣтлоспически~~ прильнувшій къ стѣнѣ, безъ всякой заботливости о своихъ лохмотьяхъ, прирученныхъ къ соприкосновенію съ улицами;

Пѣшеходъ любознапелный, копорый изучаетъ, разбираетъ по складамъ или чипаетъ афиши, не оканчивая ни одной изъ нихъ;

Пѣшеходъ весельчакъ, забавляющійся надъ каждымъ, съ кѣмъ встрѣчается на улицѣ невзгода, пересмѣхающій забрызгавшихся женщинъ и дѣлающій глазки шѣмъ, коихъ видитъ у окопекъ;

Пѣшеходъ молчаливый, копорый смоприять по всѣмъ эшажамъ, по всѣмъ окнамъ;

Пѣшеходъ дѣловой, вооруженный сумкой или порпфейлемъ, вычисляющій дождь прибылью и убылью;

Пѣшеходъ любезникъ, прилепающій вдругъ какъ снѣгъ на голову, съ словами: «ахъ, господа! что за время?» и раскланивающійся со всѣми;

Наконецъ настоящій Парижскій горожанинъ, человекъ зонпичный, знающій силу въ ненаспы, копорый его предвидѣлъ, копорый спелъ со двора не смопря на предостереженія жены, и шеперь усѣлся на скамью приврашника.

Смопря по своему характеру, каждый членъ его случайнаго общеспва, выглядывая небо,

спѣшишь опсправиться въ пушь, прыгая черезъ лужи, чптобы не загрязнишься, или попому чпто его шоронишь нужда, или опть штого чпто видишь другихъ, бредущихъ по улицѣ не смотря на вѣшеръ и грязь, или наконецъ попому чпто дворъ дома, избраннаго убѣжищемъ, сыръ и чершовски преспудень, а, по пословицѣ, кромка еще хуже сукна. У всякаго свои причины. Оспается только одинъ благоразумный пѣшеходъ, который сквозь распреснувшіяся облака ищепъ какихъ-нибудь голубенькихъ пашнышекъ, дабы пушиться въ пушь-дорогу.

И такъ Г. де Моленкуръ, со всей фамилией пѣшеходовъ, убѣжалъ на крыльцо одного спараго дома, коего дворъ походилъ на большую каминную трубу. Вдоль эшихъ спѣнъ, конхъ промзгая шпукатурка всл позеленѣла, находилось сполько опдушинъ и спокоевъ, да во всѣхъ чешырехъ связяхъ зданія сполько эпажей, чпто бѣдные пушники. были словно подъ Сен-Клудскими каскадами. Вода лилась ручьями со всѣхъ споронъ: она кипѣла, бурлила, ревѣла; казалась и черною и бѣлою, и зеленою и синою; плескалась и визжала, подъ метлою приврашницы, спарой. беззубой женщины, которая была какъ будто создана для непогодъ и благословляла ихъ, выбрасывая на улицу пысячи разныхъ крохъ и дребезговъ, изобличавшихъ жизнь и привычки каждаго изъ обшшпелей дома. То

были вырѣзки Ост-Индскаго снѣдка; чайная шва; лепешки поддѣльныхъ цвѣтшвъ, обливные, испорченныя; очиски разныхъ кореньевъ, соръ бумагъ, мепаллическіе обломки. Каждымъ взмахомъ мешлы, спаруха обнажала на голо душу пошока, эшу черную ирещину, испещренную подобно шахматной доскѣ, прошивъ коей пакъ ожеспочены дворники.

Бѣдный любовникъ разсмаприваль сію каршину, одну изъ пысячей, ежедневно представляемыхъ подвижнымъ Парижемъ; но онъ разсмаприваль ее машинально, поглощенный своимъ мыслями; какъ вдругъ, поднявши глаза, увидѣль подъ носомъ челоуѣка, копорый только что явился.

Это былъ, по наружности, нищій, но не нищій Парижскій, созданіе не имѣющее имени въ языкахъ челоуѣческихъ; это былъ шипъ совершенно новый, выбитый внѣ всѣхъ поняпій, возбуждаемыхъ названіемъ ницаго.

Незнакомецъ не опдичался шѣмъ характеромъ, оригинально Парижскимъ, поражавшимъ насъ довольно не рѣдко въ несчастныхъ, комхъ Шарле изображалъ физиономию и нравы, иногда съ необычайнымъ успѣхомъ. То фигуры грубыя и отвратишельныя, валяющіяся въ грязи, съ охриплымъ голосомъ, съ краснымъ, луковицею, носомъ, съ беззубымъ рпомъ, имѣющимъ однако

грозное выраженіе: фигуры презрѣнныя и вмѣстѣ ужасныя, въ конхъ глубокая мысль, сверкающая въ глазахъ, кажепся безсмыслицей. Нѣкоторые изъ сихъ наглыхъ бродягъ имѣють нѣчто испрескавашагося мрамора съ жилками; лобъ весь изрытъ морщинами; волосы рѣдкіе и запачканныя, словно на парикѣ, брошенномъ въ уголъ; совершенно веселье въ своемъ униженіи и опшрапшительно низкіе въ своей веселости; съ ногъ до головъ запечашлѣнные клеймомъ разврата. Они бросають вокругъ свое безмолвіе, какъ укоризну; положеніе, въ коемъ рисуются они для взоровъ, изобличаетъ ужасныя мысли. Они живутъ между прешупленіемъ и милоспшннею; оспорожно кружатся около эпифана, не попадая на него; невинные посреди порока и порочные среди своей невинности. Они часто возбуждаютъ улыбку, но всегда заспавляютъ призадуматься. Иной предспавляетъ вамъ зачаверѣлую цивилизацію; онъ понимаетъ все: честь пшорьмы, опечешва, добродѣтели. Здѣсь шельмовешво подлаго прешонароднаго прешупленія; шамъ ушонченность образованнаго злодѣя. Эпифанъ обнаруживаетъ шерпѣливую преданность судьбѣ, мимикъ глубокій, но безмысленный. Всѣ пшпашють шайную злобу прошивъ порядка и шпруда: но всѣ извергнушы въ грязь, въ коей прешмыкаются, общешвомъ, коепоре не хочешъ и навѣдашья, сколько поэтовъ, людей великихъ;

головъ безспрашныхъ, съ удивительною организаціею, находится между сими бродягами, сими цыганами Парижа. Это особый народъ, въ высшей степени добрый и въ высшей степени злый, подобно всѣмъ массамъ: народъ, который много терпѣлъ, который привыкъ переносить неслыханныя бѣдствія и непреодолимою, роковою силою навсегда прикованъ къ шини! У него одна мечта, одна надежда, одно блаженство: игра, доперя и ли вино!

Никакихъ слѣдовъ сей спральной жизни не замѣтно было въ существѣ, прильнувшемъ съ совершенною безпечностію къ спѣнѣ, предъ Г. де Моленкуромъ, подобно фанпазіи, брошенной искуснымъ артистомъ на изнанкѣ какого-нибудь холста въ его мастерской. Это былъ человекъ длинной и сухой, коего свинцовое лице изобличало мысль глубокую и ледную. Онъ изсушалъ всякое соспраданіе къ себѣ въ сердцахъ любопытныхъ, своимъ положеніемъ, исполненнымъ ироніи, и мрачнымъ взглядомъ, обнаруживавшимъ припязаніе обращаясь со всѣми на ровной ногѣ. Лице его ошличалось запачканной бѣлизной; черепъ, весь въ морщинахъ, лишенный волосъ, имѣлъ нѣкоторое сходство съ кускомъ граната. Нѣсколько плоскихъ, съдыхъ прядей, по обѣимъ споронамъ головы, спускались на воротникъ испачканнаго плаща, застегнушаго подъ самую шею. Онъ

походилъ вмѣстѣ на Вольпера и на Дон-Кихота; казался насмѣшливымъ и задумчивымъ, исполненнымъ презрѣнія ко всему, философомъ, но полу-сумасшедшимъ. По видимому, на немъ не было сорочки; борода была опрощена весьма длинно; и дурной черной галспукъ, весь изношенный, изорванный, открывалъ выпуклую шею, изрыпую глубокими рубцами, соспавленную изъ полспыхъ жилъ, похожихъ на канавы. Широкия, круглыя синева рисовались подъ обоими глазами. Съ виду ему было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ шестьдесятъ. Руки были чисты и бѣлы. На ногахъ сапоги сполшанные, всѣ въ дырахъ; синее исподнее плашье, во многихъ мѣстахъ зашпопанное, покрывное нѣкопорога рода пухомъ, мало свидѣтельствовало въ пользу незнакомца.

Попому ли, что его намокшее плашье дурно воняло, или можетъ быть, въ своемъ нормальномъ соспояннн, онъ имѣлъ пошъ характериспическнй запахъ нищеты, коимъ опличаются всѣ Парижскня кануры, почно шакъ, какъ судейскня залы, церковныя паперти и богадѣльни, запахъ вонючнй и промзглый, о которомъ ничто не можетъ дать почнаго понятнн, сосѣды незнакомца оспавили свои мѣста и покинули его одного. Онъ бросилъ на нихъ, и пошомъ перевелъ на офицера, спокойннй, безъ всякаго выраженнн взглядъ, пошъ славннй Та-

лейбрановскій взглядъ, шускльй и холодный, родъ непроницаемаго полога, подъ копорымъ сильная душа скрываетъ самыя глубокія движенія и самыя вѣрныя расчепы о людяхъ, вещахъ и произшеспвiяхъ. Ни одинъ сгибъ лица его не шелохнулся; ропъ и лобъ были совершенно неподвижны; но глаза опуспились внизъ движенiемъ благородно-медленнымъ и почти прагическимъ. Коротко сказать, цѣлая драма заключалась въ эшомъ движенiи рѣсниць, почти полинавшихъ.

Видъ сей спонической фигуры погрузилъ Г. де Моленкура въ одно изъ тѣхъ задумчивыхъ мечпанiй, кои начинаются проспрымъ вопросомъ и разрѣшаются въ цѣлый мiръ мыслей.

Дождь прошель. Г. де Моленкуръ не замѣпилъ ничего опъ незнакомца, кромѣ полы серпука, задѣвшаго за пропуарный сполбикъ. Но, покидая свое мѣспо, чпобы идти далѣе, онъ нашель подъ ногами выпавшее письмо и догадался, чшо оно шло изъ кармана незнакомца, вынимавшаго фуляръ въ глазахъ его. Офицеръ взялъ письмо, чпобы опдашь ему, и невольню прочель адресъ:

ГАСПАДИНУ ФЕРРАГУСУ,

*вулице Старыхъ Августинцевъ,
на углу пиреулка Соли,
вПариже.*

На письмѣ не было ни какого шпемпеля; но

сей адресъ воспретяшествовалъ Г. де Меленкуру отдать его; ибо мало спрастей, копорья бы наконецъ не воспоржесествовали надъ совѣсною.

Баронъ возимѣлъ предчувствіе, что находка сія можетъ быть для него весьма благопріятнымъ случаемъ, и рѣшился, удержавъ письмо, дать себѣ право войти въ тайнственнѣйшій домъ, чптобы отдать его хозяину, не сомнѣваясь, что онъ жилъ въ этомъ подозрительномъ жилищѣ. Уже догадки, слабыя, подобно первому мерцанію разсвѣта, заспаляли его подозрѣванъ сношенія между симъ человекомъ и Гжею Жюль. Ревнивые любовники предполагаютъ все; и предполагаютъ все, выбирая заключенія самыя вѣроподобныя, судьи, любовники и наблюдатели, угадываютъ наконецъ истину, копорая ихъ импересуетъ.

— Къ кому это письмо? Не ошъ Гжи ли Жюль?

Тысячи вопросовъ кинушы были вдругъ его неперпѣливымъ воображеніемъ; но при первыхъ словахъ письма онъ улыбнулся.

Предлагаемъ здѣсь, во всемъ блескѣ самыхъ просподушныхъ выраженій, со всеми подробностями правописанія, дипломатическую копию съ сего письма, къ копорому не лзя ничего прибавить и изъ копораго ничего не должно было выключить, кромѣ развѣ всего письма, но копорое списывая, слѣдовало снабдить знаками препинанія; ибо въ подлинникѣ не было ни почеркъ

ни заплясывахъ, что могло бы ниспровергнуть систему, изобрѣшенную новѣйшими писателями для изображенія порывовъ спрасшей и великихъ бѣдствій.

» ГАНРИ! «

» Вчисле пажертвованій, капорья делаю для тебе, самое большое то, что не пасылаю к тебе ни какихъ а себе извеспій; но крайняя нужда заспавляетъ меня теперь высказатъ все шван пропифъ мене злодейства. Знаю, что душа швая привыкла ка злу, что ты або мнѣ не паживляешь. Сердце швае аглохло для всякава чюства, неслушаншца природы. Но пакъ и бншь. Я хачу абъяснить тебѣ, какъ ты винавагъ пиредо мной и до какова ужаснава давелъ мене палаженія. Ганри! ты знаешь, какъ я спрадала алъ маево первава праспупка; и ты мохъ меня падвѣргнуть этому несчастію и бросить безъ всякой аспрады. Да, признаюсь, уверенноспъ, что ты любишь мене и уважаншь, давала мнѣ силы перенасить маю горькую учиспъ. Но паперь, что мнѣ делапъ? Ты лишилъ мене шаво, что мне дарожъ всево на свете; опнелъ у мене все, что привязывало мене к жизни! Я пажертшавала тебе всемъ: раднѣю, приятелами, чеспью; нажила себѣ бисчестье, спыдъ, пазоръ и бедноспъ; да, бедноспъ! не спыжусь сказатъ. Не даспавала полька бншь уверенной,

что ты меня презираешь и ненавидишь. Теперь, когда я это узнала, мнѣ легко сделать то, что я задумала. Я уже решилась; честь фамилии моей право пребудетъ; хачу палажить канѣць маймъ спраданіямъ... Не разсуждай никакъ, Ганри, абъ эпомъ намереньи; я знаю сама, какъ оно ужасно; но, знаешь, такая моя судьба! Беспомощи, беспадпоры, бездруга, капорай бы мене утешилъ, какъ мне жить! Учистиь мая ршѣна. Чиресдва дни, Ганри, чиресдва дни, Ида не будешь споншь шваево уваженія; но я клянусь тебе, что совисшь мая пакойна и что я была всѣгда даспойна твоей друшбы. Ахъ! Ганри! дружъ мой! для тебе я не переменюсь никагда; проспи мне римесло, за капорое хочю приняцца. Любовь дала мне смелосшь; она мене паддержитъ вдабрадешели. Мае сердце, копорое всѣгда полно пабой, сахранишь мене апабальсченія.»

» Не забывай никагда, что судьба мая швае дело и вини самъ себе. Дай Богъ, чтообъ ты не былъ наказанъ за свои злодейства; на каленяхъ пращу у него прасченія тебе; ашпаво, что чувшвую, что, еспли ты будешь несчастливъ, я буду еше несчастней. Какъ я шаперь ни несчастна, не приму аштебе ни какой помочи. Есплибъ ты мене все исча любилъ, я бы могла приняць аштебе какъ залогъ друшбы; но ись *састрадаиля*... ись *састрадаиля* душа мая не

приметь; принявъ я буду падлей шаво, што дастъ. Прашу у тебе одной милоспи; я незнаю, долгали прабуду у Гаспажи Менарди; будь великадушень, не показывайся кней. Два послѣдніи твои посѣщенія сделали мне зло, капорое долго буду чюспвавать; не хачу вхадить впадробности на счопъ эшаво. Ты мене нинавидишь; эпо слово аспалось навсигда вмаемъ сердце. Ахъ! шаперъ-ша, кагда мне нужна вся бодрость, силы мене аспавляютъ. Ганри, друхъ мой! пака исча я не совсемъ распалась съ шабой, акажи мнѣ послѣдній знакъ уваженія; напиши мне, ашвчай мне, скажи, чпо ты исча уважаншь меня, хопь не любишь. Хапя глаза мои все исча даспойны смапрешь на тебе, я не прашу свиданія шабой; баюсь маей слабости и любви. Но, ради Бога, напиши мне хопь словечко паскарей; ано дастъ мне силу перенесъ мае несчастіе. Пращай, виновникъ всехъ маихъ бедъ, единспвенной друхъ, капораво сердце мае выбрало и никагда ни забудешъ. «

» ида. «

Сія жизнь молодой дѣвушки, коей обманушая любовь, пагубныя наслажденія, горести, крайность и ужасная преданность судьбѣ выразились въ споль немногихъ словахъ, прѣма, неизвѣстная, но существенно Парижская, описанная въ эпюмъ запачканномъ письмѣ; взволно-

вала на нѣсколько минушь Г. де Моленкура, котораго наконецъ спросилъ самъ себя, не родственница ли Гжѣ Жюль эпа Ида и свиданіе, котораго онъ случайно сдѣлался свидѣтелемъ, не было ли вынуждено какимъ-нибудь соспрадашельнымъ побужденіемъ. Но, чпобы спарый ницій былъ обольспипелемъ Иды, эпо было уже слишкомъ чудно! Теряясь въ лабиринтѣ размъшленій, кои пресъкали и ниспровергали другъ друга, Баронъ дошелъ до переулка Пажевень и увидѣлъ фіакръ, споявшій на углу улицы Спарыхъ-Августинцевъ съ улицей Монмаршр. Всѣ споячіе фіакры говорили ему чпо-по.

— Не ужели она здѣсь?

И его бросило въ лихорадочный ознобъ и жарь. Онъ опворилъ маленькую дверь съ звонкомъ, но съ нѣкопорымъ чувспвомъ спыда, пошупивъ голову; ибо слышалъ пайный голосъ, говорившій ему:

— За чѣмъ мѣшаешься пы въ эпу пайну?

Онъ взошелъ на нѣсколько спупенекъ и сполкнулся съ спарой приврашницей, носъ съ носомъ.

— » Господинъ Феррагусъ? « ..

— Не знаю. . .

— » Какъ Г. Феррагусъ живептъ не здѣсь? « ..

— У насъ нѣтъ шакого въ домѣ. . .

— » Но, добрая женщина. « ..

Телеск. Ч. XV.

— Я не добрая женщина, сударь, я приврашница...

— » Но, сударыня, продолжалъ Баронъ, у меня еспь письмо, которое долженъ я опдашь Г. Феррагусу. «

— А! у васъ письмо! сказала она, перемѣнивъ шонь: не угодно ли показашь! ..

Августъ показалъ свернутое письмо; и спаруха, пряхнувъ головой съ видомъ сомнѣнiя, оспановилась, какъ будто раздумывая, не пойти ли ей предувѣдомить пайнспвеннаго Феррагуса о шакоемъ непредвидѣнномъ случаѣ; но попомъ сказала:

— Хорошо, сударь! взойдите! вы должны знашь, гдѣ. . .

Не опвѣчая на сiю фразу, которою эша спарая плуповка могла подловишь его, офицеръ взобрался проворно на лѣспницу и зазвонилъ съ живоспию въ колокольчикъ дверей вшораго эшажа. Какой-шо внушренней инспинкшъ, свойспвенный любовникамъ, говорилъ ему: она здѣсь.

Незнакомецъ крыльца, Феррагусъ, виновникъ *всехъ несчастий* и *единственной дружъ* Иды, опворилъ самъ двери и явился, одѣшый въ цвѣшномъ плафрокѣ, въ исподнемъ плашь изъ бѣлаго мушона, въ прекрасныхъ маперчашыхъ пуфляхъ на ногахъ, съ лицомъ совершенно вымышымъ. . . Гжа Жюль, коей голова превъшала

наличникъ дверейъ въпорой комнапы, поблѣднѣла и упала на спуль. . .

— » Чшо съ вами, сударыня? « вскричалъ офицеръ, бросаясь къ ней.

Но Феррагусъ пропянулъ руку и опбросилъ офицера пакъ сухо, чшо Августъ опскочилъ, какъ будпо пораженный въ грудь желѣзнымъ молотомъ

— Назадъ, сударь! сказалъ ему незнакомецъ. Чшо вамъ угодно? Вы рыщете здѣсь дней пяшь или шесць. . . Шпіонъ чшо-ли вы? . .

— » Не вы ли Г. Феррагусъ? «

— Нѣтъ, сударь!

— » Однако, продолжалъ Августъ, я долженъ вамъ опдать эшу бумагу, которую вы обронули у воропъ дома, гдѣ мы оба сподли во время дожда. « . .

Говоря сіи слова и подавая письмо незнакомцу, Баронъ не могъ воспрепятствовать себѣ окинуть взглядомъ комнапу, гдѣ находился, и нашелъ ее довольно хорошо, хопя и проспю, убранною. Въ каминѣ былъ огонь; возлѣ стоялъ споль, накрышый гораздо роскошнѣе, чѣмъ можно было предполагать по наружности хозяина и по скудости кварширы. Наконецъ, во въпорой комнапѣ, на козешкѣ, которую можно было видѣшь, онъ замѣшилъ золошую чашку и услышалъ чшо-шо весьма похожее на женскія слезы.

— Эта бумага почто мнѣ принадлежитъ, покорно благодарю! сказалъ незнакомецъ, опровернувшись отъ Барона, такъ что сей послѣдній долженъ былъ понять ясно желаніе видѣть его немедленно за дверями.

Любопытство, обуявшее Августа, не дозволило ему обратитъ вниманія на глубокое изслѣдованіе, коего самъ онъ былъ предметомъ. Баронъ не видалъ, какъ незнакомецъ пожиралъ его полу-магнетическими взорами; но еслибы онъ вспрѣшилъ хотя разъ эпохъ взглядъ василиска, то можетъ быть понялъ бы угрожающую ему опасность. Слишкомъ занятый своею страстію и не думая о себѣ, Августъ поклонился, вышелъ и ворочился домой, усиливаясь всячески найпти смыслъ въ этомъ соединеніи прехъ лицъ: Иды, Феррагуса и Гжи Жюль; занятіе, которое, въ нравственномъ отношеніи, равнялось складыванію кусочковъ кипайскаго кашепа, безъ помощи ключа! Но Гжа Жюль его видѣла, Гжа Жюль ходитъ шуда, Гжа Жюль солгала предъ нимъ. Моленкуръ располагался на другой день сдѣлать ей посѣщеніе. Она не могла отказать его приняти; онъ сдѣлался ея сообщникомъ; онъ впушался руками и ногами въ эту шемную иншригу. Уже онъ принималъ на себя видъ Сулпана и намѣревался повелительно ирбовать отъ Гжи Жюль, чтобы она открыла ему всѣ свои тайны.

Въ это время Парижъ имѣлъ горячку къ спроеніямъ: ибо, если Парижъ естъ чудовище, то безъ сомнѣнія самое сумасбродное и бѣшеное изъ чудовищъ. На него находятъ пысячи прихошей. То онъ спроеится, какъ большой баринъ, то бросаетъ каменщицью кирку и спановишся солдапомъ; одѣвается въ національнаго гвардейца, дѣлаетъ разныя экзерциціи, куритъ шабакъ: то вдругъ снова оспавляетъ военныя репетиціи и кидаетъ цигарку; потомъ начинаетъ хандрить, банкротится, продаетъ свою мебель на площади Шатле, объявляетъ себя несостоятельнымъ: но спустя нѣсколько дней усприваетъ свои дѣла и опять пускается въ праздники и въ пляску. Иногда набиваетъ полонъ рошъ полными пригорстями ячменнаго сахару; вчера покупалъ Вейненскую бумагу; сего дня жалуется на зубную боль и прикладываетъ ко всѣмъ спѣнамъ своимъ противудное лекарство; завтра спанетъ запасаться грудными депешечками. У него бывають подобныя капризы недѣльные, мѣсячныя, годовыя, кромѣ ежедневныхъ. На ту пору, всѣ строили или домали что-нибудь, сами не зная для чего; и потому мало было улицъ и переулковъ, гдѣ бы не спорчали длинныя, огромныя лѣса, съ перекладинами и подмоспками въ нѣсколько этажей; эти уплыя зданія, запрысканныя извеспью и

шпукашуркою, рѣдко защищаемыя опгь соприкосновенія съ проѣзжающими карешами досчастымъ заборомъ, эпой оффициальной оградой памяшниковъ, кошорые никогда не доспроиваются. Чшо-шо морское выражалось въ эпихъ лѣсахъ, въ эпихъ лѣспницахъ и веревкахъ, въ эпомъ крикъ и гамъ каменщиковъ!

Одно изъ сихъ эфемерныхъ зданій спояло шагахъ въ двенадцати опгь жилища Моленкурова, передъ домомъ спроившимся изъ песанаго камня. На другой день, въ шу минупу какъ Баронъ де Моленкуръ, опправившись къ Гжѣ Жюль, проѣзжалъ мимо эпихъ лѣсовъ, камень въ двадцать квадрашныхъ дюймовъ, подняпый на самую вершину подмоспокъ, сорвался вдругъ съ канапа и, перевернувшись, упалъ прямо на лакея, споявшаго позади кабриолета, кошораго разплюснулъ совершенно. Крикъ ужаса раздался между каменщиками; одинъ изъ нихъ едва держался за длинныя слети, ни живъ, ни мершвъ: камень, по видимому, задѣлъ его въ паденіи. Толпа собралась немедленно. Всѣ каменщики сбѣжали внизъ, съ крикомъ и ругашельспвами, говоря, чшо кабриолетъ Г. де Моленкура надѣлалъ всю эпу бѣду. Два дюйма ближе: и камень принакрылъ бы ему голову! Лакей оказался мершвымъ, кабриолетъ разбинымъ. Эшо было приключеніе для кваршала: оно доспавило и журналамъ покормку. Г.

де Моленкуръ, увѣренный, что онъ ни до чего не допрогивался, принесъ жалобу; правосудіе вмѣшалось въ дѣло; но, по учиненіи спрогаго розыска, было доказано, что одинъ мальчикъ, съ рейкою въ рукахъ, ходилъ вокругъ и кричалъ прохожимъ споронисься. Такъ дѣло и загасло. Г. де Моленкуръ поплашился за это своимъ лакеемъ, испугомъ и болѣзнію, опъ которой пролежалъ въ постель нѣсколько дней. Задъ кабриолета, раздробившись, надѣлалъ ему коншуй: да опъ нервическаго попрысенія, произведеннаго внезапною, схватилъ онъ лихорадку.

И шакъ онъ не былъ у Гжи Жюль.

Спусия десяшь дней послъ сего приключенія, выѣхавши со двора въ первый разъ, Баронъ ѣхалъ въ своемъ починенномъ кабриолетѣ въ Булонскій лѣсъ, какъ вдругъ, на улицѣ Бургонской, въ помъ мѣспѣ, гдѣ находишся спочная шруба, прошивъ Палашы Денушаповъ, ось лопнула у него въ самой середкѣ. Г. де Моленкуръ скакалъ шакъ быстро, что при переломѣ, оба колеса кабриолета на всемъ бѣгу сшиблись другъ съ другомъ и навѣрное раздробили бы ему голову, елибъ большой капотъ не предохранилъ его. При всемъ помъ онъ получилъ весьма шяжелую рану въ бокъ. Такимъ образомъ въ десяшь дней онъ два раза принесень былъ едва живой къ расплаканной бабушкѣ.

Эпо впрое приключеніе возбудило въ немъ нѣкошорое сомнѣніе; и онъ подумалъ, но все еще неопредѣленно, о Феррагусть и о Гжѣ Жюль. Дабы объяснишь свои подозрѣнія, онъ велѣлъ перенесшь къ себѣ въ комнату лопнувшую ось и позвалъ своего карешника. Карешникъ явился, осмопрѣлъ ось, переломъ, и доказалъ, что:

1. Ось эша никогда не выхаживала изъ его масперской; онъ не выпускалъ ни одной, на кошорой бы не были вырѣзаны крупно начальныя буквы его имени: но не могъ объяснишь, какимъ образомъ произведенъ былъ такой спранный подмѣнъ;

2. Переломъ эпой подозришельной оси былъ подготовленъ скрышнымъ жолобомъ, весьма искусно внушри сдѣланнымъ.

— Ну, господинъ Баронъ! сказалъ онъ ему: надобно бышь чудеснымъ хипрецомъ, чтообы все эпо шакъ успроишь... вѣдь почти можно клясься, что эпо ешпешвенно...

Г. де Моденкуръ просилъ карешника не разглашашъ ничего о семъ приключеніи и счелъ себя весьма доспапочно вразумленнымъ. Си два убійшвенныя покушенія были ведены съ искусствомъ, кошорое обнаруживало врага весьма сильнаго.

— » Эпо бой смерщный! « говорилъ онъ, бросаься къ своей пощель. » Бой дикарей! Война

со всѣми принадлежноспями расплоха, засады, измѣны, объявленная опть имени Гжи Жюль! Чпожь за человекъ, копорый ведешъ ее? Чпо за силы, коими эшопть Феррагусъ располагашъ? « . .

Наконецъ, Г. де Моленкуръ, сколь ни былъ храбръ и мужеспвенъ, не могъ воздержашъ опть непреодолимага ужаса; ибо посреди мыслей, его волновавшихъ, встрѣшилась одна, пропивъ коей онъ былъ совершенно безъ зашпы и бодрости: пайные враги его не могутъ ли всего скорѣе прибѣгнушь къ яду?

Въ шужъ минушу, объяшый спрахомъ, копорый еще болѣе увеличивался его временною слабостию, дѣтпою и лихорадкою, онъ велѣлъ позвашъ спарую женщину, съ давнихъ лѣтъ находившуюся при его бабушкѣ, женщину, пшавшую къ нему одно изъ шѣхъ полумаперинскихъ чувствъ, кои сосшавляюшь высокое въ жизни просшыхъ людей. Не опкрываясь ей совершенно, онъ возложилъ на нее обязанность покупашъ для него пайно, каждый день, въ разныхъ мѣсплахъ, всѣ нужныя кушанья; прося держашъ ихъ всегда подъ ключемъ, приносишь самой къ нему и ни подъ какимъ видомъ не допускашь къ себѣ никого, когда будешъ ихъ гошовишь.

Наконецъ онъ взялъ всѣ самыя мѣлочныя

мѣры, чшобы предошврапитъ сей родъ смерши. Лежа въ поспелѣ, одинъ, больной, онъ могъ на досугъ думать о своей безопасности, единственной потребности, которая сполько предусмотрительна, чшо не позволяеть ничего позабыть челошеческому эгоизму. Но несчастный больной оправиль самъ жизнь свою спрахомъ; и подозрѣнiе, противъ воли, омрачало всѣ его часы своими черными шѣнями.

Между шѣмъ си два урока научили его одной изъ добродѣтелей самыхъ необходимыхъ полишкамъ и дипломамъ: онъ постигъ искусство высокаго пришворства, коимъ должно пользоваться при разыгрыванiи великихъ инпересовъ жизни. Молчать о своей шайнѣ еще ничего; но скрѣпитъ сердце заранѣе, умѣть позабыть какое-нибудь произшествiе лѣтъ на шридцать, если эпо нужно, по примѣру Али-Паши, чшобы обдумать и пригошовитъ dospойное мщение въ эти шридцать лѣтъ, еспъ высокая наука, особенно въ шакой спранѣ, гдѣ немного людей, умѣющихъ пришворитъ на шридцать дней.

Г. де Моленкуръ жилъ полько Гжею Жюль. Онъ занимался безспреспанно серьезнымъ обдумыванiемъ средствъ, кой можно было упошребитъ въ сей безвѣспной борбѣ, дабы воспоржеспвовать надъ невѣдомыми врагами. Его шайная спрасъ къ сей женщишѣ раздражалась

препятствіями. Гжа Жюль всегда была предъ нимъ, посреди всѣхъ его мыслей и чувствованій, еще привлекательнѣе своими предполагаемыми пороками, чѣмъ доказанными добродѣтелями, кои онъ обожалъ въ ней до полнѣ.

Дабы вывѣдать положеніе непріятеля, больной не нашелъ никакой опасности посвятивъ спараго Видама въ свои тайны. Командоръ любилъ его, какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей: онъ былъ понокъ, хитръ, имѣлъ умъ дипломатическій. Выслушавъ Барона, онъ покачалъ головой; и оба начали серьезно обдумывать дѣло.

Добрый Видамъ не разделялъ довѣрливости своего друга, когда Августъ сказалъ ему, что, въ то время, когда они жили, полиція и правительство имѣли въ рукахъ своихъ силу узнавать всякую тайну и что въ случаѣ нужды можно ожидать отъ нихъ надежнаго пособія.

Спарикъ отвѣчалъ ему, что въ вещахъ, касающихся чьей-нибудь личности, всего менѣе должно полагаться на содѣйствіе полиціи; что она не можетъ чинать во глубинѣ сердецъ и что все, чего можно ожидать и претованъ отъ ней, еспъ изслѣдованіе причинъ дознаннаго уже поступка; что и къ этому, даже полиція часто бываетъ неспособна, поелику, въ своихъ розыскахъ, не управляется личнымъ участіемъ

кошорое одно полько можешь опкрышь все челоуьку, желающему все знашь; и что посеу никакая сила не можешь воспрепятствовашь убийцѣ или оправицелю добрашья до честнаго, беззащитнаго челоуька.

Коммандоръ крѣпко совѣтовалъ Барону опправилься въ Ипалію, изъ Ипаліи въ Грецію, изъ Греціи въ Сирію, изъ Сиріи въ Азію, и не возвращашья до шѣхъ поръ, пока не убѣдишь шайныхъ враговъ своихъ, что онъ раскаялся, и шакимъ образомъ не заключишь съ ними пошохоньку мира... Или въ прошивномъ случаѣ, заперешья въ своемъ домѣ, въ своей комнашѣ, гдѣ онъ можешь навѣрное оберечь себя опъ покушеній Феррагуса, и появишья на свѣш полько шогда, когда будешь имѣшь въ рукахъ средство раздавить его. Спарикъ обѣщаль ему съ своей спороны все искусство, всю хипросшь, какую полько Богъ далъ ему, чшобы, не подвергая опасности никого, визнашь непріятеля и дашь ему во всемъ надлежащій опчетъ.

У Коммандора былъ одинъ спарый уклонившійся опъ дѣлъ Фигаро, самая лукавая обезьяна, принимавшая когда-либо челоуьческой образъ, въ старыя годы оспрый какъ чорпъ, опчаянный какъ колодникъ, лукавый какъ женщина, но уже ослабѣвшій и выжившій изъ генія, за недоспапкомъ случаевъ упражняшь его, съ шѣхъ поръ какъ новое успройство Парижскаго общества дало

опспавку лакеямъ комедіи. Эпопъ заслуженный Скапенъ былъ привязанъ къ своему господину, какъ къ существу высшему: но хипрый Видамъ сверхъ того прибавлялъ еще каждый годъ довольно значительную сумму къ жалованью своего прежняго управителя по части волокипства, что, само собою разумѣется, скрѣпляло еще болѣе естественную пріязнь узами выгоды и приносило въ награду спарику ревность и попеченія, какихъ самая нѣжная любовница не изобрѣла бы для своего большого друга. И на сіе-то перло спарыхъ театральныхъ лакеевъ, на сей доспопочтенный обломокъ прошедшаго вѣка, слугу вѣрнаго и неизмѣннаго, по неизмѣннѣ спраспей, кои требовали бы удовлетворенія, положились Коммандоръ и Г. де Моленкуръ.

— Г. Баронъ можешъ испорпипъ все! сказалъ сей великій мужъ ливреи, призванный на совѣщаніе. Пущъ онъ изволипъ кушанъ, пипъ и спашъ покойно.... Я беру все на себя!

Въ самомъ дѣлѣ, спустя восемь дней послѣ сей конференціи, въ то время, какъ Г. де Моленкуръ, совершенно оправившись отъ своего нездоровья, завпракалъ съ своей бабушкой и Видамомъ, Жюспенъ явился съ рапорпомъ. Попомъ, съ пою ложною скромноспію, копорую любящъ принимащъ на себя люди съ палан-

помъ, выждавъ, пока вдова удалилась въ свои комнапы, сдѣлалъ слѣдующее доношеніе:

— Феррагусъ не есть собственное имя врага, копорый преслѣдуетъ Г. Барона. Эпоштъ чело-вѣкъ, или чорштъ, если вамъ угодно, называется Граціанъ, Ганри, Викпоръ, Жан-Жозефъ Буриньярь. Г. Граціанъ Буриньярь, въ спарину, былъ спроинпельнымъ подрядчикомъ; шогда имѣлъ онъ большое соспояніе и припомъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ молодець Парижа, Ловеласомъ способнымъ соблазнить Грандиссона. Здѣсь оканчиваюпся собранныя мною свѣденія. Онъ былъ уже просшымъ работникомъ, когда брашья Ордена Пожирающихъ выбрали его своимъ главою, подъ именемъ Феррагуса ХХІІІ. Полиція должна эпо знать. Теперь онъ перемѣнилъ кварпиру, живешъ уже не на улицѣ Спарыхъ-Августинцевъ, а въ переулкѣ Жакле. Гжа Жюль Демаре навѣщаешъ его каждый день. Довольно часпо самъ мужъ, ѣдучи на Биржу, провожаешъ ее до переулка Вивень, или она проводитъ своего мужа до Биржи. Г. Видаму шакъ хорошо извѣспаны эпи вещи, чшо онъ вѣрно не пошребуетъ опъ меня объясненія, кпо изъ нихъ дѣйспвишельно проводитъ кого: мужъ жену, или жена мужа; но Гжа Жюль шакъ мила, чшо я гошовъ держашъ закладъ за нее. Все эпо суцая правда. Буриньярь часпо играешъ подъ N 139: эпо, съ позволенія ваше-

го, сударь, повѣса, которъй любитъ женщинъ и имѣеть свои фанпази, какъ человекъ значущій. Впрочемъ, онъ часпо выигрываетъ, переодѣвается какъ актеръ, кушитъ какъ ему угодно, и ведетъ жизнь самую оригинальную. Я не сомнѣваюсь, что у него очень много квартиръ, и попому онъ всегда ускользаетъ отъ того, что Г. Коммандоръ извоилъ называть формальнымъ розыскомъ. Думаю однако, что если Г. Баронъ захочетъ, то можно отъ него опдѣлаться честнымъ образомъ, примѣняя къ его привычкамъ. Старый плутъ очень лукавъ. Недавно уронилъ онъ золотую монету на лѣспницѣ и сказалъ своей привратницѣ, что это не его. Кажется, онъ собирается снова переменить свою квартиру. Теперь Г. Видамъ и Г. Баронъ имѣютъ ли что еще приказать?...

— Я доволенъ побой, Жюспень! не пускайся въ дальнѣйшіе розыски безъ приказанія; но смотри здѣсь самъ за всѣмъ, чтобы Г. Баронъ не имѣлъ никакой причины бояться...

— Ну, любезный сынъ, продолжалъ Видамъ, ободришь и позабудь эту Гжу Жюль....

— »Нѣтъ, нѣтъ!« вскричалъ Августъ. »Я не уступлю мѣста Граціану Буриньяру! Я хочу его видѣть передъ собой, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, и Гжу Жюль также....«

Вечеромъ, Баронъ Августъ де Моленкуръ, не-

давно получившій повышение по службѣ, отправился на балъ, въ Элизе-Бурбонъ, къ Герцогинѣ Беррійской. Здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ не могъ предполагать никакой для себя опасности.

Не смотря на то, Баронъ выпелъ опшуда, ввязавшись въ такое дѣло, котораго ни какъ не лзя было рѣшить иначе, какъ оружіемъ. Его противникъ, Маркизь де Ронкероль, имѣлъ самыя основательныя причины пребывать удовлетворенія опъ Августа, который подалъ къ нему поводъ своего спарою связью съ Графиней де Серизи, сеспрою Г. де Ронкероля. Сія дама, не любившая нѣмецкой сепименшанальности, была однако слишкомъ строга и въискательна въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ своего костюма сепенницы. По неизъяснимому року, Августъ дозволилъ сдѣлать себѣ одну шушку, которую Гжа де Серизи приняла очень дурно, что оскорбило ея брапа. Объясненіе произошло пошохоньку въ углу. Какъ люди хорошаго общесства, они не произвели никакого шума.

Не прежде, какъ на другой день, эшо приключеніе сдѣлалось предметомъ разговора въ Шапо и въ предмѣспякъ Сен-Жермень и Септ-Оноре. Гжу де Серизи съ жаромъ защищали; и вся вина была сложена на Г. де Моленкура. Между тѣмъ высокія лица вмѣшались въ дѣло: свидѣтели самыя важныя были даны обо-

имъ соперникамъ; и всѣ мѣры были приняты, чтобы никто изъ нихъ не оспался мершвѣмъ на полѣ боя.

Когда Августъ увидѣлъ себя предъ лицомъ своего противника, чловѣка весьма любезнаго, коего честность и благородство не подвергались никакому сомнѣнiю, что конечно не могъ видѣть въ немъ орудiя Феррагуса, главы Пожирателей: не смотря на то, увлекаемый неизъяснимыми предчувствiями, онъ рѣшился предварительно объясниться съ Маркизомъ.

— »Господа!« сказалъ онъ свидѣтелямъ: »я ни сколько не оппказываюсь опвѣдать огня Г. Ронкероля; но напередъ счиаю долгомъ объясниться, что я дѣйствительно неправъ предъ нимъ. Я готовъ принестъ ему всякое извиненiе, какого онъ попребуепъ, даже публично, если онъ захочепъ; ибо, когда дѣло идепъ о женщинѣ, ничто, по моему мнѣнiю, не можепъ обезчестить благороднаго чловѣка. И пакъ я предаю на судъ его благоразумiю и великодушiю: не глупо ли въ наши времена идти на бой, въ коемъ правое дѣло можепъ подвергнуться проигрышу «....

Г. де Ронкероль не согласился на предложенiе кончить такимъ образомъ дѣло; и тогда Баронъ, сдѣлавшись еще подозрительнѣе, подошелъ къ своему противнику и сказалъ:

— » Очень хорошо, Г. Маркизь! дайшежь мнѣ, предъ сими господами, вапѣ честное слово дворянина, чпо въ наспопящемъ случаѣ вы не будете руководспвовапшься никакимъ другимъ побужденіемъ меспи, кромъ шого, которое всѣмъ шеперь извѣспно.... «

— Государь мой! Я не имѣю времени васъ слушапшь....

И Г. де Ронкероль спалъ на свое мѣспо. Было условлено напередъ, чпо оба проптивника удовольспвуются размѣномъ писполешныхъ выпспрѣловъ. Г. де Ронкероль, не смощря ч на опредѣленную диспанцію, которая по видимо-му, должна была сдѣлать смерть Г. де Моленкура весьма проблематическою, если не совсемъ невозможною, повергъ на землю Барона. По счастью, пуля пробила ему бокъ навывлещь, пальца два ниже сердца, безъ значительныхъ поврежденій.

— » Вы цѣлите слишкомъ мѣтко! « сказалъ Баронъ. » Такъ не мспяпшь за спраспи мершвыя.... «

Г. де Ронкероль считалъ Августша мершвымъ и не могъ удержапшься опть сардонической улыбки, слыша сн слова.

— Сестра Жюль-Сезара а) не должна быть подозрѣваема, государь мой!

а) Юлія-Цезаря (Jules César).

— » Все Гжа Жюль «.. опвѣчалъ Августъ.

Но онъ липился чувствъ, не могли докончить лдовипой фразы, издохшей на его губахъ. Хотя онъ пошерялъ много крови, рана его однако не была опасна. Спустия пяннадцатъ дней, въ продолженіе копорыхъ вдова и Видамъ испоцили надъ нимъ всѣ спариковскія попеченія, коихъ пайна приобрѣшаешя полько долговременною опытноспію жизни, въ одно упро, бабушка нанесла ему жеспокіе удары. Она опкрыла предъ нимъ смерпныя безпокойспва, коимъ онъ подвергъ ея дряхлые, послѣдніе дни. Ей приславно было письмо, подписанное буквою Ф, гдѣ испорія шпіонспва, до котораго унизился внукъ ея, рассказана была подногошно. Въ эпомъ письмѣ, Г. де Моленкура упрекали въ поспупкахъ недоспойныхъ чеспнаго и благороднаго челоувѣка. Говорили, чпо онъ поспавилъ одну спаруху, изъ улицы Менаръ, шпіонкою на памошней площади, гдѣ она по видимому продавала воду извоцикамъ, а въ самомъ дѣлѣ подмѣчала за Гжею Жюль. И пакъ онъ сдѣлался гнуснымъ лазушчикомъ за челоувкомъ самымъ кропкимъ, ни кого не обижающимъ, усиливаясь проникнуть въ его шайны, опъ копорыхъ зависптъ жизнь или смерпъ прехъ челоувкѣ. Посему онъ одинъ виновенъ въ непримиримой борбѣ, гдѣ, уже при раза подвергшись опаснспи, непременно долженъ наконецъ погибнуть; ибо

*

смерть его уже рѣшена и будетъ достигаться всеми человѣческими средствами. Г. де Моленкуръ пеперь не можетъ избѣгнуть опредѣленной ему участи даже и шѣмъ, еслибъ общалъ шпоржеспвенно сохранить сіи шайны; ибо невозможно положишься на слово дворянина, способнаго унизиться до такой степени, что его поспупки, безъ всякой причины, возмутили жизнь невинной женщины и почтеннаго спарика.

Письмо сіе ничего не значило для Августа въ сравненіи съ шѣми нѣжными упреками, кои долженъ былъ онъ испытать отъ вдовспвующей Баронессы. Не имѣлъ уваженія и довѣренности къ женщинѣ! Подсмашривать за ней безъ всякаго права! Можно ли шпіонспвовать даже за шпой, копорюю вы почно любимы? Это было пошокъ шѣхъ превосходныхъ убѣждений, копорья ничего не доказываютъ и копорья въ первый разъ привели Барона въ одно изъ шѣхъ разъяренныхъ ожеспоченій, откуда произникаютъ, гдѣ зачинаются самыя капиталныя дѣйспвія жизни.

— » Такъ какъ эша дуэль еспь дуэль смерпельная « — сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ въ формѣ заключенія—»по я долженъ спараться погубить врага моего всеми средствами, какія шолько могутъ быть въ моей власпи! «...

Немедленно Коммандоръ опсправился, опшь Г. де Моленкура, къ начальнику секретной Парижской Полициѣ и, не примѣшивая ни имени, ни лица Гжи Жюль къ донесенію о случившемся, хотя она была здѣсь главнымъ, сокровеннымъ узломъ, опкрылъ ему всѣ опасенія, кои внушала фамилія де Моленкуръ неизвѣстный челоуѣкъ, осмѣлившійся угрожать погибелью офицеру гвардиѣ, предъ лицомъ законовъ и полициѣ. Доспойный спражь общеспвеннаго порядка снялъ опшь изумленія свои зеленыя очки, высморкался нѣсколько разъ и поподчивалъ пабакомъ Видама, кошорый, дабы соблюсти должную важность, опказался подъ предлогомъ, что не нюхаентъ пабаку, хотя весь носъ его былъ имъ запачканъ. Пошомъ опобрамъ всѣ нужныя свѣденія и далъ слово, что, съ помощію Видока и его ищейныхъ собакъ, въ короткое время даспшь вѣрныя оптченъ фамиліи де Моленкуръ о ея неприятелѣ, увѣряя, что для Парижской полициѣ нѣтъ никакихъ шанспвъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ явился дѣйствительно къ Г. Видаму въ домъ Моленкуровъ, гдѣ нашель молодаго Барона совершенно выздоровѣвшимъ опшь послѣдней раны. Тогда, слогомъ официально-краснорѣчивымъ, изъявилъ онъ свою благодарность за свѣденія, кои они имѣли благосклонность ему сообщить, увѣдомляя вмѣспшь, что эшопшь Бурмиьяръ еспшь не

что иное, какъ пресупникъ, осужденный на двадцать лѣтъ на галеры, но какимъ-то мудренымъ образомъ ускользнувшій во время пересылки колодниковъ изъ Бисепра въ Тулонь. Уже шринадцать лѣтъ полиція безплодно старалась его поймать, зная между тѣмъ, что онъ весьма спокойно проживалъ въ Парижѣ, гдѣ избѣгалъ самыхъ дѣшпельныхъ поисковъ, безпреспанно мѣшаясь въ самыя пресупныя иншриги. Корорко сказашъ, эшопъ человекъ, коего жизнь исполнена любопытнѣйшихъ приключеній, шеперь долженъ бытъ непременно схваченъ въ одномъ изъ своихъ убѣжищъ и преданъ въ руки правосудія. Бюрократъ окончилъ свой оффиціальнѣй рапортъ, сказавъ Г. де Моленкуру, что если онъ хочешъ бытъ личнымъ свидѣшелемъ взяшя подъ спражу Буриньяра, шо можешъ придти на другой день, въ восемь часовъ ушра, въ улицу Сенш-Фуа, въ домъ, кошорого далъ ему адресъ.

Г. де Моленкуръ уволилъ себя опъ сего удошповѣришельнаго пушешеспвія, полагаясь на дѣшпельность админиспраціи, съ тѣмъ свяшымъ благоговѣніемъ, кошорое полиція внушаетъ въ Парижѣ.

Спусшя при дня, не чишавъ ни чего въ журналахъ о сей поимкѣ, кошорая впрочемъ должна была доставишь машерию для любопытной

снашейки, Г. де Моленкуръ возимѣль было нѣ-
которое безпокойство, которое однако разру-
шилось слѣдующимъ письмомъ:

»Господинъ Баронъ!«

»Имѣю честь извѣстить васъ, что вы не
должны болѣе сохранять никакого опасенія на
счетъ извѣснаго вамъ дѣла. Граціанъ Буринь-
яръ, прозывавшійся Феррагусъ, вчера умеръ, въ
своей кварширѣ, въ переулкѣ Жокле, подъ N 7.
Подозрѣнія, которыми мы должны были во-
зымѣть на счетъ подлинности его лица, разру-
шены докуменпально. Главный лѣкарь Префек-
туры Полиціи былъ командированъ нами для
свидѣтельствованія, вмѣстѣ съ чашнымъ лѣка-
ремъ Мерсва; и начальникъ Охранительной По-
лиціи сдѣлалъ всѣ нужныя изслѣдованія для
полнаго удостовѣренія. Сверхъ того, честности
свидѣтелей, кои подписали слѣдственный про-
поколъ, и показаніе шѣхъ, кои были при по-
мянутомъ Буриньярѣ въ послѣднія его мину-
ты, между прочими достопочпеннаго Викарія
Церкви Бон-Нувель, который принялъ его испо-
вѣдь во грѣхахъ, ибо онъ скончался по-Хриспі-
ански, не оспавили намъ ни малѣйшихъ со-
мнѣній.«

»Вашъ, Г. Баронъ,« и пр.

Г. де Моленкуръ, бабушка и Видамъ, отдох-
нули съ невыразимымъ наслажденіемъ. Добрая

старушка обняла своего внука со слезами и опшправилась возблагодарить Бога молитвою. Она еще прежде обрелась на девятидневную мольбу за Августа: и думала, что небо ее услышало.

— Ну! сказалъ Коммандоръ: теперь ты можешь ѣхать на балъ, о которомъ мнѣ говорилъ; я не вижу болѣе никакихъ причинъ тебя опшговаривать.

Г. де Моленкуръ шѣмъ болѣе расположенъ быть ѣхать на эшоптъ балъ, что тамъ должна была находиться и Гжа Жюль. Праздникъ сей давалъ одинъ банкиръ иноспраннаго двора, у кошораго оба Парижскія обществъ встрѣчались, какъ на неуспральной землѣ. Августъ пробѣгалъ по заламъ, не видя женщины, имѣвшей на жизнь его споль могущеспвенное вліяніе: онъ вошелъ въ одинъ будуаръ еще пуспой, гдѣ игорные сполы, совсѣмъ гошовые, ожидали игроковъ, и сѣлъ на диванъ, предаваясь самымъ пропшворѣчащимъ мыслямъ о Гжѣ Жюль.

Одинъ человекъ схватилъ его за плечо: и Баронъ оцѣпенѣлъ, увидѣвъ передъ собой ницаго переулка Кокильеръ, Феррагуса Иды, жишеля переулка соли, Буриньяра Жюспенева, колодника полиціи, покойника умершаго на канунъ.

Ни слова! сказалъ ему Буриньяръ, голосомъ, кошорый онъ призналъ, но кошорый

всякому другому показался бы совершенно незнакомымъ. Онъ былъ одѣтъ весьма порядно и носилъ знаки ордена Золотого Руна съ звѣздою на фракѣ.

— Государь мой! продолжалъ онъ голосомъ, шиплящимъ подобно гнѣву: шеперь вы уполномочиваете все мои покушенія, призывая на помощь къ себѣ полицію. Вы погибнете сударь! Это необходимо. Любите ли вы Гжу Жюль? Любимы ли вы ея? По какому праву угодно вамъ было возмущать ея спокойствіе, чернить ея добродѣтель?...

Кино-шо взошелъ. Феррагусъ хотѣлъ выдти.

— »Знаете ли вы этого человѣка?« вскричалъ Г. де Моленкуръ, схвативъ Феррагуса за воротъ: но Феррагусъ вырвался проворно и, взявъ Г. де Моленкура за волосы, пошрясь ему насмѣшливо голову нѣсколько разъ, примолвивъ:

— Видно, надобно непременно кусокъ свинцу, чпобы вложить ума сюда!...

— Лично не знаю, сударь! опшѣчалъ свидѣтель сцены. Но мнѣ извѣстно, что это Г. де Фюнкаль, богатый Португалець.

Между тѣмъ Г. де Фюнкаль уже исчезъ. Баронъ кинулся за нимъ въ погоню; но, достигши перистыля, увидѣлъ Феррагуса въ великолѣпномъ экиажѣ, копорый, взглянувъ на него, оскаливъ зубы и посмакавъ во весь опоръ.

— » Ради Бога, сударь! « сказалъ Августъ, вѣрнувшись въ залу и обращаясь къ госпожѣ, вѣдшему въ будуаръ: »гдѣ живетъ эпопъ Г. де Фюнкаль? « ...

— Не знаю; но вамъ вѣрно здѣсь скажутъ.

Обращаясь къ хозяину дома, Баронъ узналъ, что Графъ де Фюнкаль живетъ при Португальскомъ посольствѣ.

Вдругъ, когда ему чудились еще въ волосахъ ледяные пальцы Феррагуса, онъ увидѣлъ Гжу Жюль во всемъ блескѣ красоты, свѣжую, прелестную, наивную, сіяющую шюю цѣломудренною свѣпоспюю, копорая свела его съ ума. Эпо созданіе, шеперь адское въ его взорахъ, не возбуждало уже въ немъ ничего, кромѣ ненависти: и сею ненавистью, ужасною, кровавою, налились его сверкающіе глаза. Онъ подспергалъ съ жадноспюю минушу, въ копорую могъ поговорить съ ней, не будучи слышимъ, и сказалъ:

— » Вошь уже при раза, сударыня, какъ ваши наемные убійцы даюшь въ меня промахъ. « ...

— Чшо вы хошите сказашь, сударь! ошвѣчала она покраснѣвши: я знаю, что съ вами случилось много непрятноспей, въ копорыхъ я принимала большое участіе. Но какимъ образомъ могла я бышь въ нихъ чѣмъ-либо?

— » И шакъ вы знаете, что еспь убійцы, направляемые прошивъ меня живущимъ въ перулкѣ Соли? « ...

— »Государь мой!...

— Сударыня! Теперь не я одинъ буду пребывать опгъ васъ опчеша... уже не въ счашии моемъ, а въ моей крови!...

Въ эту минушу подошелъ Жюль Демаре.

— О чемъ говорише вы съ моей женой?

— »Придите ко мнѣ узнатьъ это, если вы лебобышны «...

И Моленкуръ вышелъ, оставивъ Гжу Жюль блѣдную, почти въ обморокъ....

(до слѣдующей книжки).

III.

ЖИВОПИСНЫЕ САДЫ

ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ

ЕВРОПЫ.

(окончаніе)

Искусство садовника-пейзажиста еще не проникло въ Польшу, хотя ботаническіе сады тамъ многочисленны и чужеземныя растенія воспитываются съ большимъ раченіемъ. Мы были въ прелесныхъ окрестностяхъ Белласа, Ахуды, Кведюза, Мафры, въ вилахъ цвѣщущихъ по берегамъ Тахо; и вездѣ находили только несчастныя попышки исправлять или укра-

шазь природу. Между штьмъ при споль бога-
шой, споль разнообразной расшншельности, весь-
мабъ легко было преобразованъ сн грубые,
неопрашные цвѣшники, конни украшающа ре-
зиденци двора или жилища знашныхъ вель-
можъ, въ сады живописные, свѣже, воздуш-
ные, прѣшсные. Ботаническй садъ въ Лис-
сабонѣ, расположенный на скапѣ холма, могъ
бы, въ печеніе прехъ мѣсяцовъ, превращенъ
въ прекраснй англйскй садъ. Для перспекши-
вы, съ одной спороны ошкрывался бы пре-
краснй, великолѣпный дворець Ахуда, съ дру-
гой Тахо съ берегами, кои усьяны прелесными
загородными домиками и апельсинными
рощами. Аршисъ, коему поручено было
разбшть новй ботаническй садъ въ Брисселѣ;
хотя весьма былъ спѣсненъ просшранствомъ и
не много получалъ пособій опъ природы, умѣлъ
искусно воспользовашь сосѣдствомъ прекрас-
ныхъ деревень, Шербекскимъ шоссе, копорое надъ
нимъ возвышаешя, спроеніями заведенія, и даже
красивыми шеплицами, при немъ находящимся.

Дабы получить понятіе о помѣ, чѣо мо-
жетъ искусство произвешти надъ природою,
даже въ самомъ суровомъ климатѣ, спонше
посѣшше окрешности Копенгагена; вы удиви-
тешь богашой расшншельности, украшающей
парки Фредериксберга, Розенберга, Шарлошен-
лунда. Начиная съ Юня до Сентября, нигдѣ

не найдете вы муравы, пакой свѣжей, пакой бархатной, деревьевъ пакъ роскошно убранныхъ смѣющейся зеленью, цвѣтничковъ пакъ великолѣпныхъ и очаровательныхъ. Подъ искусною рукою Г. Лингарда, надзирашеля Королевскихъ садовъ, всякое распеніе приобретаетъ новую, хопя искусственную силу. Фредериксбергъ, лѣпное мѣстопробываніе Его Величества, принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ живописныхъ садовъ Европы. Онъ расположенъ на холмѣ, въ двухъ миляхъ отъ Копенгагена; изъ него открываешся обворожительнѣйшій видъ. Городъ съ своими великолѣпными зданіями, прекрасныя деревни, конми онъ окруженъ, обширный портъ въ сосѣдствѣ: вопъ панорама открывающаяся предъ вашими взорами. Тому уже двадцать лѣтъ, какъ изъ садовъ Фредериксбергскихъ образовались мало по малу Англійскіе парки. Тамъ найдете вы зеленыя пелузы, украшенныя апельсинами и камеліями въ кадкахъ, купы деревьевъ прелестно расположенныя, каналъ живописно извивающійся, воды коего образуютъ островъ, по видимому уже слишкомъ наполненный Китайскими зданіями.

Въ Испаніи соединяются всѣ климаты, всѣ распенія; здѣсь было бы очень легко устроить самыя примѣчательныя живописныя сады. Большая часть распеній воспочныхъ, многія шротическія, весьма успѣшно возрастаютъ на

Испанской почве; а вершины высочайшихъ горъ ея покрыты сѣверными прозябеніями. По несчастію дурная система законодательства и цивилизаціи не дозволила Испанцамъ воспользоваться выгодами, кои природа имъ представляеть. Большая часть лучшихъ садовъ Пиринейскаго полуострова расположена на Французской образецъ; вездѣ находите вы длинныя аллеи, сѣкущіяся крестообразно; но нигдѣ не сыщете благодѣтельной тѣни. Нѣтъ недостатка въ аптекарскихъ и ботаническихъ садахъ; но сады англійскіе весьма рѣдки. Испанцы особенно уважають сады Ла-Гранхи, когорые по ихъ мнѣнію лучше Версальскихъ, хотя съ ними послѣдними ихъ сравнить не возможно. Наиболѣе достопримѣчательны въ Ла-Гранхскихъ садахъ обширныя лѣса дубовъ, черныхъ тополей и каштановъ, коими покрыты скасы холмовъ; въ нихъ есть природныя водопады, освѣжающіе воздухъ, падающіе съ пріятнымъ шумомъ съ вершины горъ, окружающихъ сіи прекрасныя мѣста. Къ Ла-Гранхъ принадлежишь также овощной садъ. Равнымъ образомъ расположены сады Аранкузскій и Буэнь-Реширо. Ни въ одномъ изъ нихъ не умѣли согласить распределенія деревьевъ и зданій съ климатомъ и почвою. Должно однакожъ исключить садъ Капуциновъ де-Сарріа, неподалеку отъ Барселлоны: совокупность сего парка, среди коего разбро-

сано много глиняныхъ спапуи работы самихъ монаховъ, даеще поняшше о глубокомъ и мрачномъ уединеніи Оиванды. Тамъ вы увидите большія группы кипарисовъ и другихъ деревьевъ, покрытыхъ печальною, темною зеленью. Въ ихъ мрачной сѣни само собою рождаешся чувство религіознаго благоговѣнія и мистическаго восторга.

Въ романтическомъ городѣ Гренадѣ сохраняется еще Маврскій садъ, прилегающій къ дворцу, построенному Маврами, называющемся понынѣ *Жилщею Любви* (*Casa-del-Amor*). Разположеніе его фантасмическое и спранные, подобно всѣмъ произведеніямъ Арабовъ. Въ Гренадѣ называютъ карменами (*carmenes*) маленькіе садки, расположенные по берегу рѣки и исключительно назначаемые для возвращенія цвѣтущихъ и плодовъ. Я любовался, находя, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ карменъ, собранныя вмѣстѣ распенія всѣхъ климатовъ: сѣверную сосну, распилающую свои вѣтви, вооруженныя оспрыми иглами, возлѣ какпуса съ его полстыми, мясистыми листьями.

Есть шайншвенная гармонія между архитектурнымъ спилемъ нѣкоторыхъ спранъ и деревьями распущими на ихъ почвѣ. Нельзя напримѣръ не замѣшше согласія между роскошью листьевъ, коей опличаешся разнообразная прозябаемость восточнаго, и многочисленными разрѣзами,

зубцами и прихотливыми вычурами, конкъ образцы представляющъ Алгамбра и Севильскій Альказаръ. Посему нельзя не чувствовашъ нѣкопорою жалосни, когда видишь храмы въ Греческомъ вкусѣ и сады на Ипаліанскій образецъ въ Англии. Сія-шо гармонія именно соспавляетъ искусство, искусство во всей его полношѣ. Когда я посѣщаль, въ Польшѣ, сады Лазенки, и видѣлъ серебряныя березы съвера расположенныя Ипаліанскими группами, усяянныя Греческими и Римскими боже-ствами, шо неволью сравнивалъ сію несчастную смѣсь съ насильственнѣмъ введеніемъ Эллин-ской прагедіи въ Русскую лишерашуру. Эпи зда-нія съ плоскими кровлями, эпи чешвероугольныя піэдеспалы, украшенныя языческими богами, эпи длинныя прямыя аллеи, безъ изгибовъ и шѣней, имѣющъ нужду въ роскошной вегетациі юга, въ распеніяхъ широколиственныхъ, въ скалахъ и мысахъ Греціи. Поспавыше сіи прямолинейныя храмы на верху ушеса, омываемаго моремъ: шо-гда изящная правильность ихъ будетъ произ-водилъ все свое дѣйспвіе; но на плоской равнинѣ, въ пѣни березы, ивы и бука, подобныя Грече-скія зданія и Ипаліанскія группы производяшъ самое жадкое впечатлѣніе. Въ Пулавахъ и Вилла-новѣ, дворцы и сады лучше обрисованы и соспо-ялпъ въ большей гармоніи съ климашомъ, его про-изведеніями и воспоминаніями. Вокругъ Пулав-скаго замка, возвышающагося на скалѣ, проспи-

рается обширный паркъ, въ коемъ рачительно сохраниены всѣ главныя особенности Польскаго пейзажа; искусство нимаю не поправляло ихъ величественной меланхоліи и опчасти однообразнаго вида. Сады Виллановы, съ ихъ огромными елями и липвенницами, весьма приличны зѣяку полу-воспочному и полу-феодалному, гдѣ нѣкогда жилъ Король Іоаннъ III.

Разсказываютъ о паркѣ и садѣ Князя Долгорукаго въ Россіи, что въ нихъ удивительнымъ образомъ перемѣшаны всѣ стили. Мѣсто занимаемое ими однообразно: но въ немъ накопили множество озеръ спранныхъ фигуры, расположили съ удивительной изысканностію множество разныхъ цвѣповъ, надѣлали мосповъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никомубъ не пришло въ голову ихъ спроить; и, при помощи сей многотрудной работы, успѣли наконецъ сдѣлать изъ Долгоруковскихъ садовъ, ежели не что-нибудь превосходное, то по крайней мѣрѣ весьма курьозное. Стѣны княжескаго дома раскрашены по Русской модѣ краснымъ, зеленымъ и синимъ цвѣпомъ: вокругъ него разбросано множество маленькихъ, низенькихъ, черныхъ и неопряпныхъ избъ, въ коихъ живутъ дворовые люди и копорья сосавляютъ весьма грязную ограду великолѣпнаго жилища. Во многихъ Русскихъ садахъ находятъ удовольствіе сосавлять разныя фантаспическія фигуры изъ самыхъ яркихъ

цвѣповъ, кои съ великимъ раченіемъ нарочно для того располагающъ. Тюльпаны, ранункулы, бархатцы, составляющъ чрезъ по родъ естественнаго ковра на муравъ, копорый имѣешь видъ довольно красивый.

Въ садахъ Русскихъ никогда не бываетъ хижинъ и сельскихъ павильоновъ; поному что подобныя зданія слишкомъ часно видящъ они въ своихъ деревняхъ, исключительно обищаемыхъ крестьянами. Вельможи спарающъ, чшобъ ничпо въ ихъ жилищахъ не напоминало имъ о семъ однообразномъ зрѣлицѣ; и поному наполняющъ сады свои храмами, спашулями, произведеніями скульптуры. Предметы сіи предспавляющъ спранный контрастъ съ природою дикою и суровою; эшо имѣли мы случай замѣтитъ въ саду Оспанкина, дачи Графа Шереметьева. Сія дача, хопя лежищъ шолько въ шрехъ верспахъ опъ Москвы а), прмлетаетъ къ вѣковому лѣсу, коего мрачная пѣнь и деревья, обросшія мохомъ, предспавляющъ удивительную прошивуположность съ веселымъ видомъ сада, равно какъ съ украшающими оный бронзовыми вазами и мраморными спашулями.

Уже около шридаши лѣщъ, какъ любилели

а) Въ подлинникѣ сказано, что Оспанкино находится на Смоленской дорогѣ. Ошибка извинительная иноспранцу! Весьма жаль, что сочинитель сей прекрасной спашули,

садовъ въ Англіи бросили эпу раззорительную роскошь, свидѣтельницающую только о дурномъ вкусѣ хозяина. Правда, они спрашиваютъ также большія суммы; но сіи суммы вообще употребляются для осушенія болотъ, на ограды садовъ, воздѣланіе и удобреніе бесплодныхъ земель, или для новыхъ плансацій. Однакожь вы найдете еще въ Брейтонѣ и многихъ другихъ Графствахъ слѣды спранныго, порицаемаго нами вкуса. Чпо дѣлать! Надобно же чпо нибудь опустить нашимъ Индійскимъ Набабамъ и Лондонскимъ чудакамъ! Изъ числа оригинальныхъ произведеній сего рода, существующихъ на Велико-Британской почвѣ, укажемъ слѣдующія.

Всячье Лиммерикскіе Сады въ Ирландіи. Г.

показывающей челоуька съ большимъ вкусомъ и образованіемъ, вѣроятно не видалъ многихъ нашихъ садовъ, кои конечно внушили бы ему лучшее понятіе объ успѣхахъ изящнаго садоводства въ Россіи. Не умѣемъ угадать, о какомъ Долгоруковскомъ садѣ распространяется онъ здѣсь. Видимъ только, чпо онъ ничего не знаетъ ни объ Архангельскомъ Князя Юсупова, ни о Кузьминкахъ Князя С. М. Голицына, кои составляютъ лучшее украшеніе Московскихъ окрестностей. О великолѣпномъ Царицынскомъ ландшафтѣ, остающемся въ недоконченныхъ развалинахъ, также ни слова; и наконецъ, чпо всего страннѣе, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на прекрасный Кремлевскій садъ, копорый, на столь небольшомъ пространствѣ, соединяетъ сколько живописныхъ предѣлестей. Грустно, чпо мы дозволяемъ Европѣ судить объ насъ по такимъ неполнымъ и неспочнымъ описаніямъ. Но чья это вина? *Изд.*

Вилліамъ Рочъ вздумалъ въ 1808 году поспро-
ишь всячіе сады а) на подобіе Семирамиди-
ныхъ. Онъ началъ шѣмъ, что выспроилъ нѣ-
сколько аркъ, коихъ внутренность превратилъ
въ магазины. Высота сихъ аркъ измѣняется
отъ сорока до двадцати пяти фушовъ. На
эпихъ аркахъ поспроены, въ видѣ амфитеатра,
при шеррасы, высочайшая изъ коихъ украшена
пеплицами, гдѣ распенія прикрыты отъ
вліянія наружнаго воздуха спеклянными коло-
колами и согрѣты шеплопроводными шрубка-
ми. Тамъ съ успѣхомъ возвращаются виноградъ,
ананасы, персики, апельсины и другія распенія
южныхъ шранъ.

Средняя шерраса опредѣлена для большихъ
распеній и плодовиныхъ деревевъ; нижняя на-
значена для содержанія цвѣтовъ всякаго рода;
а въ самомъ низу находятся гряды съ ды-
нями и огурцами. Съ одной шеррасы на дру-
гую сходящъ по лѣспницѣ въ чепыре фуша ши-
риной. Боковыя шеррасы содержатъ спо пять-
десять фушовъ въ длину и шрицать въ ши-
рину; средняя имѣетъ спо восьмдесятъ фушовъ
въ длину и сорокъ въ ширину; а нижняя двѣ-
спи фушовъ въ длину и спо въ ширину, не
считая просшраншва назначеннаго для дынь и
огурцовъ, имѣющаго въ квадрапѣ до осьми-

а) О всякихъ Лиммерикскихъ садахъ было подробное пзвѣ-
стіе въ *Телеск.* 1831, N 21. *Изд.*

десяти футовъ. Весь этотъ висячій садъ занимаетъ пространства болѣе, нежели на одинъ Англійскій акръ.

Фасада сихъ садовъ представляетъ линію въ двѣсти футовъ длиною. Верхняя перрасса имѣетъ въ вышину семьдесятъ футовъ. Отсюда взоръ наслаждается прекраснымъ видомъ города съ его окрестностями, украшенными пріятными сельскими домиками, между коими извивается Шаннонъ. Слой земли, насланный на перрассахъ, имѣетъ въ глубину отъ пяти до шести футовъ; а магазины, расположенные во внутренности аркъ, защищаются отъ сырости напилкою плинка, связаннаго цементомъ, и перпендикулярными свинцовыми спочками, посредствомъ коихъ излишняя сырость спекаетъ. Когда бываетъ засуха, то воду удерживаютъ, заперевъ опшверспіе, коимъ спочки сіи сообщаются съ перрассами, и проводятъ въ небольшія шрубочки, въшеобразно идущія подъ поверхностію сада. Дождевая вода, падающая на спекла теплицъ, собирается въ водоемахъ, внутри помещающихся. Тукъ распредѣляется по перрассамъ посредствомъ машинъ, весьма облегчающихъ работу, такъ что она требуетъ менѣе шруда, чѣмъ на обыкновенномъ полѣ.

Это необыкновенное зданіе стоило пятнадцатъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ (присла семьдесятъ пять тысячъ рублей); но убытки

Г. Роча опчаспи вознаграждаюцца цѣмъ , что онъ опдаецъ въ наймы магазины , копорые пришла ему счастливая мысль выспроишь. Правительство нанимаецъ ихъ за присна фуншовъ шерлинговъ въ годъ (семь тысячъ пятьсотъ рублей). Сии магазины могутъ содержать въ себѣ двѣ тысячи бочекъ вина: свойство постройкы предохраняецъ ихъ опъ пожара, прочность опъ грабежа, а единообразіе шемпературы, производящее опъ ихъ положенія, препятствуетъ испаренію жидкостей.

Ла-Гранжъ построень по рисункамъ Иниго-Джонса и служилъ мѣстопробываніемъ Канцлеру Гейду. Это четверугольная виλλα въ Италіянскомъ вкусѣ, копорую Вальполь называлъ образцовымъ созданіемъ Иниго. Изъ оконъ Ла-Гранжа видны на большое разстояние окрестности, холмы покрытые лѣсомъ и опдаленныя равнины. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Г. Дрюммондъ вздумалъ наружности Ла-Гранжа, зданія, въ коемъ владычествовалъ вкусъ Возрожденія, придашь видъ Греческаго храма , построеннаго во всей строгости дорическаго стиля. Спранно, но весьма мало имѣецъ въ себѣ пріятнаго, эшо подражаніе Парѣнону, подъ шуманнымъ небомъ Англій, на сырой почвѣ, въ странѣ не имѣющей ни малѣйшаго сходства съ Греціей. Окружающимъ зданіе сіе садамъ надо было сообщить характеръ поуже правильности:

и теперь Ла-Гранжъ можно причесть къ рѣд-
коснямъ, но не лзя называть образцемъ.

Паркъ Багшотъ, принадлежащій Герцогу Гло-
честерскому, расположенъ на бесплодной поч-
вѣ; только помощію искусства успѣли обра-
тить его въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ англій-
скихъ садовъ. Устройство сего парка весьма
неправильно: здѣсь есть и Голландской садъ;
есть мѣсто определенное исключительно для
распений Американскихъ; есть другой садъ
особенно назначенный для кормовыхъ рас-
пений; и наконецъ еще одинъ, заключающій
въ себѣ единственно экзотическіе цвѣтны.
Сии разнообразныя сады расположены среди
довольно густыхъ лѣсовъ, изъ коихъ вдругъ и
неожиданно приходите въ область распений
пропическихкихъ, или такихъ, коихъ ошече-
ство на сѣверѣ. Дѣйствіе сихъ группъ, ошли-
чающихся особымъ и чуждымъ нашему кли-
мату характеромъ, разительнѣе замѣтно сре-
ди однообразнаго лѣса, ихъ окружающаго.

Есть общія правила, коими необходимо обя-
занъ руководствоваться всякой садовникъ-пей-
зажистъ. Различныя породы деревьевъ должны
быть помѣщаемы въ различныхъ положеніяхъ
и группахъ, сообразныхъ съ ихъ свойствомъ.

На примѣръ, кедръ Ливанскій, брошенный въ
грушу архитектурныхъ массъ, производитъ ве-
ликолѣпное дѣйствіе. Смѣшайте сіе дерево съ ки-

парисами, конхъ пирамидальная форма представляеть никакой контрастъ съ возвышающимися другъ надъ другомъ эшажами и многочисленными куполами воспочнаго гиганша: вы увидите, какимъ очарованіемъ украсишь ландшафтъ! Именно кедръ избралъ живописецъ Марпинъ, дабы усилишь поютъ характеръ величія, копорый хотѣлъ сообщити своимъ Ассирійскимъ пейзажамъ. Но не надобно (подобно нѣкопорымъ Англійскимъ садовникамъ) спавити эшо исполнское дерево возлѣ какого-нибудь мѣлкаго, невиднаго зданія. Покажите намъ его на возвышеніи: пусть ошсуда привлекаеть оно взоръ, пусть приковываетъ къ себѣ вниманіе, пусть будетъ центромъ карпины, вами создаемой! Посреди лѣса оно произведеть не много дѣйствія; но одно, на почепномъ дворѣ зѣмка, или рассаженное правильными аллеями, по берегамъ озера, спохранишь все свое меланхолическое величіе. Должно между каждыми двумя деревьями оставлять довольно большое распояніе, дабы корни и вѣшви не препяшпшвовали взаимному каждаяго возрастанію. Еслибъ я хотѣлъ посвящити часть моего парка шоржеспвеннымъ и религіознымъ мечпаніямъ, то насадилъ бы длинныя аллеи изъ кедра, дерева споль гармонически согласующагося съ высокими идеями, напоминающаго пустыни Ливанскія и первоначальныя вѣрованія, образовавшія человѣчеспво!

Дабы придашь болѣе разнообразіа лугамъ и озерамъ, надо особенно упошребляшь Ингаліанскій пополь. Изъ среды округленныхъ древесныхъ сѣней, выведише коническій пополь, возвышающійся подобно острой спрѣль. Особенно пусть это будетъ при шекучей водѣ, возлѣ моста, вездѣ гдѣ много прямыхъ или круглыхъ линий: пусть тамъ пополь, особенно Ломбардскій, спремишя съ своенравною смѣлостію къ небу и привлекаелъ взоры! Это лиственное копые, не имѣющее можешъ бытъ само по себѣ ничего граціознаго и живописнаго, удивительно по своему контрасту, когда возвышаешя изъ среды кустарника, скругленнаго во глубинѣ пейзажа. Пусть длинныя космы нѣсколькихъ плакучихъ ивъ отражающя въ водахъ! Пусть на горизонтѣ виднѣющя волнообразныя холмы! Если взоръ, привыкшій къ симъ обыкновеннымъ очертаніямъ, увидитъ вдали прямыя, оспроконечныя стволы пополей, по сіе смѣшеніе формъ и линий его очаруетъ. Мъщанинъ, которъ садитъ при дверяхъ своего домика два огромныя пополя, не понимаетъ; до какой степени ничтожества доводитъ шѣмъ свое жилище. Тополь годишя полько для опдаленности. Уединише его: онъ перяешъ всю свою прелестъ!

GARDENER'S MAGAZINE.

IV.

НѢМЕЦКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ВЪ

ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

(продолженіе).

Поэзія Драматическая, въ сіи послѣднія времена, обрабошывалась съ большею ревностію, чѣмъ успѣхомъ. Она возведена была въ свой зенищъ гениемъ Шиллера: но не удержалась на сей высотѣ; и шеперь не льзя не признашь въ ней упадка. Много причинъ соединилось, дабы произвеси сіе печальное слѣдствіе: и причины сіи много разъ были излагаемы. Съ одной спороны публичка слишкомъ еще мало подвинулась впередъ, дабы понимашь доспоинство драмы и пребовашь опть ней болѣе, чѣмъ одной пуспой забавы; съ другой, дирекпоры шеапровъ слишкомъ исключишельно помьшляюпть о своихъ часпныхъ выгодахъ или слишкомъ невѣжеспвенны въ своемъ дѣлѣ; наконецъ—и это еспть главная причина упадка искусствва—въ Германіи, послѣ Шиллера, не возникало ни одного драматического поэта испинно великаго, копорый бы превзошелъ его или даже сравнился съ нимъ и копорый бы, посредствомъ могущеспвенныхъ созданій, владычеспвовалъ на сценѣ и увлекалъ за собою шолпу. Можесть бышь дол-

жно также сдѣлать нѣкопорые упреки и духу времени, копорый съ особеннымъ предрасположеніемъ обратился опть шеапра къ повѣшпово-пельному роду поэзіи; въ слѣдспвіе чего пер-вые Германскіе писашели опказались совершен-но опть драматической поэзіи или, если и за-нимались еще ею, по писали пакія драмы, кои не годились для сцены, не желая имѣть дѣла съ заведеніями, не имѣющими никакого уваже-нія къ правамъ поэтической собспвенности и счишающими поэта ремесленникомъ, копорому спойтишь только заплашишь кое-какъ за работу, дабы коверкать и уродовать какъ угодно его произведенія. Такимъ образомъ искусство дра-матическое сдѣлалось ремесломъ, не принося-щимъ ни чести, ни пользы; а если случалось какъ-нибудь по или другое, шо, во всякомъ слу-чаѣ, напрасно ожидали признапельности опть пуб-лики, на копорую поэтъ имѣетъ право, копо-рая соспавляетъ его сладчайшую награду и воспаляетъ его къ новымъ шрудамъ.

Три направленія замѣчаются досель въ Гер-манской шрагедіи, именно: направленіе *идеали-зирующее*, направленіе *фаталистическое* и на-правленіе *мыслительное*. Разберемъ вообще ха-рактеры каждаго изъ нихъ.

Касательного перваго направленія, по моему мнѣнію, не лзя ничего лучше сдѣлать, какъ

выписашь слѣдующее мнѣніе Вольфганга Менцеля:

» *Идеализирующая* поэзія излагаетъ идеальныя пишы величія и красобы человѣческой, представляя ихъ блистательнѣйшіе образцы; она предполагаетъ осуществленнымъ и индивидуальнымъ все то, что природа человѣческая можетъ произвесть совершеннѣйшаго: высказываетъ все, что есть прекраснаго въ человѣкѣ, и развертываетъ всѣ сѣмена его благородства и величія. Но она не просто только вымышляетъ; не ограничивается однимъ осуществленіемъ своихъ фантазій; а также заимствуетъ образы изъ исторіи и увѣковѣчиваетъ героевъ, въ коихъ проявляется высшая природа, кои распоргли предѣлы обыкновенности и двинули впередъ человѣчество. Но за то здѣсь поэзія опаживается въ опасный путь, между Сциллою и Харибдою, гдѣ многіе поэты нашли свою гибель. Идеализированіе вымышленныхъ лицъ легко заводитъ поэта далеко отъ природы, въ опвлеченности философскія и въ нравственныя упоиіи. Въсно челоѣка, оно представляетъ намъ систему прикладной добродѣтели. Герой дѣйствуетъ не какъ челоѣкъ, а какъ нравственная машина; онъ не дѣйствуетъ свободно, по благороднымъ внушеніямъ своей природы; но какъ невольникъ, механически, по догматическимъ понятиямъ.

Или, если поэтъ, дабы избѣжать сей подводной скалы, заимствуетъ своего героя изъ испорчен, то онъ подвергается опасности упустить изъ виду свой идеалъ и смѣшать земное обыкновенное величье съ внутреннимъ высокимъ достоинствомъ характеровъ. Такъ какъ все величье, вся красота души должна проявляться въ дѣйствіяхъ, то поэзія идеализирующая есть существенно драматическая: и поелику сіе величье наиболѣе опирается въ борьбѣ, поелику красота съ большей яркостью произникаетъ изъ противоположностей, то поэзія сія есть также существенно прагматическая « а).

Въ сей отрасли драматической поэзіи, Шиллеръ есть не только первый Германскій поэтъ, но даже, съ подлежательной точки зрѣнія, существо самое чистѣйшее и благороднѣйшее, съ коимъ никто никогда не могъ сравниться. Въ созданныхъ имъ характерахъ онъ проявляетъ самую высокую нравственную красоту, которая не только представляется, какъ олицетворенная идея, но осуществляется дѣйствительно на сценѣ міра, и которая, если погибаетъ въ борьбѣ съ обыкновенной существенною, то погибаетъ по крайней мѣрѣ победоносно. Правда, поэзія спила и богатство языка имѣютъ большое участіе въ сей побѣдѣ:

а) Menzel, Deutsche Literatur. II. 115.

Но какъ Шиллеръ похищенъ смертію еще въ первыхъ годахъ наслощаго вѣка и его безсмертныя шворенія по большой часши принадлежатъ прошедшему спользію, по мы болѣе на немъ оспанавливаясь не будемъ.

Самый вѣрный подражатель Шиллера былъ Теодоръ Кернеръ, имя коего оспанеша всегда драгоцѣнно для Германіи, хотя справедливоспъ пребуешъ ограничить гораздо похвалы, коими осыпали его, особенно при его преждевременной смерши. Ему не доспаешъ глубины: всѣ его шворенія суспъ вѣрныя копии съ швореній Шиллеровыхъ, но безъ жизни и движенія: пакъ, на примѣръ, его *Црини*, во многихъ мѣспахъ, кажепса переводомъ *Валленштейна*, шолько на языкъ не пакъ прекрасномъ и богатомъ. Послѣ Кернера, и припомъ гораздо ниже его, слѣдуешъ вопервыхъ Клингеманнъ а), кошо-рый не имѣешъ никакого понятія объ истинной поэзіи, умѣешъ шолько расчипывашъ театральныя эффекшы и украшашъ наружностъ своихъ персонажей. Посему піэсы его не могли долго держашъся, хотя сначала шолпа ослѣпляласъ пышноспію ихъ дѣйствія и спила. Фон-Ау-

а) Клингеманнъ, родившійся въ 1777 году, долго управашъ съ успѣхомъ Брауншвейгскимъ театромъ. Изъ піэсъ его играются доселѣ: *Генрихъ-Левъ*, *Лютеръ*, *Моисей*, *Фаустъ* и *Германская Вѣрностъ*.

ФЕНВЕРГЪ, занимавшійся въ послѣднія времена передѣльваніемъ романовъ Вальшера-Скопша для сцены, имѣетъ прекрасный даръ выраженія, и только всего: еслибъ онъ былъ дѣйствительно поэтъ драматическій, то почувствовалъ бы, что между элеменами трагедіи и романа существуетъ безконечное различіе. Тоже почти можно сказать объ Ихтрицѣ, который не можетъ ослепениться доселѣ, и поочередно, по сообщаетъ древнимъ классическимъ предметамъ романтическія формы, по идеализируетъ драматически современныя новости и анекдоты.

Многіе драматическіе поэты послѣднихъ временъ, хотя следуя также по стопамъ Шиллера, могутъ однако похвастаться писателями оригинальными и независимыми: ибо избрали сію дорогу по внутреннему убѣжденію и только богаты, что могутъ жить сами собой, не дѣлаясь слѣпыми подражателями. Самый замѣчательнѣйшій между ними и припомъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣйшій Германскій прагикъ пекущаго столѣтія есть Генрихъ фон-Клейстъ а), ко-

а) Сей поэтъ родился также въ 1777 году, въ Франкфуртѣ на Одерѣ. Онъ началъ о самомъ себѣ и о своемъ отечествѣ, онъ убилъ себя, близъ Потсдама, съ женой одного Берлинскаго negociанта. Отъ него остались двѣ трагедіи: *Семейство фон-Шпрофветштейнъ* и *Пестельманъ*; комедія:

порый, будучи подавленъ бѣдспвіями своего времени, добровольно кончилъ жизнь на тридцать шестомъ году. Богатое и смѣлое воображеніе, энергія и глубина въ высокой степени, дающъ его драматическимъ произведеніямъ прочную цѣну: сверхъ того не лзя не опдашь справедливости его поспояннымъ усиліямъ примирять и соглашать человѣческую слабостъ съ силою и благородствомъ души, предспавляя объ сіи фазы человѣческой природы въ истинномъ свѣтѣ, такъ что онъ являющся вмѣстѣ, другъ подлѣ друга, безъ всякаго предосужденія другъ другу. Правда, онъ иногда заблуждается: но сіи заблужденія суть доказательства доброты его сердца и благородства его чувствованій. Германія потеряла въ немъ одного изъ своихъ сыновъ, наиболѣ достойнаго сожалѣнія. Чего бы онъ не могъ сдѣлать, еслибы имѣлъ мужество пережить бѣдспвенные дни, пшжестъ коихъ его раздавила!

Невдалекѣ отъ него спойтъ Иммерманнъ, котораго полта не знаетъ, попому что онъ самъ не хочетъ знать ее. Если въ произ-

Разбитая Кружка; и историческая драма: Каттенъ фонъ Гейльброннъ. Клейстъ вмѣстѣ былъ опличнымъ повѣствователемъ.

веденіяхъ Клейспа мы поражаемся духомъ, мрачною меланхоліи, въ нихъ царствующимъ, для котораго всякая радость, кажущаяся, погибла навсегда, пошому что жизнь опшяла у него всякую вѣру и всякое упованіе: по произведенія Иммерманна дышущъ гнѣвомъ, полнымъ ироніи и горечи, оптвергающимъ всякое примиреніе изъ презрѣнія къ непріятелю. Иммерманнъ пишеть, пошому что не можеть не писать, какъ и всякой истинный поэтъ: но онъ безъ удовольствія опдаеть плоды своей музы опечешву; онъ бросаетъ ихъ, дабы дашь почувствовать свою ненависть, а не для того чтобы дославивъ наслажденіе любовашься его талантомъ; и нисколько не заботишя о томъ, что полна испишь ему за его ненависть свою холодностию, поелику не имѣеть никакого побужденія инпересовашься поэтомъ, обращающимся съ нею шакъ презрительно. Опсюда усугубленіе гнѣва и досады со стороны поэта, которъй не хочеть догадаться, что самъ на себя вызываеть сіе ожешпоченіе. Помощво будеть къ нему справедливѣе; но я боюсь, чтобы онъ наконецъ не погибъ въ сей борьбѣ съ современниками, не успѣвши вполне развернуть себя. По своей природѣ онъ исполнеть величія; и пошому Гейне не безъ основанія зоветь его орломъ: эшо душа благородная, полная силы, глубины и нѣжвости! Нападенія, конхъ сдѣлалъ

ся онъ предметомъ, со спороны Графа Пашена, за своего *Эдипа-Царя*, кажущя шѣмъ жалоспнѣе и ничпожнѣе, что сей послѣдній очевидно не имѣеть никакого поняшя объ испивной Нѣмецкой поэзїи; ибо, въ пропивномъ случаѣ, онъ не дозволилъ бы себѣ ругаться до шакой степени шаланпомъ споль превосходнымъ, кошорому не умѣлъ сдѣлать никакого другаго упрека, кромѣ шого что онъ принадлежишь къ другой поэшической школѣ. Какой жаръ чувспва, какія благородные помыслы въюпъ въ его *Трагедїи въ Тироль* и въ *Императоръ Фридрихъ*! Какая горячностъ къ опечеспву, не смощря на кипѣнїе гѣва! Иммерманнъ, какъ и многїе другїе, спраждееть болѣзню нашего времени. Весьма желашельно, чпобы его швердая напура успѣла наконецъ освободиться *отъ* желчи, преспыщающей поэшической его шаланшъ: шогда, конечно, можно ожидать *отъ* него много великаго!

Совершенно другое должно сказать о Руппахъ, коего трагедїи, благопрїяспшваемыя обшпощельспствами, шеперь имѣюпъ наиболее успѣха на сценѣ. Поэзїи его совершенно недоспаешъ глубины и жара чувспва: недоспашокъ, кошорый шаланшъ его, впрочемъ довольно значительный, спарался въ первыя времена прикрпшь лирическими опспупленїями! Помощь, когда умспвованїя объ опшошенїяхъ жиз-

ни общеспвенной сдѣлались какбы собспвенноспію шолпы, когда всѣ, съ большимъ или меньшимъ смысломъ, впрямь и вкось, заповковали о полишпкѣ, Раупахъ почувспвовалъ себя вдругъ въ своей сппхп и началъ шолько облекать въ драматическія формы свои философскія и полипическія идеи. Еслибъ холоднаго разума доспапочно было для поэзіи, то Раупахъ конечно занялъ бы первое мѣспю между прагическими поэсами; ибо умъ его вѣренъ, понокъ, и всегда владычеспвуетъ самодержавно надъ фанпазіей. Но поелику все, касающееся до чувспва, почерпается имъ не изъ собспвенной глубины, а заимспвовано извнѣ, выгучено: шю его произведенія, какъ бы могущеспвенно ни дѣйспвовали на мысль и какъ бы ни занимали собою вниманія, оставляютъ сердце совершенно холоднымъ, ибо сущъ не болѣе, какъ поэпически выраженныя проблемы съ рѣшеніемъ и доказательспвами. Посему шѣ, на примѣръ, изъ его харакперовъ, кои предспавляютъ ненавпспь, злобу, преспѣдованіе и ш. п., почпш всегда обрисованы съ совершенною полношю и въ двадцать разъ лучше выполнены, чѣмъ герон, любовники, и ш. п.; ибо тамъ нужны шолько умъ и разсужденіе, чего здѣсь весьма недоспапочно!

Сюда также должно помѣсппшъ и Эленсплеттера, кошорый принадлежптъ сполько же Гер-

манской лихерашурѣ, какъ и Датской, коей со-
составляетъ лучшее украшеніе. Адамъ Эленшле-
геръ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дра-
матическихкихъ поэтовъ, не только въ своемъ
отечествѣ, но во всей современной Европѣ.
Родившись 14 Ноября 1779 года, въ Копенга-
генѣ, онъ сперва назначалъ себя къ ремеслу ко-
медіанта; но вскорѣ отказался отъ сего званія
и началъ учиться правамъ въ своемъ отече-
ственномъ городѣ. Потомъ, при пособіяхъ пра-
вительства, онъ совершилъ лихерашурное путеше-
ствіе по Германіи, Франціи и Италіи, и, по
возвращеніи своемъ, получилъ мѣсто Профес-
сора Эспешики при Копенгагенскомъ Универ-
ситетѣ. Его собственная автобіографія, кошо-
рую помѣстилъ онъ предъ Нѣмецкимъ издані-
емъ своихъ сочиненій, доказываетъ игривую
веселость и пріятность его характера. Одинъ
Германскій кристикъ такъ выражается объ немъ,
какъ о поэтѣ а). » Достоинство Эленшлегера
открывается преимущественно въ произведені-
яхъ, коихъ предметы заимствованы изъ испю-
рии и мифологіи Скандинавской. Онъ посвященъ
въ шактства Одина: со спрунъ его ары
раздаются звуки, конми оглушается Валгала.
Онъ соединяетъ съ воображеніемъ менеспредя
чувство пѣвца нашихъ временъ. Картины его

а) Leipzig. Liter. = Blatt. 103 p. 934.

правящися взору искуснымъ расположеніемъ и смѣсю красокъ. Въ своихъ религіозныхъ спичовореніяхъ, онъ воспоргаетъ душу въ спраны горнія, не заглушая разсудка. « Душа глубоко чувспвипельная и искренняя обнаруживается во всѣхъ произведеніяхъ Эленшлегера и приобръщаетъ ему сердца чипанпелей; особенно, поелику не лзя не замѣпить, что сіе принадлежитъ собспвенно поэпу и что чувспвипельность его живетъ во глубинѣ его существа. Естественное предрасположеніе клонитъ его предпочпительно къ лирической поэзіи и вредитъ иногда его драматическимъ произведеніямъ, опноспительно ясности и развишія характеровъ. Лучшая драма его, по нашему мнѣнію, кромѣ *Младдина*, гдѣ геній поэта опражается во всемъ блескѣ юношескаго пыла, есть *Гаконъ Ярль*, одно изъ самыхъ величественныхъ произведеній сѣверной поэзіи. Гаконъ и Тора суть фигуры испинно классическія. Что касается до *Корреджіо*, то сія піеса, при безчисленныхъ красотахъ, имѣетъ великіе недоспапки, какъ ни защищаетъ ее авпоръ: слишкомъ санпиментальный характеръ, данный великому Живописцу Ночи, оппываясь позднѣйшимъ анокронизмомъ, не сполько привлекаетъ, сколько оппалкиваетъ воображеніе; прочія же лица, коими поэпъ окружилъ его, не сполько важны, чтобы возвышали инпересь главнаго герол, и не споль

удовлетворительно обозначены, чтобы не пересовашь самими собою а).

Грильпарцеръ, прагическій поэтъ Вѣны, дебюшировалъ фантасиическою прагедіею, извѣсною подъ именемъ *Прародительницы* (die *Urschau*): но скоро отказался отъ сего рода и предался прагедіи идеализирующей. Онъ занимаетъ высокое мѣсто въ Германской липературѣ: но собственно есть поэтъ лирической и не понимаетъ истиннаго призванія своего генія, облекая въ драматическія формы свои поэшические вдохновенія. Глубина и жаръ чувства, воображеніе богатое, хотя безъ разнообразія, и изящная дикція: вошъ достоинства его музы б)!

Уландъ создалъ два превосходные драматическіе опыта, достойные его великаго таланта: *Эрнеста Швабскаго* и *Людвига Баварскаго*. Сии опыты заславляютъ жалѣть, что поэтъ не удержалъ за собой сіе поприще. Можетъ быть, ему ше-

а) Подробнѣе объ Эленшлегерѣ можно читашъ въ *Телеск.* 1831, N 17. *Изд.*

б) *Прародительница* Грильпарцера явилась въ 1816 году и имѣла необычайный успѣхъ. Въ 1818 году издалъ онъ *Сафо*, которая произвела менѣе эффекта. Въ 1822 году появилась его прилогія *Золотое Руно*, еще съ меньшимъ успѣхомъ. Наконецъ въ 1824 году издалъ онъ свою національную прагедію *Оттокара*. *Прародительница* играется и на нашей сценѣ, въ довольно хорошемъ переводѣ. Разборъ ея см. въ *Молл.* 1831, N. 8. *Изд.*

апръ былъ бы обязанъ своимъ спасеніемъ, кошорого щцешно ожидаетъ послѣ Шиллера. И между тѣмъ сіи два произведенія Уланда едва извѣсны шолпѣ по имени, опъ шого чшо шолпа не разумѣетъ истиннаго величія.

Самый оригинальнѣйшій драматическій поэтъ нашихъ временъ есть неоспоримо Гравбе. Въ каждомъ новомъ швореніи, бросаемомъ въ свѣтъ, онъ дѣлаетъ исполинскіе шаги. Но онъ еще не достигъ до полнаго уразумѣнія силы своего генія; и пошому, въ поэтическомъ нешповешвѣ, испушленіе его часто обращается прошивъ самаго себя. За шо, какой богатой рудникъ поэзіи заключается во всѣхъ его произведеніяхъ! Какая энергія генія, какой жаръ, какое обиліе воображенія! Какъ все у него живетъ и дышитъ! Его умъ никогда не съчетъ сухою молніею; онъ всегда разитъ и сожигаетъ; шолько, шо несчастію, не умѣетъ управлять своимъ громомъ и часто сыплетъ перуны безъ разбору. При шомъ Гравбе есть еще насшощее поэтическое дшщя, кошорое забывается въ своихъ играхъ и забывшись воображаетъ, чшо эшо не игры фаншазин, а чисшя дѣйствительность. Въ послѣдствіи, когда кипящій мускъ его генія убродится и опшшопшся, выдетъ чисшое, благошнное вино, какого ни одинъ комешный годъ не производилъ въ Германской поэзіи а)!

а) Между драматическими произведеніями Гравбе замѣча-

Какъ вѣпороспепенныя поэмьы въ идеализирующей трагедіи могутъ бытъ поименованы: Михаилъ Бееръ б), Геге, Коллингъ, Эйхендорфъ, два Мильшица, Э. фон - Шенкъ и др.

Трагедія *фаталистическая*, копорую Менцель справедливо называетъ болѣзнію вѣка, слѣдствіемъ сидячей Нѣмецкой жизни, благодаря Бога, продолжалась не долго и теперь вышла изъ моды. Это самое жалкое, самое безосрадное поэтическое заблужденіе; ибо похищаетъ у чловѣка все его благородство, даже самую свободу его воли, предспавая его обреченнымъ въ жершву прихопей какой-то безвѣстной, неисповѣдимой мощи, копорая пропиль велн нудить его ко злу и потомъ оставляетъ погибашъ опть слѣдствій невольнаго преступленія. Фатализмъ испровергаетъ совершенно достоинство чловѣческаго рода; и какъ жалокъ зритель, осужденный присущствовашъ при подобныхъ зрѣлищахъ! Ибо—одно изъ двухъ— или онъ сполько слабъ, что вѣруешъ въ нихъ и, примѣняя ученіе сіе къ дѣйствительной жизни, воображаетъ, что ему также предназна-

пельны *Фаустъ* и *Дон-Жуанъ*, гдѣ сіи два поэтические типа поставлены въ параллель между собою. Сверхъ того онъ издалъ рядъ историческихъ трагедій, въ коихъ выведена на сцену императорская династія фон - Гогеншпауфенъ. Объ изданной имъ драматической поэмѣ: *Наполеонъ или Сто Дней*, см. *Телеск.* 1831, N. 16. Изд. б) Братъ Мейер-Ваера, умершій недавно въ Минхенѣ.

чено украсить когда-нибудь серебрянную ложку или провеспи конспра-банду сквозь шаможню; либо, если видишь венци здраво, долженъ при-нуждашь себя прошивъ воли глопашь опи-вращипельную пицу, пригошповленную искус-ною рукою. Съ самага начала слабоспъ самая жалкая, самая фальшивая, обнаруживаепся въ из-ложеніи подобнаго зрѣянца и подобно фанпому выказываепся изъ драматическихъ подмоспоекъ, до шѣхъ поръ, какъ все зданіе наконецъ рушипся и оспанепся одно сожалѣніе, что сполько пре-красныхъ маперіаловъ изгублено на шаковъ не-счастное дѣло.

Не смопря на шо, сія поѣпическая зараза ко-снудась многихъ лучшихъ паланшовъ Гер-маніи, увлеченныхъ полпой, кепшорая пуспила ее въ моду. Впрочемъ головы швердаго сложе-нія не замедлили освободипсь опъ сей прили-чивой извы, шюгда какъ слабыя доселѣ его спра-ждупъ. Корифеями фашалиспической прагедіи были Захарія Вернеръ и Мильнеръ, два великіе па-ланша, кои оба, хошя разными манерами, погнб-ли въ вульгарноспи. Вернеръ болѣе великъ, по-шому что позволялъ человѣку по крайней мѣ-рѣ бороспъ съ несповѣдимымъ могущесп-вомъ рока и спарался вывеспи его изъ сей борьбы побѣдипшелемъ съ помощію благодаши Божіей. Сверхъ шюго онъ обладалъ высокимъ лирическимъ паланпомъ. Къ сожалѣнію, до сей

благодати Божіей, которая должна являться умиропоришительною силою, у него должно доходить безъ участія собственнѣйшей воли, слѣдовательно безъ всякой нравственной заслуги а). Напропавъ, Мильнеръ есть не что иное, какъ палачъ судьбы, выполняющій безжалостно казнь, на которую невинность осуждается приговоромъ безвѣснаго, неисповѣдимаго судища. У него нѣтъ ничего великаго, благороднаго, возвышающаго человѣка; нѣтъ человѣческаго достоинства: по его позшическимъ ушаваньямъ, каждый созрѣлъ для висѣлицы, незаслуженно. Не смотря на то, онъ приобрѣлъ рукоплесканія толпы, новостію зрѣлища, яркостію выраженія и богатствомъ, часто наружнымъ, колорита своихъ картинъ. Подражателями его были однѣ большыя головы, которыя, за исключеніемъ Гувальда, къ сожалѣнію не поспѣваго въ себѣ прекраснаго лирическаго паланпа, не заслуживающъ упоминенія.

Третій родъ трагедіи, который мы назвали трагедіею *мыслительною* или лучше философскою, есть не что иное, какъ видоизмѣненіе перваго: впрочемъ онъ имѣетъ шу особенность, что представляетъ однѣ психологическія си-

а) Прекрасную характеристику Зах. Вернера можно видѣть въ *Телск.* 1831, N 8. *Изд.*

пуаціи, ограничивая и упрощая всевозможно дѣйствіе. Родъ сей имѣеть только форму драматической поэзіи и, говоря собственно, принадлежитъ къ поэзіи лирико-дидактической. Онъ представляеть слишкомъ разительное сродство съ Французскою школою. Можно, въ извѣстной степени, почестъ Гете подавшимъ первый примѣръ въ семь родъ, своимъ *Тассо* и *Побогною Дочерью*, если не обращать вниманія на Лессингова *Навана*, котораго справедливѣе можно признасть первымъ опытомъ дидактической драмы въ Германіи. Драма сія мало имѣеть ревнистелей у Нѣмцевъ; мало въ ней и успѣховъ: эпо безомыслия ошъ того, что нуженъ могущественный геній для созданія чего-либо доспойнаго въ семь родъ.

Превосходнѣйшія драматическія произведенія Германіи, въ родъ важномъ, принадлежатъ къ шѣмъ, кои назначены совѣмъ не для шеатра: и здѣсь во главу всѣхъ должны бытъ поставлены шворенія Гете, особенно его *Фаустъ* и *Гецъ фон - Берлихингенъ*. Вообще Гете, какъ поэтъ драматическій, естъ единственный въ шомъ отношеніи, что чуждаясь идеализированія, довольствуешся, при посредствѣ воображенія и фантазіи, представленіемъ въ самомъ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ природы человеческой и отношеній общественныхъ шаковыми, како-

вы онѣ на самомъ дѣлѣ: и онѣ предспавляютъ ихъ съ такою разшиельною и прогашельною истиною, что не лъзя оспаваться хладнокровнымъ, не лъзя опказашъ имъ въ глубокомъ вниманіи и учаспіи. Характеры женскіе вообще благороднѣе и чище у Шиллера: но это опчаспи на счетъ испины и еспеспвенности. Напропивъ женщины Геше, съ ихъ слабостями и прелеспами, живущъ посреди насъ, равно очаровательны въ обществѣ, какъ и въ поэзіи.

Смѣшно было бы покуситься предспавить здѣсь всю глубину и изящество *Фауста*, первой изъ всѣхъ драматическихъ поэмъ Германской импературь. Кпо ихъ не чувспвуетъ, кпо, въ какомъ бы шо ни было возрасѣ и соспояніи, не находить услажденія и назидательности въ *Фаустѣ*, шошъ не доспвинъ читашъ его: шошо должно опспасать къ романамъ Клаурена или другимъ побрякушкамъ болшыей часпи современныхъ періодическихъ листковъ Германіи; ихъ доспашочно будетъ ему на пропитаніе! Сказашъ ли однако? Я не могу воздержашъ опъ опасенія, чтообы окончаніе *Фауста*, о копоромъ увѣдомляющъ насъ шеперь, когда пворецъ его уже не сущеспвуетъ, не повредило эффектшу цѣлаго: и, признаюсь, обрашники, копорые намъ уже извѣсны, слишкомъ подкрѣпляютъ сіе опасеніе.

Къ сему же классу произведеній экстра-пле-

апральныхъ принадлежатъ превосходныя драматическія сказки Тика, кои, дѣши истиннаго юмора, въ поже время, во всѣхъ отношеніяхъ, суть наспоющія національныя произведенія Германской поэзіи. Должно признаваться, что никто, подобно Тику, не умѣлъ схватывать и изображать романтической характеръ среднихъ вѣковъ, съ колоритомъ столь нѣжнымъ и вмѣстѣ столь яркимъ. Какъ будто спаринная просподушная набожность, глубокая любовь, энергія и чистосердечіе сихъ опдаленныхъ временъ, воскресли для насъ въ его твореніяхъ, дабы, чрезъ противоположность, дать лучше почувствовать ничтожество, пустоту и бѣдность наспоющаго, не оставляя впрочемъ насъ безъ утѣшенія, поелику усаждають воспоминаніемъ очарованій, нѣкогда существовавшихъ! Въ сихъ прелестныхъ произведеніяхъ нигдѣ не слѣпнеть глазъ наружная мишурная pompa; просподушнѣе и чувствительность опзываются даже въ насмѣшкахъ ироніи, кою раскащикъ казнитъ низость и подлость. Тикъ есть поэтъ такъ успешно, такъ совершенно Нѣмецкій, именно потому, что усвоивъ себѣ все чужое прекрасное, умѣлъ слить его съ собственною своею индивидуальностью до такой степени, что опсюда произошло цѣлое совершенно новое и оригинальное.

Подъ знаменами Тика въ первомъ ряду спо-

япть Людвигъ Ахимъ фон - Арнимъ, Ламот - Фуке, Эйхендорфъ и Вольфгангъ Менцель. Всѣ они оспались далеко позади своего главы, попому что не имѣюпть разнообразія его свѣденій и обширной учености. Что касается до Арнима, онъ не былъ понимаемъ своими соопечесшвенниками: ибо не имѣлъ ни ясности, ни силы необходимой для самососредоточенія. Фуке неоспоримо владѣпть прекраснымъ шаланшомъ: но онъ слишкомъ уже зазнаепся; и манера, имъ приняпая, поглоспила его наконецъ, какъ море, на которомъ онъ не умѣпть справипсья. Онъ понепть и напрасно спараепси спаспи себя. Такъ какъ онъ не умѣпть идиши на ряду съ временемъ, по весьма опасно, чтообы попокъ не увлекъ его совершенно и чтообы шворецъ *Ондины* и *Сигурда* не былъ позабыпть прежде своей смерти. У Эйхендорфа недоспапокъ не сполько въ чувспвѣ, сколько въ сужденіи. Его *Война съ Филистимлянами* еспть слишкомъ робкое подражаніе манеръ Тика: посему онъ менѣе извѣспенъ, чѣмъ сколько бы заслуживаль, по своему, хоспя не докончанному, но весьма оспроумному роману: *Armin und Segenwart*. Наконецъ Менцель, кошорый силою своего ума наиболѣе приближаепся къ Тику, въ свою очередь имѣпть слишкомъ много положительнаго ума, болѣе чѣмъ сколько нужно для поэта: онъ сдѣлалъ большіе промахи въ своихъ двухъ повѣ-

спяхъ: *Abbazali* и *Narcissus*, пытаясь поэтически разрѣшать проблемы, даже парадоксы философскіе: покушеніе опасное, которое слишкомъ спавитъ лицомъ къ лицу воображеніе поэта и дѣйствительность! Чипатель, котораго никакъ не лзя убѣдишь поэмою, что возможное есть вмѣстѣ дѣйствительно, бросаетъ всегда подобныя произведенія безъ удовольствования.

Въ другихъ родахъ поэзіи драматической, въ комедіи и шомъ, что называютъ драмою, сіи послѣднія времена произвели очень мало достойныхъ твореній: и сіе опчаспи должно приписатьъ попопу мелодрамъ, комедій и другихъ Французскихъ піесъ, коимъ литературные фабриканшы наводнили Германію. Сіи легко ввозимые шовары докончили искаженіе вкуса публики, всегда жадной до новыхъ ощущеній и между шѣмъ уже болѣе чѣмъ пресыщенной, такъ что она теперь не имѣетъ шертнія выслушивать полное изображеніе характеровъ и слѣдовать внимательнo за систематическимъ развитіемъ правильной комедіи, а находитъ удовольствіе только въ шомъ, что насильственно пошрясаетъ ея нервы. Это можетъ быть измѣнилося со временемъ, когда Нѣмцы всѣ будутъ имѣть одинъ общій интересъ и когда придутъ въ сосновніе развершывающіе всѣ свои силы въ борьбѣ съ общими вра-

гами, однообразно по вѣсѣмъ направленіямъ. До пѣхъ поръ—а Богу одному извѣстно, когда это случился!— зло будетъ оспаваться неискрѣпно. Впрочемъ наспоющая Нѣмецкая публика шакъ испорчена' мишурными блѣспками оперы, коими театръ напрасно спарается прикрыть свою нагошу и срамъ, что нынѣшняя драматическая поэзія можешъ развѣ шогда соспавить себѣ счастье, когда спспавить на сценѣ цѣлый *потопъ*, со вѣсми принадлежностями, и заспавить, безъ исключенія, пѣшь и говоришь все народонаселеніе ковчеза Ноева, двуногое и чепвероное.

Слезливая драма, кошорая нѣкогда, будучи введена Ифландомъ, господсповала на Нѣмецкихъ театрахъ, мало по малу сошла съ нихъ: но ея главный элементъ, духъ провинціальныхъ городковъ, оспаешся доннѣ и соспавляетъ успешвенную спихію Нѣмецкихъ комедій. Дурачешва общія, смѣшную спорону всего свѣша, ни одинъ поэтъ не осмѣливается выспавлять на позоритце: и надо сказашь правду, какъ ни горька эша правда, что не нашлось бы публики понимашъ подобныя зрѣлица. Все происходишь, по прежнему, въ вымышпленныхъ городкахъ, Шильдъ, Крейвинкель, Уншерфлахзенфингенъ, или въ какомъ-нибудь предмѣстїи какой-нибудь резиденціи; глупоспи бургомистра осмѣивающся опъ чистаго сердца городскимъ аптекаремъ, и обратно. Но что ешь дурачешва,

копорья принадлежатъ! всему человѣчеству, и что сіи-то дурачества составляютъ наследственное достояніе комической поэзіи, того не-многіе даже и знаютъ; и еслибы какой поэтъ вздумалъ дѣйствительно за нихъ приняться, то онъ долженъ быть напередъ увѣренъ, что публика оборонитъ лорнетку и будетъ видѣть его произведеніе въ искусственной дали, какъ уменьшающей, что все покажется ей оныя въ тѣхъ же мѣлочныхъ размѣрахъ провинціального городка. Какъ покорило бы всѣхъ, еслибы вдругъ *Котъ въ Сапогахъ* или *Преставленіе Свѣта* Тика явилось на сценѣ! Пародія Иммермана, имѣющія споль высокое комическое достоянство, о копорыхъ, разъ прочитавъ, нельзя вспомнить безъ смѣху, не понравились публикѣ, какъ скоро попробовали перенести ихъ на сцену, и даже съ тѣхъ поръ немногими читающся.

Коцбу, при всей своей привіальности, не смотря на то, что грабилъ безбожно всѣхъ, Далічанъ, Испалянцевъ, Англичанъ и Французовъ, до сихъ поръ ни кѣмъ не замѣненъ и не предаць забвенію: нужны ли другія доказательства, чтобы дать поняты всю бѣдность Германской комическо-драматической словесности?

Небольшое число комедій, принадлежащихъ къ роду менѣе низкому, издано въ недавнія времена Генрихомъ фон-Клейсломъ, Мильнеромъ,

Конпессою, Иммерманомъ, Раупахомъ, П. А. Вольфомъ и другими. Лучшіе послѣдователи Коцебу суть Юлій фон-Фоссъ, въ своихъ первыхъ піесахъ, Тепферъ и Г. Клаурень или Карль Гейнъ. Драмашическая сашира съ успѣхомъ, но не совсемъ безукоризненно, обрабатывалась Мальманномъ, Робершомъ, Виллибальдомъ Алексисомъ (Герингомъ) и Графомъ Плашеномъ. Что касается до именъ безчисленнаго полчища рабскихъ подражателей Французамъ, кои каждую недѣлю на подрядъ выславляютъ какой-нибудь новый фарсъ, то любители могутъ справиться объ нихъ въ каталогъ любой библіотеки для чтенія.

Наконецъ опера, кошорая такъ долго составляла слабѣйшую часть Германской поэзіи, въ настоящее время значительно возвысилась, въ слѣдствіе соединенія общихъ силъ искусныхъ композиторовъ и таланливыхъ поэтовъ. Именно произведенія Геге, Кинда, Роберша, Раупаха, Гжи Эльмины де Шези и другихъ, заслуживаютъ вниманіе и признательность.

(окончаніе слѣдуетъ).

V.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННИКИ.

ГЕКТОРЪ БЕРЛИОЗЪ.

Если молодой арписпъ, довершивъ въ Музыкальной Консерваторіи свое образованіе, при выходѣ изъ ней предсавляетъ собственное сочиненіе въ конкурсѣ, получаетъ первую награду, дѣлается королевскимъ пансіонеромъ и отправляется въ Италію: спущъ нѣтъ еще ничего чрезвычайнаго. Многие, подобно ему, получали также первыя награды: но объ нихъ никто и не думаетъ; ихъ слава погребена въ архивахъ Инспипуша:

Вещь обычная, чему здѣсь удивляться?

Форшуна часно такъ изволитъ забавляться!

При всемъ томъ, до отъѣзда въ Италію, эпонъ увѣнчанный воспитанникъ собираетъ арписповъ Консерваторіи, коимъ предлагаетъ симфонію своего сочиненія. Публика слушаетъ и говоритъ: «хорошо! молодой человекъ подаетъ надежды! у него есть идеи! онъ со временемъ будетъ что-нибудь!» Такъ говоритъ публика. Между тѣмъ увѣнчанный воспитанникъ отправляется въ Римъ; и, въ печеніе двухъ лѣтъ, публика спекается въ залу Консерваторіи, слушая симфоніи Бетховена; валивъ толпами въ Оперу, аплодировать музыкѣ *Роберта-Дьявола*, декорациямъ женскаго монастыря, соборной церкви Палермской и лѣтніцѣ *Искушенія*, пlyingся мѣрнымъ, исполненнымъ предестни полепомъ Двицы

Тальони и ея воздушными панцами.. Увѣнчанный воспитанникъ преданъ совершенному забвенію!.. Наконецъ онъ возвращается изъ Испални, приглашаетъ сію самую публику на ту самую симфонію, копорую она уже слышала, прибавивъ, правда, къ ней одинъ *мелологъ*, пь е. пяць музыкальныхъ пѣсъ для голо-совъ и оркестра, прерываемыхъ *recitativo*мъ. И вдругъ сія публика, копорая некогда холодно сказала: »это хорошо!« приходитъ въ восхищеніе. Единодушно шребуютъ повшоренія симфоніи и мелолога. Черезъ двѣ недѣли послѣ перваго концерня, объявленъ впорой; ния Гектора Берліоза лепаетъ изъ уснть въ усна, раздаешся на паркетѣ и въ шеатрѣ, гремитъ даже на улицахъ.

Но о чемъ идешь дѣло? О симфоніи, о музыкаль-ной пѣсѣ, какихъ много еснть и бывало, какія писали и Гайднъ и Моцарнть, копорые однако, еслибъ не произвели ничего другаго кромѣ, при всемъ своемъ превосходствѣ былибъ Гайдномъ и Моцарномъ шоль-ко для немногихъ; корощко сказашъ, о шакомъ про-изведеніи музыки, какихъ Бешговеаъ, для приобрыше-нія славы, коей пользуется шеперь во Франціи, дол-жень былъ бы написашъ, по крайней мѣрѣ, восемь или десяшь.

Однакожъ Берліозову симфонію не дѣзя сравнивашъ съ другими ни по плану, ни по формѣ, ни по роду. Но что намъ нужды знашь, опть чего симфонія сія произвела ша-кое дѣйствіе: опть, перемѣны ли расположенія из-вѣстныхъ уже формъ, или опть счастливаго влія-нія новой идеи и еще неиспытаннаго принарвленія средствъ искусства? Неоспоримо шо, что она увѣн-

чалась совершеннымъ успѣхомъ. Справиваешься, что жъ это за симфонія? Вы узнаете: но прежде я долженъ вамъ рассказать, кто такое самъ Гекпоръ Берлюзъ.

Гекпоръ Берлюзъ родился въ Коптѣ Сентъ-Андре (Изерскомъ Департаментѣ), 11 Декабря 1803 года. Отецъ назначалъ его для медицины, которую самъ зналъ очень хорошо; однакожъ, для довершенія его воспитанія, нанялъ ему музыкальнаго учителя. Въ это время маленькому Берлюзу было лѣтъ двенадцать; черезъ шесть мѣсяцовъ, онъ уже пѣлъ довольно хорошо по правиламъ и порядочно игралъ на флейтѣ. Отверженіе его къ патологическимъ наукамъ возрастало по мѣрѣ приближенія времени, когда надлежало совершенно имъ предаться. Дабы побѣдить сіе отверженіе, отецъ употребилъ слѣдующее средство. Разложивъ въ кабинетѣ своемъ огромный шрапшалъ остеологін Монро съ черепежами въ натуральную величину, онъ позвалъ сына и, поставивъ его предъ сею карпивною смертн, сказалъ:

— » Гекпоръ, вопль чѣмъ мы будемъ вмѣстѣ заниматься! Если ты примешься за дѣло охотно, то я тебѣ выпишу изъ Парижа прекрасную, новую флейту. «

Бѣдный ребенокъ, попавшійся въ сѣнь, согласился на все, чего отецъ отъ него требовалъ, и убѣжалъ въ свою комнату, заливаясь горькими слезами. Однакожъ, будучи увлеченъ ласками и нѣжностію отца, предавался, въ печеніе двухъ лѣтъ, совершенно его волѣ. Но спроси къ музыкѣ уже овладѣла имъ: онъ проводилъ ночи безъ сна, читая музыкальные шрапшалы, которыхъ понималъ еще былъ не въ состояніи.

Между тѣмъ щещно испытывалъ онъ свои силы въ сочиненіяхъ: когда случалось ему давать опыты своимъ музыкантамъ Кошъ Сент-Андре, по они смѣялись надъ нимъ во все горло.

Рано или поздно, геній пробуждается. До сихъ поръ всѣ отдѣльныя свѣденія, которыми Берліозъ собиралъ съ такимъ трудомъ и поспоянствомъ, находились въ смѣшеніи, какъ дрова наваленныя на очагъ для шопки. Огонь долго шаялся внизу; потомъ пламя вдругъ вырывается. Эпошъ мгновенный взрывъ произведенъ былъ въ душѣ Берліоза случаемъ весьма обыкновеннымъ. Одинъ Гайдновъ кваршетъ открылъ ему шаянство гармоніи. Чипая и перевода на паршици сей кваршетъ, онъ наконецъ понялъ то, что двадесятичесткія книги никогдабъ не открыли его разумѣнію. Онъ шопчасъ сочинилъ квиншетъ для флейшы, двухъ окрыпокъ, альша и баса; эпошъ квиншетъ не только не имѣлъ участи прежнихъ его сочиненій, но заслужилъ большое одобреніе артистовъ, которые его разыграли. Такой успѣхъ привелъ въ безпокойство его ошца.

Вскорѣ потомъ Берліозъ прибылъ въ Парижъ, дабы окончить ученіе свое въ Медицинской Школѣ. Онъ увидѣлъ анапомическій театръ: увидѣлъ и оперу! Находясь, такимъ образомъ, между смершью и жизнью, между безобразными шруппами и очаровательными танцовщицами, между музыкой Глюка и прозой Бишá, онъ съ шрудомъ могъ держашъ слово, данное ошцу, и продолжать свое ученіе. Однакожъ, слѣдуя совѣтамъ друга и соученика своего Г. Роберта, который принадлежитъ нынѣ къ числу опличнѣйшихъ хирурговъ анапомовъ, продолжалъ зани-

матъся цѣлый годъ, со встѣмъ пребуемымъ опъ него прилежаніемъ. Между швмъ случалось довольно часто, что онъ возмущалъ пишнну амѣништра одушевленнмъ расказомъ о бывшемъ наканувъ представленіи и сопровождалъ гармоническими мелодіями изъ *Веталки* или *Кортеса* скрытъ пилы и спукъ молоша, кои служили ему для вскрытія черепа.

На слѣдующій годъ ачапомъ - музыкантъ писалъ къ опцу, что не можешъ болѣе сопронивлятьсѣ спрасши, копорую чувствувешъ къ музыкѣ, и опъ-вращенію опъ медицины; что онъ просиптъ у него дозволенія оспавншъ науки, въ копорыхъ очевидно не можешъ оказатъ успѣховъ, и посвяшпшь себя любимому искусству; и что въ случаѣ несогласія принужденъ будетъ его ослушатъсѣ. Родпшели Берліоза завели съ нимъ письменный споръ, копорый послужилъ къ раздраженію той и другой спороны, ибо каждая упорствивовала въ своемъ мнѣніи. Все было употреблено, дабы обрашпшь Гектора на испинный, по мнѣнію родпшелей его, пушь: просьбы, угрозы, опъказъ въ деньгахъ, копоры присылались на его содержаніе, обѣщанія, даже проклятія, все оспалось бесполезнымъ, все сокрушилось предъ желѣзною волею Берліоза и его непреодолимымъ влеченіемъ.

Слѣдующій анекдонтъ можентъ послужитъ доказательствомъ, до какой степени намѣреніе Берліоза было непоколебимо. Онъ находился въ крайности: опецъ опъказалъ ему письменво во всякомъ пособіи и объявилъ, чтообъ онъ самъ, каѣ умѣетъ, добывалъ себѣ содержаніе. Чпюжь сдѣлалъ тогда нашъ музыкантъ? Явился въ дирекцію Театра Новоспей

(Théâtre des Nouveautés), который въ это время опиривался, и просилъ, чтобы его приняли въ оркестръ «лейшцикомъ». »Мъсна «лейшциковъ, ска- залъ директоръ, всѣ заняты!« — Ну такъ возьмите меня въ хоръ! — »И хоръ, сударь, полонъ: теперь не куда васъ взять. Однакожъ, спянься можете, намъ понадобится бась; если вы будете на это согласны, то поспрудитесь оспавишь намъ адресъ!« ..

Черезъ нѣсколько дней, Берлиозу сообщили, чтобы онъ явился въ дирекцію Театра Новостей; ибо въ эпоху день назначался конкурсъ для занятія вакан- сін хориста.

Берлиозъ явился; судилище собралось; дѣлошло не на шулку! Ему предстояло прудъ побѣдиль опас- ныхъ соперниковъ: кузнеца, шкача, спараго пѣвца Драматической Панорамы и пѣвчаго церкви Св. Еуспасія. Сей послѣдній имѣлъ какую-то ссору съ сво- ими прихожанами. Впрочемъ, мнѣня крылось на кулисы и спихарь на полицейскій мундиръ или на куржку лацтарони, онъ думалъ, что выпякаетъ себя въ свѣ- тѣ. Кандидаты явля поочередно. Когда пришла оче- редь Берлиоза, у него спросили, что онъ съ собою при- несъ? »Ничего! ошвѣчалъ онъ: да развѣ здѣсь нѣтъ ни- какого музыкальнаго сочиненія?«—Никакого!—»Какъ! ни даже Импаливскихъ экзерцицій?« — Нѣтъ, сударь! припомъ... я думаю... вы поете не по прави- ламъ... — »Прошу извинишь меня, я спою по прави- ламъ все, что вамъ угодно!—А!.. это дѣло другое... Слѣдственна вы должны знашь какую-нибудь опер- ную арию?« — Конечно, сударь! Я знаю наизусть

весь репертуаръ Оперы: *Весталка*, *Кортеса*, *Эдипа*, *Данаидъ*, обѣ *Ифигеніи*, *Орфей*, *Арлиду*. . . — Довольно, довольно! Боже мой! какая память! Посмотримъ! Спойте-ка намъ, если вы шакъ многосвѣдуща, большую арію изъ прешьяго акта *Эдипа* съ речитативомъ. . . .

Берлиозъ спѣлъ речитативъ и большую арію, съ аккомпаниментомъ скрипки, которая пѣликала на удачу кой-какіе аккорды. Кандидатовъ оплуспили. На другой день Берлиозъ получилъ изъ дирекціи нисъмо, возвысившее ему оффициально, что онъ восторжесшвовалъ не только надъ кузнецомъ, шкачемъ и пѣвцемъ Драмашической Панорамы, но даже надъ пѣвчимъ Св. Евстаѳіа, и въ слѣдствіе сей победы принялъ въ хоръ Театра Новосшей съ 50 франками ежемѣсячнаго жалованья.

Вопль нашъ Берлиозъ ревелъ посполвно каждый вечеръ въ водевилахъ! Пусшь предсшавашъ себя, что онъ долженъ былъ выпериливашъ, будучи принужденъ пѣшь въ шакихъ композиціяхъ, гдѣ, по невѣжесшву композиторъ, паршш написанныя на шѣ, оказывались при выполненіи цѣлою окшавою ниже басовъ! Между шѣмъ подобныя композиторы пользуются въ свѣтѣ репушациєю!

Какъ бы шо ни было, Берлиозъ занимался сшмъ ремесломъ въ шеченіе шрехъ мѣсяцовъ. Но наконецъ, получивъ возможность давалъ музыкальные уроки и содержащъ себя ими, оспавилъ театръ, дабы, въ шшшнѣ уединенія, окончилъ оперу *Вольные Судьи* (*Francs-Juges*), которая никогда не была предсшавлена, но коей увершюра приобрѣла извѣстность.

жизнь для ней повторительнымъ эхомъ. Случалось, чпо въ иракъ ночи, несчастные, изнемогающіе подъ бременемъ скорби, преданные ужасной бессонницѣ, услышавъ звукъ отдаленной серенады, копорая доставляла бы величайшее наслажденіе мирному человеку, ео пробужденному, вскакивали и съ разтрепанными волосами бѣжали оныскивать себя утѣшце, куда не моглибъ достигать гармоническіе аккорды, перзавшіе сикъ злополучныхъ, какъ жесінокая насмѣшка надъ ихъ бѣдшвіемъ. Нѣтъ! музыка не можетъ доставлять *разслаив!* «

Въ нѣ дни, когда Англійская труппа не давала представлений, Берліозъ съ пререпомъ номынялалъ, чпо на другой день увидитъ Миссъ ***. Онъ ужасался сей минушы и нешерпѣливо ожидалъ ея. Тогда видале его въ оркестрѣ Одеона, блѣднаго съ обезображеннымъ лицомъ, съ расшрепанными волосами: здѣсь онъ сживалъ, сохраняя мершное молчаніе, на вѣкопныхъ комедіяхъ Пикара; изрѣдка вырывался у него ужасный смѣхъ, подобный невольному болтнешному хохоту, издаваемому человекомъ, копорато щекочутъ. Только вѣкопные аршисны сожалѣли о немъ: большая часишь насмѣхались надъ несчастнымъ. Забавники называли его *le Père la Joie*.

» О несчастная! « восклицалъ онъ иногда, въ присушшвіи друзей своихъ, даже на улицѣ; «еслибъ она могла понять шакую любовь, какова моя, шобросилась бы въ мои объятія, хопябъ ей надлежало исплѣсть въ нихъ! «

Часпо случалось, чпо, послѣ пятнадцатимѣсячнаго ошсушшвія прекрасной оспровишянки, когда дру-

зья Берлюза, находя его болѣе спокойнѣе, надвѣлись, что онъ приметъ снова обыкновенный родъ жизни, ибо ничто не могло ему напоминать ни лица, ни шапанша, ни успѣховъ шой, которую любилъ онъ съ шакимъ жаромъ, ни презрѣнія, ошъ ней ему оказываемаго: часно случалось, что онъ вдругъ оспанавливался среди веселаго разговора; на лицѣ его выпупалъ потъ; судорожный шрепетъ пошрясалъ все шѣло; и сіе ужасное явленіе заключалось рѣкою слезъ.

На шрелѣемъ году сей непоспѣжимой спрасни, услышавъ ошъ одного изъ своихъ шрипелей негѣщую клевету на счетъ Миоса * * *, исчезъ онъ изъ Парижа и не являлся въ шеченіе двухъ дней. Неблагоразумный, сокрупившій: симъ гибельнымъ извѣсціемъ сердце своего друга, былъ приведенъ въ сильное безвокойштво, когда поздно вечеромъ не нашелъ его дома. Берлюза искали вездѣ, даже въ Моргѣ, но искали бесполезно: не было никакой возможности найдши слѣдовъ его. Въ послѣдшвин разсказывалъ онъ, что шелъ, куда глаза глядятъ, и вышелъ изъ Парижа, оспановился въ полночь, среди поля, по близости одной деревни, которой имени понинѣ не знаетъ, гдѣ, изнемогши ошъ успалосши и опчаяннѣ, бросился на снопы, и шакимъ образомъ провелъ всю ночь; не спалъ, не плакалъ, но съ совершеннѣйшимъ безчувсшвіемъ слушалъ звошъ колокольчиковъ, лай деревенскихъ собакъ, разговоры амщиковъ, проѣзжавшихъ по сосѣдственной дорогѣ; смѣлся, какъ пугались его курошпки, подходившія къ нему, при лунномъ свѣшѣ, шлевашъ зерна. На другой день, продолжая блуждашъ безъ пищи,

пришелъ онъ на одинъ лугъ въ окрестностяхъ Со и, взнемогши отъ голода и усталости, упалъ въ ровъ, гдѣ проспалъ до вечера крѣпкимъ сномъ. Въ Парижъ возвратился онъ ночью, къ великому удивленію домашнихъ, которые почитали его мертвымъ; и въ продолженіе нѣсколькихъ дней на всѣ предлагаемыя ему вопросы отвѣчалъ только молчаніемъ.

Спустя шесть мѣсяцовъ, фантасмическая симфонія его была написана.

Всѣ сіи біографическія подробности необходимы, дабы дать надлежащее понятіе о семъ необычайномъ музыкальномъ произведеніи.

(окончаніе слѣдуетъ).

VI.

ЛЪТОПИСИ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА а)

О БОГЕМСКОЙ б) ЛИТЕРАТУРѢ в).

(К. Винарицкаго) г).

— Сумма липерашурныхъ произведеній, свидѣтельствующихъ о національной духовной дѣятельности Богемцевъ въ новѣйшее время, незначительна въ сравненіи съ духовными произведеніями другихъ

- а) Помѣщаемъ сей занимательный отрывокъ, съ искреннею благодарностію переводившему, въ дополненіе къ любопытнымъ извлеченіямъ изъ писемъ Г. Андресъ Кухарскаго, помѣщеннымъ въ *Телесж.* 1832, N. 24. Изд.
- б) Нѣкоторыя изъ первоспашейныхъ Богемскихъ липерашуровъ охотно употребляютъ въ письмѣхъ и на словахъ вмѣсто названій: «Богемія, Богемець, Богемскій,» названія: «Чехія, Чехъ, Ческій,» основываясь на господствующемъ употребленіи сихъ послѣднихъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Богемской липерашуры (н. п. Kralodworsky Rukopis) и нынѣ въ устахъ проспаго народа; сверхъ сего и на общихъ историческихъ выводахъ. *Пер.*
- в) Судьба Богемской липерашуры въ древнія и среднія времена Королевства Богемія превосходно изображена въ классическомъ сочиненіи Г. Проф. Юнгманна: «*Historie Literatury Ceské.* 1825. w. Praze.» Сие сочиненіе представляетъ обзорніе судьбы Богемскаго народа, состоянія просвѣщенія и преобразованій языка, и обогащено систематическимъ капиталомъ Богемскихъ липерашурныхъ произведеній. *Пер.*
- г) Одинъ изъ первоспашейныхъ современныхъ Богемскихъ липерашуровъ. *Пер.*

образованныхъ націй Европы; однако все же, по моему мнѣнію, спобити въкопорога вниманія, особливо если безприсраспнымъ окомъ разсмопрѣшь всѣ птѣ преняшствуюція отношенія, подѣ влияніемъ которыхъ оныя произведенія произошли на свѣтъ. Богемія, съ двухъ споронъ окруженная книгопромышленною Германією, наводняется Лейпцигскимъ книжнымъ попомомъ чрезъ открытые и сокровенные каналы; Богемская липература не имѣетъ никакихъ Меценатовъ, ни Румянцовыхъ, ни Чарпорискихъ: напротивъ вкусъ къ Германской липературѣ покровительствуется посредствомъ общественныхъ учебныхъ заведеній, государственнаго управления, судопроизводства, торговыхъ сношеній и образованнѣйшихъ классовъ народа; въ домахъ вельможъ родной языкъ слышеть по временамъ, да и по въ дѣлскихъ полько компаніяхъ, поелику оный, какъ справедливо замѣчено, болѣе способствуешь къ развишію и образованію органовъ языка, нежели всякой другой языкъ; въ столицѣ, населенной двумя прешами числыхъ Богемцевъ, даже низшія народныя училища превращены въ Нѣмецкія; въ цѣломъ Королевствѣ полько одна (сіе сіnzige) общеспвенная кафедра для Богемскаго языка; обучающеея юношество при первомъ вспуленіи въ училища опчуждается отъ общеспвеннаго языка, въ той мѣрѣ какъ уснѣваетъ въ Нѣмецкомъ. Не смопря на всѣ сіи преняшствія, народное чувство Богемцевъ, нѣсколькими благодапными минушами въ духовной жизни ихъ а) про-

а) Высочайшія повелѣнія 1816 и 1817 года о преподаваніи

бужденное, уже болѣе не ослабѣваетъ; напрогнивъ того ревностъ ихъ къ дальнѣйшему развитію, образованію и очищенію своего языка опть чуждой при-
мѣся спановицся съ каждымъ годомъ живѣе и обна-
руживается во многоразличныхъ произведеніяхъ по-
эзи и прозы, наукъ и искусствъ. «

» Первое поэтическое оригинальное произведение, могущее служить украшеніемъ всякой липературѣ, есть безспорно »*slavu zseva* « а), пвореніе Колляра, Славянина изъ Венгрін. Здѣсь поэтъ воспѣваетъ иде-
аль Славянской красопы и славы, въ прехъ пѣсняхъ, наименованныхъ по названіямъ прехъ рѣкъ: Салы, Эльбы и Дуная; каждая изъ сихъ пѣсней состоитъ изъ пятидесяти сонетовъ. Въ первой пѣсни онъ весь преданъ дражайшему предмету своей любви во дни счастья до минуны разлученія. На Эльбѣ онъ въ

Богемскаго языка и липературы во всѣхъ Гимназіяхъ исполнили Богемцевъ несказанною радостію; поэты вос-
пѣвали съ энтузіазмомъ Высокаго Воспановителя оте-
чественнаго языка ихъ. Къ сожалѣнію, сей энтузіазмъ и сія радость продолжались только до декрета опть 4
Февраля 1821 года. Однако »*Kralodworsky Rukopis*«, дѣлающая эпоху въ исторіи Богемскаго языка и липера-
туры, удержала навсегда свой перевѣсъ и рѣшительное
вліяніе на дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе оной.
Пер.

- е) Переводившій охотно желалъ бы сообщить нѣсколько стиховъ изъ сего знаменитаго пворенія для примѣра; но, по невозможности получить сію книгу, ради расхода пер-
ваго изданія оной, и даже сдѣлать выписки изъ ней въ бытность свою въ Прагъ, долженъ оппказаться опть сего удовольствія. *Пер.*

борьбу съ своею любовію и непреклонною судьбою. На Дунаѣ живешь еще воспоминаемъ и вождельнымъ исчезнушаго блаженства; пѣснь его опшывается въ шонахъ крошкой меланколіи. Жива и пламенна его фантазія; равно умешь онъ вдохнуть своему образу любезнѣйшую нежность и окружить его зримымъ очаровательнымъ блескомъ. При всей своей возвышенности, онъ никогда не оскудѣваетъ въ ясности рѣчи. Стихъ его шекучъ, ритмъ звученъ и полнобственъ. Колларъ есть Пепрарка своего народа. Въ лирическо-описательномъ родѣ отличился М. З. Полякъ. Съ одушевленіемъ и силою воспѣлъ онъ на струнахъ своей полнозвучной арфы «возвышенность природы.» Пѣсни Ганки а) имѣютъ особен-

ж) *Hankowy Pisané w Praze. 1831.* Изъ сихъ переводившихъ сообщается двѣ пѣсни, для примѣра, подлиннымъ:

I.

MODRE OČI.

Ach wy oči, oči,
 Modrogasne oči!
 Na wás gak gen pomnim
 Swět se se mnau točj.

Kdeže moge bodrost
 Utešenj milé?
 Ach! co sem was spatřil,
 Zmizla od té chwile.

Zmisela, ach, rychle,
 Gako střela s luku,

Wrywši w moge sdrec
 Neukognau muku.

A kam se gen wrhnu,
 Kam má noha kročj,
 Ach, wsůdy gon widim
 Modrogasne oči.

Ach wy oči, oči,
 Oči modrogasné,
 Trapte, dokud moge
 Žitj neuhosne.

чисельный, чисто национальный характер; бывъ предложены Богемскими композиторами на музыкальныя ноты, онъ звучашъ съ 1815 года по всей Богемии. Славянской народной пѣсни особенную услугу оказалъ Д. Чельковскій. Сперва онъ издалъ собраніе лучшихъ славянскихъ народныхъ пѣсень а), а потомъ началъ писать свои собственныя пѣсни въ духъ славянскихъ народовъ. Его отголосокъ пѣсень русскихъ б) превзошелъ всякое ожиданіе. Здѣсь съ немнотрнымъ искусствомъ умѣлъ онъ оппечать въ многообразныхъ формахъ своихъ пѣсень почти всѣ черты ха-

II.

ROKYTO.

Rokyto, rokyto,
Rokytenko hustá!
Proč okolo tebe
Ta trawička pusta.

Proč trawinka pusta?
Kwitko poslapané?
Ach! co se tose mnau
Ubožatkem stane.

Ach matko, matičko
Ach! predraba mati!
Nechtégbež swé dítě
Za stareho datí.

Ach můj otče milý,
Otče neymilegšj!

Ustrúte se nad swau
Dcekau neysmiltégšj.

Pros za mne ó sestro,
Ma sestrinko drahá,
Ať mne nedávagj
Za našeho wraha.

Proste za mne preste
Wy druženky wěrný!
Ať se nesesuge
Na mne ten mrak černý.

Ach, co se to de mnau
Ubožatkem stanel
Ach, mé srdce nikdy
Plakat neustane. *

a) Slovanské Národní Písni. w Praze. 1829. 1835. 1837.

b) Ohlās Písni Ruskych. w Praze. 1829.

ракпера Русскаго. Особеннаго вниманія Русской публики заслуживаютъ его двѣ пѣсни: »SMRT ALEKSANDRA« и »WELIKA PANICHIDA« а), кои спобяшь перевода на Рус-

а) Переводившій сообщаетъ оныя, для примѣра, подлинникомъ.

I.

SMRT ALEKSANDRA.

Potuchly hwězdy na počnjm nebi,
 Pochmuřila se i gasna luna.
 O noci, noci, černa noci!
 Tys nesypala, černa noci,
 Z peruti mraky ro šjrych polich,
 Ani husté tmy dopustých lesů;
 A tys sypala, černa noci,
 Těžký žamutex po našjch kragich,
 Do Ruských srdcj hoře weliké!

Ach, na gjznj straně blisko moře,
 Blizko toho moře Asowského,
 A tož we městě Tahanrohu,
 Neplače anděl nad zpustým chraěmem,
 A mař-carice Elisaweta
 U tisowého smutného lůška
 Slzy proléwá nad mrtwým tělem
 Cara dobrého, bohumilého,
 Aleksandra otce lazkawého
 Ona plače, plačem tiché řeky,
 A za nj Ruský, prawoslawný narod
 Zbauřených mořj wlnobitjm plače;
 Moře snad se utiřj — řeka neustane!

II.

WELIKA PANICHIDA.

Ne krupobitjm, ani ligawcem
 Na šjrem poli sbilj polehlo,

СКОЙ ЯЗЫКЪ. ВЪ » ОТГОЛОСКАХЪ ВОГЕМСКИХЪ ПѢСНЕЙ «
И » СМЫШЛАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ », ГЕНІЙ ЧЕЛЯКОВСКАГО
ЯВЛЯЕТСЯ ЕЩЕ РАЗНООБРАЗНѢЕ И ВЕЛИКОГВѢДНѢЕ. Ка-

To zatopeno, to rozdrceno:
Ach! pode Moskwau, pode matičkau,
Tam na rowinach, smutných dolinach,
Mnoho chrapreho wogska Ruského
Mnoho woginstwa i Francauzkého
Ku syré zemi hlawau přileglo,
To rozbodano, to rozkotano
Ostrými meči, hrotem bódaků
I přiwalen-to kalených kauli.

Wy welké matky wěrnj synowé,
Wy milé vlasti obhágowé,
Dobrého Cara zástupcowé!
My za tu lásku, za ochotnost,
Za drahau obět wašjch žiwotůw
Wám slavili gsme panichidu,
Gakau-to posnd swět newjdal,
A o gaké snad nikdý neslychal.

Nebylo u nás swětla hogného,
Oebyto dosti wosku garého —
Pro to-li množstwj dušj wašjchi
A my postavibi gedno swětlo
Do togo-liž chrámu bozjho;
Gediné swětlo — matičku Moskwu,
Wam synům milým na usmjřenj,
A wrabům nosjm na pokořenj.

Сверхъ *Отголоска Русскихъ Пѣсней*, Г. Челяковскій при-
готовилъ уже критическое изданіе *Славянскихъ*, преимуще-
ственно *Русскихъ пословицъ*. Переводившій имѣлъ удо-
вольствіе видѣть оное въ рукописи. Печатаніе остано-
влено за нужными пополненіями. *Пер.*

мерить и Каменницкій сдѣлали также хорошіе опыты въ сѣхъ національныхъ формахъ. Спихопворенія А. Шнейдера отличаются анакреоническою легкостью: его баллады принадлежатъ къ лучшимъ, какія мы имѣемъ. Нѣсколько прекрасныхъ элегій написали Колларъ и Туринскій; а эпиграммы писали пошѣе Колларъ и Челяковскій. Въ юмористическомъ и комическомъ родѣ отличились Клицпера, Челяковскій, Шнейдеръ и Лангеръ. С. Гневковскій сочинилъ романтическое спихопвореніе: »деѡлн«, имѣющее предметомъ Богемско - Амазонскую войну. Два героическія спихопворенія: оттокарь и вратиславъ, соч. Адальб. Негедли, и дидактическое: карль IV, оспаяются пока въ рукописи. Хмельскскій, Юс. Юнгманнъ, Махачекъ, Аяшонъ и Генрихъ Марекъ, В. Свобода, Рокость, Шаффарики, Ширъ, Гжа Добромилла Ретикъ и др., издавали свои спихопворенія разн.ой формы, частію въ собраніяхъ, частію въ разсѣянныхъ періодическихъ сочиненіяхъ. Драма всѣмъ, что она есть, въ новѣйшее время преимущественно обязана Штепанеку и Клицперу. Первый оказалъ существенную услугу поддержанію Богемскаго театра. Другой издавалъ съ 1823 по 1830 годъ драматическій альманахъ; написалъ пьесъ до тридцати для театра. Махачекъ, Штепанекъ, Хмельскскій и др. перевели около тридцати оперъ, кои всѣ даются на Прагскомъ національномъ театрѣ съ большимъ одобреніемъ. Можно надѣяться, что въ послѣдствіи Богемская опера будетъ достойною соперницею Нѣмецкой на нашемъ театрѣ.

» Въ прозаическихъ оригинальныхъ произведеніяхъ

примѣненъ у насъ въ новѣйшее время значительный недоспашокъ. Проза Юс. Юнгманна, Ант. Матейка, Палацкаго и Чельковскаго отличается почвостно и логическою опредѣленностію; проза Адалб. и Иоан. Негедли появляестію и общенародною простотою. Путешествіе въ Италию Поляка соединяетъ новое изящество съ живостію представленія; идилліи Лангера—спешивенную веселость съ благозвучіемъ. значительныя письма незначительныхъ особъ Чельковскаго исполнены національнаго юморизма и легкой сатиры. Сюда же принадлежатъ нравственныя повѣсти Гжи Марии Антонины, картина вѣка герцоговъ вѣчеслава и воеслава Линды, романтическія повѣсти Гевр. Матейка. Историческому опредѣленію особенныя услуги оказали Ф. Палацкій своими зрѣлыми разсужденіями, помѣщаемыми въ періодическомъ изданіи богемскаго отечественнаго музея, и критическомъ изданіемъ львописцевъ Богемской исторіи, и Иоан. Циммерманъ, изданіемъ рукописей изъ царствованія Фердинанда I и Максимилиана II.

» Юс. Югманъ своею Теоріею Изящныхъ Словесныхъ Искусствъ и другими разсѣянными въ разныхъ журналахъ разсужденіями о томъ же предметѣ продолжилъ нить къ ученой спилитикѣ. Палацкій написалъ краткую Исторію Эстетики. Шлафарикъ составилъ превосходную программу къ Аристотелю. Въспѣвъ съ наименованными дисперанорами отличились Чельковскій и Босковицъ въ Эстетической Критикѣ. Яросл. Пухмайеръ сочинилъ Теорію Рима. Югманъ, Шлафарикъ и др. утвердили начала Богемской Метрики на основахъ шагна;

просивъ ихъ вооружились Иоан. Негедли и Гиевковскій. Анп. Марекъ сочинилъ Логику; Заградникъ, нѣсколько разсужденій изъ Пракпической Философiи; Седлагекъ, Мапемашку, Геомешрiю и Физикку; Анп. Юнгманъ, Анпропологiю и другiя Медицинскiя сочиненiя; Пресль, Химiку, разсужденiя по Минералогiи, Зоологiи и Геогнозiи; онъ же, вмѣстѣ съ Графомъ Берхтольдомъ, издаетъ проспранную Бошанику. «

»Изъ переводовъ отличнѣйшiе суть: Иос. Юнгманна, Шапобрианова Апала, Мильшововъ Поперляный Рай, нѣсколько балладъ изъ Биргера, Гёше и Шиллера; Иоан. Негедли, Флоріановъ Нума Помпидій, Ганки и I. Негедли, Гесперовы Идилли; Челяковскаго, Валшер-Скопшова Дѣва Озера и Гёшевы Брашья; Шлефарика, Шиллерова Марiя Спюарпъ, и многiе другiе переводы изъ Попе, Шекспира, Юнга, Мольтера, Коцебу, Гердера, Лессинга, Карамзина, Красицкаго, Мицкевича и другихъ. Изъ древнихъ классиковъ еще немного переведено. Ширъ издалъ собраніе Греческихъ Авторовъ въ двухъ частяхъ. Аристофановы Облака и Горациевы Оды скоро выдутъ въ печать. Вышли уже Горациевы Письма, Виргиліевы Эклоги, нѣсколько оспривковъ изъ Энеиды, Анакреона, Лукіана, Осокрипа, Пиядара, Марціала, Овидія и др. «

»Періодическихъ сочиненій на Богемскомъ языкѣ выходятъ теперь а) девять: ПРАГСКАЯ ГАЗЕТА,

а Сiя статья писана сочинителемъ въ началѣ 1831 года. Съ того времени начало выходить и продолжается періодическое изданіе лучшихъ Богемскихъ книгъ, спараніемъ и на издывеніе Комитета Ученаго Обрабощиванiя Опече-

политическаго содержания и при ней смѣсь, под редакціею Линды; иногда и теперь и вечерняя газета для народнаго образованія, под редакціею Гибля и Крамеріуса; чехославъ для общественаго удовольствія; журналъ богемскаго національнаго музеума для литературы, исторіи, землеописанія и этнографіи, под редакціею Галацкаго; энциклопедическій журналъ, крокъ, для всесторонняго высшаго образованія Богемскаго языка, под редакціею Пресля; другъ юношества для педагогической методикки, под редакціею Циглера; журналъ прагской архіепископской консисторіи для богословскихъ наукъ, под редакціею Вацлавичека. При семъ послѣднемъ, болѣе всѣхъ читаемомъ журналъ, выходятъ также сборныя сочиненія Опцевъ Церкви въ переводахъ; изъ сихъ особеннаго вниманія достойны превосходный переводъ шворенія бл. Августина о градѣ божіемъ, сдѣланный Чельковскимъ. Примерно полагаю, выходишь ежегодно около пятидесяти Богемскихъ книгъ разнаго содержания. Между богословскими особенно отличаясь по содержанию и слогу сочиненія Вацлавичека, Лип. Марека, Сламы, Заградника и мн. др.

« Богемскому языкоислѣдованію величайшую услугу оказалъ безсмертный Аббатъ Добровскій. Его сисцема Богемскаго языка, переведенная Ганкою съ Нѣмецкаго на Богемскій, есть сочиненіе класическое въ своемъ родѣ. Отсюда много почерпнулъ І. Негедли

стивеннаго Языка и Литературы, образовавшагося изъ членовъ Богемскаго Опчественнаго Музеума: Юс. Юнгманна, Пресля и Палацкаго. *Пер.*

для своей Грамматики, но въ послѣдствіи сдѣлался жаркимъ прошивникомъ Добровскаго. Кромѣ Негедли, Смитты, Новотный, Лисска и Козело, писали учебныя книги Богемскаго языка, но всѣ оставили желать еще многого. Ганка, скромно называющій себя ученикомъ Добровскаго, неупомимо продолжаетъ изслѣдованія своего учителя въ области Славянскаго языкознанія. Между словарями, Богемско-Нѣмецко-Латинскій Словарь Палковича пока полнѣйшій. Возможно - полный грамматико-кришическій словарь, который бы содержалъ все сокровище древняго и новаго Богемскаго языка, сославлялся знаменитымъ нашимъ лексикографомъ и ученымъ, Професс. Іос. Юнгманномъ. Одинъ онъ уже цѣлые тридцати лѣтъ трудится, въ часы досуга опъ своихъ многосложныхъ обязанностей и занятій, надъ собраніемъ попребныхъ материаловъ и уже приближается къ окончанію своего великаго творенія а). Сей же, исполненный великихъ заслугъ, ученый мужъ написалъ превосходное обзорніе Исторіи Богемской Литературы: *Historii Lileratury Ceské aneb saustawn'y přehled spisy Ceskych, s krátkau historii národu, oswiceni a gasyka. w Praze, 1825.* «

Для дальнѣйшаго развитія и вѣдшаго усовершенствованія Богемской Литературы, состоятъ при Бо-

- а) Переводившій, въ бытность его въ Прагѣ прошлымъ (1832) лѣтомъ, имѣлъ удовольствіе видѣть сіе твореніе у самаго сочинителя. Онъ трудится теперь надъ буквою W. Весь словарь будетъ состоятъ изъ VI томовъ въ четверть листа. Печатаніе непрямо начнется въ нынѣшнемъ (1833) году, если не встрѣнится никакихъ препятствій и затрудненій. *Пер.*

гемскомъ Общественномъ Музеумъ особенный Комитетъ, который при помощи процензовъ съ капитала, воспавляющагося изъ dobroхотныхъ пожертвованій любителей общественной литературы, издаетъ по временамъ лучшія книги на Богемскомъ языкѣ разнаго рода, для разпространенія народнаго образованія. На сей конецъ, Свѣдлѣйшій Князь Кинскій пожертвовалъ Комитету 2,500 флориновъ Вѣнскою монетою. Онъ же положилъ одному изъ отличнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, до дальнѣйшаго опредѣленія его къ службѣ, годовую пенсію и шѣмъ сберечь для общества сего исполненнаго великихъ надеждъ человека а). Нѣтъ сомнѣнія, что такое истинно національное пожертвованіе и dobroхотство найдетъ многихъ подражателей и въ другихъ образованныхъ и достаточныхъ соотечественникахъ. Съ нимъ вмѣстѣ открывается прекрасный видъ въ будущность, обещающую высшее образованіе народа.»

А. Б.

а) Г. Челяковскій былъ вызываемъ Россійскою Академіею Наукъ, въ С. Пешербургъ. *Пер.*

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

БЕГУМЪ СОМРУ,

ИНДИЙСКАЯ АМАЗОНКА.

Последніе Англійскіе путешественники, издавшіе въ свѣтъ походы свои по Индіи, Маіоръ Арчеръ, Капитанъ Мюндей и Капитанъ Сквинеръ, открываютъ существованіе необыкновенной женщины, коей исторія заключаешь въ себѣ не менѣе поэзіи, какъ исторія знаменитой Леди Спенгротъ, царствующей донынѣ въ окрестностяхъ Ливана. Сен-Симонисты, отправляющіеся на Воспокъ искають Вольной Жены, можетъ быть скорѣе найдуть ее, чѣмъ мы думаемъ. По крайней мѣрѣ Бегумъ Сомру заслуживаетъ быть кандидаткою сей почести. Гангивенность, покрывающая ея колыбель и происхожденіе, романтическій цвѣтъ нравовъ, прозрѣны цивилизаціи, предпринимаемые ею для своихъ подданныхъ, все показываетъ въ ней женщину удивительную не только для Европы, но и для самаго Воспока, страны чудесъ.

Сирдинахъ есть столица Бегумъ или Княгини Сомру. Ея владѣнія, приносившія до ней только шесть лаковъ рупій годоваго дохода, нынѣ, благодаря ея управленію, приносятъ восемь. Хопія слѣды прибытія ея въ Индію заперяны и она кажется пуземою: однако бѣлый цвѣтъ и характеръ ея физионо-

мнѣ заспавляють предпологать, что по крайней мѣрѣ фамилія ея сѣвернаго происхожденія. Красота ея, тогда какъ она была просто еще скупщицей, поразила одного Нѣмца, искашеля приключеній, по имени Сомру, который получилъ сіе прозвище отъ того, что лице его было всегда мрачно (*sombre*). Это пошъ Сомру, кошорый, въ 1763 году, управлялъ бунпомъ, въ коемъ погибли члены Англійской факторіи въ Папнѣ. Принужденный бѣжать отъ Англичанъ, кои вскорѣ взяли назадъ Папну, Сомру удалился въ верхнюю Индію, гдѣ вошелъ въ службу Бгурппорскаго Рая и пошомъ скупался по другимъ шуземнымъ владѣльцамъ, до тѣхъ поръ, какъ наконецъ, воспользовавшись благопріятными обстоятельствомъ, сдѣлался самъ владѣтелемъ обширнаго пространства земель къ сѣверо-востоку отъ Дели. Здѣсь Сомру женился на Бегумъ; и такъ какъ онъ умеръ бездѣтенъ, то Бегумъ наследовала его богатство и силу, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ его имя.

Проведши нѣсколько времени во вдовствѣ, Бегумъ вышла за мужъ въ другой разъ за одного Француза, по имени: Ле-Вассю. По національной ли въпренности, или можетъ быть отъ пресыщенія варварскою пышностію и величіемъ, кои не могли изгладить въ немъ воспоминаній о родинѣ, этошъ Ле-Вассю рѣшился воротиться въ Европу и хотѣлъ увезти съ собой жену, предполагая, что съ ихъ золотомъ и драгоценностями они будутъ гораздо счастливѣе въ Парижѣ, чѣмъ въ Сирднахъ. Бегумъ смошрѣла на это иначе: она боялась, что въ Европѣ важность сана ея уничтожится и даже личное достоинство

во ея, какъ женщины, подвергнешся оскорбленію; ибо въ Европѣ жены должны повиноваться своимъ мужьямъ: а въ Сирійскихъ царствовала она, а не Ле-Вассю. Между тѣмъ припворилась, что раздѣляетъ намѣреніе своего мужа, сообщивъ однако тайно офицерамъ войскъ своихъ истинныя свои мысли; попомъ спала говоришь Ле-Вассю о своемъ опасеніи, дабы намѣреніе ихъ бѣжать не открылось, и о безчестіи, кошорому они оба подвергнулись, если поданные насильно ихъ ворошатъ. Касательно себя самой, Бегумъ увѣряла, что она никогда не подвергнетъ себя подобному позору и скорѣе умретъ отъ собственной своей руки. Сими словами она вынудила и у Ле-Вассю порожесивенное обѣщаніе, что онъ не переживетъ ее, если ихъ догонятъ и схватятъ.

Въ глубокую ночь, Ле-Вассю сѣлъ на своего слона, а Бегумъ въ свой паланкинъ. Они отправились. Въ условленномъ заранѣ мѣстѣ поставлена была засада; и все случилось по желанію Бегумъ. Санина, сопровождавшая бѣглецовъ, разсыпалась. Вдали раздакъ ружейный выстрѣлъ; и когда человекъ, преданный Бегумъ, пришелъ сказанъ Ле-Вассю, что жена его пронзала себя кинжаломъ, онъ бросился къ ея паланкину, чтобы принять ея послѣдній вздохъ и погубить съ нею. Къ нему выскли на встрѣчу съ проспѣвей, покрытой кровью. »Вотъ прощальный залогъ, посланный тебе отъ ней!« сказали ему: ея кровь ужасъ. Несчастный мужъ вѣдался ончалнико и, схвативъ изъ - за пояса исполоетъ, раздробилъ себя полосу. Въ ту минушу Бегумъ, кошорая дождѣ никогда

не показывалась внѣ своего дворца; опдернула завывски паланкина, вышла и сѣла на слона. Она привѣспивовала своихъ солдатъ и сказала имъ, что ея привязанность къ нимъ воспоржесивовала надъ любовью къ мужу и что она опынѣвъ не будетъ имѣшь другого желанія, какъ всегда ими управлять и раздѣлять съ ними свои богатства. Новость положенія придала энергій сей женщинѣ, коей красота доселѣ была предметомъ слуховъ и подковъ. Рѣчь ея произвела впечатлѣнїе; и солдаты привели ее обратно съ клякми шоржесства.

Съ того времени, Бегумъ управляла одна своими обласпями и лично командовала войскомъ. Часпо видали ее сражающеюся съ необыкновенною силою и присущспвїемъ духа.

Нынѣ Бегумъ Сомру, соспарѣвшись, обратила все свое вниманіе на земледѣніе. Ея поля покрышы роскошными жашвами; деревни шакъ же многолюдны и цвѣшущи, какъ въ обласпяхъ, принадлежащихъ Компанїи. Пупешественники находятъ геспепрїимное покровительствво у сей мирной и радушной повелительницы. Долго выбирала она себѣ религїю, увѣрившись, что безъ религїи цивилизація не можетъ быть полною. Испытавши Магомешанїзмъ, она обратилась недавно къ Каполицизму и шеперь имѣеть при себѣ много каполическихъ священниковъ и офицеровъ. Ревность ея къ новой вѣрѣ проспирается до того, что она спарается подражать въ своихъ владѣнїяхъ храмамъ Рима. Въ ея столицѣ воздвигнута церковь по

образцу Римскаго С. Пешра, которую Маіоръ Арчеръ видѣлъ уже почти dokonчанною. Особенно алтарь усроенъ въ ней съ рѣдкимъ великолѣпіемъ, изъ бѣлаго Ипурскаго мрамора, украшеннаго разноцвѣтными каменьями.

Клевета ли злословишь Бегумъ, какъ всѣхъ добрыхъ государей, или, до обращенія своего, она въ самомъ дѣлѣ имѣла припадки жестокости, полько расказываютъ объ ней черпы, кои не дѣлають чести кропости ея характера. Особенно въ отношеніи къ цѣломудрію, она спрога не менѣ Королевы Елисаветы. Говорятъ, что опкрывъ любовную интригу одной изъ своихъ невольницъ, она осудила ее на казнь древнихъ Веспалокъ, бышь зарышою въ землю заживо. Приговоръ быль исполненъ. Но замѣтивъ жалость, которую учась сей несчастной возбуждала въ другихъ, она пожелала бышь увѣренной, что някто не подась ей помощи. Для чего велѣла разосплатъ свой царскій коверъ надъ роковою могилою и, въ продолженіе прехъ дней, спала и курила на немъ свой губакъ съ неумолимымъ хладнокровіемъ.

Въ Мерюпѣ, Лордъ Комбермеръ, командовавшій въ Индіи, быль приглашенъ къ Бегумъ обѣдать со всѣмъ своимъ штабомъ. Вспутивши въ воропа дворца, онъ нашель гвардейскій караулъ, который опдалъ ему честь. Бегумъ встрѣтила его сама на ступеняхъ внушренняго портика. Ей было тогда (1831) около осьмидесяти лѣтъ. Маіоръ Арчеръ говоритъ, что кожа ея была необыкновенной бѣлизны, черпы рѣзки, зоръ проищашеленъ. Она, казалось очень хва-

спалась своими руками, плечами и ногами, кои, въ самомъ дѣлѣ, были рѣдкой красоты. Столъ былъ пригопвленъ по Европейски. На немъ было шестидесять куверповъ. Въ числѣ собесѣдниковъ Бегумъ была единственная женщина. Она показывала самое веселое расположеніе духа и весьма оспроумно шутила съ своими гостями:

НЕКРОЛОГІЯ

ПЬЕРА ГЕРЕНЯ.

Изящныя искусства понесли недавно великую потерю въ лицѣ Пьера Гереня, Французскаго живописца, умершаго въ Римѣ 54 лѣтъ.

Пьеръ Герень родился въ Парижѣ, 1769 года. Отецъ его занимался торговлею и жилъ довольно зажиточно, хотя былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Первое воспитаніе его было пренебрежено: но, должно сказать, что онъ родился съ однимъ изъ тѣхъ вѣжныхъ сложеній, кои подають родителямъ законный поводъ къ снисхожденію; всякой разѣ, какъ нужно оправдать ребенка въ лѣноснн. Между тѣмъ молодой Герень показывалъ нѣкоторое расположеніе къ искусствамъ. Изъ всѣхъ званій, по, къ коему онъ имѣлъ, если не болѣе вкуса, то по крайней мѣрѣ менѣ отвращенія, была живопись. Отецъ ошдалъ его въ мастерскую Г. Бренне. По непозволнству или по другой какой причинѣ, онъ вскорѣ перешелъ отсюда къ Г. Реньо (Regnault), гдѣ дарованія его обратили на себя вниманіе новаго его учителя, какъ неумолная конскрипція, оппор-

гнувшая сколько артистовъ и липераторовъ оиъ ихъ мирныхъ занятій, прервала пруды молодого Герена. Республика имѣла тогда болѣе нужды въ солдатахъ, чѣмъ въ живописцахъ; и Пьеръ Геренъ долженъ былъ промѣнять палитру на ранаецъ. Его семейство уже заплащало свой долгъ республиканской арміи; и молодой консерпистъ попалъ въ ропу, находившуюся подъ командой роднаго его брата. Въ продолженіи чепырехъ мѣсяцовъ, онъ начиналъ уже, вмѣстѣ съ другими, въ шумъ и движеніи военной жизни забывать свое прежнее назначеніе: но Г. Реньо не забылъ о его быстрыхъ успѣхахъ и разными усиліями выхлопотали ему совершенное увольненіе оиъ службы. Оно получено было Геренемъ на канунъ сраженія. Его первое намѣреніе было воспользоваться имъ на другой день; но братъ его, раздѣляя мысли Г. Реньо, напомнилъ молодому консерписту, что мать ихъ, сдѣлавшись вдовою, имѣла нужду по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ сыновей, дабы дать воспитаніе ихъ осиротѣвшимъ сестрамъ. Пьеръ любилъ очень свою мать; онъ услупилъ совѣтамъ брата и оспавилъ немедленно армію. Въ слѣдующій день братъ его былъ убитъ; и изъ всей ропы его оспалось только одиннадцать человекъ.

Воропившись въ Парижъ, Пьеръ Геренъ принялся снова за палитру; и съ тѣхъ поръ вся жизнь его была посвящена искусству. Не лзя не опадать должной справедливости паланну, коему обязаны своимъ происхожденіемъ Маркъ Секстъ и Федра: между тѣмъ должно признаваться, что Пьеръ Геренъ родился не живописцемъ. Ему не лзя ошказашъ ни въ

доображеніи, ни во вкусъ. Но еслибы воспитаніе его было направлено лучше, то онъ самъ утѣрился бы, что его геній долженъ былъ искать себя проявленія не въ масперской живописи. Его первые успѣхи не то, чтобы ослѣпили его, а могли обмануть, въ то время, какъ онъ могъ еще перемѣнить свое назначеніе.

Нынѣ кришика, въ своихъ сужденіяхъ, осправляется съ точки зрѣнія, обнаруживающей рѣшительный переворотъ въ искусствѣхъ, которъ, если не совершился, то по крайней мѣрѣ начинается ошупнительно. Но Пьеръ Герень, своимъ талантомъ, исполненнымъ эстетической разборчивости, былъ совершенно противоположенъ той матеріальной, положительной истинѣ, которую настоящее поколѣніе признаетъ существовою спехіею изящнаго творчества; истинѣ, требуемой не только въ подробностяхъ, изображаемыхъ предметовъ, но и въ группахъ, ницъ образуемыхъ, въ эффектахъ, кои чрезъ нихъ достигаются, даже въ игрѣ свѣта и тѣни, коимъ опредѣляются сіи эффекты. Съ сей точки зрѣнія разсмотримъ всѣ картины Пьера Гереня: ни одна изъ его фигуръ не покажется вамъ живою! Потому ли что онъ былъ нечувствителенъ къ матеріальнымъ препятаніямъ нѣгла, или живость и гибкость движеній были противоположны его напурѣ, или наконецъ онъ считалъ себя неспособнымъ переводить ихъ на полотно: какъ бы то не было, но ни въ одномъ изъ его произведеній, вы не найдете той положительной истины и естественности, въ коей, по уставамъ современнаго искусства, нѣтъ спасенія.

Но, если, посмотрѣвъ картину, вы заговорили бы съ арпинистомъ; еслибъ онъ открылъ себя предъ вами, въ бесѣдѣ по наружности не имѣющей никакой цѣли, или въ совѣтѣ искренно предложенномъ вашей неопытности; еслибъ онъ прочелъ вамъ нѣкоторыя изъ рукописныхъ своихъ разсужденій объ искусствахъ: вы почувствовали бы въ себѣ расположеніе обвинить живописца въ неспособности выражать мысли столь сильныя и высокія, воображеніе столь богатое, умъ столь вѣрный. Пьеръ Герень рожденъ былъ для лирической или для наукъ: ложное направленіе сдѣлало его живописцемъ. То, что произведено имъ, какъ живописцемъ, безъ сомнѣнія удивительно: но замѣтите небольшое число его твореній, длинныя промежутки, коими онъ отдѣляется другъ отъ друга, и пятнадцать лѣтъ, цѣлыя пятнадцать лѣтъ, которыя онъ провелъ, почти не допрогиваясь ни до карандаша, ни до кисти... Это ли человекъ, обладаемый влеченіемъ къ искусству! Такъ ли бы повиновался онъ истинному призванію?

Когда, въ 1797 году, Пьеръ Герень раздѣлялъ въ Римѣ награду, полученную Бульономъ и Буше, уже не Папа царствовалъ въ вѣчномъ градѣ. И такъ какъ Французская школа была закрыта, то увѣнчанные арпинисты остались *воспитанниками Рима* въ Парижѣ. Тогдашнo Пьеръ Герень написалъ и выставилъ картину, коею неожиданный успѣхъ могъ легко вскружить голову молодому художнику. Вошь непорія эпои картины. Можно сказать, что романъ Мармоншеля приносятъ,

иногда въ другой разъ свои плоды; несчастіе Велисарія сдѣлалось моднымъ сюжетомъ; и всякой аршинистъ считалъ себя обязаннымъ заплашишь свой оболъ полководцу неблагодарнаго Юспиніана. Давидъ и Жераръ написали каждый по Велисарію. Пьеръ Герень хотѣлъ сдѣлать тоже и уже началъ свою работу, какъ друзья его, боясь чтобы онъ не опоздалъ, присовѣтовали ему, не смотря на моду, переѣзистъ, если не сюжетъ картины, то имя. Художникъ, послушавшись ихъ совѣта, затруднился только выборомъ исторической сцены, копирую которую можно было принаровистъ къ его фигурамъ, какъ перелистывая Роллена и Верто, имѣлъ стасіе напасъ на анекдотъ, весьма къ тому пригодившійся. Его Велисарій переименованъ былъ въ Маркъ Секста, возвращающагося изъ ссылки. Полипическія событія весьма кстапи приладились къ новому сюжету. Тогда эмиграція возвращалась во Францію; и кто-то вздумалъ догадаться, что Маркъ Секстъ намекалъ на сіе возвращеніе. Эта догадка имѣла большое вліяніе: Маркъ Секстъ сдѣлался современною картиною. Если судистъ объ ней по извѣстной гравюрѣ Г. Бло, то не лзя не поразистъ ея патетическимъ эффектомъ: но пѣ, кон видали самую картину въ подлинникъ, могутъ, по чистой совѣсти, объяvistъ, что, въ отношеніи къ исполненію, это одно изъ слабѣйшихъ произведеній аршиниста. Точно такъ думалъ объ ней и самъ Пьеръ Герень: особенно осуждалъ онъ съ весьма снрогою ошкровенностью цвѣтъ главной ея фигуры и рассказывалъ добродушно, какъ одинъ мѣщанинъ приходилъ однажды спрашивать его

серьезно, не имѣлъ ли онъ намѣренія, давши такой черной цвѣтъ Марку Сексту, намекнувъ пѣтъ, что онъ сосланъ былъ подъ знойное небо Африки.

Мы сказали, что картинамъ Пьера Герена не доспаетъ не сколько колорита, сколько жизни, движенія; не смотря на то, какое-то внутреннее чувство оспвѣчивается во всѣхъ его лицахъ, объемлеть и попрысаетъ васъ, при всей ихъ спашуйной недвижности. Не лзя отрицать, что эффектъ весьма драматическій выражается въ ирачномъ опчаянн Марка Секста, изгнанника, возвращающагося въ опечество именно въ ту минуту, какъ жена его умерла съ печали, и еще можетъ быть болѣе въ спрахъ вѣроломной супруги, эпои несчастной Феды, которая какъ будто ожидаетъ немедленнаго исполненія проклятія, изреченнаго Тезеемъ на своего сына. Сверхъ того, голова Андромахи, вымаливающей у ногъ Пира пощадy своему Аспіанаксу, не одушевлено ли чувствомъ материнской нежности? Въ сей послѣдней группѣ Пьеръ Геренъ наиболѣе приблизился къ той вещественной истинѣ, которая вообще отсутствуеетъ въ его картинахъ. Наконецъ, если не лзя не упрекнуть въ нѣкоторой изысканности группу Дидоны, выслушивающей расказъ Энея, по съ другой стороны, не лзя не признать, что есть истинно поэтическая мысль въ нежной помности Карфагенской нарицы, въ сладострастн ея положенія и воровъ. Воздухъ сей картины написать Виргиліевскими воспоминаніями. Еслибъ Расинъ владѣлъ кистию, то также точно перевелъ бы эту превосход-

ную страницу изъ шпелъей пѣсни Эпенды. Припомнѣ вспомнимъ еще, что на тойже выставкѣ, гдѣ Дидома производила такой воспоргъ, художникъ предспавилъ совершенный ей конспраспъ въ Клитемнестрѣ!

Самый выборъ сихъ предметовъ говоритъ уже довольно; увлеченный недоспапками и выгодами своей манеры, Пьеръ Герень питалъ свое воображеніе одними классическими воспоминаніями Греціи и Рима и, вожепъ бытъ, уже слишкомъ часто предпочиталъ изученіе древнихъ барельефовъ и драгоценныхъ обломковъ Геркуланума и Помпей, изученію напурь. Посмотрите на фигуры Клитемнестры: всѣ онѣ имѣютъ видъ какъ будто фаншомовъ; можно подумашъ, что аршиспъ видѣлъ ихъ въ поэпическомъ свѣ, сквозь шуманъ азыческаго ада.

Впрочемъ, повторимъ снова, Пьеръ Герень умѣлъ цѣнить самъ себя вѣрно, по своей чистосердечной скромности, проникательному уму и вѣрному вкусу. Онъ имѣлъ у себя учениковъ, но никогда не изьявлялъ приязаній бытъ для нихъ догматическимъ авторитетомъ. Въ школъ своей онъ оспавлялъ каждому свою независимость: и имена Жерико, Делакруа, Леона Куанье, Орселя, Шаммартея, Шеффера и многихъ другихъ, сушь поржеспвеннымъ доказательствомъ, какъ умѣлъ онъ уважашъ всѣ направленія художниковъ.

Съ 1817 года, Пьеръ Герень, казалось, ничѣмъ не занимался, кроме попеченія о своемъ всегда слабомъ здоровьи. Въ 1822 году, ему поручена была дирекція Французской школы въ Римѣ: тамъ всѣ

знавшие его не могли нахваляться его наставническими или дружескими совѣтами.

Пьеръ Герень изъявилъ желаніе бытъ погребеннымъ въ Римъ, но во Французской землѣ, въ часовнѣ при церкви Троицы на Горахъ, близъ мѣста, гдѣ поконился прахъ Клода де Лоррена: желаніе и мысль художника! Доколѣ Римъ будешь видѣть Французскихъ архиспоуовъ подѣ своимъ небомъ, гробъ Пьера Гереня, подобно гробу Клода, не будешь имѣть недоспашка въ благочеспивыхъ пилигримахъ!

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕТСЯ

съ тѣмъ, чпобы по оппечашаніи предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 15 дня, 1833.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ*.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ИСТОРИЯ

АНГЛІЙСКИХЪ СКАЧЕКЪ.

У древнихъ были конскія ристанія, входившія въ составъ Олимпійскихъ игръ; ристанія сіи имѣли болѣе величія, нежели наши; сверхъ того онѣ предспавляли шу выгоду, что слава побѣдителя была въ нихъ единственною наградою побѣдителя и никакъ при томъ не перяла ни добраго имени своего, ни денегъ. Но собственно новѣйшимъ временамъ принадлежишь усовершенствованіе скаковой лошади и довершеніе искусства управляшь ею посредствомъ изобрѣшенія спремени. Въ особенності Англичане могушь хвалиться, что лучше всякаго другаго народа умѣюшь воспитывать лошадей и жокеевъ. Изъ хроникъ Англійскихъ явствуетъ, что учрежденіе скачекъ восходитъ еще къ цар-

Телеск. Ч. XV.

ствованію Адельстапа. Въ IX столѣтіи, говоритъ Спрюшпъ, Гюгъ Капешъ прислалъ въ подарокъ нѣскольکو скаковыхъ лошадей Адельстапу, когда сей послѣдній свашался за Эпельсвишу, сеспру его. Монахъ Вилліамъ Фиц-Спесентъ, писавшій въ царствованіе Генриха II, увѣдомляетъ, что въ Смиффилдѣ въ его время существовали порты лошадьми и что для пробы на нихъ скакали въ запуски. При Королѣ Іоаннѣ въ резидрахъ придворныхъ издержекъ часшо упоминаешся о скаковыхъ лошадяхъ. Три Эдуарда, слѣдовавшіе за Эдуардомъ I, занимались подобно Іоанну образованіемъ скаковыхъ лошадей; равнымъ образомъ въ послѣдствіи Король Генрихъ VIII, кошорый выписалъ нѣскольکو лошадей съ Востока. Однако шогдашнихъ скаковыхъ лошадей не должно считашъ за одно и позже съ нынѣшними. Самое названіе ихъ (*running horses*) собсшвенно опношсшся къ породѣ лошадей легкихъ, коихъ можешъ бышъ при случаѣ засшавляли бѣгашъ, но вообще упошребляли вездѣ, гдѣ нужна была скоросш, въ прощивоположностш бапальнымъ лошадямъ, главное качесшво коихъ сосшавляла сила, досташочная для подъема человека, закованнаго въ желѣзо, имѣющаго вѣсу по крайней мѣрѣ шш шесшдесяш ливровъ. Неосшоримо, что изобрѣшеніе пороха много содѣйствовало улучшенію Англійской скаковой лошади; это замѣтно уже въ царствованіе Ели-

саветы, хотя сей государыни не очень нравились зрѣлища, гдѣ въ предспавленіяхъ участвовали лошади, почему и не бывало ихъ никогда на Кенильворпскихъ праздникахъ. Въ царствованіе Іакова I скачки сдѣлались весьма часты; тогда и дворяне, въ частныхъ спорахъ, бывали сами для себя жокьями. Но первыя общенародныя скачки начались въ Гаршерлеѣ, въ Йоркскомъ графствѣ, въ Крайдонѣ, въ графствѣ Суссекскомъ, и въ Теобальдсѣ, гдѣ призомъ назначался золошой колокольчикъ. Можно также сказать, что и искусство выдерживать лошадей началось при Іаковѣ. Тогда спали обращать вниманіе на ихъ пищу и экзерцицію, не принимая однако въ разсужденіе плясести ихъ груза, поелику скакуны носили на себѣ обыкновенно не болѣе и не менѣе осьмидесяти фунтовъ. Іаковъ покровительствовалъ скачкамъ; онъ заплапиль пятьсотъ тиней, огромную по тогдашнему времени сумму, за Арабскаго жеребца, котораго, по словамъ Герцога Ньюкастльскаго, ничего не стоило и былъ побѣжденъ Англійскими скакунами. Принцъ Генрихъ, скончавшійся преждевременно, наследовалъ спрасъ отца своего, перешедшую также и къ Карлу I, превосходному наѣзднику, котораго однако опъ сихъ мирныхъ забавъ скоро отвлекли серьезныя государственныя занятія. Первая значительная награда, по свидѣтельству Бюшера, дана была въ царствованіе Карла I: на-

града сія соспояла изъ эмалеваго кубка, оцѣненнаго въ восемьъ гиней и сдѣланнаго на счесть самихъ альдермановъ. Сирь Эдуардъ Гарвудъ сѣпуешъ на рѣдкоспъ хорошихъ лошадей въ Англии и ихъ незначительность предъ Французскими, приписывая сіе скачкамъ. Спустия не долго послѣ того вывезены были въ Англию *Мароккскій Барбъ* и *Турокъ* для Герцога Буккингамскаго, кои значительно улучшили пуземную породу. Въ 1640 году были скачки въ Ньюмаркетѣ и Гейд-Паркѣ, о кошорыхъ упоминается въ игральной въ слѣдующемъ году комедіи: *The Merry Beggars* (*Веселье Бродяги*).

Кромвель не былъ равнодушенъ къ улучшенію породы скаковыхъ лошадей. Древнѣйшія конскія генеалогіи въ Англии берутъ свое начало опъ жеребца *Бълаго Турка*, Кромвелева завода. У него также была кобыла, прозванная *Грбовою*, пошому что ее во время Возспановленія держали сприпанною въ погребѣ. Плесъ, конюхъ Кромвеля, былъ тогда довольно значущимъ лицомъ: и *Бълый Турокъ*, по увѣренію нѣкошорыхъ, былъ его собшвенность. Карлъ II также очень покровительствоваль скачкамъ, кошорыя часпо удоспоиваль своего посѣщенія. Онъ учредиль скачки въ Дачеш-Мидѣ и Ньюмаркетѣ, гдѣ записывались и собшвенныя его лошади подъ его именемъ и гдѣ онъ велѣлъ возобновить развалившійся дворець своего дѣда Іакова I.

Кажется, къ сему-жь времени должно опнеспи и возвышеніе цѣнностей призовъ, копорые между прочимъ соспоали изъ кубковъ, спонвшихъ до спа геней, и надписи коихъ соспавляютъ нынѣ испочникъ любопытныхъ свѣденій. Въ царствованіе сего заштѣливаго монарха вывозили въ Англію заводскихъ машокъ изъ Варваріи и другихъ странъ, для выбора и закупки коихъ опсправлялся обыкновенно собспвенный его Обер-Шпалмейсперъ. Мапокъ сихъ называли *Королевскими*. Опъ одной изъ нихъ произошелъ *Додсвортъ*, воскормленный самимъ Королемъ; сія скаковая лошадь въ Англіи еспъ древнѣйшая изъ шѣхъ, коихъ происхождение не подвержено никакому сомнѣнію.

Іаковъ II былъ спакже славный наѣздникъ: но онъ царспвовалъ спакъ не долго, чпо не имѣлъ времени прославиться своею спраспью къ скачкамъ. Удалившись во Францію, предался онъ охоптѣ; на конюшнѣ его всегда было множеспво лучшихъ Англійскихъ лошадей. Вильгельмъ III и Королева Марія продолжали покровительспвовать скачкамъ и присоединяли свои вклады къ шѣмъ, кои дарованы были ихъ предспвенниками. Сунругъ Королевы Анны, Принцъ Георгъ Датскій, содержалъ прекрасный заводъ. Въ его царспваніе появились знаменишый гнѣдой барбъ *Каруэнъ* и арабскій жеребецъ *Дарлей*. Королева присоединяла къ обыкновеннымъ призамъ нѣскольпо венцевъ изъ

собственнаго серебра. Георгъ I не былъ охотникъ до скачекъ; но онъ вмѣсто наградъ серебрянными вещами назначилъ денежныя во сто гиней. Георгъ II также не любилъ скачекъ, но покровительствовалъ улучшенію лошадей и постановилъ на сей предметъ отличныя правила. Въ его царствованіе явился Арабской жеребецъ *Годольфинъ*, основатель лучшей крови Англійскихъ лошадей и принадлежавшій тогда Графу Годольфину. Георгъ III лично былъ худой же охотникъ до скачекъ, но, подобно предкамъ своимъ, не оставялъ покровительствовать сей народной забавы. На четвертомъ году его царствованія родился *Эклипсъ*: эпоха незабвенная въ лѣтописяхъ скачекъ!

Георгъ IV превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ спраски къ лошадямъ и въ пышности своихъ заводовъ. Къ нему весьма хорошо принаровишь данное Пиндаромъ Герону прозваніе *любителя скакуновъ*; ибо никто спраски не любилъ лошадей и никто основательнѣе не разсуждалъ о всемъ, что до нихъ касается. Онъ образовалъ многихъ отличнѣйшихъ скакуновъ, между прочими *Уискея*, опца *Элеоноры*. Нынѣшній монархъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ, воспитанный на другой спихи, не наследовалъ спраски своего брата: однакожь долженъ поддерживать всѣ распоряженія его касательно

заводовъ. Говорятъ, что Его Величество охотно бы согласился на содержаніе скаковъкъ лошадей, еслибы это приносило убытку не болѣе 4000 гиней въ годъ: но это не возможно! До сихъ поръ однакожь существуетъ королевскій заводъ въ Гамптон-Кауртѣ, гдѣ между многими знаменитыми жеребцами и мапками находятся: арабъ подаренный покойнымъ Сиромъ Малькомомъ Георгу IV, *Полковникъ*, *Ватерлоо*, *Тренбей* и *Рантеръ*; также *Мери*, *Постума*, *Лилія* и другія мапки, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ жеребятъ, происходящихъ отъ королевскихъ жеребцовъ *Султана*, *Эмилля*, *Верблюда* и *Пріама*, лучшихъ въ нынѣшнее время. Если судить по послѣдней продажѣ годовалыхъ жеребятъ, изъ коихъ осьмнадцать проданы за 4000 гиней, то Его Величество конечно не будетъ въ убыткѣ отъ ихъ содержанія. Примѣчательно, что на его заводѣ особенно заботятся о такъ называемой *сильной* крови; такъ *Ватерлоо* происходитъ отъ *Тромпатора*, *Полковникъ* отъ *Дельфина*, *Транкъ* отъ *Орвилля*, *Рантеръ* отъ *Бенингбурга*. Король-Морякъ, какъ называютъ Англичане Вильгельма IV, разговаривая объ лошадяхъ, доставлялъ много поводовъ къ соспаненію забавныхъ анекдотовъ. Рассказываютъ, что когда директоръ королевскаго завода пришелъ въ первый разъ спросить, какихъ жеребцовъ Его Величество прикажетъ отослать на скачку:

«ошправыше всю эскадру!» опвѣчалъ онъ: «я полагаю, что въ ней вѣрно найдутся, копорые доспануть призъ!»

Лошадь, сей драгоцѣнный даръ Провидѣнія, не безъ условій дарованъ человѣку: и первое изъ нихъ соспомтъ въ томъ, чтообы хорошо съ нею обходиться. Но дабы воспользоваться всѣми ея способностями, должно похипить ее изъ рукъ природы и ввѣрить искусству. Пробѣгая древнія сочиненія о лошадяхъ, не лзя не удивиться, какой переворотъ произошелъ въ ихъ воспитаніи. Такъ мы находимъ въ *Досугахъ Дворянина*, книгѣ напечатаной за 150 лѣтъ предъ симъ, что пинпа хорошаго Канарскаго вина соспавляла часпъ ежедневной порціи скаковой лошади. *Англійскій Любитель*, издававшійся Обальдиспономъ, копорый самъ давно уже перешелъ въ царство мершвыхъ, съ важностию увѣдомляетъ чипапелей, что дабы приготошитъ лошадь къ скачкѣ, пошребенъ цѣлый мѣсяцъ, а ежели она жирна или спояла на подножномъ корму, то по крайней мѣрѣ два мѣсяца. Онъ уже лакомилъ своихъ скакуновъ разными сиропами и киселями, разводилъ для нихъ яичные бѣлки въ винѣ, выдумывалъ мази изъ киповаго жира, шеръ имъ ноги водкой, и пр. и пр. Но всѣ сіи бѣдныя писатели, если бъ ихъ шеперь воскресилъ, какъ удивились бы, узнавши, что для приготошвенія лошади къ скачкѣ, какъ слѣдуетъ, нынѣ шре-

буешся цѣлый годъ! Опъ чедовѣка, коему поручаешся хожденіе за конскимъ заводомъ, шеперь спрашиваюпъ знанія разныхъ лекарствъ, очищающихъ систему живошнаго, экзерцицій, укрѣпляющихъ его мускулы, пици, сообщающей ему необыкновенныя силы. Присовокупите еще необходимую операцію періодическаго возбужденія испарины, для предохраненія опъ излишняго жирнѣнъ.

Воспитаніе скаковой лошади пребуешъ не только познанія самыхъ прудныхъ правилъ искусствва, но еще непрерывной бдишельности; ибо случались примѣры, что въ одну ночь уничиожались плоды многолѣтнихъ спараній. Каждая пора года пребуешъ особеннаго ухода, начиная съ шого времени, когда допускаюпъ лошадь ѣспъ въ волю, дабы укрѣпипъ силы ея къ удобнѣйшему перенесенію дѣйствія лекарствъ, до шой минушы, когда начинаюпся обыкновенныя очищенія. Помомъ наступаетъ время правильнаго возбужденія испарины и пробныхъ скачекъ; но мы здѣсь предпочпипельно займемся жокеями и ихъ воспитаніемъ.

Если взяпъ въ соображеніе, какія ужасныя суммы закладываюпся въ Англійскихъ скачкахъ, по люди, скачушце на лошадяхъ, безъ сомнѣнія соспавляюпъ важный классъ въ общеспвѣ; и хопя Англійское слово *жокей*, часпо принимаешся въ худую спорону, какъ синонимъ плуша,

были однако, да и теперь есть жокей самой строгой нравственности. Кроме честности, состояніе сіе истребуетъ еще другихъ довольно рѣдкихъ качествъ; именно: большой силы въ небольшомъ стѣлѣ; великой неуспрашиваемости и самаго непоколебимаго хладнокровія, при всѣхъ задряхахъ прошивника; наконецъ скромности и умѣнія молчать. Кроме опасностей, съ самой скачкой сопряженныхъ, жокей подвергаетъ непрерывно разстройству свое здоровье: не только занятіе его есть занятіе самое тяжкое, онъ долженъ еще сверхъ того исполнять его съ пышнымъ желудкомъ. Приготовляясь къ скачкѣ, ему должно хранить Азіяпское воздержаніе: часто случается, что онъ долженъ только глядѣть, какъ другіе ѣдутъ.. Мы говоримъ о томъ времени, когда онъ долженъ *умерять* себя. Наконецъ, послѣ самаго строгого поста и воздержанія онъ всѣхъ наслажденій, ему надобно еще подвергаться опасности словить шую... И за что?—За пять гиней, если онъ воспоржествуетъ, и за три, если будетъ побѣжденъ! — Знаменитый Прапшъ, жокей не менѣ знаменитаго скакуна Пепи Джимерака а), совершилъ въ одинъ день одиннадцать скачекъ, изъѣздивъ такимъ образомъ всего на все восемьдесятъ восемь миль.

Аплеты Олимпійскихъ игръ прославлялись

а) Конь и всадникъ изображены кистию Спидеа.

Пиндаромъ; славу Англійскихъ жокеевъ, увѣковѣчивающихъ тысячи журналовъ. Бюкль, Чиней, Клейфшъ, Дж. Дай, С. Дай, Дж. Доккерей, два Бойса, Коноллей, Рейшъ, Наппшъ, Чаппль, Павись, Маннъ, Макдональдъ, Дарлингъ, Гудиссонъ и другіе, успупающъ славою развѣ только знаменитымъ мужамъ, обезсмертившимъ себя въ Парламентѣ или въ морскихъ битвахъ.

Всякое ремесло, всякое званіе, въ собственномъ принадлежащемъ ему кругѣ нравовъ, представляющъ занимательный предметъ для изученія; и можетъ быть жизнь Ньюмаркспскаго конюха, какъ описалъ ее Голькрофтъ, имѣетъ болѣе интереса, чѣмъ жизнь многихъ людей высшаго класса. Голькрофтъ самъ началъ симъ званіемъ: и безспорно занимательнѣйшая часть его записокъ есть та, гдѣ онъ рассказываетъ свое пребываніе въ Ньюмаркспъ, время своего ученичества, паденіе съ сѣрой лошади Г. Вудкока, успѣхи, сдѣланные имъ въ верховой ѣздѣ, и разрушеніе всѣхъ его надеждъ, когда хозяинъ узналъ, что онъ какъ лѣншій, ищущъ время на занятіе членіемъ, а повараши сочли его сумасшедшимъ, увидя, какъ онъ чертилъ буквы и цифры гвоздемъ на дверяхъ конюшни.

Тѣ, кои видали скаковыхъ лошадей только во время скачки, крайне удивятся мѣлкимъ картинкамъ, изображающихъ ихъ во время ученья,

Въ сосѣдствѣ большихъ заводовъ, гдѣ приготавливаются скаковыя лошади, бѣдные родители съ радостію отдають своихъ дѣтей на конюшни, зная, что ихъ шамъ будутъ хорошо кормить и холить и что сверхъ того эшо откроешь имъ дорогу въ свѣтъ. Но надобно знать, какъ эши бѣдные мальчики въ нѣсколько дней приводятся въ ооспояніе сидѣшь на шакомъ рьяномъ звѣрѣ, какова скаковая лошадь. Начинается шѣмъ, что Томъ или Жакъ по крайней мѣрѣ весь первый мѣсяць долженъ шолько смопрѣшь, что дѣлають другіе. Онъ шелешъ поспели шоварицамъ и исправляешъ другія службы по конюшнѣ; но между шѣмъ всмаприваешся, какъ соученики его держатся въ сѣдлѣ и сохраняють равновѣсіе. Черезъ нѣсколько времени его сажаютъ на хозяйскую клячу, по ешь на самую смиРНую лошадь изъ всего завода, кошорая обыкновенно ѣдешъ позади и не имѣешъ никакихъ капризовъ. Первый берейшоръ, какъ лучшій судья ѣзды, распоряжается ею, кромѣ шѣхъ случаевъ, когда бываетъ нужно дать лошадь, кошорою шрудно управлять, и въ шакомъ случаѣ онъ ѣдешъ вшорымъ, дабы давалъ наспавленія первому; но все эшо дѣлаешся въ гмазахъ хозяина.

Порядокъ сосшавляешъ силу и красоту общешва. Ни въ какой школѣ, не шребуютъ съ шакой шстрогосшью порядка въ поведе-

ни, какъ на заводѣ скаковыхъ лошадей. Даже спрогоспъ сія проспектируется далѣе, чѣмъ въ арміи или на флотѣ. Горе берейпору, говоритъ Голькрофтъ, если онъ оплущился въ нѣ часы, когда долженъ бытъ на службѣ! Вы можете бытъ увѣрены, что по упру непременно найдете его при лошади: ибо онъ почти всегда спитъ въ шой же конюшнѣ, гдѣ она спитъ. Это не изъ экономіи, а по расчетамъ благоразумія. Надобно препящствовать дорогимъ лошадямъ ночью принимая дурное положеніе: и не рѣдко бываетъ нужно нѣсколько человекъ, чтобы поднять ее. Что касается до пробужденія, то минула сія бываетъ свидѣтельница необыкновенной сцены. Лошади ожидаютъ ее съ живѣйшимъ неперпѣніемъ, которое изъ-являютъ громкимъ ржаньемъ, по привычкѣ получая задачу по упрамъ всегда въ одно время. Исполнивъ сіе, берейпоры приводятъ въ порядокъ подспялку, чистятъ лошадей и ведутъ про-важивая; по возвращеніи чистятъ опять; потомъ уже идутъ завпрака; и Голькрофтъ говоритъ по опыту, восклицая: »ничто не можетъ сравняться съ наслажденіемъ, которое чувствуется берейпоръ при завпракѣ!«

Если взять въ соображеніе ужасное количество лошадей, приготавливаемыхъ для скачекъ, и что каждая изъ нихъ имѣетъ при себѣ особаго человека, то удивительно, что несчастныя при-

ключенія на заводахъ бывають еще не слишкомъ часты. Почти всѣ скаковыя лошади опть природы игривы; а лошадиная игра опасна; даже ни чупъ не спрашно, что онѣ дѣлаются злы и бѣшены, если принявъ въ соображеніе, что будучи живой и горячей крови, онѣ должны бывають перепѣшь жестокое шреніе грубою щепкой по кожѣ нѣжной и почши голой, а потомъ, когда вспошѣють, новую пышку деревянною скрабкою. Между шѣмъ рѣдко бываетъ, чшобы шакая лошадь убила ребенка, копорый за нею ходилъ. Любопышно видѣшь, какъ эши карлики смѣло подходятъ къ живошному, копорому ничего не споншь вышибилъ духъ изъ самаго здороваго челошѣка, еслибъ онѣ осмѣлился сдѣлать шже. Чему приписашъ эшо безусловное повиновеніе живошнаго, споль гордаго, существу шакому слабому, ничшожному? Благодарности, любви или спрашу, или шой неизъяснимой магии, кошорою небо одарило взоръ и голось дшпяши?

Опть молодого жокея шребуешся глубокая смышленность въ самомъ мѣлкомъ шѣлѣ; ибо румяныя щеки и полное личико, въ званіи жокея, ешь почши безобразіе. Въ Ньюмаркетѣ ешь шеперь нѣсколько чудесныхъ образчиковъ наспоящей Пигмейской породы. На примѣръ Джонъ Дай произвелъ на свѣшъ совершенное подобіе

самого себя, оплившее въ формы истиннаго жокея. Снѣздоки, легкіе какъ перо, необходимы при объѣзживаніи двух-лѣтнихъ лошадей; нѣкопорые изъ нихъ выигрывали даже призы, хотя нѣтъ сомнѣнія, что жокей болѣе опытный навѣрное побѣдитъ ихъ. Впрочемъ, говоря серьезно, для жокея вообще выгодно быть небольшого роста, дабы избѣгнуть жестокій діэпы, на копорую онъ въ проотивномъ случаѣ долженъ сеудавнъ себя, чтобы *уменьшиться*.

Слѣдующіе вопросы, разрѣшенные Г. Сандиверомъ, Ньюмаркешскимъ хирургомъ, могутъ позабавить чинашелей и въ тоже время опкрытъ имъ, чего споятъ сложенію и здоровью жокея усилія примѣнишь къ требованіямъ своего званія.

— »Сколько времени должна продолжаться діэпа жокеевъ?«—Для тѣхъ, кои имѣютъ большую репутацию, должна начинаться недѣля за три передъ Пасхой и продолжаться до Октябрия; но вообще доспаютно для жокея одной недѣли или десяти дней, чтобы сбавишь фуншовъ двѣнадцать обыкновеннаго вѣсу.

— »Въ чемъ состоитъ шогда ихъ пицца?«—За завпракомъ, небольшой кусокъ хлѣба съ масломъ, и весьма умѣренно чаю. За обѣдомъ очень немного пуддингу, а мяса еще менѣе; если жъ можно имѣтъ рыбу, то ни мяса, ни пуддинга.

Обыкновенное питье ихъ должна быть вода съ виномъ, пакъ чшобъ воды было двѣ часпи, а вина одна. Послѣ обѣда опяшь чаю, да небольшой кусокъ хлѣба съ масломъ, или даже одинъ чай. Ужину вовсе нѣтъ.

— »Въ чемъ должны соспоаять ихъ упражненія и когда имъ опдыхаться?«—Послѣ завтрака, надѣвъ на себя доспалочное количество плашья, по еспъ пяшь или шесшь жилешовъ, два верхнихъ плашья и двѣ пары нижняго, они прогуливаются пѣшкомъ миль десяшь или пяпнадцашъ. Возвращившись домой, надѣвають сухое плашье, вмѣсто прежняго, кошорое должно взмокнуть опъ пошу, а если успануть, по могутъ съ часъ лежать до обѣда; послѣ чего для нихъ уже не должно быть никакой шяжелой экзерцици. Оспальную часпъ дня могутъ они проводить какъ угодно. Спашь ложашся обыкновенно въ девашь часовъ вечера; и спяшь до шеспи или семи часовъ утра.

— » Чѣмъ имъ лечишья?« — Тѣ, кошорые не хошашъ много прогуливашья, очицающъ себя Глауберовой солью.

— Г. Сандиверъ посовѣшуетъ ли шѣже ередства для убавленія полспопы другимъ людянь?—Онъ гововъ совѣшовашъ поже самое особамъ обоого пола, поелику организмъ опъшого, кажется, ничего не шерпитъ: но опасается, что не многие согласашся на шакую спругую дисциплину,

не привыкнуши къ ней изъ дѣлства. Сверхъ того Г. Сандиверъ можетъ сообщить за извѣстнѣе, что Джона Арнуля, когда онъ былъ жокеемъ у Принца Валлійскаго, просили *уменьшиться* сколько возможно болѣе, дабы придти въ соспоянїе скакать на одной особаго рода лошади; въ слѣдствіе чего онъ воздерживался въ нѣченіе осьми дней отъ всякой мясной и даже мучной пищи, позволяя себѣ только изрѣдка съѣсть печеное яблоко; между тѣмъ здоровье его отъ того не распроилось. Деннисъ Фиц-Паприкъ, отличившійся на многихъ скачкахъ, говаривалъ, что онъ успаешъ гораздо менѣе и съ болышею силою управляетъ самой крѣпкой лошадыю, когда порядочно *уменьшится*, чѣмъ въ то время, какъ дастъ себѣ волю пожить въ свое удовольствіе, хотя вѣсь его никогда не просиравался далѣе семидесяти шести фунтовъ, изъ коихъ онъ часно убавлялъ до шестнадцати а).

Современная система, употребляемая для уменьшенія роспа жокеевъ, отличаясь отъ описанной нами, особенно въ отношеніи къ продолжительности прогулокъ, которая прежде, кажущаяся, была чрезмѣрна. Нынѣшніе жокеи проходятъ не болѣе чепырехъ миль и по окончаніи сей прогулки находятъ домъ, гдѣ могутъ ошпано-

а) Арнуль умеръ 62, а Фиц-Паприкъ 42 лѣтъ, въ слѣдствіе простуды, полученной во время дѣшны.

выпсы для ошдыку. Здѣсь нарочно разводятся большой огонь для усиленія въ нихъ испарины: и сія испарина бываетъ такъ изобильна, что иногда должны они выширать у себя лице и руки, какъ у лошадей, рогомъ. Посидѣвъ нѣсколько времени возлѣ огня и выпивъ чего-нибудь разводящаго, возвращающагося они въ Ньюмаркетъ, махая руками, что еще болѣе усиливаетъ дѣйствіе мускуловъ. Пришедши домой, постепенно охлаждающагося, дабы приготоуовишься къ перемѣнѣ плашья, вышираются до суха и надѣвають другое плашье. Дѣйствіе сихъ экзерцицій оказывающагося не только умаленіемъ вѣсу ихъ шья, но и прозрачношью цвѣта ихъ кожи. Такимъ образомъ продолжаютъ они до шѣхъ поръ, пока сдѣлаются также шонки, какъ лошади, на кощорой должны скакати. Всего неприятнѣе въ подобныихъ случаяхъ быспрое возвращеніе шучности по окончаніи дѣшья: случалось, что у жокеевъ, уменьшившихъ вѣсъ свой до шестидесяти фуншовъ, прибывало въ одинъ день фуншовъ до семи, хотя они совсѣмъ не предавались излишешьямъ и ѣли неболѣе шого, что шребовала натура. Non misere vivit qui parce vivit, говоритъ Лашинская пословица: шоптъ не бѣдно живешь, кто живетъ воздержно. Но во время скачекъ, жокей на службѣ, вѣсящій обыкновенно, подобно Чифнею, Робинсону, Доккерей и Скошпу, весьма не много, подвергается воздержанію уже

сдѣлать спячку. Однакожъ, какъ спротивъ кашоликъ, по испеченіи поща, онъ свободенъ, какъ скоро подвигъ его минуется. Въ послѣдній день Гойшонскихъ скачекъ у Франка Бюкля всегда бывалъ гусь на ужинъ.

Спросяшь наконецъ, какъ проводятъ сіи люди свои дни въ мертвое время, то есть, пять оспальныхъ мѣсяцовъ въ году. Почти также, какъ и во времена Голькрофта: посѣщаютъ друзей, присушествуютъ на любимыхъ зрѣлищахъ пѣшущинныхъ боевъ, держатъ заклады, но не выше шиллинга. Нѣкоторыя забавляются охотой или другимъ какимъ-либо упражненіемъ, содержащимъ шѣло въ движеніи. Большею частію они имѣютъ собствѣнные дома, хорошо обмѣблированные, въ коихъ наслаждаются всѣми удобствами жизни. (QUARTERLY REVIEW).

II.

ОДНЪ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

ПОВѢСТЬ ВАЛЪЗАКА.

§ III.

ОВВИНЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

Мало женщинъ, кошорья, хотя разъ въ жизни, не находились бы, съ уликой на лицѣ, при допросѣ спрогомъ, корошкомъ и рѣшишельномъ, не получали бы опть мужевъ своихъ одного изъ шѣхъ неумодимыхъ вопросовъ, коего одно

предчувствіе бросаетъ въ легкій ознобъ, а нервное слово врѣзается въ сердце оспрымъ кинжаломъ. Отсюда извѣстная аксіома: *нѣтъ женщины, которая бы не лгала!* Ложь обязапельная, ложь просшипельная, ложь высокая, ложь ужасная: но все ложь, все необходимоспъ обманывающъ! А допусшивъ сію необходимоспъ, не должно ли умѣть хорошо лгать?.. И именно во Франціи женщины лгуютъ оплично! Нравы наши пакъ превосходно научаютъ ихъ искусству обманывающъ! У насъ женщина пакъ чиспосердечно-безспыдна, пакъ мила, пакъ прелестна, пакъ испинна въ своей лжи! Она слишкомъ хорошо знаетъ, что въ жизни общеспвенной, для избѣжанія сильныхъ ударовъ, кои могутъ разрушить ея счастье, обманъ пакже необходимъ ей, какъ вапа, гдѣ хранятся драгоцѣнныя ея вещи. Посему для женщинъ ложь соспавляетъ основу языка, а правда есть исключеніе: онѣ говорящъ правду почно пакже, какъ бываютъ добродѣтельны, по капризу или изъ разчеповъ. Припомъ, смотря по характеру; инныя, когда лгуютъ, смѣются; тѣ плачутъ, эши спановаящя важными; нѣкоторыя принимающъ видъ оскорбленія и досады. Начавъ жизнь свою припворной нечувспвипельноспью къ самымъ леспнымъ выраженіямъ любви и почпенія, онѣ часпо доходящъ до того, что припворяющя и лгуютъ сами предъ собою.

Кшо не дивилса ихъ наружной самоувѣренности и швердосши въ шу минушу, когда онѣ внушренно прешещушь за пшанисшвенное сокровище своей любви? Кшо не изучалъ ихъ спокойшвія, веселосши и свободы духа, въ самыхъ кришическихкихъ обшпояшельсшвахъ жизни? Тогда нѣшъ у нихъ ничего принужденнаго: ложъ шзаетъ въ ушпахъ, какъ снѣгъ, падающій съ неба. Пришомъ, съ какимъ искусшвомъ умѣюшь онѣ вывѣдывашъ изъ другихъ правду! Съ какою шпнокосшю упошребляюшь свою логику при какомъ-нибудь спрашномъ вопросѣ, выдающемъ всегда какую-нибудь сердечную шайну человѣка, кошпрый сполько проситъ, что обращается къ нимъ съ явнымъ допросомъ! Распрашивашъ женщину, не значитъ ли предавашъ себя въ ея руки? Она узнаешъ все, что хошашъ опъ ней скршшь, тогда какъ сама будетъ сохраняшь глубокое молчаніе, продолжая разговоръ! И между шѣмъ нѣкошпрые мушцины осмѣливаюшся вспушпашъ въ сошпзаніе съ Парижскою женщиною! Съ женщиною, кошпрая умѣетъ вывернушься изъ подъ кинжала, сказавши: »да что шебѣ въ шомъ за нужда? на что шебѣ эшо знашь? шы все ревнуеш! а если я не хочу шебѣ опвѣчашъ!« Наконецъ съ женщиною, кошпрая владѣетъ шпо шридцашъ семью шпсыячами манеровъ сказашь нѣтъ и безчисленными варіаціями слова да! Тракпашъ о да и нѣтъ не естъ ли одно изъ прекраснѣйшихъ

дипломатическихъ, философическихъ, картографическихъ и нравоучительныхъ шворений, кошорое намъ оспаеися еще сдѣлать? Но, чшобы совершить сей дьявольскій подвигъ, нуженъ геній-гермафродитъ, существо двуполое: посему едва ли кто за него когда-либо примешся! Сверхъ того, изъ всѣхъ неизданныхъ шворений, это болѣе всѣхъ извѣстно и лучше всѣхъ вы-подняешся женщинами.. Изучалиъ вы когда-нибудь поспуть, осанку, приемы лжи? Попробуйше!

Гжа Демаре сидѣла въ правомъ углу карены, а мужъ ея въ лѣвомъ. Умѣвши оправиться отъ своего распройсва при выходѣ съ бала, Гжа Жюль сохраняла видъ глубокаго спокойствія. Мужъ не говорилъ ей ничего и не начиналъ еще говорить. Онъ оморѣлъ въ окно карены на черныя стѣны молчаливыхъ домовъ, передъ ними мелькавшія; но вдругъ, какъ будто шолкну-тый рѣшительною мыслью, на поворошъ карены за уголъ улицы, взглянулъ приспально на жену, кошорая, казалось, дрожала, не смотря на мѣховой салотъ, въ кошоромъ была закушана. Онъ примѣшилъ въ ней видъ задумчивости; и можетъ быть она дѣйствительно была задумчива. Изъ всѣхъ прищичивыхъ вещей, дума и угрюмое молчаніе наиболѣе заразительны.

— Чшо такое могъ сказать шебъ Г. де Молленкуръ, спросилъ ее Жюль, чѣмъбы вы могъ

да пакъ огорчишься? И что я могу приказать узнать ошъ него?

— » Онъ не можетъ шебъ ничего сказать, чегобы я сама не могла сказать теперь! » отвѣчала она.

Посомъ съ пою женскою хипроспю, кошорая всегда нѣсколько мрачншъ добродѣшель, Гжа Жюль ожидала другаго вопроса.

Мужъ снова оборотилъ голову къ окну и продолжалъ изучать дома и двери. Новый вопросъ не могъ ли показаться подозрѣнемъ, недовѣрчивостью? Но подозрѣвашъ женщину еспъ уже пресупленіе въ любви! Жюль убилъ однажды челоуѣка, не подумавъ усомнишься въ своей женѣ.

Клеменція не понимала вполнѣ, сколько спрашн испинной, сколько мыслей глубокихъ заключалось въ молчаніи ея мужа; пакъ какъ Жюль, съ своей спороны, не зналъ ужасной драмы, сжимавшей сердце Клеменціи. Между шѣмъ карепа продолжала кашнпться по безмолвному Парижу, неся двухъ супруговъ, двухъ любовниковъ, кои обожали другъ друга, но теперь, покоясь вмѣстѣ на однѣхъ шелковыхъ подушкахъ, уже были раздѣлены пропастью. Въ эшихъ прелесныхъ купе, возвращающихся съ баловъ, между полуночи и двухъ часовъ упра, сколько происходитъ сценъ спранныхъ, удивительныхъ: начиная съ шѣхъ, коихъ фонари освѣщаютъ и улицы и

жарену; попомъ въ шѣхъ, у коихъ освѣщены спекла; наконецъ дошѣхъ, гдѣ чешы, соединенныя узами законной любви, могутъ свободно ссориться между собой, не боясь быть замѣчены проходящими; ибо утѣшны гражданскіе даютъ право бранишь, бишь и обнимашь свою жену въ карепшѣ, и вездѣ гдѣ угодно. . . Вопль почему сполько секретовъ открываея иногда ночнымъ пѣшеходамъ, шѣмъ молодымъ людямъ, кои, прѣхавъ на балъ въ карепшѣ, принуждены бывають, по чему-нибудь, возвращаться домой пѣшкомъ, ночью! . .

Въ первый еще разъ Жюль и Клеменція сидѣли такимъ образомъ въ разныхъ углахъ. Обыкновенно мужъ прижимался бывало къ своей женѣ.

— » Какъ холодно!« сказала Гжа Жюль.

Но мужъ не слышалъ ничего: онъ продолжалъ изучать вывѣски, чернѣвшіяся надъ лавками.

— Клеменція! сказалъ онъ ей наконецъ: просни мнѣ вопросъ, копорый я хочу шебѣ сдѣлать!

И онъ двинулся, обхвапиль ее своей рукой и придвинулъ къ себѣ ближе.

— » Наконецъ!.. Боже мой!«.. подумала бѣдная женщина.

— » А!« сказала она, упреждая его вопросъ: » шы вѣрно хочешь узнать отъ меня, что говорилъ со мной Г. де Моленкуръ? Я шебѣ это скажу, Жюль! но признаюсь, не безъ опасенія! Не ужели мы должны имѣть секретшы другъ для дру-

га? Нѣсколько минушь я вижу себя въ борьбѣ между увѣренностью въ нашей любви и пусклыми спраками: но совѣсь наша совершенно чиста, а подозрѣнія не должны ль омрачить ея? И такъ почему не оспались намъ въ прежней блаженной чистотѣ? Когда я тебѣ расскажу все, ты захочешь узнать болѣе: а между тѣмъ я сама не знаю, что скрывается въ спранныхъ словахъ этого чловѣка. Кто знаетъ? Можешь быть это завяжетъ васъ въ какое-нибудь несчастное дѣло! Мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобъ мы оба забыли совершенно объ этой пагубной минушь. Но, во всякомъ случаѣ, поклянись мнѣ ожидать, пока все это спрванное приключеніе объяснится еспешвенно. Г. де Моленкуръ объявилъ мнѣ, что при случившіяся съ нимъ несчастія, о которыхъ ты слышала: камень упавшій на его лакея, переломившаяся ось кабриолета и дуэль за Гжу Серизи, были слѣдствіями заговора, сдѣланнаго мною прошивъ него. Помомъ онъ грозилъ мнѣ объяснить тебѣ причины, которыя заславляютъ меня погубить его. Понимаешь ли ты что-нибудь во всемъ этомъ? Мое смяненіе произошло отъ впечатлѣнія, которое сдѣлало на меня его лице, запечатлѣнное сумасшествіемъ, дикіе взгляды и слова, прерывавшія отъ внутренняго исповсва. Я сочла его помѣшавшимся. Вотъ и все! Теперь не будь я женщина, если я не замѣтила, что уже около

года, какъ я сдѣлалась, какъ говорятъ, пред-
 метно спраси Г. де Моленкура. Онъ нигдѣ не
 видывалъ меня, кромѣ бала, никогда не говори-
 валъ со мной, какъ на балѣ, и его слова были
 всегда незначительны, подобно всемъ пѣмъ, кои
 говорятъ на балѣ. Можешь быть онъ хочеть
 распростъ насъ, чшобы найши меня когда-ни-
 будь одну, безъ защиты? Ты это понимаешь!
 Брови свои уже морщатся! О! я ненавижу его
 опъ всей души. Мы шакъ счастливы безъ него:
 за чѣмъ же тебѣ идти къ нему? Жюль! умоляю
 тебя, общай мнѣ забыть объ этомъ! Завтра
 мы навѣрное услышимъ, что Г. де Моленкуръ
 сошелъ съ ума!..

— Какая странность!.. проговорилъ самъ
 въ себѣ Жюль, выходя изъ кареты подъ пери-
 спидъ своей лѣспницы.

Онъ подаль руку своей женѣ: и оба вошли
 въ свои комнаты.

Дабы развернуть сію испорію во всей испи-
 нѣ ея подробностей, дабы слѣдовать за ея хо-
 домъ во всѣхъ ея излучинахъ, надлежало бы
 обнажить здѣсь нѣкопорыя сокровенныя тайны
 любви, проскользнуть подъ панели въ спаль-
 ню супруговъ, не съ наглостию, а, по примѣ-
 ру Трильби Карла Нодье, не пугая ни Дугала, ни
 Жанни, не пугая никого въ свѣтѣ, охраняя все
 цѣломудріе, требуемое благородствомъ нашего
 Французскаго языка, и между пѣмъ всю смѣ-

лоспъ кнспн Жерара въ его Дафнисъ и Хлоъ: проблема шрудная для шого, кшо никогда не брался за кнспъ, кому мало знакомъ языкъ Французскій!

Спальная Гжи Жюль была завѣшное свашпилице. Туда могли входипъ шолько она, ея мужъ и горничная. Богашспво имѣешъ много важныкъ преимущеспъ; но самыя завиднѣйшя изъ нихъ штъ, кои дозволяютъ предаваться камяню чувспъ во всемъ проспорѣ, даюшь возможность удовлетворипъ всѣмъ безчисленнымъ ихъ прихощамъ и окружающъ оныя шакимъ блескомъ, копорый ихъ возвышаетъ, шакими ушонченностями, копорыя ихъ очицающъ, шакими прелеспями, кои дѣлающъ ихъ несравненно очаровательнѣе. . .

Если вы не любите обѣдашь просто на шравѣ, безъ повара и приспѣшника; если испытываете особенное удовольспвие при видѣ камчатной скашперши ослѣпительной бѣлизны, раззолоченнаго сервиза, фарфора опличной рабошы, спола съ золотыми бордюрами, украшеннаго искусною рѣзбою, освѣщеннаго яркими свѣчами; загруженнаго чудесами ушонченнѣйшей кухни, подъ серебряными колпаками съ гербами, шо вы должны ошнавляшь чердаки на вѣшкѣ домовъ, гризешокъ на улицѣ; покидашь эти чердаки, эшихъ гризешокъ, эши зоншники и деревянныя башмаки шѣмъ, кои обѣдающъ въ шракширахъ по билетцамъ, По-

ПОМОГЬ ВЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ ЛЮБОВЬ, КАКЪ НАЧАЛО, МОГУЩЕЕ РАЗВИВАТЬСЯ ВО ВСЕЙ СВОЕЙ ПРЕЛЕСПИ НЕ ИНАЧЕ, КАКЪ НА БОГАТОМЪ ПЕРСИДСКОМЪ КОВРѢ, ПРИ БЛЕСКѢ РАЗЗОЛОЧЕНОЙ ЛАМПЫ ПОДЪ ОПАЛОВЫМЪ КОЛПАКОМЪ, МЕЖДУ СКРОМНЫМИ СПѢНАМИ, ОДѢШНЫМИ ШЕЛКОМЪ, ПЕРЕДЪ ЖИВОПИСНЫМЪ КАМИНОМЪ, ВЪ КОМНАТѢ ОГРАЖДЕННОЙ ОТЪ ШУМА СОСѢДЕЙ И УЛИЦЪ, ОТЪ ВСЕГО, ЧТО ПОЛЮКО МОЖЕТЪ ИЛУЖИТЬ, СПАВНЫМИ, СПОРАМИ, ВОЛНИСНЫМИ ЗАНАТЪСКАМИ. ВАМЪ НАДОБНЫ БУДУТЬ ЗЕРКАЛА, ГДѢ БЫ ФОРМЫ ОТПРАЖАЯСЯ ИГРАЛИ, ГДѢ БЫ ПОВПОРЯЛСЯ ПРЕДЪ ВАМИ ДО БЕЗКОНЕЧНОСТИ ОБРАЗЪ ЖЕНЩИНЫ, КОПЮРЮЮ ВАМЪ ХОНГЪЛОСЬ БЫ УМНОЖИТЬ ДО БЕЗКОНЕЧНОСТИ И КОШОРЮЮ ЛЮБОВЬ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО УМНОЖАЕШЬ ПАКИМЪ ОБРАЗОМЪ НЕ РѢДКО; ПОПОМЪ ДИВАНЫ САМЫЕ НИЗЕНЬКІЕ; ПОПОМЪ ПОСПЕЛЬ, КОШОРАЯ, ПОДОБНО ЗАВѢШНОЙ ТАЙНѢ, ДОЗВОЛЯБАТЬ СЕБЯ УГАДЫВАТЬ, НЕ ПОКАЗЫВАЯСЯ; ПОПОМЪ ВЪ ЭТОЙ УДИВЕННОЙ КОМНАТѢ, ПРИПОДНЯШОЙ НА ЦѢЛЫЙ ЭПАЖЪ КЪ ВЕРХУ, ВГЪХОВЫЯ ПОДСПИЛАКИ ПОДЪ НОГИ, СВѢЧИ ПОДЪ СПЕКЛОМЪ, СРЕДИ МУССЕЛИНОВОЙ ДРАПИРОВКИ, ДАБЫ МОЖНО БЫЛО ЧИПАТЬ ВСЯКУЮ МИНУШУ НОЧЬЮ; ЦВѢШЫ, КОПОРЫХЪ ЗАПАХЪ НЕ БЫЛЪ БЫ ДУШЕНЪ; ПОДОПНО, КОПОРЫМЪ БЫ УДОВОЛЬСТВОВАЛАСЯ САМА АННА АВСПРІЙСКАЯ...

Гжа Жюль осуществила на самомъ дѣлѣ эту очаровательную программу: но это еще ничего. Всякая женщина со вкусомъ могла сдѣлать тоже, хотя не смотря на то, въ успроеніи

подобныхъ вещей, всегда выражается печать личности, сообщающая шому или другому украшенію, шой или другой подробности, неподражаемый характеръ. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, царствуетъ фанатизмъ индивидуальности. Чѣмъ больше наспояція поспановленія спремятся, по видимому, къ всеобщему уравненію, тѣмъ болѣе нравы ошъ него удаляются. Посему во Франціи люди богатые начинаютъ быть гораздо исключительнѣе въ своихъ вкусахъ и принадлежащихъ имъ вещахъ, чѣмъ были за прицдцать лѣтъ предъ симъ.

Гжа Жюль знала, къ чему обязывала ее сія программа, и все, у себя, привела въ совершеннѣйшую гармонию съ роскошью, кошорая шакъ хорошо идетъ къ любви! Ибо *полторы тысячи франковъ и моя Софія или страсть въ жизни*, суть обыкновенныя поговорки голодныхъ, кои сначала довольствуются кускомъ чернаго хлѣба, а потомъ, сдѣлавшись лакомками, если дѣйствительно любящъ, оканчивающъ шѣмъ, что начинаютъ сожалѣть объ удовольствіяхъ гаспрономіи. Любовь ненавидитъ работу и бѣдность. Она лучше согласится умереть, чѣмъ жить и перебиваться кое-какъ.

Большая часть женщинъ, по возвращеніи съ бала, неперпѣливо желая поскорѣй лечь, разбрасываютъ вокругъ себя свои плашня, увядшіе цвѣшны, букеты потерявшіе запахъ; онѣ оспавли-

юпть свои маленькіе бапмачки подъ креслами, ходяпть на пловучихъ кошурнахъ; внимаюпть свои гребенки и распускаюпть небрежно локоны, не забопясь о себѣ ни сколько. Для нихъ не важно, что мужа видяпть нѣтъ. Ивнѣлки, булавки, художественные крючки, коими поддерживалось изящное зданіе ихъ прически или наряда. Тогда нѣпть болѣе шайншпвъ; все обнажается предѣ мужемъ; нѣпть для него поддѣльныхъ румянъ; самый корсетъ, вооруженный всѣми предосторожностями искусства, валяется большую часпть времени на глазахъ, если заспанная горничная позабудетъ убрать его. Буфаны изъ киповыхъ усовъ, рукава подбитые клееною шафшою, обманчивыя накладки, волосы купленные у парикмахера, вся ложная женщина здѣсь, на лицо, разбросанная по всѣмъ споронамъ! *Disjecta membra poëtae*, искусственная поэзія, возбуждавшая столько восторга въ тѣхъ, для коихъ была создана и успроена, загромождаетъ собою всѣ углы. Тогда любви мужа, кошорый уже зѣваетъ, предспавляется насполщая женщина, кошорая также зѣваетъ, въ беспорядкѣ, въ безобразіи, съ распременною головою, прикрыпною измяптымъ чепцемъ, шѣмъ самымъ, кошорый былъ на ней вчера, шѣмъ самымъ, кошорый будетъ и завтра.

— А если вамъ угодно, сударь, что бы я каждый вечеръ мила хорошіе ченцы, шо давайше мнѣ больше денегъ!

Вошь жизнь, пакъ какъ она естъ! Жена всегда бываешь спара и безобразна для мужа, между шѣмъ какъ всегда чопорна, красива и нарядна для другаго, для соперника мужей, для свѣсна, копорый обыкновенно злословишь и перзаешь ея сестеры!

Вдохновенная испинною любовію, копорая какъ и всѣ прочія сущесва, имѣешь инспинкпъ самосохраненія, Гжа Жюль поступала совершенно иначе и находила, въ поспоянномъ наслажденіи своимъ счастьемъ, силу необходимую для выполненія сихъ мѣлочныхъ обязанностей, коими никогда не должно пренебрегаешь, ибо чрезъ нихъ продолжается любовь. Припомъ сн заботы, сн обязанности, не происходятъ ли опъ чувсва личнаго доспоинсва, копорое въ женщинѣ всегда очаровашельно? Не ешь ли эшо новая ласка мужу? Не значить ли эшо уважашъ въ самой себѣ сущесво любимое?.. И пакъ Гжа Жюль запрещала своему мужу входъ въ кабинетъ, гдѣ покидала свой бальный нарядъ, и выходила оппуда не иначе, какъ въ ночномъ костюмѣ, шаинспвенно убранная для шаинспвенныхъ празденсвъ своего сердца.

Входя въ спальню, всегда прекрасную и очаровашельную, Жюль находилъ въ ней жену свою, прелесшно закушанную въ красивый пеньюаръ, съ волосами завипыми проспо въ большія косы на головѣ; ибо, не боясь ихъ безпорядка,

она не оппимала у него удовольствіа видѣть ихъ и играць ими; находилъ ее гораздо проще, но за шо и гораздо прекраснѣе, чѣмъ была она для свѣпа. Она обыкновенно освѣжала себя на ночь купаньемъ въ ваннѣ: и все искусство ея соспояло въ томъ, что предспавлялась глазамъ мужа бѣлѣе своего мусселина, свѣжѣе самыхъ свѣжихъ аромашовъ, привлекапельнѣе самой искусной прелеспницы. Коротко скажемъ, Жюль находилъ жену свою всегда болѣе милою и оспавлялъ всегда болѣе любимую.

Эта удивительная смѣпливоспъ въ исполненіи самыхъ мѣлкихъ женскихъ обязанноспей соспавляла великую шайну, посредспвомъ коей Жозефина умѣла шакъ нравиться Наполеону, равно какъ нѣкогда Цезонія Каю Калигуль или Діана де Пуапье Генриху II. И если шайна сіа была шакъ щедро вознаграждаема въ женщинахъ, кои счипали себѣ до семи или 'осьми люспровъ, шо какимъ оружіемъ можешъ бышь она въ рукахъ молодой женщины? Тогда мужъ съ неописаннымъ наслажденіемъ испышываетъ все блаженспво ея вѣрноспи.

Послѣ описаннаго нами разговора, копорый поразилъ шакимъ ужасомъ Гжу Жюль и угрожалъ ей гораздо большими безпокойспвами, она занялась, съ особенной прошивъ. обыкновеннаго попечительноспью, своимъ ночнымъ шуалешпомъ. Ей хотѣлось бышь очаровательною:

и желаніе ея было исполнено. Она накинула на себя башишовый пеньюартъ, оспавивъ спанъ слегка опкрышымъ и распусшивъ прекрасныя черныя волосы по бѣлымъ, полнымъ плечамъ; аромашическая ванна облила ее упоишельнымъ благовоніемъ; голая ножка скрывалась подъ зеленымъ бархатнымъ пуфлемъ. Сильная своими предеспями, она взопла попишоньку и зажала руками глаза Жюлю, котораго нашла споявшимъ задумчиво, въ шлафрокъ, опершись локнемъ на каминъ, ногою на перекладину. Попомъ прижавшись къ его уху и слегка коснувшись зубами, сказала, обливъ его благовонною пеплошою своего дыханія:

— » О чемъ шакъ призадумался? «

И обхвашивъ его нѣжно руками, она сжала его въ своихъ объятіяхъ, какъ бы желая унести опъ печальныхъ мыслей; ибо женщина, которая любитъ, имѣеть полное сознаніе своего могущества; и чѣмъ она добродѣтельнѣе, тѣмъ обольстительнѣе ея ласки.

— О шебъ!... опвѣчалъ онъ.

— » Обо мнѣ одной? «

— Да...

— » О! эшо да чупъ ли сказано не на удачу«....

Они легли.

Засыпая, Гжа Жюль сказала про себя:

ТЕЛЕСК. Ч. XV.

— » Ръшипельно эпопъ Г. де Моленкуръ будешъ причиною какого-нибудь несчастія!... Жюль пакъ вспревожень, разсыанъ.... У него еспъ мысли, копорыхъ онъ мнѣ не опкрывашъ. «...»

Было около прехъ часовъ ушра, какъ Гжа Жюль проснулась, пробужденная какимъ-шо предчувствіемъ, копорое поразило сердце ея во время сна. Она почувствовала, физически и нравственно, что мужа ея не было возлѣ ней. Подъ головой ея не было руки Жюля, эпой руки, на копорой она спала, въ продолженіе пяпи лѣптъ, пакъ счастливою, пакъ спокойною, и копорой онъ шого никогда пакъ-ло не было.

Тайный голосъ шепнулъ ей: » Жюль спрадаешъ! Жюль плачешъ!... «

Она подняла голову, привспала, нашла мѣсто его холоднымъ и увидѣла его сидящимъ передъ огнемъ, опустивъ ноги на загнешъ камня, съ головой закинушой на спинку кресель. На щекахъ у него были слезы.

Гжа Жюль бросилась быспро съ поспели и однимъ прыжкомъ очутилась на колѣняхъ своего мужа.

— » Жюль! что съ шобою?... шы спрадаешъ!... говори!... скажи! скажи мнѣ!... «

Въ одну минушу она забросала его сошнею

словъ, выразившихъ глубочайшую нѣжность. Жюль бросился къ ногамъ своей жены, обнялъ ея колѣна и оплѣчалъ, заливаясь новыми слезами:

— Милая моя Клеменція! Я очень несчастливъ!... Не довѣряю любимому существу, значить не люблю его: а я люблю тебя... я обожаю тебя... и... подозреваю!... Слова, копорья сказалъ мнѣ вчера эшопъ челоувѣкъ, поразили меня глубоко въ сердце: онъ оспаются шамъ пропивъ моей воли, чшобы ниспровергнуть мое счастье. Здѣсь еспъ какая-нибудь тайна. Корюшко сказащъ, я спыжусь признащъ себя, чшо объясненія швои меня не удовлетворили. Разсудокъ бросаешъ мнѣ швѣтъ, коворый любовь моя опшвергаешъ... Эшо ужасная борьба!... Могъ ли я оспавашъся шамъ, возлъ себя, и покоищъ на рукахъ швою голову подозревая въ ней безвѣспныя мнѣ мысли?...

— О! я тебя вѣрю! я тебя вѣрю! вскричалъ онъ съ живостію, увидѣвъ, чшо она печально улыбнулась и хотѣла начашъ говорищъ. Не говори мнѣ ничего, не упрекай меня ни въ чемъ! Малѣйшее швое слово убешъ меня. Да и можешъ ли ты мнѣ сказащъ чшо-нибудь болѣе, кромѣ шого, чшо я говорю самъ себя уже часа шри! Да! цѣлые шри часа, я сижу здѣсь, смошря на тебя спящую шакъ спокойно, шакъ преле-спно; люблюя мирною чиспошою швоего чела!

О! ты конечно открывала мнѣ всегда всѣ свои мысли, не правда ли? Я одинъ живу въ нвоей душѣ?... Смотри на себя, погружая мои взоры въ твоихъ, я вижу это очень ясно. Жизнь твоя всегда была также чиста, какъ взоръ твой свѣтелъ. Нѣтъ! не можешь быть никакой тайны за этимъ сполъ чистымъ, сполъ прозрачнымъ окомъ!...

Онъ всмалъ и поцѣловалъ ее въ глаза.

— Дай мнѣ высказать тебѣ, что, въ продолженіе пяти лѣтъ, блаженство мое умножалось съ каждымъ днемъ особенно пою увѣренностію, что у тебя нѣтъ никакихъ другихъ привязанностей, даже родственныхъ, копорья всегда похищаютъ что-нибудь у любви! Ты не имѣешь ни сестры, ни отца, ни матери, ни подруги: я знаю, что нѣтъ никого ни выше, ни ниже меня въ твоемъ сердцѣ, что я одинъ живу въ немъ! Клеменція! повтори мнѣ всѣ тѣ ласковыя слова, копорья ты мнѣ такъ часто говаривала! Не брани меня! упѣшь меня! я несчастенъ! Я долженъ упрекать себя въ гнусномъ подозрѣніи: а ты... у тебя въ сердцѣ нѣтъ ничего, чтобы жгло тебя!... Возлюбленная моя! скажи, могъ ли я оспаваться въ такомъ состояніи возлѣ тебя? Какъ двѣ головы, доселѣ такъ тѣсно соединенныя, могли покоиться на одной подушкѣ, когда одна изъ нихъ спрадаешь, а другая совершенно покойна....

— Но о чемъ ты думаешь?.. вскричалъ онъ вдругъ, увидя, что Клеменція сдѣлалась въ свою очередь задумчивою, смущенною, и едва могла удерживаться отъ слезъ.

— » Я думаю о моей мапери! « отвѣчала она важнымъ голосомъ. » Ты не понимаешь, Жюль, какъ грустно быть принужденною вспоминать ея послѣднія прощанія, слыша свой голосъ, который для меня сладоспѣе всякой музыки, и помышлять о торжественномъ пожатіи ея леденѣвшихъ рукъ, прикасаясь къ своимъ, въ ту минушу, какъ ты осыпаешь меня изъявленіями своей пламенной любви. «..

Она подняла своего мужа, сжала въ свои объятія съ могучею силою, гораздо превышавшею крѣпость мущины, осыпала поцѣлунми его волосы и облила его горячими слезами.

— » Ахъ! я бы согласилась быть изрубленною за тебя въ мѣлкіе куски! Скажи мнѣ, что я дѣлаю тебя счастливымъ, что я для тебя самая прелеснѣйшая изъ женщинъ, что я для тебя... тысяча женщинъ!... О! ты любишь такъ, какъ никто и никогда не будетъ!... Я не знаю, что значатъ слова *долгъ* и *добродѣтель*... Я люблю тебя для тебя самаго, потому что люблю тебя есть мое счастье, и буду любить всегда, до послѣдняго моего издыханія... Я даже горжусь моею любовью: мнѣ кажется

что я назначена судьбою исполнять одно только чувство къ моей жизни. То, что я хочу сказать теперь, можешь показаться ужасно: но, я признаюсь тебѣ, что весьма довольна нашею бездѣшностью и не желаю имѣть дѣшей. Я чувствую себя больше супругою, чѣмъ матерью. Ну! еще ли ты имѣешь опасенія? Выслушай меня, жизнь моя! Общай мнѣ позабывши на всегда, не эпошь часть, смѣшанный изъ сомнѣній и воспорговъ, а слова того безумнаго сумазброда! Жюль, я этого хочу! Общай мнѣ не выдайся съ нимъ, не ходишь къ нему! Я увѣрена, что, если ты опущишь одинъ шагъ далѣе въ эпошь лабиринтъ, мы оба повергнемся въ бездну, гдѣ я погибну, но все имѣя швое имя на устахъ, швое сердце въ моемъ сердцѣ! За чѣмъ ты спавишь меня такъ высоко въ своей душѣ и такъ низко на самомъ дѣлѣ? Какъ ты, дѣлая кредитъ сполькимъ людямъ опносительно ихъ состоянія, не подашь мнѣ въ милосыдную одного подозрѣнія? И неужели въ первый разъ въ жизни, когда можешь оказать мнѣ безпредѣльную довѣренность, развѣнчаешь меня въ своемъ сердцѣ?.. Между мною и сумасшедшимъ... ахъ! Жюль это сумасшедшій, копорому ты вѣришь. «..

Она оспановилась, раскинула свои волосы, спустившіеся по лбу и плечамъ, и, раздирающимъ голосомъ, примолвила:

— Я говорила слишкомъ много... Одного слова должно быть доспапочно... Если еще на швоей душѣ и на швоемъ лицѣ оспанется хопя одно темное облачко, какъ бы оно мало ни было... Знай, Жюль... я не вынесу... я умру... .

Она не могла удержаться опть судорожнаго шрепеша и вся поблѣднѣла.

— О! я убью эпого человѣка! сказалъ самъ въ себѣ Жюль, схвативъ жену свою и опнесши ее на пощель.

— Успемъ, ангель мой! успемъ спокойно! продолжалъ онъ. Я позабылъ все, клянусь себѣ... .

Клеменція уснула, слыша эпо нѣжное слово, еще ласковѣе повпоренное: и Жюль, видя ее заснувшую, подумалъ про себя:

— Она права! Когда любовь шакъ чиспа, малѣйшее подозрѣнне ее оскверняетъ! А для души споль чувшвишельной, для цвѣпка споль нѣжнаго, всякое мрачное пятно есть смерть... швершь ужасная! . .

Когда межъ двухъ существъ, кои исполнены привизанносшю другъ къ другу и коихъ жизнь измѣняется ежеминушно, проскользняетъ какое-нибудь мрачное облачко: шо, хопя облачко сие разлѣпешся, въ душахъ всегда оспакопшся нѣкопорые слѣды. Тогда, или нѣжноспь дѣлается живѣе, почно какъ земля послѣ дожда дѣлается прекраснѣе; или пошрлсение еще ошзывается, подобно опдаленному раска-

пу грома на чиспомъ уже небѣ. По крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ, невозможно найдись въ прежнемъ соспоянiи: любовь непременно должна или возрасти или уменьшиться.

При завпракѣ, Г. и Гжа Жюль оказывали другъ другу вниманiе и заботливоспъ, въ коихъ было нѣсколько принужденности. Взоры ихъ были наполнены веселоспью, почини насильспвенною, и какъ будшо обнаруживали усилiя обмануть взаимно другъ друга. Жюль чувспвовалъ невольныя сомнѣнiя: жена его была добычею слишкомъ вѣрныхъ опасенiй. Не смошря на шо, все еще довѣряя другъ въ другъ, они спали покойно. Ошносительно шеперешняго принужденiя, было ли оно слѣдспвиемъ нѣкошораго опасенiя или проспо шолько воспоминанiя ночной сцены, они сами хорошо шого не знали. Но они любили взаимно другъ друга, и любили съ шакою чиспошою, что впечашлнiе прошлой ночи, вмѣспъ споль жесткое и споль благодарштельное, не могло не оспавишь въ душахъ ихъ нѣкошорыхъ слѣдовъ: посему оба, съ одинаковою ревностiю спараясь изгладить ихъ и упредить другъ друга въ возвращенiи къ прежнему шаспiю любви, они не могли не думать о причинѣ перваго случившагося между ними несогласiя.

Для сердець любящихъ, эшо не еспъ соспоянiе гореспи; здѣсь нѣшъ спраданiя; но эшо родъ

душевнаго праура, копорый изобразилъ очень прудно. Если еспь нѣкопорья соотношенія между движеніями души и цвѣщами, если, какъ говаривалъ слѣпецъ Локкъ, алыи цвѣщъ долженъ производилъ на зрѣніе пѣже дѣйствія, копорья звукъ трубы производилъ на слухъ, шо можешъ бытъ позволено будешъ уподобилъ сію меланхолію, происходящую опшъ усилій загладилъ слѣды минувшаго удара, сѣрому цвѣщу. Но любовь уязвленная и между пѣмъ сохраняющая полное сознание своего блаженства, возмущеннаго на мгновение, любовь сія, чрезъ смѣшеніе грусти съ удовольствіемъ, раждаетъ въ свою очередь наслажденія совершенно новыя. Жюль изучалъ голосъ своей жены, подсперегалъ ея взгляды, съ пѣмъ же юнымъ чувствомъ, копорое одушевляло его въ первыя минуты свадьбы. Тогда воспоминаніе пята лѣтъ, пропекшихъ въ непрерывномъ блаженствѣ, красота Клеменціи, искренность и просподушіе ея любви, изгладили скоро въ немъ послѣдніе слѣды нестерпимаго спраданія.

Эпо было воскресенье, день, въ копорый нѣтъ ни биржи, ни дѣлъ: и оба супруга прогевели его вмѣстѣ, спараясь внѣдришься глубже другъ къ другу въ сердце, подобно двумъ дѣшамъ, кон, въ минушу спраха, пѣсняща и жмуцца другъ къ другу, соединяясь какимъ-шо инспинкшомъ. Въ жизни выпадають иногда

такіе совершенно счастливые дни, которые не связываются никакимъ образомъ ни съ завтрашнимъ, ни съ вчерашнимъ днемъ, словно цветы обиденные. Жюль и Клеменція наслаждались имъ опъ всей души, какъ будто предчувствуя, что это былъ послѣдній день ихъ блаженной жизни.

Какое дашь имя той невѣдомой силѣ, которая ускоряешь шаги путешественниковъ, когда гроза еще не показывается; которая осиваетъ жизнь и красою умирающаго за нѣскольکو дней до его смерти и внушаетъ ему самыя обольстительныя предпріянія; которая вразумляетъ ученаго приподнявъ свою ночную лампу, въ то время какъ она совершенно его освѣщаетъ; которая заспавляетъ мать боясь слишкомъ глубокаго взгляда, брошеннаго на дитя ея глазами челоуѣкомъ? . . . Мы все испытываемъ вліяніе сей силы, въ малыхъ и великихъ событіяхъ нашей жизни, но еще не умѣли ни назвать, ни изучить ее. Это болѣе, чѣмъ предчувствіе, но . . . не видѣніе! . . .

Все шло хорошо до другаго дня.

Въ понедѣльникъ, Жюль Демаре, обязанный быть на биржѣ въ обыкновенный свой часъ, пошелъ со двора не прежде, какъ спросивши, по обычаю, у жены своей, не хочетъ ли она воспользоваться его каретой.

— » Нѣтъ! « сказала она: » время слишкомъ дурно для прогулки! «

Въ самомъ дѣлѣ, дождь лилъ ливнемъ.

Было около двухъ часовъ съ половиной, когда Г. Демаре отъправился на биржу.

Въ чепыре часа, выходя изъ биржи, онъ сподкнулся носъ съ носомъ съ Г. де Моленкурромъ, ожидавшимъ его съ шѣмъ упрямствомъ, которое даюць только независнъ и жажда месси.

— Государь мой! сказалъ офицеръ, взявъ его подъ руку: я имѣю сообщить вамъ важныя вещи. Выслушайте. Я сполько благороденъ, что не хотѣлъ прибѣгнуть къ посредству безимянныхъ писемъ, которьябъ могли возмутить ваше спокойствіе, но предпочелъ объясниться съ вами. Коротко сказавъ, будише увѣрены, что еслибы дѣло шло не о моей жизни, я бы конечно не дозволилъ себѣ ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться въ чьи бы то ни было семейныя дѣла, даже когдабъ считалъ себя на то въ правѣ. . .

— Если по, что вы имѣете сказать мнѣ, отвѣчалъ Жюль, касается до Гжи Демаре, то я прошу васъ, сударь, не прудиться и помолчать.

— Но если я промолчу, сударь, то вы можете весьма скоро увидѣть Гжу Жюль на скамьѣ Уголовнаго Суда, вмѣстѣ съ заклеяннымъ злодѣемъ. . . Хопише ли и теперь, чпобъ я помолчалъ? . .

Жюль поблѣднѣлъ; но его прекрасное лицо скоро приняло видъ наружнаго спокойствія. И, ушавивъ офицера подъ одинъ изъ навѣсовъ биржи, гдѣ они погда находились, онъ сказалъ ему голосомъ, подъ коимъ скрывалось глубочайшее внутреннее волненіе:

— Государь мой! я буду васъ слушать... Но между нами должна быть дуэль на смерть, если...

— О! я согласенъ на все! вскричалъ Г. де Моленкуръ: согласенъ, ибо имѣю къ вамъ высокое уваженіе. Вы говорите о смерти, сударь! Но вы безсомнѣнія не знаете, что жена ваша вѣроятно уже оправила меня въ прошлую субботу вечеромъ: ибо другой день уже, я чувствую въ себѣ что-то необыкновенное: мои волосы какъ будто сочались сквозь черепъ... лихорадка... смертельная шоска... О! я знаю, кто допротивался до моихъ волосъ на прошломъ балѣ...

И Г. де Моленкуръ рассказалъ все, не опуская ни малѣйшаго произшествія: свою плапониическую любовь къ Гжѣ Жюль и всѣ подробности приключенія, описанаго нами выше.

Всякой спалъ бы слушать сей расказъ съ такимъ-же вниманіемъ, какъ Г. Демаре: но сей послѣдній имѣлъ право придти опъ него въ изумленіе гораздо большее, чѣмъ кто-либо въ свѣтѣ. И здѣсь-то вполне раскрылся его харак-

перъ: онъ былъ больше удивленъ, чѣмъ пораженъ. Сдѣлавшись судьей, и судьей обожаемой жены, онъ нашелъ въ душѣ своей честность и непреклонность судьи. Все еще любя ее, онъ не сполъко думалъ о своей разрушенной жизни, сколько объ ней; внималъ не воплямъ скорби, раздиравшей его сердце, а опдаленному голосу, копорый вопіялъ къ нему: »Клеменція не можешь лгашь? За чѣмъ ей измѣняшь себѣ?«..

— Государь мой! примолвилъ офицеръ, оканчивая свой расказъ: признавъ въ субботу вечеромъ, въ Г. де Фюнкаль, пого самаго Феррагуса, копораго полиція считаешь мершвымъ, я послалъ шопчасъ за нимъ по горячимъ слѣдамъ смышленаго человека. Воропясь домой, я вспомнилъ еще, по счасливому случаю, имя Гжи Мейнарди, упомянутое въ письмѣ Иды, предполагаемой любовницы моего врага: и, по сему указанію, мой повѣренный скоро дастъ мнѣ вѣрный опчетъ объ эпомъ ужасномъ приключеніи; ибо онъ скорѣе самой полиціи умѣешь опкрывашь испину...

— Милоспивый государь, опвѣчалъ Г. Демаре: я не могу васъ доспойно возблагодарить за сію довѣренность. Вы говорите мнѣ о доказательспвахъ, о свидѣтеляхъ; я буду ихъ ожидать. Увѣряю васъ, что со всею ревностью буду преслѣдовашь испину въ эпомъ спранномъ дѣлѣ: но до пѣхъ поръ, пока она не будетъ

доказана мнѣ очевидно, позволите мнѣ оспариваться въ сомнѣніи. Во всякомъ случаѣ, вы будете имѣть удовлетвореніе; ибо конечно, понимаете сами, что между нами оно необходимо. . .

Г. Жюль воропился домой.

— «Что съ побою, Жюль?» спросила его жена. «Ты такъ блѣдеешь, что на тебя ужасно смотрѣть!» . .

— На дворѣ очень холодно! отвѣчалъ онъ, прожакиваясь медленными шагами по комнатѣ, гдѣ все говорило о его блаженствѣ и любви, по этой комнатѣ, прежде споль спокойной, но гдѣ теперъ пригошлялась губительная буря.

— Ты сегодня не выѣзжала со двора? спросилъ онъ какъ будто машинально, но въ самомъ дѣлѣ побужденный къ сему вопросу послѣднею изъ тысячи мыслей, кои тайно сверпывались и разверпывались въ его умѣ, въспревоженномъ, но не совсѣмъ раздавленномъ внезапнымъ приливомъ ревности.

— «Нѣтъ!» отвѣчала она съ ложнымъ выраженіемъ чистосердечія.

Въ эту минушу, Жюль замѣтилъ въ уборной комнатѣ своей жены нѣсколько дождевыхъ капель на бархатной шляпкѣ, которую она надѣвала по упряму. Г. Жюль былъ человекъ огненный, но вмѣстѣ исполненный самой нѣжной разборчиво-

спя: дуиѣ его прошивно было уличить во лжи свою жену; въ подобныхъ случаяхъ, между извѣстными существами, все должно оканчивашься, и навсегда. Между тѣмъ эти дождевыя капли были свѣжомъ, расперзавшимъ его душу. Онъ выпелъ изъ комнапы, сошелъ внизъ и сказалъ своему приврашнику, увѣрившись напередъ, что былъ съ нимъ одинъ:

— Фукро! спо экую ежегодной пенсїи на всю жизнь, если скажешь мнѣ правду; долой со двора, если обманешь; и ничего, если, сказавъ правду, проговоришься кому-нибудь о своемъ опвѣшѣ и моемъ вопросѣ!...

Онъ оспановился, подвелъ къ окну приврашника, чтобы всмопрѣшься хорошенько ему въ лице, и сказалъ:

— Барыня выходила со двора сегодня ушромъ?...

— Выходила безъ чешверпи въ шри часа и съ полчаса назадъ шому воропилась...

→ Правда ли эшо... смошри?..

— Сущая испина, сударь!

— Ты будешь имѣшь пенсїю, кошорую я тебѣ обѣщаль; но если проболпаешься, вспомни шакже и о другомъ обѣщанїи; тогда пошерьемь все!..

Жюль воропился къ своей женѣ.

— Клеменція! сказалъ онъ ей: мнѣ надобно привесши въ нѣкопорый порядокъ домашнїе

счешы; не огорчись моимъ вопросомъ. Кажется, съ начала нынѣшняго года, шы получила онъ меня сорокъ шысячь франковъ?

— » Вольше! « отвѣчала она. » Сорокъ семь. «

— Ты помнишь, куда ихъ издержала!

— » О! какъ же! « продолжала она. » Я выпла-тила много счешовъ прошлаго года... «

— Я не узнаю пакъ ничего! сказалъ Жюль самъ про себя. Эшо средство не годится.

Въ сію минушу вошелъ камердинеръ Жюля и подалъ ему письмо.

Онъ раскрылъ его съ наружнымъ спокойствіемъ, но пробѣжалъ съ жадностію, когда бросилъ глаза на подпись.

» М. Г. «

» Для вашего и нашего спокойствія, я рѣшилась писашъ къ вамъ, не имѣя удовольствія бышь съ вами знакомой; но мое положеніе, мои лѣша, а болѣе опасенія какого-нибудь несчасія, при-нуждающъ меня просишь васъ имѣшь благо-склонное снисхожденіе къ несчастливымъ обшо-япельсшвамъ, въ коихъ шеперь находидся наша безушъшная фамилія. Г. Августъ де Моленкуръ нѣсколько дней уже обнаруживаешъ въ себѣ признаки помѣшательства; и мы боимся, что-бы онъ не возмушилъ счасія, коимъ вы на-слаждаешесь, шѣми же химерами, о копорыхъ, въ

первомъ припадкѣ болѣзни, говорилъ съ нами, съ Г. Командоромъ де Памье и со мною. И пакъ мы рѣшились васъ предупредить о его несчастномъ положеніи, которое не считаемъ еще совсѣмъ опчаяннымъ. Положеніе сіе можетъ имѣть пакія важныя слѣдствія для чести нашей фамилии и будущей судьбы моего внука, что я совершенно полагаюсь на вашу скромность. Еслибъ Г. Командоръ или я могли сами побывать у васъ, милоспивый государь, то мы бы не спали писатъ къ вамъ; но я ни сколько не сомнѣваюсь, чтобъ вы не исполнили просьбы мащери, съечь сіе письмо, какъ скоро его прочтете. «

» Примите увѣреніе совершеннаго моего уваженія, «

» Баронесса де Моленкуръ, урожденная де Рье.»

— Какія пыпки! вскричалъ Жюль.

— » Да что съ побою дѣлается? « сказала ему жена съ выраженіемъ живѣйшаго беспокойства.

— Я дошелъ наконецъ до того, отвѣчалъ Жюль, что спрашиваю самъ у себя, не пы ли доводишь до меня это увѣдомленіе, дабы разсѣять мой подозрѣніи? Суди сама о моихъ спраданіяхъ! прибавилъ онъ, бросая ей письмо.

— » Несчастивый! « вскричала Гжа Жюль, ротеlesc. Ч. XV.

няя бумагу. » Я сердечно сожалѣю объ немъ, хопя онъ мнѣ надѣлалъ много зла. « . .

— Такъ пы знаешь уже, чшо онъ говорилъ со мною?

— » Ахъ! пы его видѣлъ, вопреки своему слову! « вскричала она, пораженная ужасомъ.

— Клеменція! Любовь наша находишся на краю гибели. Мы шеперь споймъ съ пободо внѣ обыкновенныхъ условій жизни: и шакъ, среди споль великихъ опасностей, оспавимъ всякую мѣлочную разборчивость. Послушай! Скажи, за чѣмъ выходила пы сегодня упромъ? Женщины считающъ себя въ правѣ иногда говорить намъ маленькую ложь. Онъ часшо находяшъ для себя наслажденіе шайшь опъ насъ удовольствія, копорья намъ же пригошворяющъ. Сей часъ, пы, безъ сомнѣнія, сказала мнѣ одно слово вмѣсто другаго: *нѣтъ* вмѣсто *да*! . .

Онъ вошелъ въ уборный кабинетъ и вынесъ опшуда шляпку.

— Смопри! я не хочу предспавляшъ изъ себя Барполо, ревнивца. . . но шляпка эша шебѣ измѣнила! Эпи паянна не опъ дождевыхъ ли капель? Спало бышь, пы сегодня ѣздила въ фіакръ и замочила эшу шляпку, либо идя до карешы, либо входя въ *домъ*, гдѣ пы была, либо выходя опшуда. Но жена безъ всякой вины можешъ выѣзжашъ со двора, даже сказавъ прежде мужу, чшо *никуда* не поѣ-

депгъ. Сполко причинъ могушь измѣнишь ея намѣреніе! Имѣшь капризы, не еспь ли одно изъ вашихъ неопштемлемыхъ правъ? Вы не обязаны бышь основательными и послѣдовательными съ самими собой! Можеть бышь, пы чпо нибудь позабыла: какую-нибудь услугу, какой-нибудь визитъ, или кзкое-нибудь доброе дѣло! Но ничпо не препяшсвуешъ женѣ сказашъ мужу, чпо она дѣлала. Передъ лицомъ друга спыдишься нечего. Но, моя безцѣнная Клеменція! шеперь говоришь съ побою не мужъ-ревнивецъ, а нѣжный любовникъ, швой другъ, швой братъ. . .

Онъ бросился спрасшно къ ея ногамъ.

— Говори! говори, не для шого, чшобы оправдашь себя, но чшобы ушпшишь мои люпѣйшія спраданія! Я знаю, чпо пы выходила со двора! Очень хорошо! Чшожъ пы дѣлала, гдѣ пы была?

— » Да! я выходила, Жюль! « опвѣчала она голосомъ измѣнившимся, но съ лицомъ спокойнымъ. » Но не спрашивай у меня ничего болѣе. Дожидайся съ довѣренностію: иначе навлечешъ на себя вѣчныя угрызения! Жюль, мой безцѣнный Жюль! довѣренность еспь добродѣшель любви! Признаюсь шобѣ, въ эпу минушу, я такъ смущена, чпо не могу опвѣчашъ шобѣ; но я не хпшрю передъ побою. . . я люблю тебя. . . пы это знаешъ. « . .

— Посреди всего того, что можешь разрушить доверенность мушеры, возбудить въ немъ ревность... ибо я уже не первый въ своемъ сердцѣ, я уже болѣе не вся пы!.. о Клеменція!... мнѣ пріятно еще вѣрить тебѣ, вѣрить своему голосу, вѣрить своимъ взорамъ!.. Если ты меня обманываешь, то заслуживаешь... .

— » Тысячу смертей! « сказала она, прерывая.

— Но я не скрываю отъ себя ни одной жгть моихъ мыслей, а ты... ты!..

— » Тс! « сказала она. » Наме счастье зависитъ отъ нашего общаго молчанія. «

— Такъ я желаю все знать! закричалъ онъ въ бурномъ порывѣ ярости.

Въ эту минушу раздались крики женщины; визгъ тонкаго, пронзительнаго голоса доспигъ изъ передней до обонхъ супруговъ.

— Я войду, говорю вамъ! кричалъ голосъ. Да! я войду! Я хочу ее видѣть и увижу!..

Жюль и Клеменція бросились въ залу и увидѣли, что двери распахнулись настежь. Молодая женщина ворвалась въ нихъ, преслѣдуемая двумя слугами, кои сказали Г. Жюлю:

— Эта женщина, сударь, хочетъ войти сюда пропавъ нашей воли. Мы уже говорили, что барыня нѣтъ дома. Она отвѣчала, что онаеъ очень хорошо, что барыня выѣзжала, но видѣла, какъ она назадъ ворошилась;

и грозила оспанься у дверей дома, до шѣхъ поръ, пока не переговоришь съ госпожею...

— Подите! сказалъ Г. Демаре людямъ.

— Чпо вамъ угодно, добрая дѣвушка? продолжалъ онъ, обращаясь къ незнакомкѣ.

Эта *дѣвушка* представляла въ себѣ лишь женской напурь, встрѣчающійся полько въ Парижѣ. Подобное созданіе образуется въ Парижѣ, также какъ Парижская грязь, какъ Парижская мосшова, какъ вода Сены въ шѣхъ большихъ чанахъ; сквозь которые Дюкоммюнь процѣживаетъ ее десять разъ, прежде чѣмъ разольетъ въ граненые графины, гдѣ она, изъ грязной, какою была прежде, сверкаетъ свѣшпою и чисшою: посему эшо естъ созданіе испинно оригинальное. Двадцать разъ скваченная карандашемъ живописцевъ, кистью Ганри Монье, грашпомъ Женіоля, она ускользаетъ опъ всѣхъ анализовъ, пошому чпо неуловима во всѣхъ своихъ образахъ, какъ природа, какъ самъ Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, она прикасается къ пороку однимъ радіусомъ и опдаляется опъ него въ пысячѣ другихъ почекъ общеспвенной периферіи. Впрочемъ она даетъ угадывашь полько одну черпу своего характера, и эшо подвергаетъ ее осужденію: добрыя качества ея бывають скрышны; но своимъ наивнымъ безспыдствомъ она хвасшется! Посему, нигдѣ

вполнѣ не очерпанная, даже въ *Мертвоиъ Осль* и *Обезглавленной Женицинь*, гдѣ она выведена на сцену со всѣми своими поэпическими принадлежноспями, она можепъ быпъ видима въ полной испинѣ, полько на своемъ чердакѣ; ибо, во всякомъ другомъ мѣспѣ, бываетъ или слишкомъ порицаема или слишкомъ ласкаема; при богатспивѣ, разврапцается; въ бѣдноспи, ее не понимаютъ. И эпо не можепъ быпъ иначе! У ней слишкомъ много дурныхъ и добрыхъ качествъ: она слишкомъ близка къ высокому изспупленію и къ позорному осмѣянію; слишкомъ прекрасна и опврапцательна въ одно время. Она олицепворяетъ въ себѣ выразипельно весь Парижъ, кошорый снабжаетъ беззубыми приврапницами, поршомоиками, подмешальщицами, нищенками; иногда наглыми графинями, обожаемыми актрисами, восхипельными пѣвицами; даже нѣкогда подарила двухъ квази-королевъ Франци...

Однимъ словомъ, эпо была Парижская гризепка, и гризепка во всемъ своемъ блескѣ: гризепка въ фіакрѣ, счастливая, молодая, прекрасная, свѣжая... Но все гризепка, гризепка съ щипцами и ножницами, дерзкая, какъ Испанка, бранчивая, какъ Англійская спепенница, выспавляющая свои супружескія права: кокешка, какъ большая дама, полько опкровеннѣе и на все гошовѣе; наспоющая львица, у кошорой еспъ

своя маленькая горенка, прежде сполько разъ видѣвшаяся ей въ сладкихъ мечпахъ, съ красными кисейными занавѣсками, мебелью обихною бомбой, чайнымъ споликомъ, расписнымъ фарфоровымъ приборомъ, козешкой, маленькимъ приновымъ коврикомъ, алебаспровыми споловыми часами и подсвѣчниками подъ спекломъ; комнашка, выращенная желпою краскою, съ мягкою пуховою поспелью; корошко сказащъ, всѣ наслажденія жизни гризешокъ; даже своя кухарка, сама нреждебывшая гризешка, но уже гризешка съ усами и съ шевронами; у кошорой спекпакль даромъ, кашшановъ душа-мѣра, плашьевъ шелковыхъ и шляпокъ пруды-пруды, наконецъ всѣ блаженства, расчипываемыя въ коншорахъ модиспокъ, за исключеніемъ экипажа, кошорый въ воображеніи коншорскихъ швеекъ поже, чшо фельдмаршальскій жезль въ мечпахъ солдаша. Да! эша гризешка имѣла все эшо, въ награду за истинную привязанность или на зло истинной привязанности... Другія получающъ поже и за одинъ часъ во дню, какъ подашь небрежно плашимую...

Молодая женщина, находившаяся предъ Г. и Гжею Жюль, имѣла ножку шакъ опкрыпую въ башмакъ, чшо едва замѣчалась легкая черпочка между ковромъ и бѣлымъ ея чулкомъ. Эша обувь, коей харакшеристическую черпу умѣлъ шакъ удачно схватишь Гаварни, соспа-

вляешь особенную, опличительную прелесть Парижской гризетки; но она еще болѣе изобличаетъ себя предъ взорами наблюдателя пою рачительностью, съ коею заставляешь платье свое какбы льнуть къ своимъ формамъ, обрисовывающимся чрезъ по во всей ихъ чистотѣ. И теперь незнакомка была словно зашнута въ свое зеленое платье, которое обнаруживало красоту ея спана, вполне видимаго; ибо кашемировая шаль Терно, спавши на землю, держалась на ней только двумя концами, кон она почти скрутила въ своихъ рукахъ. У ней было спокое лице, розовыя щеки, бѣлый цвѣтъ кожи, глаза сѣрые ярко сверкавшіе, лобъ весьма выцуклый, волосы щцательнo пригладженныя, выпадавшіе, изъ подъ маленькой шляпки, на шею крупными буклями.

— Я называюсь Ида, сударь! И если это Гжа Жюль, съ кофрой я имѣю удовольствіе говорить, то я пришла высказать ей все, что у меня противъ ней на сердцѣ. Это очень дурно, когда свои дѣла такъ хорошо улажены и успроены, какъ я вижу у васъ теперь, опинаешь у бѣдной дѣвушки челоуѣка, за кофорого я вышла за мужъ *морально* и кофорый обѣщается загладишь свои проступки, женившись на мнѣ какъ должно, въ *муципально*мъ правленіи. Есть довольно молодыхъ людей въ свѣтѣ, не правда ли, сударь? «..

Гжа Жюль обратилась къ своему мужу.

— » Вы, конечно, позволите мнѣ, сударь, не слушать болѣе. « . .

И она вышла въ свою комнату.

— Если эпа дама живешъ у васъ, *испекла* же я *кулитъ*, какъ вижу! но шѣмъ лучше! За чѣмъ ѣздитъ она каждый день видѣться съ Г. Феррагусомъ? . .

— Вы ошибаетесь, сударыня! сказалъ Жюль оцѣпѣвши. Жена моя неспособна. . .

— Ахъ! пакъ вы *женаты-сь?* прервала гризетка, обнаруживъ нѣкоторое удивленіе. Но все равно! эшо шѣмъ хуже, сударь, не правда ли?.. Женщинѣ, копорая пакъ счастлива, что имѣетъ законнаго мужа, входитъ въ сношенія съ пожилымъ человѣкомъ; ибо Ганри. . .

— Да какой Ганри?.. вскричалъ Г. Жюль, взявъ Иду и упавивъ въ сосѣдную комнату, чшобы жена его ничего не слыкала,

— Ну, Феррагусъ!

— Да онъ умеръ? сказалъ Г. Жюль.

— Те! пе! пе! какъ не пакъ! Я была съ нимъ вчера вечеромъ во Франкони; и онъ опвезъ меня домой, какъ слѣдуешъ. Впрочемъ ваша дама можешъ дать вамъ объ немъ извѣспія. Вѣдь она была у него сегодня въ при часа? Я эшо очень хорошо знаю! Я дожидалась ея на улицѣ, попому чшо одинъ любезный человѣкъ, Г. Жюспенъ, копорого и вы можешъ бышь знаете, спаричокъ, чшо

носишь корсешы и разныя побрякушки, предупредилъ меня, что Гжа Жюль моя соперница. Это имя, сударь, очень извѣстно между военными именами. Извините, что оно ваше; но когда бы Гжа Жюль была придворная Герцогиня, то Ганри шакъ богачъ, что могъ бы удовольствовашь всѣ ея прихоти. Мое дѣло защищать свое добро, и я на шо имѣю право; ибо я люблю его, шо естъ, Ганри! Это моя первая склонность; дѣло идетъ о моей любви и будущности. Я не боюсь ничего, сударь; я честная дѣвушка, никогда не лгала и не крада чужаго добра. Кшо бы ни была моя соперница, я пойду прямо къ ней; и если она опниметь у меня будущаго моего мужа, шо я чувствую, что способна задушить ее, будь она раз-Герцогиня... опъ шого, сударь, что всѣ прекрасныя женщины равны, не правда ли? . . .

— Довольно! довольно! сказалъ Жюль. Гдѣ вы живете?

— На улицѣ Кордери-дю-Тампль, N 14, Ида Грюже, корсешная швея, къ вашимъ услугамъ... мы много работаемъ корсешовъ и на господъ....

— А гдѣ живетъ человекъ, кошораго вы называеше Феррагусомъ?

— О, сударь!.. сказала она, закусивъ губы... это вопервыхъ не просшо человекъ. Это госпо-

динъ, побогаче даже и васъ!... Да за чѣмъ вы спрашиваете у меня его адресъ, когда онъ извѣстенъ вашей женѣ? Онъ мнѣ не велѣлъ никому объ этомъ сказывать... И развѣ я обязана вамъ опвѣчать?.. Благодаря Бога, я теперь не на исповѣди и не въ полици, а завишу опъ самой себя....

— Но еслибъ я предложилъ вамъ двадцать, тридцать, сорокъ тысячъ франковъ за то, чпобъ сказать, гдѣ живешъ Г. Феррагусъ?

— Т, о, то — заперцо! опвѣчала она, присоединивъ къ сему проспонародному опвѣту особенно значительное движеніе. Ни за какія деньги вы опъ меня ничего не узнаете... Имѣю честь вамъ кланяться... Да гдѣ здѣсь выходяшъ?..

Жюль, пораженный, допустилъ Идѣ уйши, не думая о ней. Весь міръ казалось обрушивался подъ нимъ, а сверху небо распадалось въ дребезги.

— Кушанье поспавлено!... сказалъ камердинеръ.

Но онъ и официанты дожидались около четверпи часа въ споловой: господа не приходили.

— Барыня не будетъ обѣдать! вошла сказать горничная.

— Чшо пакое случилось, Жозефина? спросилъ слуга.

— Не знаю, опвѣчала она. Барыня плачетъ и хочетъ ложиться въ постель. Вѣрно баринъ

имѣешь какую нибудь склонность въ городъ... и это не въ добрый часъ открылось... понимаешь?... Я не отвѣчаю за жизнь барыни. Всѣ мушкетеры такіе неловкіе! Вѣчно надѣлаютъ сценъ безъ всякой предосторожности!

— Полно, полно! сказалъ камердинеръ по-пихоньку. Напрошивъ, это барыня, кошорая... ну, понимаешь!.. Когда было ѣздить барину въ городъ, коль скоро онъ, цѣлыя пять лѣтъ, ни разу не ночевалъ безъ барыни, въ десять часовъ сходитъ въ кабинетъ и выходитъ опшуда не прежде двенадцати завпракашъ! Его жизнь извѣсна, всегда идетъ регулярно... Между шѣтъ барыня почши каждыи день въ при часа увъжасшъ, Богъ вѣсшъ куда.

— Да вѣдь и баринъ поже!

— Баринъ ѣздитъ извѣстно куда, на биржу... Однако, вошъ ужъ при раза я говорилъ ему, что кушанье пославлено, примолвилъ слуга, и все какъ будшо какому сполбу...

Г. Жюль вошелъ.

— А барыня!

— Изволила лечь: у ней сильная мигрень, опшвчала горничная, принявъ важный видъ.

Г. Жюль обратился къ людямъ и сказалъ весьма хладнокровно:

— Вы можете собрать со епола; я пойду посидѣть съ барыней.

Онъ вошелъ дѣйствительно къ своей женѣ и напелъ ее въ слезахъ, спарающуюся задушивъ плашкомъ свои рыданія.

— О чемъ вы плачете? сказалъ ей Жюль. Вы не должны ожидать опгъ меня ни гнѣва, ни упрековъ. За что мнѣ вамъ мспить? Если вы не были вѣрны моей любви, то значить были ея недоспойны!..

— » Недоспойна! «...

Сіе слово повпорено было сквозь рыданія; и выраженіе, съ коимъ оно было произнесено, могло смягчить всякаго другаго, кромѣ Жюля.

— Чшобы убить васъ, надобно любить болѣе, нежели сколько можете быть я люблю, продолжалъ онъ: но у меня не доспанеть на то бодрости; я скорѣе убью самъ себя и оставлю васъ вашему... счастью и... кому еще?..

Онъ не могъ докончить.

— » Убьешь себя! «... вскричала Клеменція, бросясь къ ногамъ Жюля и обнимая ихъ.

Но онъ хотѣлъ освободиться опгъ ней и допацилъ ее до самой постели, спараясь опорвашь опгъ себя.

— Осшавьте меня!... сказалъ онъ ей наконецъ.

— » Нѣтъ, нѣтъ, Жюль! « кричала она. » Если ты меня не любишь, я умру... Хочешь ли ты все знать?..

— Да!..

Тогда онъ взялъ ее, сжалъ крѣпко, съль на

краю поспели и посадилъ къ себѣ на колѣна; попомѣ, смотря изсохшими глазами на эту прелесную голову, копорая вся облипа была слезами и горѣла словно въ огнѣ:

— Ну! сказалъ онъ. Чпоже?...

Рыданія начались снова.

— » Нѣтъ! Это пайна, опть копорой зависишь жизнь и смерть! И еслабѣ я ее сказала, еслабѣ... Нѣтъ, я не могу!... Жюль! Поцади меня!... «

— Ты все меня обманываешь!...

— » Ахъ! шеперь уже не вы!... сказала она. О Жюль! пакы!... Ты можешь думаешь, чпо я шебя обманываю; но скоро узнаешь все. «...

— Эпошъ Феррагусъ, эпошъ злодѣй, съ копорымъ пы ѣздишь видѣшься, эпошъ чело-вѣкъ, обременный преспушленіями... если онъ не швой, если пы не принадлежишь ему...

— » О! Жюль! «... «

— Очень хорошо! Кпожь эпо шпакой? Не благодѣпель ли швой неизвѣспный? Не шопъ ли чело-вѣкъ, копорому мы обязаны нашимъ богашспвомъ, какъ уже и говорили?...

— » Кпо эпо говоришь? «

— Чело-вѣкъ, копораго я убилъ на дуэли.

— » О Боже!... «

— Если эпо не покровишель швой, если онъ не даешъ шебѣ денегъ, если пы сама къ нему

возишь... Посмотримъ! Кпожь эпо? ... Брапъ чпо ли швой? ...

— » А еслибы эпо было шакъ? « сказала она.

Г. Демаре сложилъ креспомъ руки.

— За чъмъ же было скривашъ опъ меня эпо? продолжалъ онъ. Спало бышь, вы меня обманули, швая мапъ и пы? .. Припомъ, развъ къ брапу ѣздяшъ каждый день, или почпцъ каждый день? .. Гм? ..

Жена его умала въ обморокъ къ его ногамъ.

— Умерла! .. сказалъ онъ. Чпо, ежели я ошибаюсь? ..

Онъ бросился къ снуркамъ колокольчиковъ, позвалъ Жозефину и положилъ Клеменцію въ постель.

— » Я умру! « сказала Гжа Жюль, приходя въ себя.

— Жозефина! кричалъ Г. Демаре. Ступайше сей часъ за Докпоромъ Мео. Попомъ опшравъ-шесь къ моему брапу и попросите его придши, какъ можно скорѣе!

— » За чъмъ къ брапу? « сказала Клеменція. Жюля уже не было.

Въ первый разъ, въ продолженіе пяпи лѣтъ, Гжа Жюль провела ночь одна въ своей постелѣ и принуждена была допустить врача въ свою завѣшную спальню. Эпо были для ней два люшѣйшія мученія. Врачъ нашель Гжу Жюль очень дурною. Никогда сильное волненіе не

было такъ безвременю. Онъ не хотѣлъ приступить ни къ какому заключенію и оплодился до утра дасть рѣшительный совѣтъ, прописавъ нѣкогорья средства, которья не были исполнены, попому что болѣзни сердечныя заставили позабыть о физическихъ спраданіяхъ.

Передъ упромъ, Клеменція еще не спала. Она была занята глухимъ шопомъ, происходившимъ ошъ переговоровъ между двумя братьями, кои продолжались нѣсколько часовъ; но шолшопта спѣнь не дозволяла дойти до ея слуха ни одному слову, котороебъ могло изобличить предметъ споль длинной конференціи.

Г. Демаре, ношаріусъ, наконецъ удался. Тогда шипшина ночи, и припомъ особенное напряженіе чувствъ, производимое спрасшію, дали Клеменціи услышать скрытъ пера и невольныя движенія челоука, заняпаго письмомъ. Тѣ, кои привыкли проводить безъ сна ночи и наблюдали разные эффекты акустики среди глубокаго молчанія, знаютъ, какъ часпо самый слабый шорохъ ясно слышится въ шѣхъ мѣсплахъ, гдѣ въ ровномъ и непрерывномъ шумѣ ничего различить не возможно.

Въ чешыре часа скрытъ прекрапился.

Клеменція вспала, вся дрожа ошъ безпокойства. Попомъ, голыми ногами, безъ пеньюара, не думая ни о ночной сырости, ни о со-

сплояни, въ кошпоромъ находилась, бѣдняжка ошворила оспорожно дверь безъ всякаго шума. Тогда увидѣла она своего мужа, съ перомъ въ рукѣ, заснувшаго въ креслахъ. Свѣчки догарили въ шандалахъ.

Она подошла медленно къ сполу и прочла на обершкѣ запечатаннаго пакета:

»ЭТО МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.«

Она бросилась предъ нимъ на колѣна, словно предъ гробницею, и поцѣловала руку своего мужа, кошпорый шопчасъ проснулся.

— »Жюль, другъ мой! Самымъ пресшупникомъ, осуждаемымъ на смершь, дается опсрочка на нѣсколько дней, сказала она, смошря на него глазами, пылавшими горячкото и любовью: невинная, я прошу у себя полько двухъ дней. Оспавь меня свободною на эши два дня. И... подожди!.. Послѣ, я умру счасшливою; по крайней мѣрѣ, ты будешь сожалѣшь обо мнѣ!«

— Согласенъ, Клеменція!

И, между тѣмъ какъ она осыпала поцѣлуями его руки въ прогашельнѣйшемъ изліянніи сердца, Жюль, очарованный эшимъ воплемъ невинности, взялъ ее и поцѣловалъ въ лобъ, спыдясь внушренно, чшо еще разъ долженъ былъ покориться могущесшву сей благородной красшпы.

На другой день по ушру, опдохнувши нѣ-
Телеск. Ч. XV.

сколько часовъ, Жюль зашелъ въ комнату своей жены, повинаясь машинально привычкѣ, не уходя съ двора, не выдавшись съ нею. Клеменція спала. Лучъ свѣта, проникая сквозь самыя верхнія стекла оконъ, падалъ на лице эпой изнеможенной женщины. Уже спраданія исказили ея чело и румянецъ губъ. Глазъ любовника не могъ обмануться, при видѣ нѣсколькихъ темныхъ крапинокъ и печальной блѣдности, зашпупившей мѣсто прежняго ровнаго тона щекъ и маховой бѣлизны кожи, двухъ чистыхъ грушговъ, на коихъ бывало разыгрывались шакъ непринужденно и искренно свѣшлыя чувства сей прекрасной души.

— Она спрадаешъ! сказалъ самъ про себя Жюль. Бѣдная Клеменція! Господи сохрани насъ!

Онъ поцѣловалъ ее пихо въ лобъ. Клеменція проснулась, увидѣла своего мужа и поняла все. Но, не будучи въ соспояннн говориль, взяла его за руку: и глаза ея омочились слезами.

— » Я невинна! « сказала она, еще сквозь сонъ.

— Ты сегодня куда не поѣдешь? спросилъ ее Жюль.

— » Никуда! Я чувствую себя слишкомъ слабою и не вспану съ поштели.

— Если вздумаешь шебъ перемѣнить намѣреніе, по дождись меня. . . сказалъ Жюль.

Онъ сошелъ внизъ.

— Фукро! смопри приспальнѣе у дверей!
Я хочу знашь всѣхъ, копорые безъ меня вой-
дутъ въ домъ или выдутъ!

Попомъ Г. Жюль бросился въ фіакръ, велѣлъ
везши себя въ домъ Моленкуровъ и прїѣхавши
спросилъ Барона.

— Г. Баронъ боленъ, опвѣчали ему.

Жюль наспоалъ, чпобы его впустили, ска-
залъ свое имя и прибавилъ, чпо, за невозмож-
носпію видѣть Г. де Моленкура, онъ хочепъ
видѣться по крайней мѣрѣ съ Видамомъ или
съ вдовспвующею Баронессою. Нѣсколько време-
ни ожидалъ онъ въ залѣ сію послѣднюю, копо-
рая наконецъ выпшла къ нему и сказала, чпо
внукъ ея такъ боленъ, чпо никакъ не можешь
приняшь его.

— Я знаю, сударыня, сказалъ Жюль, свойсп-
во его болѣзни, изъ письма, копорое вы удо-
споили написать ко мнѣ, и прошу васъ бышь
увѣренною. . . .

— Письмо къ вамъ! Опъ меня! вскричала вдо-
ва, прерывая его. Но я къ вамъ никогда не пи-
сала!.. Позвольше узнашь, сударь, чпо за-
спавляющъ меня говорилъ въ эпомъ письмѣ?..

— Сударыня! опвѣчалъ Жюль: имѣя намѣре-
ніе сегодня бышь у Г. де Моленкура и опдашь
вамъ эпо письмо, я счелъ позволеннымъ сохра-

нишь его, не смотря на просьбу, кошорою оно заключаешся. Вопъ оно! . .

Баронесса позвонила, чптобы принесли ея двойныя очки; бросивъ глаза на бумагу, она изъявила величайшее удивленіе и сказала:

— Милоспивый государь! Въ эптомъ писемъ шакъ искусно поддѣлано подѣ мою руку, чпо еслибы дѣло шло не о шакомъ свѣжемъ обшопельспшвѣ, шо я бы сама могла обманушься. Мой внукъ шочно боленъ, сударь, эшо правда; но его умъ никогда не былъ, ни на волосъ, разспроенъ. Нами играють какіе-нибудь злодѣи. Между лѣтъ, я не могу догадапъся, съ какой цѣлю могла бышь упошреблена шакая наглоспъ. . . Вы можеше сами видѣшь моего внука, сударь, и удоспшвѣрипъся, чпо онъ въ полномъ и здоровомъ смьслѣ. . .

Она позвонила снова, чптобы спросишь у Барона, можешъ ли онъ приняпъ Г. Демаре. Слуга ворошился съ ушвердшптельнымъ опвѣшомъ. Жюль вошелъ къ Августу де Моленкуръ, кошораго нашелъ въ креслахъ, возлѣ камина. Не могли приподняпъся опъ слабоспи, Баронъ привѣспшвовалъ его меланхолическимъ движеніемъ. При немъ находился Видамъ де Памье.

— Г. Баронъ! сказалъ Жюль: я имѣю сказанпъ вамъ нѣчшо особенное и поштому желалъ бы найши васъ одного.

— Государь мой! опивчалъ Августъ: Г. Командору извѣстно все дѣло; и вы можете говорить при немъ безъ опасенія.

— Г. Баронъ! продолжалъ Жюль важнымъ голосомъ: вы возмутили, вы разрушили мое счастье, не имѣя на то никакого права. До тѣхъ поръ, пока объяснитса, кпо изъ насъ обязанъ другому удовлетвореніемъ, вы должны помогать мнѣ идти по мрачному пути, на который меня бросили. И такъ я пріѣхалъ къ вамъ узнать о пеперешнемъ мѣспопребываніи паниспвеннаго существа, имѣющаго споль роковое вліаніе на нашу судьбу и располагающаго, кажешся, сверхъеспственными силами. Вчера, въ ту минуту, какъ я ворошилса домой, выслушавъ ваши объясненія, эшо письмо было получено мною...

И Жюль подаль ему подложное письмо.

— Эшопъ Феррагусъ, эшопъ Буриньяръ, эшопъ Г. де Фюнкаль... настоящій демонъ!.. вскричалъ Моленкуръ, прочишавъ письмо. Въ какой ужасный лабиринтъ я запушалъ себя? Гдѣ я?.. Ахъ! сударь! продолжалъ онъ, смотря на Жюля: я спочно виноватъ; но смерть, конечно, еспъ наказаніе, какого больше не возможно придумашъ; а она ко мнѣ приближаешся.. И такъ вы можете претбовашъ опъ меня всего, чшо вамъ угодно: весь я въ вашихъ повелѣніяхъ...

— Государь мой! Вы должны знать, гдѣ живешь эшо непоняшное существо. Я хочу непременно проникнуть въ сію шайну, хошябъ эшо спонило мнѣ всего моего имѣнія; а со врагомъ, споль неумолимымъ и всевѣдущимъ, минуты должны бытъ драгоценны! . .

— Жюспенъ скажетъ вамъ все, опвѣчалъ Баронъ.

При сихъ словахъ, Командора покоробило на спуль.

Августъ позвонилъ.

— Жюспеня нѣтъ въ домѣ, сказалъ Видамъ.

— Такъ чпожъ! перервалъ съ живописію Августъ: наши люди знаютъ, гдѣ онъ. Сей часъ поѣдетъ за нимъ верховой. Вѣдь слуга вашъ въ Парижъ? Такъ същещся!

Командоръ казался видимо смущеннымъ.

— Жюспенъ не придетъ, другъ мой! сказалъ наконецъ спарикъ. Онъ умеръ. Я хошѣлъ опъ себя эшо скрытъ, но . .

— Умеръ! вскричалъ Г. де Моленкуръ. Умеръ! Когда и какъ! . .

— Вчера, ночью. Онъ ужиналъ съ своими спаринными пріятелями и безсомнѣнія подпилъ. Пріятели шакже вѣрно подгуляли и оставили его на улицѣ, гдѣ большая кареша черезъ него переѣхала . .

— На эшопъ разъ злодѣй не далъ промаха! . .

Попалъ съ перваго удара!.. сказалъ Августъ. Со мной не такъ ему посчастливилось: надо было приниматься чепыре раза!..

Жюль погрузился въ мрачную задумчивость.

— И такъ я не узнаю ничего! вскричалъ онъ послѣ длинной паузы. Слуга вашъ, можешь быть, наказанъ по справедливости! Онъ преспустилъ ваши повелѣнія, оклеветавъ Гжу Демаре передъ какою-шо Идой, въ коей пробудилъ ужасную ревность и спустилъ ее на насъ!

— Ахъ! сударь! въ моей ярости я предоспавилъ ему на волю Гжу Жюль.

— Государь мой! вскричалъ вспыхнувшій мужъ.

— О! сударь! отвѣчалъ офицеръ, приглашая его замолчать движеніемъ руки: шеперь я готовъ на все. Вы не сдѣлаеша ничего лучше того, что уже сдѣлано, и не скажете мнѣ ничего такого, чегобъ совѣсть моя уже не говорила. Сегодня упрямъ я ожидаю знаменитѣйшаго профессора психикологии, чтобы узнать мою судьбу. Если ядъ долженъ причинить мнѣ слишкомъ жестокаго спраданія, мое намѣреніе рѣшено: я посажу себя пулю въ лобъ!..

— Ты говоришь, какъ ребенокъ! вскричалъ Видамъ, испуганный хладнокровіемъ, съ коимъ Баронъ произнесъ сіи слова. Твоя бабушка умретъ съ печали.

— И такъ, сударь, сказалъ Жюль, нѣтъ никакого средства узнать, въ какомъ мѣсцѣ Пари-

жа пребываетъ эшошь необыкновенный чело-
вѣкъ?

— Помнишься, сударь, опвѣчалъ спарикъ, эшошь бѣдняжка Жюспенъ проговариваль, что Г. де Фюнкаль живешъ въ домѣ Порпугальскаго или Бразильскаго Посольства. Г. де Фюнкаль ешь дворянинъ, принадлежащій обоимъ государствамъ. Что касается до капоржнаго злодѣя, онъ умеръ и погребенъ. Вашъ гонитель, кто бы онъ ни былъ, по моему мнѣнью, пакъ силентъ, что вамъ лучше принимаешь его подъ сею послѣднею формою, до шѣхъ поръ пока найдешся средство безопасно задавить его. Но милосердый государь, дѣйствуйше оспорожно! Еслибъ Г. де Моленкуръ слѣдовалъ моимъ совѣшамъ, ничегобъ шепершняго не случилось...

Жюль опкланялся холодно, но съ вѣжливостію, и не зналъ, какъ взяпъся, чтобъ поймашь Феррагуса.

Какъ скоро воропился онъ домой, приврашникъ немедленно донесъ ему, что госпожа выходила со двора, чтобы бросить письмо въ ящикъ маленькой почшы, насупрошивъ переулка Менаръ.

Жюль не могъ не почувствовать для себя глубокаго униженія въ эшой усердной заботливости, съ которою приврашникъ хлопоталъ объ его дѣлѣ, и въ эшой проворной ловкости, съ

коей онъ угадывалъ средства услужить ему. Гоповносшь подчиненныхъ и ихъ особенное искусство выдавашъ господь, копорые сами выдаюшъ себя, были ему извѣсны; онъ зналъ, какъ опасно допускатъ ихъ въ свои сообщники, по какому бы то ни было дѣлу; но онъ подумалъ о своемъ личномъ достоинствѣ только тогда, когда увидѣлъ уже себя такъ глубоко униженнымъ. Какое порожество для слуги, не могущаго возвыситься до своего господина, заставивъ его упасъ до равенства съ собою! Эпо сдѣлало Жюля сердитымъ и злымъ: другая ошибка!.. Но онъ сполько спрадалъ! Жизнь его, доселѣ такъ прямая, такъ чистая, перялась въ излучинахъ! Ему надобно было пеперь лгашъ, прибѣгашъ къ хипроспямъ!.. Клеменція паже лгала и хиприла!.. Эпо была шаякая минуша!.. Поперявшись въ безднѣ самыхъ мрачныхъ и горькихъ мыслей, Жюль машинально ошановился неподвижный у дверей своего дома. То, предаваясь мыслямъ глубокаго опчаянiя, онъ хопѣлъ бѣжашъ, ошавивъ Францію, унося съ собой послѣднiя оболъщенiя неизвѣспности. То, не сомнѣваясь, чпобъ письмо, брошенное на почпу Клеменцией, не было къ Феррагусу, искалъ средствъ перехвативъ ошвѣшъ, копорый долженъ бышъ присланъ симъ шпанственнымъ существомъ. То разбиралъ подробно всѣ особенные случаи своей жизни съ самаго брака и спрашивалъ самъ себя, не была

ли ша клеветша, за копорую нѣкогда опмеспилъ онъ смерщю, суцая истина. Наконецъ, возвращаясь къ опвѣшу Феррагуса, онъ говорилъ самъ себѣ:

— Но эпортъ человекъ, шакъ глубоко хипрый, шакъ предусмотрительный въ малѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, кошорый видишь, предчувствуетъ, разчищываетъ и даже угадываетъ всѣ мысли, эпортъ Феррагусъ будетъ ли опвѣчать! . . . Не долженъ ли онъ употреблять средшва, сообразныя съ его силою? . . . Не пощлеть ли онъ свой опвѣтъ съ какимъ-нибудь хипрымъ мошенникомъ; можетъ быть, въ скрынкѣ, копорую принесетъ какой нибудь добрый человекъ, и не подозрѣвая, что въ ней находишься; или въ оберпкѣ башмаковъ, кошорыя шорговка со всей невинностью придетъ и ошдастъ моей женѣ? . . . Если Клеменція и онъ имѣютъ условленные знаки. . .

И онъ чувствоваль недоверчивость ко всему, пробѣгая безмѣрныя пропашпи предположеній, пускаясь въ безбрежный океанъ догадокъ; пошомъ, колеблясь нѣсколько времени между шысячью прошивоположныхъ мыслей, онъ рѣшилъ, что нигдѣ не можетъ быть сильнѣе, какъ у себя дома, и пошому расположился сидѣть и наблюдать, какъ левъ-муравейникъ въ своей песчаной ципадели.

— Фукро! сказалъ онъ своему приврашнику: меня нѣтъ дома ни для кого, кшо будешъ меня спрашиванъ. Еслижъ кшо захочешъ видѣшь барыню или принесешъ ей чпо-нибудь, по прозвони въ колокольчикъ два раза. Пошомъ приноси и показывай мнѣ каждое письмо, къ комуъ оно ни было сюда въ домъ адресовано... эшо все равно...

— Теперь, примолвилъ онъ про себя, входя въ кабинетъ свой, находившійся въ анпресоляхъ, я поймаю эшого Феррагуса. Если онъ пришлетъ кого-нибудь изъ своихъ повѣренныхъ, кошорый будешъ спрашивашъ меня, чпобы узнать, одна ли она въ домъ, по я, по крайней мѣрѣ, не дозволю оспавишь себя въ дуракахъ...

Онъ прилптъ къ окну, кошорое изъ его кабинета выходило на улицу, и, подспрекаемый ревностію, упопрбилъ послѣднюю хипроспъ, велѣвъ своему комиссіонеру сѣспъ, вмѣсто себя, въ карешу и опсправишься на биржу съ письмомъ къ одному изъ его друзей, въ коемъ изъяснилъ всѣ свои покупки и продажи, прося его похлопашъ за себя. Дѣла болѣе важныя опложилъ онъ до ушра, не забоясь уже ни о повышеніи, ни о пониженіи курса, пренебрегая всѣми волненіями Европейскаго кредита. Чудная сила любви! Она ниспровергаешъ, зашмѣваешъ все: даже прихода-расходныя книги!

Въ при часа съ половиною, въ по время, какъ биржа бываетъ въ самомъ сильномъ огнѣ закупокъ, перекупокъ, сдѣлокъ, раздѣлокъ и пр., Г. Жюль увидѣлъ Фукуро, вошедшаго къ нему въ кабинетъ, съ лицомъ сіяющимъ радостью.

— Сей часъ, сударь, приходила одна шаружа, *себѣ на умъ*, залешная пшница! Спросила прежде васъ и очень огорчилась, что нѣтъ васъ дома; попомъ ошдала мнѣ это письмо для барыни....

Жюль распечаталъ письмо, дрожа какъ въ лихорадкѣ. Но взглянувъ въ него, упалъ изнеможенный въ кресла. Письмо предспавляло совершенную безсмыслицу: его не лзя было прочесть безъ ключа.

— Поди, Фукуро!

Привратникъ вышелъ.

— Это глубина, въ коей не достанешь дна!.. Ахъ! здѣсь должна бытъ почно любовь! Только любовь одна можетъ бытъ такъ прозорлива, такъ изобрѣшательна... Боже мой! Я убую ее....

Въ эту минупу, счастливая мысль сверкнула въ головѣ его такъ ярко, что почти освѣшила его физически.

Во дни своей трудолюбивой бѣдности, еще до брака, Жюль приобрѣлъ себѣ одного испиннаго друга. Тонкая деликатноснпъ, съ копоною онъ умѣлъ беречь мнишельную щекопи-

ливоспъ бѣднаго и скромнаго пріятеля, уваженіе, копорое не переспавалъ ему оказывашъ, и благородное искусшво, съ коимъ умѣлъ зашпавившъ его принявъ участіе въ своемъ богатствѣ, не принуждая спыдипься и краснѣшъ, усилили ихъ взаимную дружбу. Жаке оспался вѣрнымъ Г. Демаре, не смотря на его форшуну. Эшошъ человекъ, испыпанной честности, работающій, самыхъ спрогихъ нравовъ, сдѣлалъ себѣ мало по малу дорогу въ шакомъ минисперспвѣ, копорое шребуешъ вмѣспѣ самаго искуснаго лукавшва и самой непоколебимой честности. Эшо было минисперспво иноспранныхъ дѣлъ, гдѣ ему поручена была самая щекотливая часть архива. Жаке предспавлялъ здѣсь родъ блестящаго червячка, копорый въ урочные часы освѣщаль секретны корреспонденцій, вскрывая и разбирая письма. Занимая мѣспо значительнѣ всякаго проспаго гражданина, состпавля въ минисперспвѣ своемъ все, что еспѣ выспаго между низшими чинами, онъ жилъ въ скромной неизвѣспности, счастпавый сею неизвѣспностию, копорая постпавляла его въ безопасности опѣ всѣхъ переворошовъ, довольный возможностью выплачивашъ, мѣлкими лепшми, долгъ свой опечеспву. Урожденный Засѣдашпелъ своего Мерспва, онъ пользовался, говоря языкомъ журналовъ, всѣмъ должнымъ уваженіемъ. Благодаря содѣспвию Жюля, положеніе его улучшилось хо-

наше счастье больше не будетъ возмущаемо и мужъ твой броситъ свои подозрѣнія. Какъ ты ни больна теперь, но должна непременно видѣться со мною; поспарайся, перемоги себя; себя подкрѣпитъ своя любовь. Моя привязанность къ тебѣ заставила меня подвергнувшись ужаснѣйшей операціи: мнѣ не возможно пролѣзть съ постели. Вчера прижигали мнѣ сзади шею, съ плеча до плеча; и я долженъ былъ дозволить себя пытать довольно долго... ты понимаешь... Но я думалъ о тебѣ и не чувствовалъ никакого спрдаанія. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій, возбужденныхъ Г. де Молленкуромъ, копорый, мимоходомъ сказавъ, не долго уже будетъ насъ, безпокоишь я оспавилъ госпеприимный кровъ Посольства и теперь живу въ безопасности опъ всѣхъ поисковъ въ переулкѣ Красныхъ-Дѣшей, N 12, у одной спарухи, по имени Эшьень Грюже, мапери эпой безумной Иды, копорая поплапился мнѣ дорого за свою глупую выходку: Приходи же завтра, въ девять часовъ утра. Я живу въ комнаткѣ, куда ходъ по внутренней лѣспницѣ. Спроси Г. Камюза. Дозавтра. Цѣлую тебя!»

Жакъ посмотрѣлъ на Жюля съ нѣожорымъ родомъ добродушнаго ужаса, сопровождаемаго искреннимъ соспрананіемъ, и сказалъ свою любимую поговорку: » чорпъ, чорпъ возьми! « на два разные тона.

— Это кажется тебѣ ясно, не правда ли? сказала Жюль. И однако во глубинѣ моего сердца раздается шайный какой-шо голосъ, кошорый ходатайствуетъ за мою жену и заглушаетъ всѣ крики ревности. Дозавтра я буду шерпѣшь самую мучительную пышку; но наконецъ, между девяти и десяти часовъ, узнаю все — и сдѣлаюсь навсегда несчастливъ или счастливъ... Подумай обо мнѣ, Жак!

— Завтра въ одиннадцать часовъ я буду у тебя. Мы пойдемъ съ тобою вмѣстѣ и, если ты позволишь, я буду ждашь тебя на улицѣ. Ты можешь подвергнуться опасностямъ; надобно, чпось подлѣ тебя былъ преданный другъ, кошорый понималъ бы тебя съ полу-слова и на кошораго могъ бы ты во всемъ положиться. Надѣйся на меня.

— Даже еслибъ должно было помогать мнѣ убишь кого-нибудь?

— Чорпъ, чорпъ возьми! сказалъ съ живо-сншо Жакъ, повпоряя, шакъ сказашь, шуже музыкальную нопу: у меня двое дѣшей и одна жена...

Жюль пожалъ руку Клоду Жакъ и вышла. Но въ шуже минушу ворошилса опяшь.

— Я позабылъ письмо, сказалъ онъ. Надо его снова запечатать...

— Чорпъ, чорпъ возьми! ты не снялъ слѣп-Тракск. Ч. XV.

ка. Но по счастью печать разломилась довольно хорошо. Спупай, оставь меня. Я принесу тебѣ *secundum scripturam*.

— Въ копоромъ часу?

— Въ няпѣ съ половиной.

— Если я не вернусь еще домой, по опдай письмо прѣсно приврапнику и скажи, чпобъ онъ подалъ его госпожѣ.

— Но завпра, нуженъ ли я тебѣ?

— Нѣтъ. Прощай.

Жюль немедленно поскакалъ на площадь Ропонды Тампля, оставилъ здѣсь свой кабриолетъ и пѣшкомъ пошелъ въ переулокъ Красныхъ Дѣпей, гдѣ осмотрѣлъ внимательно домъ, занимаемый Гжею Эпъень Грюже. Здѣсь должна была объясниться шайна, опъ копорой зависѣла судьба сполькихъ лицъ. Здѣсь находился Феррагустъ, къ коему сводились всѣ нипи сей мрачной инприги. Соединеніе Гжи Жюль и ея мужа съ симъ человѣкомъ не соспавляло ли Гордіева узла эпѣй драмы, уже гросившей облившея кровью, копорая не могла имѣть недоспанка въ мечѣ, разсѣкающемъ узлы, сопканные самымъ крѣпчайшимъ образомъ.

Домъ сей принадлежалъ къ разряду пѣкъ, кои проспой народъ во Франціи называетъ *cabajoutis*. Сіе имя, весьма выразительное, дается особаго рода жилищамъ, наборной, пакъ сказать, работы. Эпо бываютъ почти всегда или

зданія, первоначально ошдѣльныя, но попомъ соединенныя вмѣстѣ прихотями различныхъ хозяевъ, кои распростирали ихъ одинъ послѣ другаго; или дома заспроенные, попомъ брошенные, попомъ опять начашые и докончанныя, дома несчастныя, кои, подобно нѣкопорымъ народамъ, прошли чрезъ многія династїи своеправныхъ повелителей. Ни эпажи, ни окна не ладящъ въ нихъ между собою: все ползеть врозь, даже самыя наружныя украшенія. *Sabjouit* въ архитектурѣ Парижской поже, что *sarhantait* въ отношеніи къ числымъ покомъ, загроможденный самымъ разнороднымъ хламомъ въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ.

— Гжа Эпъень? спросилъ Жюль у приврашницы, сидѣвшей подъ главными ворошамн, въ родѣ куриной кльшущки на колесцахъ, довольно похожей на пть будочки, которыя въ Парижѣ строящя на перекресткахъ, гдѣ спощящя фїакры.

— Гм! опвѣчала приврашница, покидая чулокъ, копорый вязала.

Въ Парижѣ, разныя субъекшы, изъ коихъ образуется фижіономія каждой его часпн, находящяся въ удивительной гармоніи съ характеромъ цѣлаго. Посему приврашникъ, дворникъ или швейцаръ, какъ ни называйте вы эпомъ существенный мускулъ Парижскаго чудовища, всегда сообразенъ съ квар-

шломъ, къ которому принадлежитъ, и часпо естъ его выразительное сокращеніе. Выпиптый по всѣмъ швамъ, празпный, безпечный швейцаръ Сен-Жерменскаго предмѣспія спавиптъ на карпу весь свой годовоѣ доходъ; приврапникъ въ Шоссе-д'Аппень живептъ-прохлаждаепся; въ кваршалѣ Биржи, онѣ чипаептъ журналы; въ предмѣспіи Монмаршрскомѣ имѣептъ доспашокъ и званіе; въ дальнихъ захолустьяхъ приврапницею обыкновенно биваептъ заслуженая гризепка; въ Маре, она съ правилами, сердица и неспговорчива, имѣептъ свою дурь и капризы.

Увидѣвъ Г. Жюля, приврапница взяла ножъ, чпобы пощевелиптъ спарое корье, почпши утаспее въ жаровнѣ, возлѣ копороѣ она грѣлась; пощомъ сказала ему:

— Вы спрапиваепте Гжу Эшьень? Эшо Гжа Эшьень Грюже?

— Да.

— Позуменшная масперница?

— Да.

Тогда приврапница вымѣзла изъ своей клѣпкы.

— Очень хорошо, сударь! сказала она, положивъ руку на плечо Г. Жюля и поведши его въ длинный проходъ подѣ сводами, весьма похолдившій на погребъ: извольте идши на вшорую лѣспницу, въ концѣ двора. Видипте ли вы окош-

ям, на кошорыхъ спояшь левкой? Тамъ живеть Гжа Эшьень.

— Покорно благодарю. Одна ли она шеперь?

— По чемужь не бышь ей одной, эпой спарухъ? Она вдова.

Жюль пошелъ скорыми шагами по весьма темной лѣспницѣ, коей спупени были все въ шипикахъ, образовавшихся изъ грязи, нанесенной приходящими и уходящими. Во впоромъ эшажъ, онъ увидѣлъ при двери; но левкоевъ не было. По счастию на одной изъ нихъ, самой масляной и грязной, прочелъ онъ слѣдующія слова, написанныя мѣломъ: »Ида будеть сегодня вечеромъ, въ девять часовъ!«

— Здѣсь! сказалъ самъ себѣ Жюль.

Онъ дернулъ за старый, совершенно почернѣлый шнурокъ и услышалъ глухой звонъ разбишаго колокольчика, сопровождаемый пвяканьемъ собачонки, спрадавшей одышкою. Судя по качеству звуковъ, раздавшихся внуспри, можно было предполагать комнашу, заваленную разными вещами, кои препяшспивовали возникнушь малѣйшему опголоску: черша харакпериспическая кварпирь, занимаемыхъ ремесленниками и бѣдными семейспвами, коимъ не достаеть простора и воздуха! Жюль искалъ машинально левкоевъ и наконецъ нашеть ихъ на наружной споронѣ подъемнаго окна, промежь двухъ очумленныхъ свинцовыхъ навѣсовъ. Здѣсь спояли цѣ-

пы, образуя собой родъ сада, въ два фута длиной и въ шесть шириной, среди коихъ брошено было зерна два-три ржи. Это было сокращеніе жизни, но вмѣстѣ и всѣхъ бѣдствій жизни! Лучъ свѣта, падавшій, словно изъ милосердія, съ неба, на эши хворые цвѣты и пусныя шрубки огромныхъ колосьевъ, освѣщала пыль и грязь, изъ смѣшенія коихъ соспавлялся какой-то особенный цвѣтъ, свойственный Парижскимъ конурамъ, и давалъ видѣть, среди тысячи нечислощъ, пшенившихся длинными бордюрами и рисовавшихся широкими пятнами на промглой поверхности спарыхъ спѣтъ, испоченныхъ червями перламатъспницы, распозавшіяся рамы оконъ и двери нѣкогда покрытыя красною краскою.

Вскрѣвъ гробовой кашеѣ и тяжелая походка женщины, медленно передвигавшей свои ходунъ, возвѣспили родипельницу Иды . . .

Она опворидя дверь, вышла на площадку передъ лѣспницей, подняла голову и сказала:

— Г. Бокильонъ! А! нѣтъ! Прощу покорно, какъ вы похожи на Г. Бокильона! Не браптъ ли вы ему?.. Чпо угодно къ вашимъ услугамъ? Войдите, сударь! . . .

Жюль послѣдовалъ за сею женщиной въ первую комнату, гдѣ увидѣлъ, но въ массѣ, спанки, домашнюю рухлядь, горны, мебель, маленькія глиняныя сковородки съ мѣсивомъ или съ

водой для собакъ и кошекъ, деревянныя споловныя часы, пряпье, нѣсколько изорванныхъ фравюръ, спарое изломанное желѣзо: все въ шакомъ смѣшеніи, въ шакомъ громоздѣ, въ шакомъ безпорядкѣ, чпо эпо производило самую уродливую карпину, наспоющій *carphagnait* всего Парижа, къ доверпенію коего не было недоспапка даже въ нѣсколькихъ журнальныхъ диспкахъ. . .

Преобладаемый чувспвомъ оспорожноспи, Жюль не слыхалъ совсѣмъ, какъ вдова Грюже повшорила ему:

— Войдине же, сударь, и погрѣйпесь!

Боясь бытъ услышаннымъ опъ Феррагуса, Жюль думалъ самъ съ собой, не лучше ли въ эвой передней комнашѣ спорговашься о дѣлѣ, за копорымъ онъ прищелъ.

Клохпанье курицы, вырвавшейся изъ своей закушы, пробудило его опъ задумчивоспи. Онъ рѣшился и послѣдовалъ за маперью Иды въ шеплую комнапу, куда взошла съ вими и задыхающаяся собачонка, лице нѣмое, кошпое вскарабкалось и улеглось на спаромъ шабурелпѣ. Гжа Грюже имѣла все слабоуміе, свойспвенное полу-нищелпѣ, приглашая госпня своего погрѣпсья, шогда какъ у ней въ жаровнѣ всего ва всего было двѣ доплѣвающія головешки. Нщипцы валялись на полу, всѣ въ золѣ. На-

личникъ камина, украшенный распятиемъ, которое сползло подъ стекляннымъ фонаремъ съ рамками изъ синей бумаги, былъ заваленъ шерстью, капюшками и другими инспруменцами, нужными для позуменшнаго масперспва. Жюль осмонтрѣлъ въ принадлежности эпои комнапы съ живѣйшимъ любопытспвомъ и неводно почувспвовалъ пайное удовольспвие.

— Ну, сударь! Чпожъ вы заглядѣлись, какъ будщо хопите убрашь мою *мобель*? сказала вдова, садясь на кресла изъ желпаго проспника, копорыя по видимому соспавляли ея главную кварширу. Тупъ находились ея плашокъ, шабкерка, вязанье, зеленъ обчищенная до половины, очки, календарь, начапные галуны, замасленная колода каршь и два шона романа. Эши кресла, на копорыхъ спаруха спокойно *плыла по рткль жизни*, походили на энциклопедическй ридикюль дорожной женщины, гдѣ помѣщается весь домашнй обиходъ ея въ сокращеннй, начиная съ мужняго порспрепа до скляночки съ мелисеной водой для обмороковъ, конфекпореъ для дѣпей и англйской шафы для порѣзовъ.

Жюль изучалъ все. Онъ смонтрѣлъ весьма внимательно на желпое лице Гжи Грюже, ея сѣрые глаза безъ бровей и вѣкъ, размеблированный ропъ, морщины уже съ чернью, рыжй шпелевй челець съ рюшами еще рыжѣе, ю-

ку изъ осмь-индскаго снѣнца всю въ дырахъ, мз-ноненныя шуфли, почши пошухшую жаровню, споль заваленный посудю и пряньемъ, шелковымъ, бумажнымъ и шерспянымъ, среди коихъ шорчала бупьлка съ виномъ. Попомъ подумалъ самъ въ себѣ:

— У эпой женщины еспь спраспи, еспь пайные пороки... она моя...

— Сударыня, сказалъ онъ ей громко, но давая знакъ, что онъ имѣеть другое въ головѣ: и пришелъ къ вамъ заказанъ галуновъ...

Попомъ, понизивъ голосъ, примолвилъ:

— Я знаю, что у васъ живеть одинъ человекъ, копорый называетъ себя Камюза...

Спаруха быспро взглянула на него, не показывая ни малѣйшаго знака, удивленія.

— Скажите, можете ли онъ насъ услышать... Подумайте, что дѣло идееть о вашемъ счастьи...

— Говорите безъ опасенія, сударь! опвѣчала она. Здѣсь нѣтъ никого. А еслибы и былъ кто на верху, то ему не лзя насъ слышать...

— А! спарая плушовка! подумалъ Жюль. Она умѣеть говорить по Нормански. Мы съ ней сойдемся!

— Не шрудитесь передо мной лгать, сударыня! продолжалъ онъ. И во первыхъ знайте, что я не хочу вамъ никакого зла, ни вашему

поспояльцу, кошорый прижигаетъ себѣ лопатки, ня вашей дочери Идѣ, корсеиной швеѣ, кошорая любитъ Феррагуса. Вы видите, что мнѣ все извѣстно. Но не безпокойтесь; я не долицейской и не захочу опть васъ ничего дракого, что бы оскорбило вашу совѣсть. Завтра поушпру приѣдетъ сюда, между девяти и десяти часовъ, одна молодая дама, поговорить съ приятелемъ вашей дочери. Я хочу, чтобы вы доспавили мнѣ возмозноспть видѣть и слышать все, но шакъ, чтобы самага меня не видѣли и не слышали. За шакую услугу я даю вамъ одновременно десяти тысячъ франковъ и обезпечиваю пожизненно въ годъ по шеспи соптъ франковъ. Сего дня вечеромъ, мой ношаріусъ пригошовитъ вамъ акштъ; я опдамъ ему деньги, кошорыя онъ завтра передасптъ вамъ, послѣ свиданія, при кошоромъ я буду находяпсья и кошорое докажетъ мнѣ вашу вѣрность.

— Но это не можетъ ли повредишь моей дочери?

— Нисколько! Впрочемъ, кажется, дочь ваша ведетъ себя въ огтношеніи къ вамъ очень дурно. Будучи любима шакимъ богатымъ и сильнымъ человекомъ, какъ Феррагусъ, она могла бы посредспвомъ его сдѣлать васъ счастливымъ, не жели какъ вы кажеспь!

— Ахъ, мой любезный господинъ! Я не вижу

опъ ней даже билеша въ спектакль! Хоть бы, на примѣръ; въ Амбигю, куда она ходишь, когда ей угодно! Такая скарденосы! Дѣвчонка, для копорой я продала все свое серебро и ѣмъ пеперь съ олова, чшобы заплашишь за ея ученье и доставишь ей соспоянїе, гдѣ она моглабъ найпи золопое дно, еслибъ захопѣла! Ибо, изволише видѣшь, она вся въ меня! Легка и досужа, какъ фея—надо ошдашь справедливосы!.. По крайней мѣрь, моглабъ она опдавать мнѣ свои старыя шелковыя плашья... я шакъ люблю ходишь въ шелковомъ... Такъ нѣшь, сударь! изволишь ходишь въ Кадран-Блѣ, обѣдашь по пшпидесяши франковъ съ персоны, капапьяся въ карешъ, словно княгиня, и не хочешъ знашь машери! Господи Боже мой! Какую въпреную молодежь мы народили! Право, эшо не дѣлаешъ намъ неспи! Машъ, сударь, и машъ шакая добрая, ибо я скривала все ея проказы, берегла и ледѣла ее, вырывала у себя изо рта кусокъ... и все совала въ нее... А она, сударь! придетъ, развалишся, да скажешъ: здорово машпушка! вошъ и весь долгъ родипельницѣ заплаченъ!.. Будущъ же дѣши и у ней когда нибудь... узнаешъ и она, каково...

— Какъ! она не дѣлаешъ для васъ ничего!

— О! нѣшь, сударь! я не говорю эшого. Не шо, чшобы ничего, а очень мало! Она плашишь за мою кварширу, покупаешъ мнѣ дровъ и даешъ по придцати шеспи франковъ въ мѣсяцъ... Но,

сударь, въ моя лѣта, въ пятьдесятъ два года, съ глазами, въ кошорыхъ по вечерамъ рябишь, не ужели все еще должно работашь? Сверхъ того, за чѣмъ она не хочешъ знашь меня? Слыдно чшо ли ей меня? Такъ пущь бы давно сказала! Право, эти проклятыя дѣти гошовы закопать насъ въ землю заживо! . .

Она вынула изъ кармана свой плапокъ и вмѣстѣ выронила лоперейный билетъ, кошорый бросилась шопчасъ поднятъ, примолвивъ:

— » Это моя квипанція въ уплатѣ пода- шей! «

Жюль шопчасъ угадалъ причину благоразумной бережливости, на кошорую жаловалась спаруха, и еще болѣе удосповѣрился, чшо вдова Гроже согласилась на предложенныя ей условія.

— И такъ, сударыня, принимаете ли вы, чшо я вамъ предлагаю?

— Вы говорили, сударь, десять тысячъ франковъ наличными и шесть сотъ пенсий пожизненно?

— Нѣтъ! я перемѣнилъ намѣреніе и обещаю вамъ шеперь просю тысячу восемь сотъ франковъ ежегодной пенсїи на всю жизнь. Это, по моему мнѣнію, будешъ согласїе съ моими и съ вашими выгодами. Въ самомъ дѣлѣ, пятьдесятъ эку на мѣсяць, до самой вашей смерти, кажется, должны будущъ уволишь васъ ошъ работы. . . Гм! какъ вы думаете!

— Очень хорошо, сударь!

— И вы можете тогда ходишь въ Амбигю-Комикъ, во Франкони, куда вамъ угодно. . .

— О! сударь! Я не люблю Франкони, епта этого чпо шамъ мало говоряшь! Но, сударь, если я эпто принимаю, шакъ пошому, чпо нахожу очень выгоднымъ для моей дочери. Наконецъ, я не буду висѣшь у ней на шеѣ... Бѣдняжка! говоря правду, за чѣмъ мѣшашъ ей имѣшь свои удовольствія? Молодость любишь позабавишься, не правда ли, сударь! И шакъ если вы меня увѣряете, чпо изъ эшаго не будептъ никому вреда. . .

— Никому, повпорилъ Жюль. Но какъ-же вы примепесь за дѣло?

— Э! сударь! сегодня вечеромъ я попошчую Г. Феррагуса наспоемъ изъ маковыхъ головокъ. Онъ поспишь порядочно. . . И, правду сказашъ, эпто ему очень нужно, по его спраданиямъ! Вѣдь шакъ мучишься, чпо ужасны!.. А, прошу покорно сказашъ, чпо за мысль умному челоувку жечь себѣ спину, дабы избавишьсь опть шика, кошпорый случается съ нимъ черезъ два года. . . Но, возвращаясь къ нашему дѣлу, у меня шеперь ключъ опть сосѣдкиной комнашы, кошпорая вверху надъ моей, а эпта комнаца обѣ спѣну съ шюю, кошпорую занимаептъ Феррагусъ. Сосѣдка моя уѣхала дней на десянь въ деревню. Ночью, я сдѣлаю скважину въ спѣнѣ; и вы можете

чрезъ нее видѣшь и слышаешь, сколько вамъ угодно. Мнѣ очень знакомъ слѣсарь, предубезный человекъ, которъй все это уладишь въ психомолку. . .

— Возьмъ вамъ сто франковъ для него. Сегодня вечеромъ будьте у Г. Демаре, нотаріуса, котораго возьмъ адресъ. Въ девять часовъ будете гомовъ акшь. . . Но. . .

— Довольно, судары! до свиданія!

Жюль ворочился домой, почти успокоенный увѣренностію, что завтра узнаетъ все. Пришедши, онъ нашель у приврапника письмо, запечатанное вновь съ совершеннымъ искусствомъ.

— Какъ ты чувствуешь теперь себя? спросилъ онъ у своей жены, не смотря на холодность, ихъ раздѣляющую. Привычки сердечныя весьма шрудно покидаются!

— » Довольно хорошо! « отвѣчала она съ нѣжнымъ кокетствомъ. » Жюль, не хочешь ли опробовать возль меня? «

— Очень хорошо! отвѣчалъ онъ, подавая ей письмо.

— Фукуро опдалъ мнѣ это для тебя!

Клеменція, которая была очень блѣдна, вдругъ покраснѣла, принимая письмо; и эта внезапная краска поразмла живѣйшимъ огорченіемъ ея мужа.

— Чпо эшо? Опть радости? спросилъ онъ, засмѣявшись. Или опть неперпѣливаго ожиданія?

— »О! здѣсь должно заключапьясь многое!« оппвѣчала она, смолри на печать.

— Я оспавляю васъ, сударыня!

Онъ ушелъ въ свой кабинетъ и написалъ къ брану на счетъ пригпшовленія нужнаго акпа для обезпеченія пожизненнаго пансіона вдовѣ Грюже.

Воропьясь, онъ нашель для себя обѣдъ, пригпшовленный на маленькомъ сполнкѣ возлѣ Клеменціи, и Жозефину для прислуги.

— »Еслибъ я была на ногахъ, сказала она, когда Жозефина оспавила ихъ однихъ, съ какою радостію спала бы сама прислуживапья тебѣ! О! даже на колынахъ! продолжала она, лаская своими блѣдыми руками волосы Жюля. Благородный человекъ, пы шакъ добръ, шакъ свисходиптеленъ пеперь для меня! Своею довѣренностію пы мнѣ сдѣлалъ гораздо больше добра, чѣмъ всѣ медики на землѣ. Эшо нѣжностъ женская... ибо пы умѣеть любить, какъ женщина... Да! она пролила въ душу мою какой-то непоспижимый бальзамъ, копорый почпи исцѣлилъ меня. Наклонись ко мнѣ, мой Жюль, чпобы я могла поцѣловать тебѣ!«...

Жюль вспалъ и не могъ опказать себѣ въ наслажденіи обнять Клеменцію. Но эшо было не безъ внушрренняго угрызения въ сердцѣ: онъ

чувствовалъ себя слишкомъ малымъ предъ сею женщиною, которую все еще колебался признашь виновною. Она показывала родъ унылой радости. Свѣтлая надежда блистала на ея лицѣ сквозь выраженіе глубокихъ горестей.

Оба они казались равно несчастными, будучи принуждены обманывать другъ друга.. Еще одна ласка.. и они бы признались во всемъ другъ другу, не могли пропившись болѣе своимъ спираданіямъ. . . .

— Завтра вечеромъ, Клеменція!

— » Нѣтъ, сударь! завтра въ полдень, вы узнаете все и падете на колѣна предъ своею женою!... Но, нѣтъ! Ты не будешь принужденъ унижать себя! Нѣтъ! тебѣ все уже прощено! Ты не виноватъ ни въ чемъ! Послушай. Вчера, ты жестоко поразилъ меня! Но, можешь быть, жизнь моя не была бы полна безъ этого спираданія! Это ты, которая заслужилъ мнѣ небесные дни!... «

— Ты меня очаровываешь! вскричалъ Жюль. И ты будешь мнѣ спонимъ угрызений? . . .

— » Другъ мой! Судьба выше насъ.. и я не могу располагать своею судьбой: . . . Завтра я вывѣжаю. . . . «

— Въ какомъ часу? спросилъ Жюль.

— » Въ девять съ половиной. «

— Клеменція! сказалъ Г. Демаре: возьми пред-

оспороживши, посоветуйся съ Докторомъ Мео!

— » Я буду совѣтоваться только съ своимъ сердцемъ и мужествомъ « ..

— Я освобождаю тебя свободно и приду къ тебѣ не прежде полудня. . .

— » А теперь вечеромъ не посидишь немного со мною? .. Я уже не спрадаю. « ..

Окончивъ свои дѣла, Жюль ворочился къ своей женѣ, привлекаемый непреодолимой силой. Его спросить была сильнѣе спраданій.

(окончаніе слѣдуетъ).

III.

ЗАПИСКА

О ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВЪ БАКИНСКОЙ ПРОВИНЦІИ.

(окончаніе).

Упомянувъ о томъ, что если теперь въ Бакинской провинціи, неизбежно будетъ, ежели скажу и о томъ, что можетъ быть при улучшеніи хозяйственной части въ сей провинціи.

Попечительная природа Бакинскаго округа при всѣхъ недоспапкахъ своихъ спарается воз-

будешь охоту у жищелей къ обипанію на семь полуостровѣ. Она, какъ дряхлѣющая машъ, передаетъ свое пріобрѣтенное вѣками наслѣдіе его обипащелямъ. Гошovy испочники, копорья мѣною нефши и соли доставляющъ сей провинці чщное золопо и серебро. Не щадше силъ, а доставпокъ будешъ, ежели вы полько упощребіше пруды на содержаніе опкупа нефши и соли. Сей опкупъ въ Бакинскоѣ провинці принощптъ казнѣ годоваго доходу 91,000 руб. серебромъ. Но не думаше, что бы она, испочая изъ себя въ годъ черной нефши болѣе 350,000 и бѣлой нефши до 2,000 пудовъ и образуя общирныя солянныя озера, не была пощечптельна и въ образованіи лучшаго на Каспійскомъ морѣ порпа. Бакинская природа, какъ предусмощрптельная машъ, не вдругъ показываешъ свои доставпки; она жадаешъ, что бы обипащели сей провинці своими прудами дѣлали пособіе ея производпщельности. Она гошова обнаружпшь свое богащство; но вы спарпщесь поддержашъ ея дряхлѣющія силы. Чпоже нужно для поддержанія ея дряхлѣющпхъ силъ, объ эщомъ щеперь побещдуемъ.

Какъ врачъ, осмашривая больнаго, спарашся, дознавъ нащуру его и болѣзненныя измѣненія, прпщщными средщвами наклонпшь въ щосщояніе выздорощленія; щакъ и мыщлящій землѣдѣлецъ, осмашривая поле, кощорое жадаешъ воздѣлывашъ,

напередъ дознаеть свойство поей земли, недоспашки коей долженъ замѣнить искусственнымъ удобреніемъ. Удобреніе земли есть первый предметъ, который занимаетъ мыслящаго земледѣльца. Нѣсему для успѣшнѣйшаго разведенія распеи въ Бакинской провинціи я считаю нужнымъ упомянуть о нѣкопрыхъ средспвахъ къ улучшенію Бакинскаго климата. Предметъ, сколько важный, сполько и полезный для вознагражденія трудовъ земледѣльцевъ, которые часпо жалуошся на знойное небо и на недоспашокъ влажноспи для оживленія воздѣланныхъ ими полей!

Важнѣйшія условія, при коихъ совершается произрастаніе, сунъ: теплота, влажноспь и свободный доступъ воздуха къ сѣмени, которое посажено въ землю. При сихъ доспапочныхъ условіяхъ совершается процессъ произрастанія; при недоспаши въ оныхъ, расшительный процессъ ослабъваетъ, нарушается. Теплота, какъ условіе произрастанія, въ Бакинской провинціи доспапочна и даже излишня, особенно когда ршунъ Реом. восходитъ въ шѣни отъ 24° до 28°. Излишество оной бываетъ оцущительнo шѣмъ болѣе, что недоспашокъ воды въ Бакинской Провинціи значительенъ. А при недоспапкѣ влажноспи расшительный процессъ ослабъваетъ. Почему Бакинскій округъ во всякое время года представляется обнаженнымъ, безжизненнымъ. Полуостровъ Абшеронъ, хошя и окруженъ во

дою, но не имѣеть влажности. Грома на немъ почвы никогда не услышите а); дожди изрѣдка показывающа на Бакинскомъ горизонтѣ, исключая осени, когда расписельный процессъ уже совершился. Песчаная почва земли, когда и перепадающъ дожди, не долго сохраняеть влажность. Засуха вредна распеніямъ. Чпже сосавляеть причину сей засухи и какъ предошврапить оную? Вопъ предметъ, который совсмъ не излишній въ изслѣдованіи Бакинскаго климата и дознаніе причины коего весьма важно въ нашемъ дѣлѣ. Приспуимъ къ шому сравненіемъ.

Проходя песчанья степи Аравіи и большой части Азіи, вы, упомянутые палачимъ зноеть солнца, жаждете капли воды, которая канула бы на землю. Но шщепны ваши надежды: вы видите только блескъ солнца, а дождевыя шучи на памощнемъ горизонтѣ весьма рѣдкое явленіе. Сшранникъ, увлеченный въ Аравійскія степи, не находишь предметовъ для своего развлечения; ему предспавляется песчаная степь, небо и шолько. По неволь погружается онъ въ думу: опъ чего нѣтъ здѣсь дожда и почему виденъ одинъ песокъ безъ зе-

а) Недостатокъ грома въ Бакинской провинціи зависитъ отъ недостатка дѣса. Почему Абшеронскій полуостровъ можетъ служить доказательствомъ, что въ произведеніи грома участвуютъ распенія, и въ особенностяхи дѣса.

лени? Понятія: песокъ и зной, сбивающъ его въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Чшо изъ нихъ именно составляетъ причину безплодія: песокъ или зной? Песчаное море не носитъ на себѣ зелени; оно повинуется силѣ вѣтра, копорый, волнуя зыблющееся песчаное море, образуетъ изъ него въ одномъ мѣстѣ насыпи, въ другомъ углубленія; и какъ вѣтеръ измѣняется въ своихъ направленіяхъ, шо и песчаная почва разнообразится по его мановенію. Еслиже песчаная напура не посполна, повинуюсь каждому дуновенію вѣтра; шо можетъ ли дать мѣсто посполному сѣмени, копорое, внѣдрясь въ землю, ищеть себѣ мѣста покоя и питанія? Песчаная почва и непосполна и непитапельна. Слѣдовашельно не можетъ быть плодоною, украшенною нивами и лугами; удѣлъ ея помипельное единообразіе — песчаная пусыня. И зной есть неопыземлемый сожитель спраны песчаной. Онъ находится въ союзѣ съ Аравійскою степью. Напрасны шруды, еслибъ кпо захопѣлъ ихъ разрыва! Бакинская провинція есть шакъже песчаная; но она не совсѣмъ чуждается зелени, хопя и на корошкое время. Трудами земледѣльцевъ воздѣлывающа на ней нивы, доспавляющія насущный хлѣбъ; и съ избыткомъ. При сей наклонности, шакъ сказаць, природы къ плодородію должно вспомоцешповашъ искусство. Искусшвомъ можно улучшить климашъ, а сего-

по мы и домогаемся въ нашемъ дѣлѣ. Спаянемъ продолжая сравненіе, а изъ сего бышь можете доидемъ до искомаго нами.

Мы разсмапривали прежде песчаную, безплодную степь Аравіи; теперь посмошримъ на мѣста, копорыя покрышы зеленью.

Вы видите спрану, копорая улыбаешся вамъ прелесшью цвѣшовъ и зеленѣющимъ покровомъ. Вы здѣсь видите жизненность: барашки прыгають на пучныхъ пажитяхъ, исплочкикн напяють нивы влагою, холмы украшаються рощами, плочкикн наплняють онаы своимъ пѣніемъ, вы чувсшвуете живительную влагу, разгуливая подъ тѣнію деревь. Словомъ: вы находите здѣсь взаимное согласіе какъ въ царствѣ расшительномъ, такъ и живошномъ, копорыя живутъ для общаго блага. Вамъ при шакомъ пріятномъ разнообразіи не доспаетъ времени для размышленія. Вамъ кажешся одно, что сіи сущесшва живутъ для взаимнаго блага. Такъ дѣйствительна и бываетъ шамъ, гдѣ условия жизни соединены въ единство. Но гдѣ что преизбыточешвуетъ, шамъ тѣмъ и отражешся. Положимъ, что вамъ случилось бышь въ спранѣ, покрышой дремучимъ лѣсомъ. Вы увидѣли бы небосклонъ, вѣчно омраченнѣй шучами, дожди лились бы рѣкою. Вамъ не предспавилось бы другихъ предметовъ, какъ только лѣсъ и дождь. Слѣдспвенно причиною дожда положили бы

вы непроходимый лѣсъ, а причиною рослыхъ деревьевъ дождь. Такая крайность быше всегда въ мрачной водяной атмосферѣ заспавила бы вась изыскивашь средспва къ поправленію шакого климата. Уменьшите лѣсъ, вырубите половину; небо прояснися, земля оживишя ароматами. Догнали наконецъ до искомага, что жизнь природы поддерживается единствомъ, а не избыткомъ или недоспашкомъ однородныхъ частей. По сему при недоспащкѣ влаги въ Бакинской провинціи разводите лѣса; ибо уже мы видѣли, что намъ, гдѣ ешь лѣсъ, атмосфера бываетъ влажнѣе, дожди чаще; а сіе и соспавишъ значительную выгоду при улучшеніи Бакинскаго климата. Прошу благосклоннаго снисхожденія на сіе часпо повпоряемое улучшение Бакинскаго климата. Послушайте Даленбурга, который говоритъ: » Какъ ни сильны жары » на оспровѣ Тагейши, но на немъ много » прекрасныхъ гуспыхъ лѣсовъ. Лѣса, привле- » кая къ себѣ пары, поднимающіеся изъ мо- » ря, родяшъ безчисленные испючники. На ша- » кихъ равнинахъ шамъ пропекающъ ручьи, » орошающъ собою поля, на которыхъ распушъ » хлѣбные плоды. Разрушите сей порядокъ при- » роды; недоспашокъ въ водѣ будешъ имѣшъ » гибельныя послѣдспвія; тогда надобно жи- » дашъ ужасовъ. Оспрова Зеленаго Мыса когда бы- » ли покрышы лѣсами, были плодородны, насе-

»лены, богаты водою; теперь они голы, пу-
 »шы, сухи отъ шого, что лѣса всё вырубле-
 »ны, посѣвы пшвы болѣе неудачны; въ иные
 »годы отъ недоспапка въ хлѣбѣ и водѣ ум-
 »раютъ люди съ голоду. На оспровѣ Барасо-
 »съ корысполубіе Англичанъ испребило всё
 »рощи, чтобы продашь дерево и очистишь мѣ-
 »сто для мелкихъ распеній. Съ шого времени
 »озера, ручьи, испочники высохли; на всемъ
 »оспровѣ нѣтъ воды, кромѣ шой, копорая ино-
 »гда бываетъ отъ дождя. Такія непріятныя
 »опышы научили наконецъ Американцевъ ува-
 »жать законы природы, не нарушая порядка
 »ея. Жипели оспрова Тобаго увѣрились, что
 »вода, море, облака, лѣса, плодородность грун-
 »та и собесшвенное ихъ здоровье; одно съ дру-
 »гимъ соединены и сдѣлали законъ, чтобы
 »покрайней мѣрѣ двѣнадцать тысячъ десятиль
 »ихъ оспрова всегда были покрыты густымъ
 »лѣсомъ. «

Вошъ опышъ и умозрѣніе, копорые на-
 копецъ убѣждаютъ насъ въ шомъ, что един-
 спвомъ, а не избыткомъ или недоспапкомъ
 однородныхъ частей поддерживается взаимная
 жизнь шрехъ царствъ природы. И съ разведе-
 ніемъ лѣса въ Бакинской провинціи, климатъ
 оной конечно измѣнился къ лучшему; совокушая
 цвѣшущая жизнь какъ царства минеральнаго,
 растительнаго, шакъ и живопнаго, воспор-

жеспуемъ на Абшеронскомъ полуостровѣ. Но можно ли быть увѣреннымъ, что лѣсъ успоинъ противъ порывовъ вѣтра, каковыя бывають въ Баку? Самое слово Баку по-Татарски означаетъ собраніе вѣтровъ; а тамъ, гдѣ царшуютъ вѣтры, лѣсъ безъ поврежденія роспи не можешь, ибо сильныя порывы вѣтра почасу нарушають древесную связь. Если и симъ не можно достигнуть къ поправленію Бакинскаго климата, по какія могли бь быть другія средства? Не лѣзя слишкомъ боясь поврежденія лѣса отъ силы вѣтра. Сила онаго ослабѣетъ, ежели лѣсъ развеспи въ долинахъ, какъ мѣспахъ болѣе защищаемыхъ отъ вѣтра возвышенностями. Взгляните на фрукковыя деревья, находящіяся по садамъ: вы увидите, какъ они провивоспоятъ силъ бурнаго вѣтра, лишь покачивая верхушками. Почему вамъ ошкроется возможность развеспи въ Бакинской провинці дощепочное количество лѣса, шолько для того, чпобы получить желаемое—улучшить климатъ, или говоря другими словами, воспановить равновѣсіе часпей, соспавляющихъ Бакинскую природу а). Къ тому не излишне будетъ присоединить улучшение колодезей. Съ улучшеніемъ ко-

а) Съ разведеніемъ лѣса въ Бакинской провинці сколько удобствъ обнаружится? Климатъ измѣнится къ лучшему, дожди почасу будутъ орошать удающія отъ зноя

лодезей Бакинская провинція оживишия въ дни знойные, изнуряемые жаромъ а),

Если буравленіе Аршезіанскихъ колодезей, предпринятое въ Суэзской пустыни по приказанію Египетскаго Паши, имѣло успѣхъ, которъй превзошелъ ожиданіе в); то не ужели у насъ найдется менѣе способовъ къ приведенію сего въ дѣйствіе? А Бакинская провинція по

поля, опкроются испочки и самая почва земли будетъ имѣть довольное количество червоземъ, ибо, по спаденіи листьевъ, бурный вѣтеръ разсывая оныя по полямъ, будишь помогаишь удобренію, которое происходитъ отъ перегноя листьевъ; а самый перегной есть рашинельная пшца. Съ разведеніемъ лѣса въ Бакинской провинціи много бы зимовало пшцы, которая съ васыпающею зимою, удалаясь съвера, перелетаетъ въ южныя шецамъ мѣста. Проѣжая Муганскую степь Давкоранскаго округа, вы удивитесь, что обширная поверхность ея вся покрыта разными перелетными пшцами; вы тамъ увидите: проспыхъ дикыхъ гусей (казарокъ, красныхъ гусей, лебедей, пшцы бабъ, утокъ разныхъ, и даже увидите фазановъ и другихъ, которыя зиму кочуютъ по Давкоранскимъ лѣсамъ и болошамъ.

- б) Недосдашокъ воды въ Бакинской Провинціи шакъ ощущеленъ, что жипели ея дорожатъ каждою каплею воды. По дорогамъ во многыхъ мѣстахъ вы увидите водохраняища, въ которыя дождевая вода по жолобамъ спеканетъ съ нѣкотораго проспранша земля въ ливы, подобныя колодезямъ съ покрышею. Сно-то воду дождевую, мушную, Бакинцы пьютъ съ своимъ мушамъ. Но за всѣмъ нѣмъ Бакинскій климатъ шакъ еще благопріятенъ здоровью, что не бываишь въ ней большой смертносни.

в) См. С. П. Бургскія Вѣдомосни. 1832, N 110.

своей производительности и лучшему пор-
ту на Каспійскомъ морѣ заслуживаетъ, чтобы
объ ней въ особенностяхъ имѣлъ попеченіе. Дай-
те воду Бакинской природѣ: тепла въ ней
довольно, чтобы распитиельное сѣмя развилось
въ цѣлое распеніе. Дайте воду: Бакинская при-
рода изнуряется въ произведеніи расптвнн опть
ея недостатка. А если теплота и влажностъ,
какъ условія произрастанія, будутъ сохранятъ-
ся въ землѣ Бакинскаго округа; по послѣднее
условіе, свободный доступъ воздуха, удобно
можетъ быть выполнено въ землѣ песча-
ной. Тепло есть: собищите влагу Бакинской
почвѣ; тогда изъ Бакинскаго песка возникнутъ
расптвнн. Развѣ вамъ не случалось дѣлать
опытъ въ теплой комнатѣ надъ луковицею:
оберните ее тряпкою, копорую по часпу
смачивайте водою, изъ луковицы покажется
цѣлое расптвнн. При семъ шже условія:
теплота, влажностъ и свободный доступъ воз-
духа. Но ежели вы хотите, чтобы почва земли
имѣла всѣ качества, какія нужны для распе-
ннн и пшпаннн живаго существа, по обращай-
те вниманіе на ея составныя часпн. Составныя
часпн Бакинской почвы, какъ видѣли мы выше,
суть: преимущественно песокъ съ примѣсью не-
большаго количества чернозема, въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ съ примѣсью въ довольномъ количествѣ
глины, съ меньшею примѣсью извести. Мысля-

щій земледѣлецъ долженъ управлять равновѣсіемъ соспавныхъ частей самой почвы. Такъ на пр. въ почвѣ земли Бакинскаго округа есть недоспапокъ чернозема: удобрите песчаную землю унавоживаньемъ. Но при семъ вновь предспавится вопросъ, что каждое распеніе попотребуешъ того или другаго добавленія соспавныхъ частей почвы. Напримѣръ шафранъ, какъ важнѣйшій продуктъ Бакинскои провинціи, не любитъ шѣснопы, какъ бываетъ въ почвѣ глинистой; его сфера есть песокъ, а если въ пескѣ есть малая примѣсь чернозема, то и онъ довольствуется тѣмъ. Хлопчатая бумага, кунжутъ, любятъ мокрѣя мѣспа, черноземъ; проведите по грядамъ ихъ каналы изъ колодезь, удобрите землю унавоживаньемъ. Дальнѣйшее каждой годъ упопреляемое удобреніе земли опноситея къ распоряженію мыслящаго земледѣльца, копорый, какъ искусный врачъ, найдешъ средства къ поддержанію силъ изнемогающей напурѣ. Еслибы въ Бакинскомъ округѣ былъ учрежденъ опытный хупоръ для вышеописанныхъ распеній; то оный хупоръ по благопріятному положенію Абшеронскаго полуострова, въ сиранѣ шепла, изъ Бакинскаго песка извлекъ бы немалые доходы въ пользу казны, въ пользу самихъ обитателей полуострова. Бакинская природа имѣетъ склонносн къ плодородію: искусствомъ поддержите ея силы.

Я прежде говорилъ о пеплохъ въ Бакинской провинціи: теперь скажу объ огнѣ въ оной же провинціи, какъ важномъ условіи произрастанія на Абшеронскомъ полуостровѣ. Огнепоклонныя Индійскіе огни въ Бакинской провинціи доселѣ возбуждаютъ одно любопытство путешественниковъ: но никто еще не упоминалъ, что сіи огни, кромѣ поклоненія Индійцевъ, будутъ помогать произрастанію а). Правительство близь Индійскаго капища имѣло въ виду устроить спеклянннй заводъ; но сіе предположеніе опасно. Вокругъ Индійскаго капища много огней, много горячаго газа издается понапрямку; неужели и огонь не можетъ быть полезнымъ въ нашемъ дѣлѣ? Какъ не ползаетъ огонь, вы скажете: на немъ можно варить и жарить, что угодно. Но не о томъ дѣло; а) о томъ, что, около Индійскаго капища, на нѣхъ же огняхъ можно устроить ананасныя пеплицы, парами дѣлѣмыя. Самое устройство пеплицъ мало будетъ стоить; ибо при огняхъ же есть и матеріалы; опасныя скласъ ихъ и привесть въ надлежащій видъ пеплицъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ лучшаго мѣста въ Россійскихъ владѣніяхъ для ананасныхъ пеплицъ, какъ

а) О снхъ огняхъ см. *Телеск.* 1832, NN 14 и 15, съ замѣчаніями сочинителя сей статьи, помѣщенными также въ *Телеск.* 1832, N 24. Изд.

мѣсто, близъ котораго успроено Индійское капище. Мирное ошпельничество Индійцевъ не пошпревожился, ежели на ихъ священномъ огнѣ будутъ распи я ананасы. Я шакъ думаю и совершенно увѣренъ въ шомъ, что нѣтъ лучшаго мѣста для ананасныхъ шельницъ, кшкъ на Абшеронскомъ полуостровѣ при Индійскомъ капищѣ; и самый полуостровъ, по своему положеню, сошпельничивуетъ нѣтъ сего расшеленя. Сдѣлайте на огняхъ новый храмъ, ваише Индійскаго капища, быше можешъ, суетвие Индійцевъ мѣсто земнаго рая назначашъ тогда на Абшеронскомъ полуостровѣ, гдѣ изъ обожаемаго шми огня будутъ возникать прекраснѣйше плоды земные.

Бакинская провинція по своему положеню благопріятшвуетъ здоровью; ея не обезображиваютъ болѣзни, которыя съ каждыиъ годомъ появляюшся въ разныхъ мѣстахъ за-Кавказа. Она удалена ошъ Кавказскихъ горъ, гдѣ шщелые горы нарушаюшъ мирныя занятя земледельцевъ. Она имѣешъ лучший поршъ на Каспійскомъ морѣ. Она сосшавляетъ предметъ любольшества путешешествениковъ по причинѣ нешпи и вѣчно-пламенныхъ Индійскихъ огней. Бакинская провинція довольшвуется хорошимъ урожаемъ шпелницы и ячменя; въ ней расшущъ шуршобья и фиговыя деревья, гранашы, виноградъ, хлопчатая бумага, марена и шабакъ.

Бакинская провинція гордится произведеніемъ шафрана, славнаго на Воспокъ. Воспановише равновѣсіе часпей, соспавляющихъ Бакинскую природу: разведише гѣсъ, улучшише колодези, украсише Бакинскую провинцію зеленью (и. и. засъваніемъ дяпловины), на вѣчныхъ огняхъ устройише анавасныя печицы. Тогда Абшеронскій полуостровъ займешъ лучшее мѣсто за Кавказомъ и будетъ образцемъ опытнаго хушора Азіянской природы.

Иванъ Павловъ.

1833.

Февраля 13.

Баку.

IV.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННИКИ.

ГЕКТОРЪ ВЕРДИОЗЪ.

(окончаніе)

Нынѣ невозможно судить о важномъ произведеніи искусства опдѣльно, по еси, не восходя посвященно до самаго художника и не принимая въ уваженіе обстоятельствъ, въ коихъ онъ находится. Прежде чѣмъ рѣшить опрочеменно, что сочиненіе ничего не выражаетъ; мы должны спросить себя, что чувствовалъ артистъ, его создавшій? Скажемъ болѣе: надобно для того, какъ пишешъ самъ Вердиозъ, «быть одареннымъ такою

«организацией, которая сходствовала бы до нѣкоторой степени съ организацией автора, надобно самимъ испытать чувствованія, конхъ разбираемая музыка естъ изображеніе.» Безъ сей точки опшравленія криптика невозможно. Духовное развитіе челоуѣка должно происходить сообразно съ природою и законами его бытія. Следовательно сію-же природу прежде всего долженъ изслѣдовать криптикъ. Поэтому-же, замѣтимъ мимоходомъ, что многие, высоко изученія челоуѣка въ его созданіи, усмраиваются всякаго примѣненія разсмашиваемого шворенія къ шворцу его, поэтому-же именно нѣкоторые съ шакимъ жалкимъ ожеспоченіемъ напали на послѣднія превосходныя произведенія Бешковена. Не стараясь опшыкивать въ сихъ высокихъ созданіяхъ ничего, кромѣ одного, шакъ сказашъ, шехническаго смысла, сіи школлярные бушошники, безпрестанно стоящіе на караулѣ и готовые ударить шревогу при малѣйшемъ призракѣ разновучія, при всякой неожиданной модуляціи, которая не признана кодексомъ опца Машины, сіи рапники законнаго порядка въ царствѣ музыки, вопіюще прошивъ всякаго нарушенія священныхъ законовъ посредшвенности, дерзають, смѣшнымъ языкомъ безшльной досады, изливашъ презрѣніе и негодованіе на ош плоды послѣднихъ вдохновеній великаго художника, неспособные проникнуть въ его душу, поспичъ волновашія ее чувствованія, ширасши, высокіе помыслы. Понимають ли они, сколько глубины въ этомъ планѣ, посполвно господшвующемъ надъ широкими размахами одной могущешвенной идеи, разверпывающейя во всехъ своихъ видахъ! Боже мой! совѣшь. гмшь! Они шребуютъ, чшобъ искусство

было ясно, методично, регулярно, красиво, много, зашпильливо, приятно, и чтобы все это было по правилам! Но имѣютъ ли они хотя малѣйшее понятіе о томъ, что бывають эпохи волланнческія, когда духъ человѣческій, сокрывая въ себѣ спихи совершенно новыя, уединяется, возвращается внутрь себя, копится въ недрахъ своихъ безвѣстное пламя, которое взрывается наконецъ съ ужаснымъ прескомъ? Боже мой! Опять нѣтъ! Они и не подозревають того: имъ даже непоявленъ языкъ, нами здѣсь употребляемый. Примытые къ берегамъ наспоющаго вѣка волнами минувшаго, они сплоски неподвижными болванами и съ изумленнымъ видомъ, глядѣя на толпу, идущую впередъ, говорятъ ей: «куда вы? воробитиесь назадъ!» Но толпа продолжаетъ путь свой. Предъ ними проходятъ великаны: а они, безсильные окинувъ ихъ однимъ взглядомъ, разсматриваютъ ихъ по часплемъ и находятъ, что члены ихъ не имѣютъ соразмѣрности! Вдругъ гигантъ однимъ движеніемъ руки разбиваетъ компасъ, конемъ думаютъ они геометрически измѣрять высоту его! . .

Одинъ композиторъ, неоприцаемому достоинству всего не лзя не отдать должной справедливости, и котораго, Боже сохрани, чтобы мы поставили въ одинъ разрядъ съ упомянутыми крикунами, не заслуживающими даже и имени артистовъ; композиторъ, котораго, по нашей мнѣнью, имѣетъ только тонія недосланижкы, что раздѣляетъ ложные предубѣжденія относительно мнѣнаго сумасбродства послѣднихъ произведеній Бетховена, находилса однажды вмѣстѣ съ Берлиозомъ при одномъ квартетѣ сего великаго худож-

ника; когда пѣса кончилась, по Берліозъ спросилъ у него, какъ онъ думаетъ о семъ квартетѣ?

— Эта музыка, отвѣчалъ сей послѣдній, не нравится мнѣ. Въ ней есть нѣкопорыя счастливыя идеи; но цѣлому не доспаетъ ясности и последовательности. Она не произвела во мнѣ никакого чувства удовольствія; а вы сами согласитесь, что цѣль музыки состоятъ именно въ доставленіи наслажденія уху?

— «Я!» воскликнулъ съ живостию Берліозъ «я хочу, чшобъ музыка бросала меня въ лихорадочный жаръ и ознобъ, чшобы она корчила мнѣ нервы! Уже ли вы думаете, государь мой, что я слушаю музыку только для удовольствія?»

Такой отвѣтъ поразилъ арписпа; онъ не могъ никогда переварить его.

Отсюда уже можно напередъ заключить, что фантастическая симфонія Берліоза не состоитъ, какъ бываетъ обыкновенно, изъ рамки, заранее раздѣленной на четыре части: одну для *аллегро*, другую для *анданте*, третью для *шерца* (*scherzo*), четвертую и послѣднюю для заключительнаго *аллегро*. Это не шахматная доска, разчерченная на клѣтки, правильно размѣренныя и разнумерованныя, въ коихъ композиторъ, следуя законамъ симметріи и обычаямъ означеннымъ преданіями, долженъ помѣщать: шашъ изложеніе предмета, здѣсь гармоническую прогрессию, далѣе мелодическое пѣніе въ сшаршей квинтѣ, потомъ шже самое пѣніе коитра-пунктированное, наконецъ заключеніе. Плавъ симфонія напропивъ свободенъ и полонъ, какъ полна и свободна въ шченіи

своемъ мысль автора. Сія фантастическая симфонія есть драма, картина, поэма. Это одушевленный поэтический бредъ воображенія и сердца, который Бердіозъ перевелъ для насъ на языкъ музыки. Онъ взялъ себѣ въ шему действительность собственной жизни, обработалъ ее въ своемъ умѣ, облекъ въ блистательную порфиру искусства: и вопль его симфонія!

Композиторъ живописуетъ сперва неопредѣленное чувство смутенія, мрачную задумчивость, а потомъ родъ нравственной колыбанія, сопровождающей всегда первымъ порывамъ счастья. Образъ любимого имъ предмета, въ коемъ осуществился вполне идеалъ, созданный его сердцемъ, вездѣ неопуступно его преслѣдуетъ. Безъ всякой причины, предается онъ попеременно радости, печали, ревности, несповсху: то плачешь, то надеешься, то молишь, то угрожаешь. Бѣдешь на балъ, чтобы заглушить свои чувствованія, забышь ихъ, скрышься отъ самого себя, сокрушишь мечты свои объ яркую, алмазную действительность свѣта; привидѣніе всюду за нимъ слѣдуетъ. Идешь за городъ, чтобы успокоиться въ нѣдрахъ сельской природы; привидѣніе неразлучно приковано къ его шагамъ, то привѣтливо улыбаясь, то ругаясь надъ нимъ презрительно, попеременно то ангеломъ, то демономъ!... Два пастуха наигрываютъ въ долині Швейцарскаго бычка: онъ слышитъ ихъ; ему кажется, что одинъ изъ голосовъ мужской, а другой женской, что они вѣрно разговариваютъ. Это символическое пѣніе летѣтъ его на минувшу сладостною мечтою. Но если она его обманываетъ!... Сія мысль пробуждаетъ въ душѣ его мрачныя предчувствія. Кровь

занимаешь въ жилахъ; духъ занимается; сердце предается въ жертву мучительнымъ пышкамъ... Прислушиваешься снова: опашь пашухи покошь шу же пвню, но женскій голосъ уже не ошвѣчаетъ; вмѣсто его раздается громъ...

Въ опчавнн арпнстш хочешъ умертвшншь себя, прнннмаешъ опнумъ, погружаешся въ глубокой сонъ, возмущаемый сновидѣнннми. Вопшь онъ. Ему кажется, что онъ убилъ свою любовннцу, что его осуднли н ведуптъ, прн звукахъ погребальннй музыкн, на казнъ. Въ мннупу ея совершеннн, являешся снова подъ покрываломъ его любезная, проливая слезы; но едва взглянулъ онъ на нее, какъ роковой ударъ уже нанесенъ. Онъ виднть себя въ сборнщъ птвней, мертвецовъ, чудовнщъ; слынншьскн крикн, свнстъ, вой, скрежешъ зубовъ, буйный хохолъ. Возлюбленная его прнбѣтаешъ съ разшрепанннми волосамн, испуленная, обезображенная, поруганная. Днз гае, погребальннй звонъ колоколовъ, пронзительные звуки церковнаго серпеша, аккомпаннрующъ сей демонской пляскъ н шоржештвуюющъ союзъ ихъ, прн блескъ адскнхъ пламенннковъ, подъ хоругвамн смертнн.

Естествонно, что подъ влнннсмъ подобнхъ впечатлѣннй, прн ппакон напряженной энергнн чувствованнй, въ сей пакъ сказащъ очной спавкъ души съ спрешнню, арпнстш долженъ былъ создашъ нѣчто глубокое, ужасное, поразнтельное. Свндѣтельствуюсь всѣмн, у кого естъ душа, не чувствованн ли онн себя попеременно, по увлеченннми сладоспнною нѣгой, очарованннми, восхищенннми, испуленнымн, шо

вдругъ преданными судорожному хохоту, шо обьяплыми внезапнымъ отъявненіемъ? Потомъ—невъразимое смѣшеніе чувствованій, противорѣчащихъ и не-исповѣдимыхъ, точно какъ въ человѣкѣ, пробуждающемся отъ упоминательнаго, смутнаго сна!..

Содержаніе *мелодрамы* есть возвращеніе къ жизни. Дѣйствіе сей второй части не такъ сильно, какъ первой, отчасти потому, что музыка прерывается словами, слѣдственно вниманіе слушателя развлекается непреспанными оспановками, отчасти же и потому, что самъ авторъ возвратился къ чувствованіямъ болѣе спокойнымъ.

Онъ поетъ Гешеу балладу *Рыбакъ*, импровизирующій идеальный хоръ на явленіе пѣвца въ Гамлетѣ, языкомъ фантасматическимъ, оспавляющимъ музыкѣ полную свободу выражаться по ея собственнымъ прихотямъ. Потомъ въ негодованіи, свойственномъ артисту, оспавляетъ общество, дѣлается разбойникомъ. Но мечты любви, слѣдующія за нимъ въ его мятежное убѣжище; онъ пребудетъ снова отъ общества обожаемой женщины, пребудетъ себя подруги, пребудетъ Джюльетты, Офеліи, которую зовутъ его сердце. Тогда поетъ онъ свое счастье; но всѣ надежды его уже разочарованы. Музыка оспавлетсл единственною его любовницею, самою чистую, самою вѣрною. Онъ забываетъ и своихъ удалыхъ поварницъ и всѣхъ женщинъ, предающа совершенно драматическому своеправію, въ коемъ, при помощи хоровъ и оркестра, представляются главные лица Шекспировой *Бури*, вздохи Фердинанда, цѣломудренную

спрасить Миранды, низкую и грубую пласку Калибана, быстрый, легкій полетъ Ариэля.

Берлиозъ написалъ сей *мелодозъ* во время пребыванія своего въ Италіи, получивъ отъ Института первую награду за сочиненіе каншаты *Сардамале*, соспавленной имъ въ Іюльскіе дни, при громъ пушекъ и вопляхъ разъяренной черни, въ зданіи, коего чело пронизано было ядрами и пулями; послѣ того, какъ на пупи своемъ въ Ливорно едва не погибъ въ волнахъ залива Генуэзскаго; проскнищавшись въ горахъ Неаполишанскихъ, съ однимъ ружьемъ на плечъ, гдѣ питался одною охотою, находилъ приюстъ въ вершелахъ разбойничьихъ, проводилъ цѣлыя дни, спроя на вершиннахъ скалъ Субіакскихъ пирамиды изъ камней, подобныя пѣть; кон спроялся новобрачными въ Провансъ вокругъ пещеры Св. Бомы и на хребтѣ Св. Пилона, выкуривалъ въ день по дюжину сигаръ, лежа на солнцѣ; какъ лацарони, и бросался попомъ одѣтый въ Апо, подвергаясь опасности проспудиться и схватить горячку; попеременно то веселый до сумасбродства, то преданный совершенному безмолвію и дикости, смотря по тому, какъ воспоминаія объ Ирландкѣ шерзали его или оспавляли въ покоѣ.

Во Флоренціи, чиня въ первой разѣ *Короля Лура*, отъ изъявляетъ свое изумленіе яростными криками. Въ другой разѣ, совершенно безъ цѣли, входящъ въ соборную церковь, гдѣ въ то время совершалось бшпѣваніе, приближается къ гробу и видитъ въ немъ женщину, коей красота его поражаетъ. Очарованный ея прелестями, отъ сладуетъ за ней до ча-

свѣни, куда относитьъ во Флоренціи мертвыхъ до зюгребенія; попомъ провожаешь незнакому по койницю до кладбища и не прежде удаляешься, какъ поцѣловать у ней руку, которую оросилъ своими слезами.

Онъ находился въ Римѣ, когда задумалъ напечатать слова хора пѣней изъ *мелолога*: *O sonder loof*, о коемъ мы говорили. Ценсурный комитетъ собрался для разсмотрѣнія, не скрываетъ ли сія поэма какого-нибудь возмущительнаго или безыравдивеннаго смысла. Требуешь переводчика: сей послѣдній отвѣчаетъ, что не понимаетъ языка, на которомъ она писана: признали другаго, такой же отвѣтъ. Спрашиваютъ у самаго Берліоза: онъ отвѣчаетъ, что это старинное варвѣе, бывшее некогда употребительнымъ въ Исландіи, коимъ говорили у подошвы горы Геклы. Комитетъ рѣшилъ, что можно безъ опасенія пропустить дѣсь сколько стиховъ на языкъ непонятномъ и мертвомъ: и Берліозъ получилъ дозволеніе печатать.

Возвратясь въ Парижъ, Берліозъ, не задолго предъ отъѣздомъ своимъ въ Германию, разыгралъ предъ публикой свою фантасмическую симфонію и мелолога. Выше говорили мы, съ каимъ энтузіазмомъ посвященная публика приняла сіе сочиненіе и требовала его повторенія. Миссъ * * * находилась при концертѣ: въ рукахъ у ней былъ экземпляръ *мелолога*, который она читала съ большимъ вниманіемъ. Что должна была она чувствовать, видя, сколько зла причинило равнодушіе ея огненному сердцу поэта, присушествуя при исполненіи удивительнаго произведенія, обязан-

наго ей своимъ существованіемъ, будучи свидѣтельницей торжества челоѵка, ею презрѣннаго, и благороднаго мценія, нмъ избраннаго!

Замѣчательна еще одна черта, столь важная, что мы не можемъ опустить ее, не сдѣлавшись виноватыми предъ всѣми принимающими участіе въ Берліозѣ. По окончаніи концерта, челоѵкъ, видимо пронуемый, продрался въ средину музыкантовъ, спросилъ Берліоза, котораго лично не зналъ, и обнялъ его, сказавъ голосомъ исполненнымъ чувства: *»Государь мой, вы знаете тѣмъ, съ кѣмъ другіе оканчиваютъ!«* Этимъ челоѵкъ былъ Паганини.

Мы почитаемъ Берліозову симфонію прелюдією важнаго переворота въ инструментальной музыкѣ и въ ея драматическомъ развитіи. Да отверзнутся предъ нимъ врата Большой Оперы! Пусть отъ явившей здѣсь связи съ Александромъ Дюма: и нмъ музыкальна скоро сдѣлается также общенароднымъ, какъ нмъ поэма! Такъ! это новый шагъ въ той эпохѣ музыкальнаго перерожденія, коего мы непремѣнно достигнемъ чрезъ усовершенствованіе инструментированія! У Берліоза въ оркестрѣ ничто не загромождено, ничто не задушено; его мысль, часто сжата, но всегда могучая, паритъ свободно. Онъ не только не подавляется массою инструментовъ, но владычествуетъ и движетъ ею безъ малѣйшаго усилія. Его широкіе періоды движущія и колышущія въ полномъ просторѣ, на вольномъ свѣтѣ и воздухѣ. Въ нихъ все носитъ печать живаго, гордаго шалаша.

Мы не утверждаемъ, чтобы Берліозова симфонія была твореніе совершенное: совершенства безъ вся-

каго недоспапка намъ и не случалось всмръщашь ни-гда; и, по мнѣнію нашему, въ искусствѣхъ также, какъ въ нравственности, *совершенство не отъ сего міра!* Но думаемъ, что одна только жалкая мелочная критика можетъ привязываться къ неправильностямъ синтаксиса и грамматическимъ ошибкамъ, не расширявая цѣлой системы, принятой авторомъ, и порядка идей, которому онъ слѣдовалъ. И такъ скажемъ, что хотя музыка Берліоза отличается истиннымъ богатствомъ мелодій, но онъ приноситъ иногда даже въ жертву комбинаціямъ и, когда всмръщашь оное, не останавливается на немъ, не развиваетъ его, а запусываетъ и укорачиваетъ. Впрочемъ это можетъ быть почтено, въ некоторомъ смыслѣ, реакціе системы Россини; а, въ такомъ случаѣ, мы охотно отъказываемся отъ нашего обвиненія. Скажемъ еще, что звуки Берліоза не имѣютъ той живости и прогнательности, того элегическаго выраженія, тѣхъ слезъ, которыя изобилуютъ Моцартъ; зато даръ вообще рѣдко замѣчается у современныхъ композиторовъ. Берліозъ испробуетъ, раздраетъ сердце, крушитъ, но не извлекаетъ слезъ. Наконецъ замѣтимъ, что онъ слишкомъ далеко простираетъ желаніе все живописать и выражать музыкою, не помня, что есть предѣлъ, гдѣ у ней недостаетъ силъ для слишкомъ буквальнаго выраженія. Но это не доспапкокъ чловѣка, который слишкомъ много думаетъ о своемъ искусствѣ; и слѣдовательно недоспапкокъ прекрасный.

Кромѣ различныхъ сочиненій, упомянутыхъ нами, репертуаръ Берліоза составляютъ: одна обѣдн

увертюры для *Ваверла*, *Короля Лира* и *Роб, Вал*, восемь сценъ изъ *Фауста* и собраніе мелодій, коихъ слова переведены изъ Томаса Мура, Господиномъ Гуне, умнымъ молодымъ человекомъ, одареннымъ счастливыми способностями.

Описавъ нашего артиста, какъ музыканта, скажемъ еще, что онъ вмѣстѣ хорошій лирическій. Два періодическія изданія: *Корреспондентъ* и *Европейское Обзоріе*, объявляютъ, что онъ также мастерски владеетъ перомъ, когда даетъ отчеты въ своихъ художественныхъ впечатлѣніяхъ, какъ и въ то время, когда пишетъ подъ вліяніемъ музыкальнаго генія. Сгибъ мысли его доиспримѣчательнъ своею оригинальностью; въ выраженіяхъ онъ всегда смѣль, живописенъ, рѣзокъ и откровененъ а).

а) Читатели могутъ судить о томъ по слѣдующему отрывку, въ которомъ Берліозъ рассказываетъ, какое дѣйствіе произвелъ на него Бетховеновъ концертъ на *le dièse*. «Въ залѣ было около двухъ сотъ особъ; всѣ слушали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, слушатели начали оказывать нѣкоторое неудовольствіе; заговорили шопотомъ; каждый жаловался сосѣду, что ему скучно. Наконецъ почти всѣ, не будучи въ состояніи переносить скуки, вставъ, громко спали говорить, что эта музыка несносна, непонятна, смѣшна: это могъ сдѣлать только сумасшедшій; тутъ нѣтъ здраваго смысла и проч. и проч. По просьбѣ небольшого числа слушателей, пианино возобновила: концертъ доиграли. «Порицанія, отъ коихъ допотъ удерживались съ трудомъ, вѣнчали въ это время нѣзъ предѣловъ; обвиняли даже Г. «Балло въ намѣреніи поднять публику на смѣхъ такою «безсмысленною піецою. Нѣкоторые ревностные почитатели Бетховена изъявляли съ робостію сожалѣніе свое о

Геній Берліоза симпатизируетъ наиболѣе съ пре-
мя великими людьми: Бетховеномъ въ Германіи, Шек-

спомню, что былъ шошералъ разсудокъ. «Очевидно»—(это ихъ
«слова») — «онъ не въ полномъ умѣ: какая жалость! такой
«великой человекъ! такое чудовищное произведеніе! и
«мысль сполнѣ превосходныхъ твореній!» Однакожъ въ
«одномъ углу залы находилось небольшое число людей,
«чувствованія конхъ были совершенно инаковы; пустьъ
«говорить, что хоплять, а, признаюсь, я принадлежалъ къ
«числу сихъ послѣднихъ. Члены сего небольшого отдѣленія
«публики, предугадывая дѣйствіе, которое новѣйшій квар-
«тпешъ долженъ былъ произвести на публику, собрались
«въ одно мѣсто, дабы безпрерывно предаваться ви-
«манію. Послѣ нѣсколькихъ тактовъ первой части,
«мнѣ показалось, что и я скучаю, однакожъ вниманіе
«мое отъ того не уменьшилось. Далѣе хаосъ спалъ про-
«являться; въ ту минушу, когда шерпѣніе публики испо-
«щилось, я сдѣлался внимательнѣе и покорился вліянію
«художника генія, дѣйствіе коего нечувствительно спано-
«вилось сильнѣе; кровь обращалась во мнѣ беспорядочно,
«пульсъ бился съ чрезвычайною быспротою. При началѣ
«второй части, слѣдующей потчасъ за первую, поражен-
«ный изумленіемъ, обращаюсь къ одному изъ сидѣвшихъ
«близъ меня и вижу, что лице его покрыто блѣдностью,
«орошено потомъ; всѣ прочіе были неподвижны, какъ
«скапуи. Грудь моя поспешенно стѣснялась, волосы спа-
«новлялись дыбомъ, зубы сплснулсь, всѣ мускулы спл-
«нулись; наконецъ, при одной фразѣ финала, совершенной
«съ чрезвычайною силою смычкомъ Валъо, холодныя
«слезы, слезы препета и ужаса, выпустили на глазахъ
«моихъ и довершили мое жестокое смашеніе. Концертъ
«кончился квартетамъ Гайдна, коими публика надѣялась
«вознаградить себя, но никто изъ насъ не могъ ихъ слу-
«шать. Мы вышли всѣ; каждой былъ болѣе или мене
«пронуть и съ трудомъ могъ дать себѣ отчетъ въ смущеніи,
«въ которое повергла насъ сія необыкновенная композиція.»

спиромъ въ Англии, и наконецъ Викширомъ Гюго во Франци.

Берлиозъ средняго роста, но хорошо сложенъ. Впрочемъ, вѣроятно по причинѣ мужественнаго выраженія его лица, когда онъ сидитъ, то кажется выше. Черты его красивы и правильны: носъ орлиный, ротъ небольшой, подбородокъ нѣсколько выдался впередъ, глаза выпалые, живые, покрывающіеся иногда меланхолическою помноспью. Длинные, волнистые, блѣлокुरые волосы, осѣняютъ чело уже изрытое морщинами и носящее на себѣ печать огненныхъ спраспей, издѣшсвива волновавшихъ душу художника.

Разговоръ его неровенъ, быспръ, опривиситъ, горячь; онъ рѣдко входитъ въ подробности, болывею часпію выражается сжато, по всегда съ достоинствомъ и благородствомъ. Часпо, смотря по ходу рѣчи, внушаетъ слушателямъ своимъ живѣйшее любопытство или чувство учаспія и вѣжной снисходительности. Онъ самъ принаровилъ къ себѣ слѣдующіе прекрасные стихи Викшора Гюго, кои мы приводимъ здѣсь въ заключеніе:

Certes, plus d'un vieillard sans flamme et sans cheveux,
 Tombé de lassitude au bout de tous ses vœux,
 Paraît s'il voyait, comme un gouffre dans l'onde,
 Mon âme où ma pensée habite comme un monde;
 Tout ce que j'ai souffert, tout ce que j'ai tenté,
 Tout ce qui m'a menti comme un fruit avorté,
 Les amours, les travaux, les deuils de ma jeunesse;
 Mon plus beau temps passé sans espoir qu'il renaisse;
 Et, quoique à l'âge encor, où l'avenir sourit,
 Le livre de mon cœur à toute page écrit.

Жозефъ д'Оттиль.

V.

СРАВНЕНІЕ

ДОЛГОВѢЧНОСТИ

МУЩИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

Законъ природы, опредѣляющій долговременность человѣческой жизни, подчиняется споль многихъ соображеніямъ, что глубокое изученіе его весьма важно. Еще за долго прежде, чѣмъ предметъ сей обратилъ на себя по вниманіе, съ какимъ смотрятъ на него нынѣ, ученые пускались въ многочисленныя изысканія, дабы удостовѣриться въ дѣйствительности сего закона, который долженъ съ точностію опредѣлять сравнительную возможность прекращенія жизни въ различныя періоды существованія нашего. Сии изслѣдователи руководствовались опытомъ, изучали событія, которыя одні могутъ служить указателями челоуку, прудящемуся надъ подобными предметами; но они не подвергали изслѣдуемыхъ ими фактовъ критикѣ, не принимали въ соображеніе необходимыхъ раздѣленій. Нѣтъ сомнѣнія, что родъ челоуческій, подобно всѣмъ одушевленнымъ тварямъ, сундествуя при самыхъ благопріятныхъ его природѣ условіяхъ, подверженъ непреложному закону, который можетъ быть названъ первоначальнымъ; и сей законъ долженъ опредѣлять долговременность жизни каждаго отдѣльнаго лица. Безспорно также, что еслибы можно было найти сей первоначальный законъ, по можноть было назначить ближайшее среднее число

продолжительности человеческой жизни. Но и тогда сей законъ все былъ бы подверженъ многимъ измѣненіямъ.

Течение жизни, какъ у мундины, такъ и у женщины, можетъ быть раздѣлено на нѣсколько послѣдовательныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, періодовъ, въ продолженіе коихъ условія существованія, у каждаго пола въ особенности, подвергаются весьма немногимъ измѣненіямъ; но сіи условія замѣнно и необходимо перемѣняются при переходѣ изъ одного періода въ другой, а опъ сихъ перемѣнъ не только подвергается измѣненію возможность смертности, но даже поспешное ослабленіе дѣятельности жизненныхъ силъ. Дѣятельность сія у обонхъ половъ не такъ велика при рожденіи, какъ въ періодѣ продолжающемся между началомъ существованія и глубокою спаростью, но ей достигаются нѣсколько въкороты, такъ сказать, привилегированные люди; но сила сей дѣятельности увеличивается непрерывно, но жьрть шого, какъ болѣе и болѣе развертывается организмъ, коему природа доставляетъ новыя силы, разумѣется, если какая-нибудь противодействующая причина не остановитъ ея развитія.

Когда развитіе совершится вполне и организмъ переставетъ приобретать новыя силы, то одо упражненіе даже безъ особенно излишняго напряженія ихъ, даже доспапочно объясняетъ поспоянное ослабленіе жизненной дѣятельности. Для челоѣка, съ самаго выхода его изъ младенческихъ пеленъ, начинается періодъ дѣятельности, шрудовъ и опасностей; но именно въ это-шо время природа оказывается для

него весьма щедрою на вознагражденія всякаго рода. Пошомъ наступаетъ періодъ, котораго отличительный характеръ состоитъ въ успокоеніи спарившейся; но тогда начинается развитіе старыхъ болячекъ, конхъ зародыщъ уже прежде существовавшихъ, и оказывается двойное расположеніе къ нѣвонорымъ новымъ. Наконецъ за этими періодами слѣдуетъ послѣдній, коего отличіе состоитъ почти въ совершенномъ спокойствіи: здѣсь новая перемѣна господствующихъ болячекъ. Собирая общепонятельства, сопоставляющія эти періоды и ихъ относительнымъ подраздѣленіямъ, выводитъ заключение, что прогрессивное измѣненіе дѣятельности жизненныхъ силъ слѣдуетъ въ теченіе каждаго изъ сихъ періодовъ, особенному ходу; такъ что сія дѣятельность иногда усиливается, иногда ослабляется, смотря по дѣйствию различныхъ причинъ, нѣвонощихъ на нее вліяніе.

Но не должно забывать, что дѣятельность жизненной силы, во всякомъ періодѣ, сильнѣе у женщины, чѣмъ у мужчины, что доказывалось опытною; ноелюку изъ равнаго числа дѣтей обоюто пола, въ первые годы ихъ существованія, девочекъ умираетъ семь, а мальчиковъ восемь. Сія пропорція, выгодная для женскаго пола, быстро уменьшается до шестнаго или седьмаго года; пошомъ увеличивается, пока достигнетъ высшей своей степеніи, что бываетъ на двадцать седьмомъ году или около того; за симъ наступаетъ эпоха прогрессивнаго уменьшенія сей пропорціи, продолжающагося до сорока лѣтъ, времени, въ которое относительная дѣятельность

жизненной силы у обоих половъ почти одинакова. После сего періода, опять може превосходить вродворца оказывается въ пользу женщины и постепенно возрастаетъ до семьдесятъ четвертаго года, при наступленіи коего начинаетъ снова склоняться къ уменьшенію; но около восемьдесятъ четвертаго года, превосходство оказывается опять рѣшительно въ пользу мужчинъ.

И такъ, въ семь случаевъ, какъ и во многихъ другихъ, результатомъ статистическихъ изысканій было опроверженіе общепринятыхъ мнѣній; ибо весьма долго думали, что среднее число долговѣчности мужчинъ, превышаетъ среднее же число долговѣчности женщины; ошибочность сего мнѣнія ясно и очевидно будетъ нами доказана. Легко поймутъ причину сего различія, когда взглянуть внимательно на кривыя, свойственныя каждому полу, на законъ смертности: сравнявшагося съ болѣею силою между двумя мужского пола, въ такую эпоху жизни, когда условия существованія совершенно одинаковы для обоихъ половъ. Отъ самой колыбели до могилы, жизнь мужчинъ бываетъ болѣе бурная, болѣе подверженная вліянію разрушительныхъ дѣйствующихъ причинъ; тѣмъ жизнь женщины. На мужчинъ въ особенности лежатъ тягоспѣшіе житейскіе труды; онъ, въ корсвумъ голосу подлическихъ спраспей, подержается случайностями войны, вврвешъ себя обвнчивымъ волнамъ свосравнаго океана; онъ предается всякаго рода излгшеспвамъ, разрушающимъ здоровье, пѣмъ съ болѣею свободою, что свѣтъ не имѣтъ

спирого судить его, какъ женщину; онъ во всѣхъ своихъ подоженьяхъ подверженъ непрерывнымъ опасностямъ. Уже очень давно замѣнилъ Гезюдъ, что мужику можно уподобить пчелъ-работницу, а женщину шрунию, который пожираетъ медъ, пчелою собранный. Нѣтъ сомнѣнн, что женщина, коей организація гораздо слабѣе, чѣмъ организація мужчины, находитъ именно въ сей своей слабости спасительную ограду, подъ защитою коей переживаетъ своего влстелнна.

Г. Финлейзонъ, Секретарь Англійской Комиссн Национальнаго Долга, замѣнилъ, что въ изчисленнхъ, въ Комиссню подаваемыхъ, оказывалось всегда живыхъ женщинъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, хотя въ меприческихъ книгахъ всѣхъ городовъ и приходоъ, во всѣхъ странахъ, число родившихся предопавляетъ прогрессню 105 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ а). ГГ. Парсье и Керсебумъ также замѣнили се различне. Результаты, выведенные послѣднимъ, суть слѣдующн: если,

а) Г. Рамонъ де ла Сагра замѣнилъ въ Гаваннѣ, что отношенне рождающихся дѣтей мужскаго и женскаго пола было слѣдующее: изъ 100 законнорожденныхъ = 50,97 мужскаго и 49,05 женскаго пола: изъ 100 незаконнорожденныхъ = 50,75 мужскаго и 49,25 женскаго пола. Тоже замѣчено и въ Москвѣ. См. Статистическую Записку о Москвѣ, Г. Андросова, стр. 68 и 92. Слчя среднее количество родившихся мужскаго и женскаго пола съ количествомъ умирающихъ, можно видѣть, что, сравнительно, изъ мужчинъ оспаеся въ живыхъ 54, а изъ женщинъ 106; не смотря на то, что мальчиковъ относительно дѣвочекъ родится 100 на 93.

извѣстное число дѣтей всякаго возраста раздѣливъ на десять классовъ, къ первому причисливъ всѣхъ моложе одного года, а къ послѣдному всѣхъ считающихъ себя опъ девяти до десяти лѣтъ, и попомъ опдѣльно изчисливъ среднее число жизни каждаго пола, по оказаню, что сумма времени, прожитаго мальчиками будетъ содержать 369 лѣтъ, а дѣвочками 402,5 года.

Тоже точно наблюдение о различіи смертности мужчинъ и женщинъ сдѣлалъ въ Чесперѣ Докпоръ Пренсъ. Взявъ сумму времени, прожитаго дѣтьми обохъ половъ въ первыхъ десять лѣтъ ихъ существованія, онъ нашелъ, что время прожитое мальчиками можетъ быть выражено цифрами: 394,9, а дѣвочками 441,62. Въ Монпелье подобныя розысканія дали также результаты: сумма существованія мальчиковъ соспавила число 396,79, а дѣвочекъ 424,69. Въ Швеціи розысканія сіи были дѣлаемы надъ всѣмъ народонаселеніемъ и дали поже отношеніе: сумма времени десятилѣтними мальчиками прожитаго соспавила 447,63 лѣтъ, а дѣвочками 471,26 годъ. Наконецъ изъ таблицъ, недавно соспавленныхъ о народонаселеніи Амспердама и Брисселя, оказывается, что сумма существованія десятии мужчинъ соспавляетъ 397 лѣтъ, а женщинъ 412. И пакъ, еслябы въ шести означенныхъ нами мѣстахъ, сумма существованія мальчиковъ была выражена числомъ 100,000, то сумма существованія дѣвочекъ была бы: въ Голландіи 109,075; въ Чесперѣ 111,891; въ Монпелье 107,031; въ Швеціи 105,279; въ Амспердамѣ 112,003; въ Брисселѣ 103,764. Послѣ

соображенія сихъ фактовъ, не лѣзя не убѣдиться, что женщины вообще живутъ долѣе мужчинъ.

Изчисленія Г. Финлейсона не оспавляютъ никакого сомнѣнія; изъ оныхъ дѣйствительно явствуетъ, что во всякомъ періодѣ жизни выгода очевидно оказывается въ пользу женщинъ, за исключеніемъ періода, проспирающагося до двѣнадцатаго года рожденія а) и того, котораго начинается съ восемьдесятъ пятаго года; въ сихъ крайнихъ періодахъ, по всей вѣроятности, смертность одинакова у обохъ половъ. Особенно на двѣнадцатомъ или четырнадцатомъ году, выгода очевидно склоняется въ пользу женщинъ; попомъ до двадцати пятаго года жизнь женщинъ почти не измѣняется, что совершенно противорѣчитъ общепринятому мнѣнію о вліяніи беременности и кормленія грудью на ихъ смертность. Послѣ шестидесятаго года, смертность женщинъ возрастаетъ гораздо быспрѣе, однакожь почти до восьмидесяти годовъ она между женщинами гораздо менѣе свирѣпствуетъ, чѣмъ между мужчинами.

Смертность у мужчинъ, начиная съ четырнадцатаго до двадцати третьяго года быспро возрастаетъ; даже пропорціонально, гораздо значительнѣе, чѣмъ у женщинъ въ томъ же періодѣ б). Безъ сомнѣ-

-
- а) По изчисленію Г. Андросова, у насъ въ Москвѣ до пятидесяти года возраста умираетъ болѣе мальчиковъ, а съ пятидесяти до десяти лѣтъ болѣе дѣвочекъ. См. Стат. Зап. стр. 69.
- б) Это замѣчается вездѣ. Въ Москвѣ, по вычисленіямъ автора Статистической Записки, отъ десяти до двадцатипяти года возраста умираетъ мужчинъ *едваго* болѣе, нежели женщинъ;

нія причина сего различія происходитъ отъ безчисленныхъ случайностей, коимъ мужчина въ сію эпоху жизни бываетъ подверженъ. Замѣтимъ здѣсь, что послѣ општепа, поданнаго Г. Финлейсономъ, директоры Спраховаго Общества *Орла*, ввели опшноспельно спраховыхъ билеповъ, ими выдаваемыхъ, великое множесиво различій, основанныхъ на замѣчаніи, что женщины живутъ долѣе, чѣмъ мужчины; но сему примѣру не послѣдовало ни какое другое спраховое общесиво.

Эпоха жизни, которая считалась всегда самою гибельною для женщины, извѣстна подъ именемъ крипическаго возраста; но вліаніе сей эпохи на смерпность слишкомъ было преувеличиваемо. Рѣшеніе сего вопроса также можетъ быть рѣшено не иначе, какъ съ помощію цифръ. Г. Финлейзонъ доказалъ, что смерпность въ сію эпоху у женщины вообще слабѣе, чѣмъ у мужчины, и нисколько не сильнѣе, чѣмъ въ другую какую-либо эпоху ихъ жизни. Какъ мы уже замѣнили, выгода опшноспельно смерпности склоняется для женщины около четырнадцатаго года ея жизни и до пятьдесятъ пятиаго года почти не возрастаетъ.

Исчисленія средняго числа смерпности между пен-

особенно это замѣтно въ мануфактурныхъ частяхъ города: въ Серпуховской, Суцовской, Покровской и Дефорповской. А за двадцатипятипннмъ возрастомъ, въ періодъ раскрытія спрастей, смерпность еще болѣе усиливается, и бываетъ даже *трое* болѣе пропнву женщины. Ст. Таб. (спр. 70).

пенсионерами правительстна основаны на таблицах, содержащих 100,000 лицъ обоого пола и всякаго возраста. Здѣсь займемса мы только нѣкими изчисленіями, кои касающася періода жизни, почитаемаго за самый губельный для женщинъ и принимаемаго за среднее число общей долговѣчности обонхъ половъ. Результаты сихъ изслѣдованій послужатъ къ окончательному убѣжденію читателей. Мы раздѣлили сей періодъ на три эпохи, въ шеченіе коихъ среднее число смертности у того и другаго пола выражено въ его прогрессіальномъ отношеніи. Въ шеченіе пяти лѣтъ, принадлежащихъ къ первой эпохѣ, то есть отъ тринадцати пяти до сорока лѣтъ, изъ 100,000 обонхъ половъ умретъ 7,042 мужчинъ и 5,738 женщинъ; въ слѣдующія за тѣми пять лѣтъ, то есть между сорока и сорока пяти лѣтъ, умретъ 6,959 мужчинъ и 6,888 женщинъ; послѣ же сорока пяти лѣтъ, умретъ 10,981 мужчинъ и 7,715 женщинъ. И такъ въ первыхъ двухъ эпохахъ сего періода, смертность между пенсионерами правительстна у обонхъ половъ почти одинакова. Въ третней, правда, замѣтно вліяніе крипическаго возраста на женщинъ, но очевидно, что дѣйствіе сего вліянія слишкомъ преувеличено.

Подобныя же изысканія были недавно обнаружены въ Брюсселѣ Г. Кешеле и Смитсомъ, въ маленькой брошюркѣ подъ заглавіемъ: *Изысканія о Родаемости и Смертности Человѣка въ разныхъ возрастахъ и о Народонаселеніи Бельгіи въ 1832 году*. Правительство 1828 году приказало исчислить все народонаселеніе Нидерландъ, съ означеніемъ родящихся, умирающихъ и

бракосочетающихся ежегодно. Одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ сего изчисленія то, что таблицы были составлены отдѣльно для каждаго изъ мѣсяцъ въ повелѣнн означенныхъ: то есть, въ однихъ заключающахся городскіе, а въ другихъ деревенскіе жители. Изъ сихъ таблицъ явствуетъ, что смертность обонхъ половъ представляетъ необыкновенное различіе съ результатами обыкновенно доселѣ получаемыми. Въ рапортахъ ГГ. Кетеле и Смитса о деревняхъ, смертность женщинъ относительно къ смертности мужчинъ, въ прехъ данныхъ выше періодахъ, сходствуетъ совершенно съ результатомъ, который получилъ Г. Финлейзонъ, представляя отношеніе: 24 къ 18. Принимая, подобно Финлейзову, число 100,000 за основаніе своихъ изчисленій, ГГ. Кетеле и Смитсъ выразили сравнительную смертность обонхъ половъ у деревенскихъ жителей Бельгіи слѣдующими цифрами: отъ 35 до 40 лѣтъ=4,681 мужчина и 8,071 женщина; отъ 40 до 45 лѣтъ=5,975 мужчинъ и 8,536 женщинъ; а отъ 45 до 50 лѣтъ=7,692 мужчинъ и 8,056 женщинъ. Не льзя не замѣтить здѣсь весьма значительнаго излишка смертности у деревенскихъ женщинъ въ Бельгіи. Уже Бюффонъ замѣтилъ, что въ большей части деревень смертность женщинъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ мужчинъ, по причинѣ трудовъ, не свойственныхъ ихъ организаціи, коимъ онѣ принуждены предаваться и которыя гораздо ранѣе, чѣмъ слѣдовало бы по законамъ природы, даже прежде сорокалѣтняго возраста, производятъ въ поселкѣ Европейскаго материка дряхлость, свойствен-

ную преклоннымъ лѣтамъ. а) Не менѣе достопримѣчательно, что результаты, полученные нами изслѣдованіями при изчисленіи всѣхъ Нидерландскихъ городовъ, представляють почти также цифры, коимъ она находится и у Г. Финлейсона, относительно сравнительной смертности мужчинъ и женщинъ въ упомянутыя пятнадцать лѣтъ жизни, о коихъ обыкновенно думали, что онѣ выражають общій законъ смертности. И такъ, изъ 100,000 городскихъ жителей Бельгій, среднимъ числомъ, въ пять лѣтъ отъ 35 до 40, мужчинъ умерло 7,189, а женщинъ 7,679; отъ 40 до 45, мужчинъ 8,894, женщинъ 7,153; наконецъ, въ послѣднія пять лѣтъ, отъ 45 до 50, мужчинъ 8,678, а женщинъ 8,062; такъ что общій результатъ смертности, въ теченіе сихъ трехъ эпохъ, сложенныхъ вмѣстѣ, составляетъ мужчинъ 24,761, а женщинъ 22,894.

Однакожь избытокъ смертности въ нѣкоторыхъ городахъ Бельгій весьма превосходитъ среднее пропорціональное число, принятое Г. Кетеле и Смишсомъ. По изысканіямъ, коимъ учинилъ самъ Г. Финлейсонъ, дабы найти среднее число смертности въ городѣ Оспенде, оказывается, что изъ 100,000 жителей обоего пола, отъ 35 до 40 лѣтъ, умерло 8,041 мужчинъ и 6,665 женщинъ; отъ 40 до

а) У насъ подобныхъ выводовъ еще нѣтъ. Относительно Москвы, Г. Андросовъ замѣчаетъ, что въ частяхъ: Покровской, Рогожской и Новинской, особенно въ первой, гдѣ много мелкихъ фабричныхъ заведеній, на коихъ работаютъ болѣею частью женщины, ихъ умираетъ, сравнительно съ мужчинами, болѣе. (Ст. Зап. сн. 74).

45 лѣтъ, 11,107 мужчинъ и 7,094 женщины, наконецъ отъ 45 до 50 лѣтъ, 13,079 мужчинъ и 8,188 женщинъ. Изъ сихъ фактовъ явствуетъ, что различіе смертности жипелей Остенде, въ эпоху даже самую невыгодную для женщинъ, обращается къ выгодѣ сихъ послѣднихъ и предспавляетъ содержаніе: 38 къ 21. а) Мы легко могли бы распроспранить наши доказательства по размеру гораздо обширнѣйшему, но всегда получили бы нѣже результаты: ибо глубокое изученіе таблицъ смертности въ большей части Европейскихъ государствъ убѣдило насъ въ шомъ же.

Одна изъ самыхъ дѣятельныхъ причинъ возрастанія смертности у женщинъ, по городамъ живущихъ, есть безспорно вліаніе родильныхъ домовъ, въ нихъ заведенныхъ, кои производятъ столь губельное дѣйствіе на женщинъ, что можно съ основательностію усомниться въ пользѣ сихъ заведеній. По респотамъ Лондонскаго Родильнаго Дома — говоритъ докторъ Ли б), равно какъ въ Парижѣ и Дублинѣ, подобныхъ заведеній, и судя по таблицамъ Г. Шапонера, доказано, что въ сихъ заведеніяхъ среднее число смертности гораздо больше, нежели между женщинами, которыя родятъ дома. Такъ въ Парижскомъ Родильномъ Домѣ (Hospice de la Maternité) смертность иногда бываетъ ужасна. Въ 1828 году, изъ числа 3,175 женщинъ, въ него всшупившихъ,

а) *Recherches sur la Pathologie et le Traitement de quelques-unes des Maladies des Femmes.* Londres, 1855.

б) Въ Москвѣ отношеніе количества умирающихъ мужчинъ къ количеству умирающихъ женщинъ = 13 къ 11. Ст. Зап. стр. 69.

умерло 170, что составляет пропорцію: на 118. Въ 1829 году смертность была еще сильнѣе; изъ 3,074 женщинъ погубло 250, что составляетъ дванадцатую часть а). Если сравнить сіи результаты съ нѣми, которые представляють частная пражника, то пропорція въ отношеніи къ родильницамъ рѣдко превышаетъ 1: къ 500 или даже къ 1000, въ самыхъ бѣдныхъ классахъ; а поному очевидно предположить необходимость изслѣдовать съ величайшимъ вниманіемъ, могутъ ли сіи, споль впрочемъ благошворительныя заведенія, вознаграждать ужасную смертность, и не болѣе ли онѣ вредны, чѣмъ полезны, для общества б).

« Да не подумаютъ, что бы можно было уменьшить сію смертность, сдѣлавъ комнаты болѣе доступными для чистаго воздуха и уменьшивъ число женщинъ, помещаемыхъ въ каждой изъ нихъ,

а) Весьма замѣчательна разница въ семъ отношеніи Парижа съ Москвою. Тамъ изъ 3,074 родильницъ погубло 250: у насъ же въ Повивальномъ Институтѣ Воспитательнаго Дома, какъ видно изъ записокъ за первое пятилѣтіе, только 18 роженницъ умерло изъ 2,572. Не приписать ли сего явленія особенной крѣпости женщинъ нашего просвѣтаго народа: ибо были неоднократные случаи, что нѣкоторыя изъ нихъ, шедшія для родовъ въ Воспитательный Домъ, рожали на дорогѣ двойней, и сами приносили ихъ иногда. Ст. Зап. стр. 95.

б) Кроме сей причины, мѣстной, можетъ быть, и случайной въ Парижѣ, есть другія, указывающія на необходимость послѣдованія: въ самомъ ли дѣлѣ заведенія сіи споль общепользны, и всегда ли, какъ объ нихъ составилось понятіе. Г. Андреевъ, въ своей Статистической Запискѣ даетъ весьма основательные намеки на сей предметъ (стр. 97 и 131).

однимъ словомъ сдѣлавъ сн заведенія чище и просторнѣе. По наблюденіямъ, учиненнымъ мною въ British-Lying-in-Hospital и нѣкоторыхъ подобныхъ Лондонскихъ заведеніяхъ, гдѣ пекутся съ величайшимъ усердіемъ о всемъ, что касается до чистоты воздуха и вообще опрятности, гдѣ залы совсѣмъ не набиты больными, я совершенно убѣдился, что ни одно изъ средствъ, доселѣ употребляемыхъ, не можетъ воспрепятствовать частому возобновленію губельныхъ эпидемій въ госпиталяхъ, назначенныхъ для родильницъ, и что смертность, въ оныхъ происходящая, жестоко обманываетъ ихъ благопріятельныхъ основателей. Однакожъ не взирая на сн пагубныя обиспопашельства, женщина относительно смертности все имѣетъ большія выгоды на своей спорнѣ, предъ мужчиною. Правда, эпо возрастѣ, въ которомъ буйство спрасней наиболѣе превозишъ его существованіе; въ сіе время предпринимаетъ онъ дальнія опасныя путешествія; пускается въ дерзкія спекуляціи; въ воображеніи его родятся гигантскія предначерпанія; сльдственно онъ болѣе подверженъ всякимъ опасностямъ. Разсмотримъ таблицы смертности всѣхъ спрант: и вы увидите наибольшую смертность у мужчины отъ 25 до 35 лѣтъ. Въ семъ же періодѣ совершается наиболѣе самоубійствъ а).

а) Эпо особенно подтверждается случаями несчастной и скороноснпжной смерти и самоубійства. Въ послѣдніи шестъ лѣтъ въ Москвѣ, авторъ [Ст. Зап. замѣчаетъ, что скороноснпжно умершихъ мужчинъ было влпшперо болѣе цропвѣ женщинъ. Тоже самое и при несчастныхъ случаяхъ: жзнѣ мужчинъ постигается несравненно болѣ-

Заключимъ сію спашью любопытными замѣчаніями о томъ же предметѣ Г. Бенуашона де Шапонефъ, кои доселѣ еще мало извѣстны.

»Если мы рассмотримъ, говоришь онъ, смертность женщинъ отъ 40 до 60 градуса сѣверной широты, по линіи, проспирающейсѣ отъ Марселя до Пешербурга и проходящей чрезъ Неверъ, Парижъ и Спюкгольмъ, то ни въ какую эпоху жизни женщинъ, по ссѣ отъ 30 до 60 года, не замѣнимъ чувствительнаго увеличенія смертности, выше того, что естественно должно происходить отъ преклонности возраста; напротивъ во всѣхъ эпохахъ жизни мужчины, начиная отъ 30 до 90 лѣтъ, замѣчаемъ гораздо большее возрастаніе смертности, чѣмъ у женщинъ. Это возрастаніе особенно замѣтно отъ 40 до 50 лѣтъ. Изъ сихъ новыхъ наблюденій открывается, что періодъ отъ 40 до 50 лѣтъ болѣе пагубенъ мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ, во всѣхъ его сосполнѣяхъ, въ обществѣ и уединеніи, въ шумѣ лагеря и тишинѣ монастыря. Однакожъ, послѣду доказано, что извѣстное количество женщинъ умираетъ, отъ 40 до 50 лѣтъ, въ слѣдствіе измѣненія, испытываемаго въ сіе время ихъ организмомъ, коего причинъ для мужчинъ не существуетъ; но какъ должна бытъ слаба

шимъ числомъ опасностей. Замѣчательно даже то, что, при ежегодномъ, почти равномъ, числѣ (по двадцати человекъ сред. чис.) ушонающихъ въ Москвѣ рѣкъ, женщинъ не бываетъ и пятой части. Въ числѣ самоубійцъ, женщинъ весьма не много въ сравненіи съ мужчинами; и именно 8 изъ 111 случаевъ, въ послѣднія шесть лѣтъ въ Москвѣ. (Ст. Зап. сир. 75 — 89).

нѣтъ смертности вообще, если она меньше, чѣмъ у мужчинъ, даже въ сію крипическую эпоху ихъ жизни? И какъ долговѣчныбы были онѣ, если бы не были подвержены сему прибавочному условію? »

Дабы сообщить болѣе занимательности сѣмъ изслѣдованіями, мы желали бы распространить наши изысканія на разныя страны міра; намъ хотѣлось бы разсмотрѣть, слѣдуетъ ли сей законъ смертности, столь выгодный для женщинъ, поѣже пропорціи въ странахъ тропическихъ и полярныхъ; имѣетъ ли преждевременная зрѣлость, замѣчаемая у женщинъ въ сихъ совершенно противоположныхъ климазахъ, вліяніе на ихъ смертность, такъ какъ ускоряетъ ихъ одряхлѣніе. Но границы знанія оспанавливаютъ насъ. Спанииска сдѣлала слишкомъ мало успѣховъ даже въ странахъ просвѣщеннѣйшихъ, а въ страны варварскія она еще не проникла.

(NEW PHILOSOPHICAL JOURNAL).

VI.

НОРМАЛЬНЫЯ ШКОЛЫ

ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ ПРУССІИ.

Въ Пруссіи существуенъ два рода нормальныхъ школъ для первоначальнаго образованія: большія, учрежденныя Правительствомъ, и малыя, кои всѣ почти суть заведенія частныя, но между нѣмъ соспоянъ также подъ надзоромъ Правительства. «Синъ послѣднія, говоритъ Кузенъ въ извѣстномъ своемъ рапортѣ, болѣе шаятся, чѣмъ выказываются; онѣ по большей частинѣ назначены исключительно для образованія деревенскихъ учителей въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ. Къ сей цѣли направлена вся ихъ организація. Онѣ почти не споянъ ничего и дѣлаютъ весьма много добра. Нѣтъ ничего легче, какъ заводитъ ихъ: нужно только нѣмъ учителей и воспитанниковъ, которые бы посвятили себя на труды, самыя скромныя и безвѣстныя. Но подобное самоотверженіе можетъ быть внушаемо и поддерживаемо только религіею. Посему въ сихъ заведеніяхъ все дышетъ христіанствомъ, любовью къ человечеству и нищетою.» Для примѣра, приводитъ онъ два изъ такихъ полезныхъ заведеній: одно, скрывающееся въ предмѣстіи Шпегина, а другое въ Прицъ, маленькомъ Померанскомъ городкѣ, основанное 1824 года, въ честь Оппо, Епископа Брандербургскаго, который первый ввелъ христіанство въ Померанію, въ 1124 году.

Большія нормальныя школы образуютъ учителей

для двухъ разныхъ степеней первоначальнаго образованія, и именно: для школъ элементарныхъ и для школъ городскихъ. Онѣ принадлежатъ государству и состоятъ подъ распоряженіемъ мѣстныхъ областныхъ начальствъ. Учрежденіе ихъ относится къ 1819 году: но окончательное устройство определено позднѣйшими постановленіями. Воспитанники нормальныхъ школъ обязаны служить только одинъ мѣсяцъ въ дѣйствующей арміи, въ то время, какое сами выберутъ; а учителя подвергаются только второму позыву ландвера. Сія послѣдніе берутся преимущественно изъ воспитанниковъ тѣхъ же школъ. Для того, чтобы сдѣлаться кандидатами, они подвергаются спорогому экзамену, потомъ временно посылаются на вакантные мѣста и наконецъ держатъ новое испытаніе при окончательномъ опредѣленіи, если въ первомъ испытаніи не получили, по крайней мѣрѣ, *очень хорошей* рекомендаціи. Воспитанники, содержавшіеся на счетъ казны или обществъ, сдѣлавшись кандидатами, остаются при годѣ въ полномъ распоряженіи правительсва и должны занимать всѣ мѣста, какія имъ будутъ назначены.

Циркуляръ 1827 года, во всѣхъ нормальныхъ школахъ Пруссіи, введены регулярныя гимнастическія упражненія, во первыхъ для укрѣпленія здоровья воспитанниковъ, потомъ дабы приучить ихъ держать себя присвойнымъ образомъ, наконецъ для будущаго ихъ состоянія. Другой циркуляръ тогоже года предписалъ порядокъ курсовъ, коимъ должны были слѣдовать школьные учителя, вызванные временно для усовершен-

ствованія въ нормальныхъ школахъ. Что касается до порядка ученія самыхъ воспитанниковъ, то для любознательства предлагаемъ здѣсь слѣдующій планъ Пошдамской школы.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

1. Религія. Введеніе въ Библію и въ Библейскую Исторію. Чтеніе и изъясненіе Библии. Обзорніе Церковной Исторіи и Христіанскаго Ученія. (Четыре урока въ недѣлю).

2. Нѣмецкій Языкъ. Логическія приготовительныя упражненія. Изученіе звуковъ, слоговъ и словъ. Орфографія. Словопроизводство. (Четыре урока).

3. Чтеніе. Упраженія въ правильномъ чтеніи изъ хорошихъ книгъ. Чтеніе изуспное и декламація. (Два урока).

4. Арифметика. Упраженіе въ цѣлыхъ числахъ и дробяхъ. (Четыре урока).

5. Геометрія. Занятія геометріей, сначала какъ основаніемъ письма и рисованья, потомъ какъ приготовленіемъ къ высшимъ часпямъ математикки. (Четыре урока).

6. Письмо. Правила Нѣмецкаго и Англійскаго почерка. Каллиграфія опносительно обоихъ почерковъ. (Четыре урока).

7. Рисованье. Черченіе линий. Первые основанія рисованья *d'après la bosse*. (Два урока).

8. Пѣніе. Первоначальныя упражненія. Церковноепѣніе на многіе голоса. (Четыре урока).

9. Музыка. Изъясненіе органовъ, гаммъ и аккордовъ. Модуляція. (Два урока).

10. Скрипка. (Три урока).

Всѣхъ уроковъ въ недѣлю: тридцать три.

ГОДЪ ВТОРЫЙ.

1. Религія. Вѣрученіе и Нравственность Христианская. (Четыре урока).

2. Нѣмецкій Языкъ, Синтаксисъ; пунктуация; слѣды; упражненіе въ сочиненіяхъ. (Четыре урока).

3. Чтеніе. Тѣже упражненія, какъ и въ первый годъ. (Два урока).

4. Прикладная Ариметика. (Четыре урока).

5. Геометрія, до сферомертрин, съ практическими примѣненіями, только въ первое полугодіе. (Три урока).

6. Каллиграфія. (Два урока).

7. Рисованье изъ головы и зананіе оцѣлкою рисунковъ въ разныхъ родахъ. (Два урока).

8. Пѣніе церковное, многоголосное. (Четыре урока).

9. Музыка. Переложенія ключей. Уроки на органахъ. Способъ сохранять и поправлять органы. (Три урока).

10. Продолженіе Скрипки. (Три урока).

11. Географія общая, физическая и математическая, съ нѣсколькими понятіями о Физикѣ; географія частная. (Четыре урока).

12. Натрѣльная Исторія вообще; бопаника. Только во второмъ полугодіи. (Четыре урока).

Всѣхъ въ недѣлю уроковъ: тридцать пять и тридцать шесть.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

1. Сочиненія на Нѣмецкомъ Языкѣ. (Одинъ урокъ).

2. Зананіе всякаго почерка письмомъ. (Одинъ урокъ).

3. РИСОВАНИЕ. Продолженіе тѣхъ же упражненій: головы и пейзажи. (Два урока).

4. ПЯТЬ. Вокальные концерты и устное упражненіе пѣніемъ. (Три урока).

5. Продолженіе уроковъ на органахъ и упражненія въ Музыкальскія композиціи. (Пять уроковъ лѣвой, при лѣпомъ).

6. СКРЫШКА. (Пять и при урока).

7. ДИДАКТИКА и ПЕДАГОГИЯ. Основанія психологіи и педагогіи. Капехишическія упражненія, изустныя и письменныя. Метода. (Три урока).

9. ИЗЪ НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: зоологія, ботаника и минералогія. (Два урока).

9. ИСТОРИЯ. Приготовленіе къ исторіи. Хронологія. Исторія древняя, средняя и новая, преимущественно Германіи и Пруссіи; съ большою подробностію исторія Брандербургской Области (гдѣ находится школа). (Три урока).

10 ФИЗИКА. Ученіе о тѣлахъ и свойствахъ тѣлъ. Ученіе о явленіяхъ природы. (Два урока).

Всѣхъ уроковъ, въ первое полугодіе: двадцать семь; во второе: двадцать три.

Кромѣ того, ежедневно, во время рекреаций, воспитанники упражняются въ садоводствѣ и плаваньи, когда время года позволяетъ. При концѣ каждаго мѣсяца, послѣднимъ урокомъ, во всѣхъ часпямъ, бываетъ повтореніе пройденнаго въ мѣсяцъ, въ родѣ испытанія.

Планъ сей показываетъ, что первый годъ курса нормальныхъ школъ посвящается собственно тому,

чно Нѣмцы называютъ *образовательныя формальныя*: ибо здѣсь особенно занимаются развивать: чувствъ и обрабаткою: мысли посредствомъ логическихъ упражненій, изученія языка; арифметики и геометріи. Второй годъ посвящается преимущественно *образованію реальному*; третий *практическому*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи предсданы были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Октябръ 2 дня, 1833.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ПИСЬМО О ФИЛОСОФІИ.

К. П. Ю — ОИ.

Вы не напрасно *полюбили философію*: безъ нея нѣтъ полнаго знанія. Но говоря эшо, я разумью не шу философію, кошорая свои поспроенія основываетъ на разчешахъ одного разума. Такая философія можетъ быть весьма умная, но всегда холодная собесѣдница жизни и часпо скучная педаншка. Оне не согрѣваетъ души. Подобно зимнему солнцу, она только свѣтитъ на предметы, не пробуждая въ нихъ жизни; и опть свѣта ея часпо на душу спелюпся только мрачныя тѣни и леденѣтъ чувствю. Разумъ самъ собою не даетъ живаго знанія, полнаго убѣжденія: его спихія — *солныше*; и я думаю, у многихъ бываетъ ша пора жизни, когда хочеть все рѣшить своимъ разумомъ, не даеть

вѣры ни чему, чего не изъяснишь онъ — и заходишь въ такую пусыпню бышя, для копорой, не, спдишь родишься, копорая не спонитъ шруда жишь. Такая пора была и въ жизни образованнаго человѣческава въ прошедшемъ вѣкѣ.

Но гдѣ же *убѣжденіе*? На это слово, какъ созвучная спруна, вѣрно уже оивѣчало вамъ *сердце*. Въ сердцѣ заключаешся убѣжденіе; онгъ шеплошы чувшвъ оно зависитъ; и шолько въ союзѣ съ сею шеплошою, свѣшъ разума даешъ искры и пламя живаго знанія. Душа своимъ чувшвомъ проникаешъ въ самыя непрозрачныя глубины бышя, въ шайны жизни недоспушныя для однота разума; ибо въ природѣ, какъ и въ душѣ человѣческой, всегда оспаешся нѣчто выше разысканій нашего разума, выше законовъ, по копорымъ онгъ рѣшаешъ и повѣраешъ свои *сльдствія*. Для полнаго знанія и убѣденія необходимо живое, посредшвенное обьяшше предмета чувшвомъ, копорое служитъ шо вѣспникомъ, шо вожашаемъ разуму, на пуши его къ спранѣ ему обѣшпованной.

Но основное всеобщее чувшво ешъ *любовь*. Она ешъ высшее чувшво нашей души, главное чувшво природы, наконецъ чувшво божешвенное: ибо *Богъ ешъ любовь, и пребывающій въ любви въ Богъ пребываетъ*. И шакъ: безъ люб-

ви нѣтъ полнаго разумѣнія; и можно доказать живыми еще примѣрами, что опличнаго разума мудрецъ, но съ холодною, нелюбящею душою, не естъ вѣщатель плодоносной мудрости. *Разумъ кичитъ, любовь созидаетъ.* Истинная, живая *мудрость* разума утверждается на *любви!*

Отсюда открывается значеніе философіи: это *любовь къ мудрости!* Попому она являлась споль же всеобщею, повсюдною, многосмысленною и разнообразною, какъ сама *любовь.* Подобно любви, она по возвышалась до религіознаго благоговѣнія, по искажалась и упала до грѣховнаго материализма; была чпима, счастлива и шерпѣла бѣды и гоненія; была безоипчешнымъ созерцаніемъ ума, исключительнымъ чувствомъ сердца, холоднымъ расчетомъ разсудка и забавою общественною. Также какъ любовь, она являлась свѣплымъ гениемъ истины и добра, и мрачнымъ демономъ зла и искушенія; просширалась на всю жизнь, на все знаніе и уединялась въ шѣсную хранину особой науки. Кого люди не называли *философомъ?* Про что не говорятъ они *люблю?*

Но что есть наука философія? Какой предметъ ея?..

Что философія можетъ быть наукою, пому

доказательство множеству *курсовъ философіи*. Каждый изъ нихъ опредѣляетъ ее по своему; всѣ *опредѣленія* сн различны, и между тѣмъ всѣ они идутъ къ ней, всѣ ей къ лицу, какъ наряды красавицы. Но, признаюсь, я не могъ доселѣ выбрать изъ сихъ нарядовъ ни одного. *вполнѣ* ей приличнаго; я скажу вамъ, какъ самъ думаю: что лучше убранство для нея есть прекрасное имя ея, данное Пифагоромъ: любовь къ мудрости. Я не сумѣю и отказываюсь говорить объ ней, какъ объ особой, отдѣльной отъ другихъ наукъ. Она какъ *любовь къ мудрости* представляется мнѣ спремленіемъ къ живому знанію *предметовъ* и ихъ *сущности*, желаніемъ согласовать, одушевить наши знанія. Поэтому она является особливимъ *взглядомъ* на предметы, копорый обнимаетъ *особое* существованіе ихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ проникаетъ въ ихъ внутреннее значеніе и *единство*. Такимъ образомъ она можетъ быть въ каждомъ умномъ человѣкѣ, созидая его образъ мыслей и направленіе къ полношѣ и гармоніи знаній, чѣмъ и отличаетъ *любомудріе* отъ простаго *любознанія*. Такимъ образомъ философія можетъ быть въ каждомъ произведеніи ума; можетъ входить въ поэзію, просираваться на жизнь.

Но преимущественно предъ всѣми *философами* называется шопъ, кто смогъ главнѣйшія опросли знанія свести къ единому, *общему началу*, и

изъ него развивашь знанія въ спройной *системѣ*.
 Такого челоуѣка образъ мыслей и взглядъ на пред-
 меты, называющаея преимущественно *философіей*
 его имени. Эпи *общи́я начала, главныя уполо-
 женія* соспавляютъ оплчїе, гордоспъ и выѣспгъ
 недоспапокъ различныхъ *системъ философіи*,
 причину ихъ временнаго разлива, возвышенїя
 и бывшаго попомъ сокращенїя, упадка. Ибо эпи
общи́я начала, на конхъ философы основывали
 свои системы, были и значительны, и справед-
 ливы, и доспапочны для того, чшобы развишь
 изъ себя извѣспный, ограниченный кругъ знанїя.
 Но систематики болшешо часпю утверждали
 си *общи́я начала* въ своемъ собспвенномъ, *част-
 номъ* разумѣ; и когда придавая какому-нибудь
 изъ нихъ лишнюю значительность, пыпались
 наполняшь имъ всю безпредѣльную пучину
 знанїя, шо оно оказывалось недоспапочнымъ
 и спшпкомъ *частнымъ*, скоро испощалось и
 усшупало мѣспо новому *роднику*, изливавшему
 изъ себя новую *систему*, копорая въ свою оче-
 редь, оросивъ и освѣживъ на время поле нашего
 знанїя, сокращалась въ шѣсные берега и выпада-
 ла въ море *исторїи философическихъ системъ*.

Такимъ образомъ измѣняешя главный образъ
 мыслей, основной взглядъ въ *миръ знанїя*, или
 чшо все равно: измѣняешя *философія*.

Чшо касается до разныхъ *наукъ* или часп-
 ныхъ опрослей знанїя, шо и въ нихъ одинъ,

общій взглядъ долженъ простирашся до самыхъ мѣлкихъ подробностей, подобно тому, какъ жизнь какого-либо пѣла, составляющая сущность его и основное начало, простираешся до самыхъ мѣлкихъ его часпей. При наспо-
ящихъ успѣхахъ ума спали преровашъ, что бы наука была системою, т. е. предспавленіемъ всѣхъ часпей своего предмета въ спройномъ единствѣ и цѣлости. Попому философія должна составлять уже не опдѣльное *введеніе* или *Заклоченіе* въ какой-либо науку; но вся наука должна бытъ *философическая*, опъ своихъ главныхъ и общихъ положеній, до самыхъ часпныхъ изслѣдованій: тогда только она и можетъ сдѣлаться системою, спспаяшся какъ наука.

Бошаника, зоологія, физика такъ же сушь философія, какъ и логика, эспепика, психологія; ибо вездѣ желаемъ системы, вездѣ хотимъ полноты и гармоніи знанія. Попому мы не довольсшвуемся чувспвеннымъ изслѣдованіемъ внѣшней спороны явленій (*эмпирией*), не довольсшвуемся дробнымъ различеніемъ часпностей (*анализомъ*), не удовлетворяемся опвлеченіемъ разума въ безпѣлесную, мысленную спорону быпія (*идеализмомъ*), избѣгаемъ произвольности въ соединеніи и обобщеніи часпностей (*синтезъ*); но спремимся согласовашъ сіи односторонніе способы познанія и сдружшъ опыты чувспвенные

съ опытами ума въ одно полное, живое и положительное знаніе а).

Для полноты знанія должно каждый предметъ познавать въ полноту бытія его или въ цѣльной совокупности его существованія дѣйствительнаго, явленнаго, и бытія возможнаго, мысленнаго; должно познавать его, какъ онъ есть п. е. какъ представляющееся намъ явленіе, и вмѣстѣ какъ мысль, имъ выражающаяся; какъ отдѣльное, особое существо и вмѣстѣ какъ членъ цѣлой, единой, общей жизни. И сей-по взглядъ на предметы живой, полный, согласующій, есть собственно-философическій взглядъ и составляетъ философію.

По этому предметъ философіи можетъ быть всякій предметъ, подлежащій нашему познанію, до малѣйшихъ своихъ подробностей. Но смотря по временнымъ потребностямъ жизни, по особенной склонности умовъ, смотря пошому, въ чемъ полагаема была мудрость, сей взглядъ могъ спазнаваться, средопочиться преимущественно на нѣкоторыхъ предметахъ, на исключительныхъ вопросахъ, могъ вдаваться въ крайности другихъ вышесказанныхъ способовъ познанія, кои онъ (какъ спихи свои) согласовашъ въ себя долженъ. Отъ шого имя философіи принимали на себя раз-

а) Объ этомъ я говорилъ уже въ предисловіи къ моему *Размышленіямъ о Природѣ. М.*

ныя науки: богословіе, психологія, логика, метафизика, метафизика, физика, (копую и шеперъ Англичане называють натуральной философій); въ наше же время главнѣйшіе вопросы ея связаны съ наукою исторіей. Опъ того философія бывала схоластизмомъ, формализмомъ, матеріализмомъ, критицизмомъ, мистицизмомъ и. ш. п.; и наконецъ она получаетъ характеръ историческій. Иногда обращалась философія на практическую жизнь, являясь стоицизмомъ, эпикуреизмомъ и. ш. п. Иногда она, переходя въ поэзію, усмремлялась на предметы фантастическіе, причудливые, каковы на примѣръ, гаданіе судьбы людей по шеченію свѣспилъ, вызываніе безплошныхъ духовъ и усопшихъ, соспавленіе философскаго камня; но всему этому вѣрили, въ эпому поставляли мудрость великіе люди, цѣлые народы, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; и философія тогда жила въ астрологіи, магіи, алхіміи.

Такъ-шо измѣнялась она и въ направленіи и въ значеніи своемъ; подобно пому, какъ съ возрастами, отношеніями, переворотами жизни нашей мѣняющся нашъ образъ мыслей, нашъ взглядъ на міръ, наши любимыя желанія, мечты, идеалы.

Споль многозначительною, разнообразною являлась философія! Замѣшше однакоже, что

она успремлялась всегда на предметы, въ коихъ думали находить источникъ *мудрости*; всегда имѣла вліяніе на судьбу наукъ и оспаривала поучительные уроки потомству, хотя часно *отрицательные* своими неудачами и заблужденіями, въ кои она впадала по односпорности своихъ спремленій, по исключительности своихъ предметовъ.

Теперь, извѣдавъ сполько идеаловъ, надеждъ, увлеченій, философія научилась дорожить *дѣйствительностью*; она желаетъ согласишь въ себя разумъ и сердце; полюбила гармонию жизни, и спарается одушевити, успроитъ ею все, что спановится ей *доступнымъ* и прикосновеннымъ, не говорю *близкимъ*, ибо она, какъ любовь, ничего не чуждается.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

1855.

Сентября 6.

ЗАПИСКА

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕСКОПА.

Посылаю для журнала швоего сіе письмо, въ копоромъ изложено мое понятіе о философіи, шибъ уже извѣстное, и опчасни принадлежащее: ибо и шы называетъ ее *образомъ мыслей*, поспавждаетъ въ *высшемъ эклектизмѣ*, и согла-

шаешься, что прохождение оной должно соспоянть болѣе въ *исторіи системъ*, чѣмъ въ *догматикѣ*. Но говоря здѣсь объ ней, какъ о *любви къ мудрости* и основанномъ на ней *взглядѣ* на предметы, указывая на ея главнѣйшія видоизмѣненія, я оставилъ *нерѣшимымъ* вопросъ объ ней, какъ объ *особой наукѣ*. Хотя въ разные времена на различные предметы обращалась она, хотя на *всѣ* предметы она простирается можетъ и должна; но что скажутъ о шѣхъ вопросахъ, кои соспаждали ея постоянную принадлежность, какъ бы исключительное занятіе, и не разрѣшались въ другихъ наукахъ? Куда принадлежатъ вопросы о добрѣ и злѣ, о назначеніи челоуѣка и челоуѣчества, о сущности знанія, науки и самой мудрости; объ отношеніи истины въ красоту и проч.? Если рѣшеніе ихъ составляетъ задачу *особой науки-философіи*: то въ такомъ случаѣ надобно найти, что въ нихъ есть *общаго*, связующаго ихъ въ одинъ особый предметъ особой, правильной науки? въ чемъ состоятъ ихъ *единство*, по которому относятся сіи вопросы къ философіи, спольже опщепливо, какъ элекшричество, свѣтъ, звукъ и пр. относятся обыкновенно къ Физикѣ; или это единство есть споль же швердый, прочный философскій камень, какъ шопъ, на которомъ утверждалась алхимія? Но въ такомъ случаѣ, къ какимъ наукамъ должно отнести оные вопросы?..

Вошть задача, разрѣшенія коей желать бы я опгь
пвоего *систематизма*,

Для рѣшенія сего, можешть бышь, надобно
представиль полный черпезъ знанія нашего,
сиспему наукъ; но шѣмъ полезнѣе было бы эпо
рѣшеніе: шы же совершилъ полный академиче-
скій курсъ *философiи*—сей *науки наукъ, науки*
изъ понятій, науки возможностей а) и проч. и
проч.

а) Благодаря за довѣренность, со всею скромностію при-
знаюсь, что предметъ сей съ давняго времени былъ моимъ
любимымъ, задушевнымъ предметомъ, въ который углуб-
лялся всѣми силами моего ума считаю я высочайшимъ
наслажденіемъ. Не знаю, удовлетворю ли доспаточно дру-
жескому призыву: но, признаюсь, посшавлю для себя при-
лшнѣйшею обязанностию опгвѣчать на оный. *Любовь къ*
мудрости, какъ и всякая любовь, пишается раздѣломъ: и
чѣмъ больше дѣлится, шѣмъ больше возрастаетъ. *Изд.*

II.

ОДНЪМЪ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

ПОВѢСТЬ ВАЛЬЗАКА.

§ IV.

КУДА ИДТИ УМИРАТЬ?

На другой день, около девяти часовъ, Жюль ушелъ попохоньку со двора, побѣжалъ въ переулокъ Красныхъ-Дѣшей, вошелъ и позвонилъ у дверей вдовы Грюже.

— О! о! Какъ вы вѣрны своему слову! Исправны, какъ заря! Войдите же, сударь! сказала спарая позуменшница, узнавъ его.

И когда двери были припворены и заперты:

— Я приготовила вамъ чашку кофе съ сливками, въ случаѣ, если... продолжала она. А ужъ чшо за сливки! При моихъ глазахъ, наделили маленькій горшечекъ на скопномъ дворѣ, чшо шамъ на рынкѣ...

— Покорно благодарю. Миѣ ничего не надобно, ничего... Проведите меня...

— Очень хорошо, добрый мой господинъ. Пожалуйте здѣсь...

Тогда вдова повела Жюля въ комнату, которая была вверху надъ ней, и съ шпоржеспвомъ показала ему дырочку, величиною съ

монешу въ сорокъ су, едланную ночью пропивъ самыхъ верхнихъ и самыхъ шемныхъ, рещевъ бумажныхъ обоевъ, конми обипа была комнаша Феррагуса. Опверспіе сіе, въ обвихъ комнашахъ, находилось посверхъ шкафа. Рабоша слѣсаря не оставила послѣ себя никакихъ слѣдовъ съ шой и другой спороны, шакъ чшо весьма шрудно было различипъ въ спѣнѣ сыважину. Но Жюль принужденъ былъ, чшобъ держашся и хорошо видѣшь, оспавашся въ довольно ушомишельномъ положеніи, вскарабкавшись на подмоспку, копорую вдова Грюже имѣла забопливоспъ принѣспи.

— У него гопспь... сказала она, уходя.

Въ самомъ дѣлѣ, Жюль увидѣлъ человекъ, занимавшася перевязкою цѣлаго ожерелья ранъ, произведенныхъ прижиганьемъ на плечахъ Феррагуса, коего голову призналъ немедленно по описанію Г. де Моленкура.

— Когда, думаешь ты, я вылѣчусь? спросилъ онъ.

— Не знаю, ошвѣчалъ неизвѣспный, но, по сказамъ медиковъ, надобно еще семь или восемь перевязокъ.

— Ну шакъ до вечера! сказалъ Феррагусъ, прошанувъ ему руку, когда положилъ онъ послѣдній бинтъ.

— До вечера, ошвѣчалъ неизвѣспный, покажъ

руку Феррагуса, съ чувствомъ. Миѣ хочется самому видѣть поскорѣе конецъ своимъ спраданіямъ.

— Бумаги Г. де Фюнкаля завтра будутъ въ нашихъ рукахъ. Наконецъ Ганри Буриньяръ въ полномъ смыслѣ умеръ! продолжалъ Феррагусъ. Два роковыя письма, копорыя намъ шакъ дорого спойли, болѣе не сущесвующъ... И шакъ я опяшь сдѣлаюсъ чѣмъ-то общеспвеннымъ, чело-вѣкомъ съ челоуѣскимъ именемъ... и конечно спюю какого-нибудь моряка, отпрауленного на объѣдъ рыбамаъ... Богу извѣспно, для себя ли я дѣлаюсъ шеперь Графомъ...

— Бѣдный Граціанъ! удалая наша голова, брашь возлюбленный... Ты оспасешься послѣдней опорой нашего союза... шевъ эшо извѣспно...

— Ну, прощай же! Да спопри хорошенько за Моленкуромъ...

— Будь покоенъ на эшопъ счетъ!

— Гей, Маркизы!.. вскричалъ спарый колодникъ.

— Чшо еще?

— Ида способна на все, послѣ вчерашней спенъ. Если она вѣдумаепъ бросишьса въ воду, на эшопъ разъ я конечно не спану закидываш не-вода. Тогда она лучше спохранишь шайну моего имени, единспвенную шайну ей извѣспную. Однако спопри и за ней: ибо, при всемъ шомъ, эшо добрая дѣвушка!..

— Очень хорошо!

Незнакомецъ удалился.

Минушь черезъ десяшь, Жюль, не безъ лихорадочнаго содроганія, услышалъ шорохъ шелкового плащя и почти распозналъ по спугу шаги своей жены:

— » Башюшка, бѣдный мой башюшка! « сказала входя Клеменція. » Какъ вы теперь? О какое мужество! «

— Поди ко мнѣ, дитя мое! опивчалъ Феррагусъ, прошагивая ей руку.

И Клеменція подставила ему свой лобъ, которъй онъ поцѣловалъ съ нѣжностію.

— Посмотримъ, что еще съ побой, бѣдняжка! Какія новыя огорченія? . . .

— » Огорченія, башюшка! Нѣтъ! не огорченія, а смерть для вашей дочери, кошорую вы сполько любите!.. Я писала уже вчера къ вамъ, что вашъ умъ, сполько изобрѣшательный, долженъ непременно найши средство увидѣться съ моимъ Жюлемъ, не позже сего дня. Еслибъ вы знали, какъ онъ ко мнѣ добръ, не смонря на подозрѣнія, по наружности, споль справедливыя!.. Башюшка! любовь есть моя жизнь!.. Не ужели вы захопите видѣть меня умирающею! Ахъ! я и такъ уже слишкомъ много спрадала! И теперь чувствую, что жизнь моя въ опасности. «..

— Тебя потерялъ, дочь моя! сказалъ Феррагусъ: и потерялъ ошь глупости Парижскаго негодяя... Да я скорѣ спалю весь Парижъ!.. Ахъ! ты знаешь, что такое любовникъ и мужъ.. но не знаешь, что такое опецъ!...

— » Башюшка! вы пугаете меня, когда такъ на меня смошреше. Но не кладите на вѣсы двухъ чувствованій столько различныхъ. Я имѣла мужа, прежде чѣмъ знала, что опецъ мой еще живешъ. . . . «

— Если мужъ швой первый осыпалъ поцѣлуями швое лице, ошвѣчалъ Феррагусъ, я первый облилъ его слезами... Но успокойся, Клеменція!.. Говори мнѣ все! Я люблю себя столько, что могу быть счастливъ одною увѣренностію въ швоемъ счашии... хотя опецъ швой почши ничего не значилъ въ швоемъ сердцѣ, между шѣмъ какъ его все наполнено побою. . .

— » Боже мой! какъ подобныя слова должны быть для меня пріятны!.. Вы хотите, чтобы я любила васъ болѣе: а мнѣ кажется, это значилобъ покищать принадлежащее Жюлю... Но, башюшка, подумайте, что онъ въ опчаяніи! Что и скажу ему черезъ два часа? . . . «

— Дитя мое! Дождался ли я швоего письма, чтобы спасти себя ошь угрожающаго несчашия? Что дѣлается съ шѣми, которые вздумали прикоснуться къ швоему счашию, шверешся промежъ насъ! Не замѣчала ли ты по-

стойно вѣраго Провидѣнія, неусыпно бодрствующаго надъ шобою? Ты не знаешь, что двѣнадцать челоуѣкъ, исполненныхъ ума и силы, соспаляютъ оуоуѣтъ ворууѣтъ швоей любви и жизни, гошовой на все для швоего сохраненія? Развѣ я не пошѣ же швой ошецѣ, кошорый презиралъ смерть, чтоуоы видѣшѣ шебя на прогулахъ, чтоуоы приходишѣ по ночамъ къ швоей матери, любовашѣся шобой въ маленькой швоей постелькѣ? Развѣ я не пошѣ, кошорому одно воспоминаніе швоихъ дѣшскихъ ласкъ давало силу жить, въ шо время какъ всякой челоуѣкъ съ неспію долженъ былъ бы задушитѣ себя, чтоуоы избѣгнути позора? Развѣ наконецъ я не пошѣ, я кошорый дышетѣ только швоими ушвами, видишѣ шолько швоими глазами, чувствуетѣ шолько швоимъ сердцемъ. . . и кошорый будетѣ умѣлѣ зацшшитѣ шебя, когшми льва, горячностію опца... шебя, единственное мое благо, мою жизнь, дочь мою? . . Съ самой смерти ангела, кошорый былъ швоею матерью, я думалъ шолько объ одномъ, о счасшнн признать шебя явно своею дочерью, сжашѣ шебя въ объятіяхъ моихъ предѣ лицомъ неба и земли, задушитѣ въ себѣ колодника. . .

Онъ оспановился на минушу. . .

— Дашѣ шебѣ опца, продолжалъ онѣ, имѣшѣ возможность безѣ спыда жашѣ руку швоего мужа, жить безѣ спраха въ вашихъ сердцахъ

и говоришь, указывая на себя, въ слухъ всего свѣта: » это душа мое! « однимъ словомъ, бышь опцемъ, какъ и сколько душъ угодно...

— » О бапюшка! бапюшка! «

— Послѣ столькихъ трудовъ и усилій, изворочавъ весь земной шаръ, продолжалъ снова Феррагусъ, друзья мои промыслили мнѣ чело-вѣчью шкуру, копорую могу я надѣсть на себя. Черезъ нѣсколько дней я буду Г. де Фюн-каль, Поршугальскій Графъ. Да! милая дочь моя! Мало найдется людей, у копорыхъ въ мои лѣ-та досмалобъ шерпѣнія выучишься Поршугаль-скому и Англійскому языку, копорые эпошь прокляшый морякъ зналъ совершенно...

— » Любезный бапюшка! «

— Все предусмотрено, все улажено... и чрезъ нѣсколько дней, Его Величество, Юанъ VI, Ко-роль Поршугальскій, будетъ моимъ соучастни-комъ. И шакъ тебѣ нужно взять еще не много шерпѣнія, погда какъ опецъ пвой шерпѣль слишкомъ много. Но что до меня, эпо очень пре-сто! Чегобы не сдѣлалъ я, чтобы вознаградишь пвою прехлѣпную преданность... Приходишь всякой день, съ шакою благоговѣйною поч-ностью, ушѣшать спараго опца? Подвергаешь опасности свое счастье?..

— » Бапюшка!

И Клеменція, схвативъ руки Феррагуса, осы-пала ихъ поцѣлуями.

— Ну! ободришь же, моя Клеменція! Еще нѣсколько мужества! Сохранимъ до конца пагубную пайпу! Твой Жюль не изъ обыкновенныхъ людей: но мы не знаемъ однако, не увлечешся ли онъ, своимъ спрогимъ характеромъ и чрезмѣрною любовью, къ нѣкоторому роду неуваженія къ дочери...

— » О! « вскричала Клеменція. » Вы прочли мое сердце! «..

И она присовокупила раздирающимъ голосомъ:

— » У меня нѣтъ другаго спраха! Эта мысль леденитъ меня!.. Но, башюшка, подумайте, что я обѣщала ему сказать всю правду черезъ два часа. «..

— Очень хорошо, дочь моя! Скажи ему, чтобъ онъ шелъ въ Поршугальское Посольство и спросилъ шамъ Графа де Фюнкаля, своего опца... Я буду шамъ...

— » А Г. де Моленкуръ, кошорый говорилъ ему о Феррагусъ! Боже мой! Обманывашъ, обманывашъ его... Какая пышка!.. Башюшка! «..

— Кому ты говоришь эшо? Но еще нѣсколько дней — и не будетъ человека, кошорый бы могъ изблечить меня!.. Впрочемъ, Г. де Моленкуръ, думаю, не въ состояннн уже помнитъ себя... Ну, полно же, дурочка! Осуши свои слезы и подумай!..

Въ эшу минушу, ужасный крикъ раздакъ въ комнашъ, гдѣ находился Г. Жюль Демаре.

— Дочь моя! бѣдная моя дочь!

Эпошъ крикъ проникъ сквозь опверстнѣе, сдѣланное надъ шкафомъ, и поразилъ ужасомъ Феррагуса и Гжу Жюль.

— Поди, посмотри, что тамъ, Клеменція!

Клеменція быспро сбѣжала по маленькой лѣсенкѣ, нашла опворенными наспешъ двери комнапы Гжи Грюже, услышала крики раздававшіеся въ верхнемъ этажѣ, побѣжала по лѣспницѣ и, руководимая шумомъ рыданій, дошла до роковой комнапы, куда не входя еще, услышала слѣдующія слова:

— Эпо вы, сударь, съ вашими запѣями... вы причиною ея смерти!..

— Молчи, несчастная! отвѣчалъ Жюль, зажимая плапкомъ ротъ вдовѣ Грюже, которая кричала:

— Караулъ! рѣжушь!

Въ эту минушу, Клеменція вошла, увидѣла своего мужа, испустила громкій крикъ и бросилась опромешью назадъ.

— Кто спасетъ теперь мою дочь? спросила вдова Грюже послѣ довольно долгаго промежутка. Вы ее убили!..

— Какимъ образомъ! отвѣчалъ машинально Жюль, окаменѣвшій при видѣ жены, которая его узнала.

— Прочтите, сударь! кричала спаруха, раз-

ливаюсь въ слезахъ. Еспь ли пенсія, копоралбъ могла мена ушъщипь за эшо? ..

» Прасчай машунка! Я аспавляю шебъ все, чпо у мене. Прашу у шебъ прасченія за все ман глупоспи и за послѣднее агарченіе, кашорав делаю шебе сваю смерпью. Ганри, кашорава я люблю больше себя, сказалъ мне, чпо я делаю ево несчастнымъ. Онъ прагналъ мене апсебе; я наперяла всю надѣжду приспроишца, иду брошпца вводу. Ашправляюсь ниже Нельи, чпобъ не выпасчили мене здесь и не выспавили въ Моргъ. Еспли Ганри после смърши маей не будешъ мене нинавидешъ, шо напроси ево пагребспи бедную девушку, кашорой сърдце билось для нево аднаво, и чпобъ онъ праспилъ мене шпо я вмешалась не въ свое дела. Перевязывай харашенька ему раны: онъ шакъ спрадаишъ ашнихъ, бѣдненькай! Я умираю шѣперь съ шакимъ же духомъ, какъ онъ жогъ себе. Вели ашнеспъ кашовые карсепы къ хазывамъ, кашорыи ихъ заказывали. И мали Бога за дочь шваю, «

» Иду. «

— Опшесипе эшо письмо къ Г. де Фюнкалию... ну къ шому, чпо шамъ за спѣной!.. Если еспь еще время, онъ одинъ можешъ спаспи вашу дочь! ..

И Жюль исчезъ, спасаясь бѣгспвомъ, какъ чѣловѣкъ сдѣлавшій преспуленіе. Колѣна подъ нимъ дрожали. Къ сердцу приливали пошоки горя-

чей крови, обильнѣе, чѣмъ когда-либо, во всю прежнюю его жизнь, и опливали назадъ съ необычайною силою. Иден самыя противорѣчаша сражались въ его умѣ: и между шѣмъ одна мысль владычествовала надъ всѣми. Онъ не былъ справедливъ къ особѣ, которую любилъ болѣе всего на свѣтѣ, и не могъ никакими извиненіями успокоить своей совѣсти, коей голосъ, возвысившись соразмѣрно преступленію, совершенно опрѣдѣлялъ громкимъ воплемъ спраспи, раздававшимся во глубинѣ души его въ шѣ ужасныя минушы сомнѣнія, кои были имъ испытаны. Большую часть дня провелъ онъ скипаясь по Парижу, не имѣя смѣлости ворошиться домой. Этошѣ честный и прямодушный человекъ прешалъ при мысли видѣшѣ неукоризненное чело супруги, оскорбленной несправедливымъ подозрѣніемъ.

Великостъ преступленія соразмѣряется всегда съ чистотою совѣсти: и поступокъ, который человекъ съ извѣстнымъ сердцемъ едва кажется маловажною ошибкою, для душъ чистыхъ и невинныхъ принимаетъ размѣры наслощаго злодѣянія. Въ самомъ дѣлѣ чистота и невинность не ешѣ ли нѣчто небесное? Самое малѣйшее пятнышко на бѣлоснѣжномъ одѣяніи дѣвы возбуждаешѣ впечатлѣніе, едва ли не сполькоже оскорбительное, какъ запачканныя лохмотья нищаго. Единственна

разница между сими двумя вещами также, что между несчастіемъ и проступкомъ. Богъ, вѣчный судія, никогда не мѣришь, не раздробляетъ раскаянія: и предъ его непреложнымъ правосудіемъ сполькожь пошребно для очищенія одного пятна, какъ для изглажденія цѣлой грѣховной жизни.

Син размыщленія гнели всею пыжеспію своею душу Жюля. Спраспи также неумолимы, какъ законы человѣческіе, съ тою еще разницею, что судяшь гораздо вѣрнѣе: ибо не опираюшя ли на внушреннемъ самосознаніи, споль же непреложномъ, какъ всякой инспинкшъ?

Въ опчаяніи, Жюль ворошился домой, блѣдный, раздавленный чувствомъ своего проступка, но между тѣмъ, прошивъ воли, обрадованный полнымъ удосповѣреніемъ въ невинности обожаемой жены. Онъ вошелъ къ ней, дрожа всѣми сусшвами, и нашель ее лежащею въ постель. Она была въ сильномъ жару. Жюль сѣлъ подлѣ ней, взялъ ея руку, осыпалъ поцѣлуями и облилъ горячими слезами.

— Безцѣнный ангель! сказалъ онъ оспавшишъ съ ней наединѣ: эшо раскаяніе. . .

— » Въ чемъ же! « опвѣчала она.

И произнесши сіе слово, опустила голову на подушки, закрыла глаза и оспалась неподвижною, скрывая во глубинѣ души пайну своихъ спраданий, дабы не испугашъ своего

друга. Нѣжнось маперн, нѣжнось ангела!.. Однимъ словомъ, эшо была женщина въ полномъ смыслѣ!.. Молчаніе продолжалось долго... Жюль, считая ея заснувшюю, пошелъ распросить Жозефинну о ея оосшояніи.

— Барыня пріѣхала домой, полу-мертвая, сударь! Мы посылали за докшоромъ,

— Былъ ли онъ? Чшо говорилъ?..

— Ничего, сударь! Онъ казался не очень доволенъ, приказалъ никого не допускать къ ней, выключая сидѣлки, и сказалъ, чшо будетъ опіашъ вечеромъ.

Г, Жюль воропился пошиконокъ въ жемъ, сѣлъ въ кресла и оспался неподвижно предъ постелью, приковавъ свои глаза къ глазамъ Клеменціи. Когда она приподнимала свои рѣсницы, шю въ шужъ минушу взглядывала на него: и шогда изъ подъ сихъ болѣзненно-унылыхъ рѣсницъ вырывался взоръ нѣжный, проникнушій спрасшю, чуждый всякой укоризны и горечи, взоръ, падавшій огненною спрѣлою на сердце злополучнаго мужа, споль ужасно прощеннаго и все еще любимаго симъ небеснымъ созданиемъ, умерщвленнымъ его рукою. Смерть для нихъ обоихъ была предчувшпемъ, поражающимъ ихъ въ равной шепенн. Взоры ихъ соединялись шеперь въ одной и шой же мукъ, подобно какъ прежде сердца соединялись въ одной и шой же любви, равно чувспвуемой, равно раздѣле-

мой! Не было вопросов: но за что была ужасная извѣстность! Въ женѣ, поржесство великодушія; въ мужѣ, адъ угрызеній: и въ обоихъ тоже тяжкое предчувствіе развязки, тоже злое сознаніе неоправдимаго рока! . .

Была минута, когда Жюль, все еще почитая ее заснувшей, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ, долго смотря на нее:

— Боже мой! Оставь мнѣ сего ангела, по крайней мѣрѣ, на ошолко, чибобъ я могъ изгладить свой просупокъ безпредѣльнымъ ея обожаніемъ. . . Какъ дочь, это созданіе высокое: но я не знаю имени, которое дашь ей, какъ женѣ! . .

Клеменція подняла глаза: они были наполнены слезами.

— » Ты меня огорчаешь! « сказала она ему слабымъ голосомъ,

Поздно пріѣхалъ докшоръ и попросилъ мужа удалиться на время визита. Когда онъ вышелъ, Жюль не одѣлалъ ему никакого вопроса: доспащчно было одного жеста.

— Пригласите на консиліумъ нѣхъ изъ моихъ шоварищей, къ коимъ вы наиболѣе имѣете довѣренности: я могу ошибаться. . .

— Но, докшоръ, скажите мнѣ правду. Я мущина, я въ сосшояніи все выслушать. . . И припомъ мнѣ весьма важно знать сущую правду, дабы сдѣлать нужныя распоряженія. . .

— Гжа Жюль уходила себя на смерть, опъчалъ врачъ. Въ ней естъ нравственна болѣзнь, которая чрезвычайно усилилась и довершила разстройство ея физическаго положенія, уже и такъ бывшаго весьма опаснымъ, но сдѣлавшагося еще важнѣе опъ ея неоспорожностей. Какъ ходишь ночью разувшись! выходишь, когда я именно запрешилъ—вчера пѣшкомъ, нынѣ въ каретѣ!—Она проситъ хощла себя уморишь... Впрочемъ я не выдаю это за непреложный приговоръ... Много значишь молодость, швердосшь и сила нервъ... Надобно опъважиться на все, прибѣгнушь къ крайнимъ, насильственнымъ средствамъ... Но я не возьму на себя предписать подобныя средства; даже не посовъшую ихъ; напрошивъ, при консиліумѣ, подамъ прошивное мнѣнїе...

Жюль воропился къ Клеменціи. Цѣлыя одинадцать дней и одинадцать ночей провелъ онъ при ней, засыпая только днемъ на нѣсколько часовъ, прикорнувъ головою къ ногѣ поспели. Не возможно придумать большей ревливости, большаго, если можно такъ сказать, чесполубія въ самыхъ нѣжнѣйшихъ попеченїяхъ. Онъ не позволялъ никому оказывать малѣйшей услуги Гжѣ Жюль; держалъ ее безреспанно за руку и какъ будто хощлъ общишь ей чрезъ шо жизнь. Много было всего: неизвѣспность, ложныя надежды, шо

лучше, но опять хуже, крипическіе переломы, наконецъ ужасные признаки смерши, двигавшейся медленными, неръшишельными стопами...

Гжа Жюль находила въ себѣ поспоянно силу улыбашься своему мужу: она сожалѣла объ немъ, зная, что онъ скоро оспанешься одинъ. Ей должно было испытыванъ двойную агонию: агонию жизни и любви; но первая изсякая, слабѣла; другая напротивъ безпреспанно возрастала. Ужасна была ночь, когда Клеменція должна была испытать бредъ помѣшательства, всегда предшествующій смерши во цвѣтъ лѣтъ. Она говорила о своей счастливой любви; говорила объ опцѣ; рассказывала опкрытія своей машери на ея смершномъ одрѣ и обязанности принятыя ею на себя въ шо время. Она боролась не съ жизнью, а съ спрасцію, копорой не хотѣла покинуть.

— «Боже мой!» восклицала она: » сокрой опъ него, что мнѣ хотѣлось бы видѣть его умершимъ вмѣстѣ со мною! « . .

По счасцію Жюль, не могши выдерживашь сей ужасной сцены, въ шу минулу находился въ сосѣдней залѣ и не слыхаль желаній, коммъ бы весьма охотно повиновался.

Когда кризисъ прошелъ, Гжа Жюль возврашала свои силы. На другой день, она сдѣлалась опять прекрасною, спокойною; начала говорить;

возымѣла надежду; прибралась и нарядилась, какъ наряжающіяся больные. Помогъ захопѣла оспашься одна на цѣлый день и опослала опть себя мужа своего, одною изъ шѣхъ наспояшельныхъ просьбъ, коимъ повинующя охотно, какъ неопвязнымъ просьбамъ любимыхъ дѣшей. Впрочемъ, день эптопъ былъ нуженъ для Г. Жюля.

Онъ опсправился къ Г. де Моленкуръ, дабы звашъ его на смершную дуэль, какъ было у нихъ соглашено прежде. Насилу могъ онъ получить доступъ къ виновнику своихъ бѣдспвій: только узнавъ, что дѣло шло о чести, Видамъ не могъ вопрошвишья предразсудкамъ, кои управляли имъ во всю жизнь, и ввелъ Жюля къ Барону.

Г. Демаре искалъ глазами Августша де Моленкуръ.

— Вошъ онъ!.. сказалъ Коммандоръ, указывая на человекъ, сидѣвшяго въ креслахъ у огня.

— Кшо! Жюль!.. пробормоталъ умирающій слабымъ голосомъ.

Августъ поперялъ единспвенную способность, копорой мы живемъ, поперялъ память...

При видѣ его, Г. Демаре опспунилъ назадъ въ ужасъ. Онъ не могъ никакъ узнать красиваго молодаго человекъ въ эшой безименной вещи, для копорой, по выраженію Боссюэша, никакой языкъ не имѣетъ названія. Въ самомъ дѣлѣ, эшо

былъ наспоящій шрутъ, съ посѣдѣвшими воло-
сами, съ коспиями едва прикрытыми желпою,
иссохшею, сморщенной кожею, съ неподвижными
оловянными бѣлками вмѣсто глазъ, съ ошва-
лившимся ршомъ, какъ бываетъ у дурачковъ
или у разврапниковъ, убитыхъ своими рас-
пушсвами. Ни на лбу, ни въ какой дру-
гой чертѣ его фizioноміи, не оспавалось ни ма-
лѣйшаго слѣда смысла; даже въ цвѣтѣ не было
никакой краски, никакой примѣпы кровообра-
щенія. Корощко сказашь, эшо былъ человекъ
въ уменьшенномъ размѣрѣ, въ соспояннм разру-
шенія, доведенный до подобія уродцевъ, кои
сохраняющя въ музеумахъ, плавая въ банкахъ,
наполненныхъ спиршомъ. Жюлю чудилась надъ
симъ искаженнымъ лицомъ спрашная голова
Феррагуса: и сія полная Местъ ужаснула Нена-
висшь. Въ сердцѣ опчаяннаго мужа нашлось
жалоспи, чптобы пощадишь сей безнадежный
обломокъ того, что шакъ недавно соспавляло
красиваго молодаго человека...

— Дуэль уже была! сказалъ Коммандоръ.

— Да! вскричалъ болѣзненно Жюль. И Баронъ
многихъ ошправилъ на шопгъ свѣшть!..

— И особъ весьма любезныхъ, примолвилъ
спарикъ. Его бабушка умираешь опгъ гореспи,
а я послѣдую за ней въ могилу...

На другой день Гжѣ Жюль съ часу на часъ
спало хуже. Она воспользовалась минушою крѣ-

поспѣи, чпобы взять изъ подъ подушки своей письмо, которое съ живописію подала Жюлю, присовокупивъ знакъ слишкомъ понятный. Ей хотѣлось въ послѣднемъ поцѣлуѣ передать ему послѣднее дыханіе своей жизни. Онъ принялъ его... Клеменція скончалась... Жюль упалъ замертво и былъ опнесенъ къ своему брату...

Здѣсь, когда онъ, среди горькихъ слезъ и безупышнаго опчаянія, оплакивалъ свое опсущствіе на канунѣ, братъ увѣдомилъ его, чпо сама Клеменція очень того желала; ибо не хотѣла, чпобъ онъ былъ свидѣтелемъ религіозныхъ обрядовъ, споль поразительныхъ для нѣжнаго воображенія, обрядовъ, съ коими церковь напускаетъ умирающихъ послѣдними шансами.

— Ты бы не вынесъ, говорилъ ему братъ. Я самъ не могъ выдержать эпои раздражающей сцены; всѣ люди разливались въ слезахъ. Клеменція была какъ святая. Она собрала всѣ свои силы, чпобъ проспишься съ нами; и эпошъ голосъ, въ послѣдній разъ нами слышимый, расперзалъ всѣ сердца. Когда она спрашивала прощенія въ невольныхъ огорченіяхъ, копорыя могла причинить служившимъ при ней, шо раздался вой, смѣшанный съ рыданіями, вой...

— Довольно, сказалъ Жюль, довольно!..

Онъ хотѣлъ быть одинъ, чпобы прочесть

послѣднія мысли женщины, бывшей предметомъ его обожанія и увядшей вдругъ, подобно весеннему цвѣтку.

— «Возлюбленный мой! Это мое завѣщаніе! За чѣмъ не дѣлаешь завѣщаній для сокровищъ нашего сердца, такъ какъ дѣлаешь ихъ для другихъ имущесвъ? Моя любовь не есть ли все мое имущесво? И попому я не хочу заниматься здѣсь ничѣмъ, кромѣ моей любви! Она составляла все богатство швоей Клеменціи: она есть все, что Клеменція можетъ оставить тебѣ, умирая! Жюль я все любима шбой. . . я умираю счастливою! . . . Врачи изъясняютъ мою смерть по своему; но я одна знаю истинную ея причину. Я скажу ея тебѣ, какъ это ни можетъ быть для тебя шяжко. . . Мнѣ не хочется въ сердцѣ, которое все тебѣ принадлежитъ, унести какую-бы то ни было тайну, кошораябъ не была тебѣ высказана, тогда какъ умираю жершвою необходимой скромности. »

» Жюль! Я была вскормлена и воспитана въ глубокомъ уединеніи, вдали отъ пороковъ и козней свѣша, любезною женщиною, кошорая тебѣ извѣсна. Общество отдавало справедливостъ ея условнымъ качествамъ, посредствомъ коихъ женщина нравится обществу. . . Но я только одна, я вшайнѣ наслаждалась ея небесною душою. . . Я могла любить мать, кошорая

съ самаго младенчества изливала на жизнь мою чистѣйшія радости, и знала очень хорошо, за что ее любила. Не значить ли это любовь двойную? Такъ! Я любила ее, боялась ея, уважала ее... и ни что не пятало мнѣ сердца, ни уваженіе, ни боязнь. Я была все для ней... она была для меня все... Въ продолженіе девятнадцати лѣтъ, пропекшихъ въ совершенномъ счастьи и безопасности, душа моя, одинокая среди свѣта, который глухо шумѣлъ вокругъ меня, отражала въ себѣ только ея чистый образъ, сердце мое билось только ею и для ней. Я была очень набожна и посвящала для себя высочайшимъ удовольствіемъ быть всегда чистою предъ Богомъ. Мать моя развивала во мнѣ всѣ благородныя и высокія чувствованія... Ахъ! Жюль! Мнѣ пріятно признаваться тебѣ, что я знаю теперь, какова была я до замужства... Знаю, что пришла къ тебѣ дѣвою чистою, непорочною въ сердцѣ. «..

» Когда я оставила себѣ глубокое уединеніе; когда, въ первый разъ, пригладила свои волосы украсивъ ихъ цвѣточнымъ вѣнкомъ; когда съ удовольствіемъ прибавила нѣсколько апласныхъ бантовъ къ моему бѣлому платью, помышляя о свѣтѣ, который должна была увидѣть и который любопытна была видѣть: ахъ! Жюль! Все это невинное и скромное кокетство было для тебя; ибо, при вспуленіи моемъ въ свѣтъ, я увидѣла тебя первого. Твое лицо выдавалось

изъ всѣхъ... я его замѣпила... оно мнѣ понравилось... Голосъ и манеры пивои внупили мнѣ пріятныя предчувствія... И когда шы пришелъ, когда началъ говоришь со мною, съ краской на челѣ, препенущимъ голосомъ, эпо мгновение оспавило. во мнѣ воспоминанія, опъ кошорыхъ я дрожу еще и шеперь всѣми суспавами, въ по время какъ пишу къ шебѣ и думаю объ нихъ въ послѣдній разъ. Любовь наша была сначала живѣйшею симпатіею; но вскорѣ была взаимно нами угадана, попомъ немедленно раздѣлена: оба равно, мы почерпали изъ ней безчисленныя наслажденія. Съ тѣхъ поръ мапъ моя сдѣлалась уже вшорюю въ моемъ сердцѣ. Я эпо сказала ей... и она улыбалась, обожаемая женщина!.. Попомъ, я спала совершенно, исключипельно швоя... Вопъ моя жизнь, вся жизнь моя, безцѣнный супругъ! И вопъ чшо еще оспаепся мнѣ сказапъ шебѣ!

» Однажды вечеромъ, за нѣсколько дней до своей смерпи, мапъ моя опкрыла мнѣ шайну своей жизни, обливаясь горячими слезами... Я спала гораздо больше любишь шебя, когда узнала, еще прежде священника, долженспвовавшаго дапъ послѣдніе оппущеніе грѣховъ моей мапери, чшо еспъ спраспи пресшунныя, осуждаемыя свѣпомъ и церковью... Но и Богъ конечно милосердѣе къ нимъ, когда онѣ доспаюпши въ удѣль шакимъ нѣжнымъ душамъ, какова

моей любви, я могла бы побѣдить болѣзнь мою, перенести всѣ спраданія, но никакъ бы никогда не заглушила въ себѣ голоса сомнѣнія. Не могло ли случиться, что мое происхожденіе ослабило, уменьшило, измѣнило бы чистоту и вѣрность моей любви? Эту боязнь ничто не можетъ разрушить во мнѣ: и вотъ истинная причина моей смерти. Жюль! Я не могу жить, спрашась опъ тебя безпрестанно одного слова, одного взгляда: слова, котораго можетъ быть ты никогда не скажешь, взгляда, котораго у тебя можетъ быть никогда не вырвется... но чтожь дѣлать? я боюсь ихъ... Я умираю любимую: вотъ мое утѣшеніе! Я узнала, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ, опецъ мой и его друзья взворачали весь земной шаръ, чтобы обмануть какъ-нибудь свѣтъ. Дабы дать мнѣ имя, они купили мершвеца, шишуль, званіе... и все это, дабы призвавъ къ жизни живущаго... все это для тебя, для насъ съ тобой. Мы не должны были ничего знать о томъ... Теперь... смерть моя конечно сохранитъ опца моего опъ необходимости прибѣгать къ сему обману... ибо она уморитъ его «..

» И такъ, прости, Жюль! Сердце мое все здѣсь. Излишь предъ тобой любовь мою во всей непорочности ея опасной, не значить ли обнажить всю мою душу? У меня бы не доспало силъ рассказать все это тебѣ, но доспало написать. Я уже исповѣдала предъ Бо-

гомъ прегрѣшенія моея жизни и дала объѣтъ не имѣшь ничего въ мысляхъ, кромѣ Царя Небснаго: но не могу опказать себѣ въ удовольствіи исповѣдаль ихъ и поому, кпо на землѣ соспавляешъ для меня все. Ахъ! кпо не проспишь мнѣ сего послѣдняго вздоха, между жизнию, копорая была, и жизнию, копорая будешъ? И шакъ проспи, мой возлюбленный Жюль! Я иду къ поому, въ лонѣ коего любовь никогда не омрачаешся, къ копорому и шы придешъ нѣкогда! Тамъ, у подножія его преспола, соединенные навсегда, мы будемъ любить другъ друга во вѣки! Эта надежда одна меня утѣшаешъ. Если я найдена доспойна упредишь тебя шамъ, по спану опполѣ слѣдовашь за шобою въ швоей жизни! Душа моя будешъ шебѣ сопушшвовашъ, обвинашся вокругъ шебя, пока шы оспанешся здѣсь на землѣ. И шакъ, живи швашо, чшобы прямѣе придши ко мнѣ! Ты можешъ сдѣлать сполько добра на сей землѣ! Не еспь ли ангельская обязанность для существа спраждушаго, разливашъ радосшь вокругъ себя, давашъ по другимъ, чего самъ не имѣешъ? Я оспавляю шебя для несчастныхъ. Только къ ихъ улыбкашъ и слезамъ не буду ревнива. Такимъ образомъ мы оба будемъ вкушашъ безпредѣльное наслаждение: ибо не можемъ ли мы жить все еще вмѣшпѣ, если шы захочешъ присоединишь мое имя, имя швоей Клеменціи, къ прекраснымъ дѣянїямъ благо-

творительности! Послѣ такой любви, какою мы любили другъ друга, куда обратишься, кромѣ Бога? Богъ одинъ вѣренъ! Богъ одинъ не предложенъ! И такъ обожай его одного, я хочу этого! Люби и чщи его въ шѣхъ, кон спраж-душъ! Призрай и облетчай муки недужныхъ членовъ его церкви! Проспи, безцѣнная душа, мною наполненная! Я знаю: ты не будешь любить дважды!.. И такъ я умираю, счастливая мыслью, которая составляетъ единственное счастье женщины... Да! моимъ гробомъ будетъ твое сердце!.. Послѣ дѣшства, о которомъ я тебѣ рассказала, вся жизнь моя пролегла въ швоемъ сердцѣ? Ты не изгонишь меня опшуда и мершвую!.. О какъ горжусь я этой единственной жизнью! Ты зналъ меня только во цвѣтѣ юности: я оспавляю тебѣ гореснь безъ разочарованія!.. Жюль! Это смерть самая блаженная! «..

» Ты умѣлъ поспичь меня такъ вѣрно: и такъ позволь мнѣ поручить тебѣ вещь, конечно излишнюю... исполненіе прихоти, проспительной женщины... желаніе внушаемое ревностию, которую мы равно имѣемъ другъ къ другу!.. Я прошу тебя передать сожженію все, что намъ принадлежало, уничтоживъ нашу комнату, испребивъ все, что моглобъ быть воспоминаніемъ нашей любви.»

» Еще разъ, проспи, послѣднее проспи, испол-

ненное любви, также какъ будущее исполнена моя послѣдняя мысль и мое послѣднее дыханіе».

Когда Жюль кончилъ сіе письмо, на него начало бѣшенство, коего ужасныя припадковъ изобразить невозможно. Всѣ горести индивидуальны; ихъ дѣйствія не подлежатъ одному общему закону: нѣкоторые запыкають себѣ уши, чшобъ ничего не слышать; иныя женщины закрываютъ глаза, чшобъ ничего не видѣть; иногда встрѣчаются великія и могучія души, кои бросаюся въ густыя спремглазъ, всѣмъ существомъ, словно въ бездну. Въ ошчаяніи, всякая черта ознаменована печатью истины.

Жюль вырвался изъ дома своего брата и вооропился домой, чшобы провести ночь подлѣ своей жены и наглядѣться до послѣдней минушы на сіе небесное созданіе.

Идя, съ совершенною безопасносію о жизни, извѣстному людямъ достигшимъ крайней степени бѣдствія, онъ понималъ очень ясно, какимъ образомъ, въ Азіи, законы предписываютъ супругамъ не переживашь другъ друга. Онъ хотѣлъ умереть. Горестъ еще не раздавила его: онъ былъ только во всемъ пылу ея...

Безпрепятственно достигъ онъ завѣтнаго святилища, гдѣ увидѣлъ свою Клеменцію на одрѣ смерти, прекрасную, подобно ангелу, съ сложенными руками и перевязанными волосами, уже закушанную въ бѣлый саванъ. Блескъ свѣ-

чей озарялъ молящагося священника; Жозефина рыдала на колѣняхъ въ углу; близъ одра спояли два челоѡка. Одинъ изъ нихъ былъ Феррагустъ. Онъ споялъ неподвижно и смошрѣлъ на дочь свою изсохшими глазами; голову его можно было опчесъ оплишою изъ бронзы; онъ не видалъ Жюля. Другой былъ Жаке — Жаке, къ кошорому Гжа Жюль была всегда шакъ добра и ласкова. Жаке имѣлъ къ ней одну изъ шѣхъ почтительныхъ, дружескихъ привязанностей, кои услаждающъ сердце не возмуца, изъ кошорыхъ образуешя спрашъ мирная, любовь безъ принадлежащихъ ей желаній и бурь: и онъ пришелъ съ благоговѣнїемъ заплашишь ей должную дань слезъ; оказашъ долгое: просши! супругъ своего друга; облобызашъ въ первый разъ хладное чело женщины, кошорую впайнѣ нарекъ себѣ сеспрою.

Все безмолвспвовало. Эшо была Смершь, не ша грозная, какою являешся въ церквахъ, и не ша пышная, какою провозишся по улицамъ: но Смершь шрогапельная, закрашшаяся въ мирныя нѣдра семейшва. Здѣсь погребенїе совершалось во глубинѣ сердець: слезы лились сокровенно опъ всѣхъ взоровъ!

Жюль сѣлъ возлѣ Жаке, кошорому сжалъ вѣпко руку: и, не говоря другъ другу ни слова, всѣ лица сей сцены осшавались въ шакомъ положенїи до утра.

Когда блескъ свѣчь поблѣднѣлъ при сіяніи дня, Жаке предвидя раздрающія сцены, копорыя должны были слѣдовать, ушацилъ Жюля въ сосѣднюю комнапу.

Въ эпо мгновеніе мужъ взглянулъ на опца, Феррагусъ взглянулъ на Жюля. Сн двѣ души, проникнушыя опчаяніемъ, спросили, извѣдали, поняли другъ друга снмъ взглядомъ. Пламя яроспи вспыхнуло на минупу въ глазахъ Феррагуса.

— Ты убилъ ее! . . думалъ онъ.

— За чѣмъ шы не ввѣрился мнѣ! отвѣчалъ, по видимому, супругъ.

Сю сцену можно уподобить шой, копорая должна произойти между двумя шиграми, когда они признающъ за бесполезное вспуцать въ бой, осмопрѣвъ другъ друга, въ минупу нерѣшицельнаго колебанія, безъ всякаго рева.

— Жаке, сказалъ Жюль, шы позаботился обо всемъ?

— Обо всемъ, отвѣчалъ архивиситъ; но вездѣ упреждалъ меня человекъ, копорый все приказывалъ и всѣмъ плашилъ. . .

— Онъ испоргнулъ у меня свою дочь! . . вскричалъ Жюль въ бурномъ приливѣ опчаянія.

И онъ бросился въ комнапу своей жены; но опца шамъ не было. Клеменція была уже положена въ свой свинцовый гробъ; и ра-

бошники приготавливались паять крышку. Сие зрѣлище поразило ужасомъ Жюля; спукъ молотковъ, коими люди сии дѣйствовали, заславить его машинально облились слезами.

— Жяке! сказалъ онъ. Опъ сей ужасной ночи оспалась у меня мысль, единственная мысль, которую кочу я осуществивъ, во что бы ни спало. Я не кочу, чпобы Клеменція лежала на Парижскомъ кладбищѣ. Я хочу ее сжечь, собрашь мепель и хранишь при себѣ. Не возражай мнѣ ничего, а возьми мѣры, какъ эпо сдѣлашь. Я хочу запереться въ ея комнату и оспанусь памъ до моего опъѣзда. Ты одинъ будешь входить шуда, чпобъ извъцанъ меня объ устѣхъ твоихъ усилій... Спупай, не жалуй ничего!..

Въ тоже ушро, Гжа Жюль, бывъ на нѣсколко времени выпавлена у верошъ своего дома, на кашафакѣ, посреди свѣчь, опивесена была въ церковь С. Роха. Спѣны церкви были обипы чернымъ. Нѣшнесиъ, обнаруженная въ семъ случаѣ, привлекла мнѣжесиво народа; жбо въ Парижѣ все дѣлашоя зрѣлицемъ, даже горесиъ самая испинная. Еопъ люди, копорые бросаюшя къ окнамъ смонрѣниъ, какъ сынъ плачешъ провожая шѣло своей мапери, а нѣкопорые спараюшя помѣопнишья выгодые, чпобы видѣниъ, какъ голова падаешъ на эшафопшѣ. Ни у какого народа въ свѣшѣ нѣшъ на-

кихъ жадныхъ глазъ. На сей разъ, любопытныя были особенно удивлены, увидѣвъ, что шесть боковыхъ придѣловъ церкви С. Роха были равно обиты чернымъ. Въ каждомъ изъ нихъ присутствовало по два чловѣка въ траурѣ при заупокойной службѣ. На хорахъ не видно было никого, кромѣ Г. Демаре, ношаріуса и Жаке; внѣ ограды шлояли служители. Для звающей публики неизъяснимое зрѣлище представляла собой необычайная пышность при такъ малолюдномъ родствѣ. Жюль не копѣль видѣть ни одного равнодушнаго лица при сей церемоніи.

Большая обѣдня была совершена великолѣпно. Кромѣ священнослужителей церкви С. Роха, находилось еще принадлецать священниковъ изъ другихъ приходовъ. Посему никогда, можетъ быть, *Dies irae* не производило на хрисціанъ—собранныхъ на шу пору случайно, по любопытсипву, но съ душами жадными до попрысеній—впечатлѣнія болѣе глубокаго, могучѣ леденящаго душу, какъ шо, которое было произведено симъ гимномъ, величественно возглашеннымъ осьмью пѣвцами, въ сопровожденіи священниковъ и мальчиковъ-крылошанъ.

Изъ шести боковыхъ придѣловъ, двѣнадцать другихъ дѣтскихъ голосовъ раздавались съ унылою пронзительностью и мѣшались плачевно другъ съ другомъ. По всемъ угламъ церк-

ви перекашывался глухой ужасъ; всюду, вопли спрадана перекликались съ воплями препепнаго опчаянiя. Сiя спрашная музыка изобличала скорби, невѣдомыя свѣшу, выражала съшования оокровенной дружбы, оплакивавшей усопшую.

Никогда, ни въ какой чедовѣческой религiи, ужасы души, насильшвенно оппоргаемой опъ шѣла и бурно волнуемой предъ лицомъ громовержущаго величiя Божiя, не выражались съ шакою могучею силою. Предъ симъ воплемъ воплей должны смиришься всѣ художники и ихъ шворенiя, самыя спрашныя! Такъ! ничшо не можешъ соспязапъся съ симъ пѣнiемъ, кошорое сокращаешъ въ себѣ всѣ спрашны чедовѣческiя и даешъ имъ жизнь совершенно гальваническую за предѣлами гроба, приводя ихъ еще шрепещущими на судъ Бога живаго, Бога мспишеля. Сiя крики дѣшей, соединенные съ звуками важныхъ, мужескихъ голосовъ, кои шогда, въ семъ гимнѣ смерти, совмѣщаюпъ жизнь чедовѣческую со всѣми ея извишiями, напоминая спрадана колыбели и возвышаясь до выраженiя мукъ свойшвенныхъ прочимъ возрастамъ, въ могучихъ возгласенiяхъ пѣвцовъ и въ прерывншпомъ дребезжанѣ спарцевъ-священниковъ; вся сiя пронзительная гармонiя, исполненная громовъ и молнiй, не говоритъ ли слишкомъ краснорѣчиво фаншазiямъ самымъ безспрашнымъ, сердцамъ самымъ холоднымъ,

даже тѣмъ, кои называютъ себя филосогами?.. Внимая ей, кажешься, внемлешь гласъ вѣчнаго промовержца. Ни въ одной церкви нѣтъ сводовъ нѣмыхъ, безопвѣсныхъ: они шрепещутъ, они говорятъ, они проливаютъ ужасъ всею силою своихъ опголосковъ. Вы подумаете, что безшѣлесныя полчища умершихъ ~~в~~вспрашиваютъ и проспираютъ къ вамъ свои руки. Здѣсь уже не опецъ, не супруга, не дитя, одѣтые въ прауръ, а все человѣчеспво, возникающее изъ своего праха! Не возможно имѣть полнаго пониманія о христіанской религіи, доколь не испытаешь, подъ ея сѣнію, глубочайшей изъ скорбей, оплакивая обожаемое существо, лежащее во гробѣ; доколь не извѣдаешь всѣхъ ощущеній, возбуждаемыхъ симъ гимномъ, полнымъ опчаянія, сими воплями, задушающими сердце, симъ религіознымъ ужасомъ, копорый возрастаетъ съ каждымъ стихомъ, клубясь подьмелется къ небесамъ, успрашаетъ, уничижаетъ, снова возвышаетъ и, въ шу минуту, какъ оканчивается послѣдній стихъ, опспавляетъ въ сознаниіи глубокое чувспво вѣчности. Тогда вы чувспвуете себя лицомъ къ лицу съ великою идеею безконечнаго: тогда все безмолвствуетъ въ церкви. Ни одно слово не произносптся: самые невѣрующіе *не вѣдаютъ, что съ ними*... Одинъ только геній Испанскій могъ изобрѣспть сіи неслыханныя обряды для неслыханнѣйшей изъ печалей!..

По окончаніи послѣдней цермоніи, двѣнадцать человекъ въ шраурѣ вышли изъ боковыхъ прищворовъ и собрались вокругъ гроба внимательнѣе надежды, коимъ церковь сопровождаетъ христіанскую душу предъ погребеніемъ земнаго ея покрова. Попомъ каждый изъ нихъ сѣлъ въ карешу, обшитую чернымъ. Жаке и Г. Демаре взяли себѣ принадлежавшую; служители слѣдовали пѣшкомъ.

Черезъ часъ, двѣнадцать неизвѣстныхъ были уже на кладбищѣ Опца Лашеза, кругомъ могилы, въ копорую опущенъ былъ гробъ, передъ любопытною толпой, сбѣжавшейся со всѣхъ споронъ. Попомъ послѣ краткихъ молишвъ, священникъ бросилъ горсть земли на сіи смерщныя оспашки; и могильщики, попросивъ на водку, пуснулись засыпать гробъ, говоря, что имъ надобно слѣзнуть на другую работу.

Здѣсь, по видимому, оканчивается наша исторія; но можетъ быть она будетъ неполна, если, сдѣлавъ легкій очеркъ Парижской жизни, въ ея своеобразныхъ, причудливыхъ изгибахъ, мы позабудемъ эфемерны смерщи. Смерщ, въ Парижѣ, также не походитъ на смерщ въ другихъ столицахъ; и не многіе знаютъ, какую борьбу истинная скорбь принуждена бываетъ испытывать съ условіями Парижской администраціи. Сверхъ того,

можесть бышь, Г. Жюль и Феррагуст XXIII сколько возбуждали участія въ чинщачьяхъ, чино развязка ихъ жизни будетъ для нихъ не безъ занимательности. Наконецъ, многіе любящъ давашь себѣ опчещъ во всемъ и усердно домогающъ знашь, по выраженію оспроумнѣйнаго изъ нынѣшнихъ кришкочковъ, посредствомъ какого химическаго процесса горить маэло въ волшебной лампѣ Аладина.

Жакъ, человекъ админиспративный, натурально обрапился къ начальству, чпобы получишь дозволеніе вырышь тѣло Гжи Жюль и предашь сожженію. Онъ обьяснился по сему случаю съ префектомъ полиціи, подѣ покровительствомъ коего спяшь умершіе. Префектъ пошребоваль оффиціальной просьбы. Надобно было купишь листъ гербовой бумаги, дашь печали законную форму; надобно было упошребишь бюрократическое нарѣчіе, дабы выразишь желаніе человека, удрученнаго скорбію, кошорому не доспавало словъ; надобно было со всею холодностію выспаривъ на полѣ бумаги содержаніе просьбы: *» просить о превращеніи въ тепель тѣла своей жены. «*

Разсмотрѣвъ все сіе, чиновникъ, обязанный сдѣлашь рапортъ префекту полиціи, сказаль, прочитавъ опмылку, гдѣ содержаніе просьбы выражено было пакъ ясно:

— Да это дѣло важно!.. Рапортъ мой не можетъ быть готовъ прежде недѣли...

Жюль, которому Жаке принужденъ былъ донести о сей проволочкѣ, понялъ силу восклицанія, слыпаннаго имъ отъ Феррагуса:

— Спалишь Парижъ!

Въ его положеніи, весьма еспешивенно казалось желаніе уничтожить однимъ разомъ это безпредѣльное скопище всякихъ уродствъ.

— Но, сказалъ онъ Жаке, надобно обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ посредство пвоего министра!

Жаке опсправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ просить аудіенціи, которая и была назначена, но чрезъ пятнадцать дней. Жаке былъ человекъ наспойчивый. Онъ переходилъ изъ бюро въ бюро и наконецъ дошелъ до домашняго секретаря министра внутреннихъ дѣлъ, чрезъ посредство домашняго секретаря министра иностранныхъ дѣлъ. Съ помощію сихъ высокихъ покровительствъ, онъ выхлопалъ, къ слѣдующему дню, пайную короненькую аудіенцію, въ коей, имѣвъ предоспорожность записать рекомендабельнымъ словомъ главы иностранныхъ дѣлъ къ повеленію внутреннихъ, надѣялся взять дѣло прищупомъ. Сверхъ того заблаговременно пригото-вилъ доводы, опвѣщпы, объясненія, на *слабой случай*: но ничто не помогло.

— Эпо̀ до меня не касается! сказалъ миниспръ. Эпо̀ опноспся къ пресекшу полиціи. Припомъ нѣтъ закона, копорый бы мужьямъ давалъ право собственности надъ шѣлами ихъ женъ, ни опцамъ надъ шѣлами дѣтей. Эпо̀ дѣло важно! Польза общеспвенная шребуептъ подвергнутъ сіе зрѣлому размышленію. Здѣсь могутъ посипрадашь выгоды города Парижа. Наконецъ, еслибъ дѣло зависѣло непосредспвенно опъ меня, то и погда я не могъ бы рѣшишь *hic et nunc*; надо будетъ войши ко мнѣ съ рапорпомъ.

Въ нынѣшней Французской админиспращіи нельзя спунисъ шагу безъ *рапорта*. Жакъ зналъ эпо̀ бюрокращическую манію и еще до наспопщаго случая неоднократно ее оплакивалъ. Ему было очень извѣспно, что съ шѣхъ поръ, какъ рапорптъ завладѣлъ всею Французскою админиспращіею въ 1804 году, не было еще ни одного миниспра, копорый бы взялъ на себя имѣшь какое-либо мнѣніе или рѣшишь какое-нибудь дѣло, хошябы самое малѣйшее, безъ шого, яшо бы эпо̀ мнѣніе, эпо̀ дѣло, не было выпшрепано и перешрепано разною бумажною шварью, наполняющею канцелярін.

Жакъ—(эпо̀ былъ человекъ, дѣспойный имѣшь Плушарха своимъ биографомъ) — пошчасъ догадался, что не шакъ взялся за дѣло и что, желая соблюспи законный порядокъ, совсѣмъ сдѣлалъ

невозможнымъ его исполненіе. Ему слѣдовало бы проспо перевести Гжу Жюль въ одно изъ владѣній Демаре и шамъ, подъ снисходительнымъ покровомъ сельскаго мера, удовлетворишь гореспному желанію своего друга.. Увидѣвшись съ Г. Жюлемъ, онъ принужденъ былъ его обманывать; ибо несчастный чувствовалъ себя въ сильномъ жару, онъ копораго два дня пробывъ въ постель.

Между тѣмъ министръ, въ шопъже вечеръ, на минисперскомъ обѣдѣ, расказалъ о заштѣ, пришедшей въ голову одному изъ Парижанъ, сжечь шѣло своей жены, по примѣру Римлянъ. Тогда въ Парижскихъ госпинахъ заговорили вдругъ о древнихъ обрядахъ похоронъ: и какъ все древнее вообще было въ модѣ, по нѣкопорые находили, что хорошо было, по крайней мѣрѣ, для великихъ людей, возстановить погребальные коспры. Сія мысль нашла себѣ защитниковъ и прошивниковъ. Одни говорили, что въ наспоющее время слишкомъ много великихъ людей и опъ шого, при введеніи сего обыкновенія, должны очень вздорожать дрова; что у такого измѣнчиваго въ своихъ желаніяхъ народа, каковы Французы, смѣшно было видѣшь, въ урочное время, цѣлый Лоншанъ предковъ, прогуливающихъ въ своихъ урнахъ; сверхъ шого, если урны сіи будутъ имѣть цѣнность, то легко можетъ случиться, что

онѣ, наполненныя священнымъ прахомъ, будупь описываемы и продаваемы съ молошка заимодавцами, людьми привыкшими не имѣшь ни къ чему уваженія. Другіе опвѣчали, что для коспей дѣдовъ нашихъ погдабъ больше было безопасности; ибо, при настоящемъ порядкѣ вещей, городъ Парижъ скоро долженъ будетъ прибѣгнуць къ новой Вароломеевской Ночи прошивъ своихъ покойниковъ, кои завладѣли уже всѣми окрестностями и теперь угрожають наше спвіемъ даже на поля Бри. Коротко сказать, эшо соспавило предметъ для одного изъ пѣхъ пустыхъ разговоръ Парижа, кои слишкомъ часто, своимъ оспроумнымъ суесловіемъ, разѣдаютъ самыя глубокія раны. По счастью для Жюля, онъ ничего не слыхалъ изъ разныхъ выходовъ, оспрошь и красныхъ словъ, кои гореснь его возбуждала въ Парижѣ.

Префектъ полиціи оскорбился, что Жакъ обратился къ посредству министра, дабы избѣгнуць проволочекъ полиціи, къ коей собственно принадлежало сіе дѣло. Посему на просьбу его велѣно было загошовать самый спрогій опказъ.

На другой день, Жакъ объяснилъ своему другу, что надо опказашься опъ его намѣренія; и что въ шакомъ городѣ, гдѣ число слезинокъ, вышиваемыхъ на шраурномъ плашьѣ, подвержено тарифу; гдѣ законы допускають семь разрядовъ

погребенія; гдѣ земля для мертвыхъ продается на вѣсь золоша; гдѣ сердечную грусть рѣжутъ, пилятъ, выкладываютъ и раскладываютъ, по двойной бухгалтеріи; гдѣ фабрика присылаетъ счетъ за присоединеніе нѣсколькихъ лишнихъ голосовъ къ шоржеспвенному *Dies irae*: въ такомъ городѣ все, выходящее изъ обыкновенной админиспращивной колеи, строго воспрещается.

— Это была бы единспвенная опрада въ моей горести, говорилъ Жюль: я соспавилъ планъ умереть вдали опсюда и хотѣлъ было во гробѣ прижимать Клеменцію къ груди своей! . . Я не зналъ, что бюрократія запустила когти свои даже въ наши могилы! . .

Попомъ рѣшился идти посмопръѣть, не ослалось ли воздѣ жены его, хотя небольшое мѣспечко для него.

И шакъ два друга опсправились на кладбище. Прибывъ шуда, они нашли, словно у дверей шешпра, при входѣ въ музеумъ, или предъ коншорою дилижансовъ, шолпу *тигерони*, предлагавшихъ бытъ пушепроводителями имъ по лабиринту Опца-Дашеза. Оба они не могли найти мѣспа, гдѣ покоилась Клеменція. Ужасная тоска!

Они обрапились къ приврапнику кладбища. Мертвые имѣютъ своего швейцара: и у нихъ есть также часы неприемные. Надобно перевернуть весь порядокъ вещей, чтобы по-

лучишь право плакашь на гробъ любимаго существва ночью, въ пишинѣ, въ безмолвіи. Особый срокъ приѣма полагается на лѣто, особый на зиму.

Конечно, изъ всѣхъ Парижскихъ приврапниковъ, шопъ, кошорый блюдешь входъ въ кладбище Опца Ланеза, еспь самый счастливиѣйшій. Впервыхъ, у него нѣшъ колокольчина и сурка. Попомъ, вмѣсто обыкновенной каморки, онъ имѣешь домикъ и заведеніе, кошорое конечно не совсѣмъ шоже, чшо миниспершво, но имѣееть обширный кругъ дѣйшвованія, просширается на многія лица, содержишь много служащихъ, шакъ чшо сей коменданшъ мершвцовъ, если можно шакъ выразишься, получаееть изрядное жаловаанье и располагаееть огромною власшю, кошорая шѣмъ выгоднѣе, чшо никшо на нее не ропщешъ. Онъ деспощствуешъ, какъ душъ его угодно. Домъ его не еспь домъ шорговый, хопя въ немъ еспь все относящееся до коммерціи: коншора, бухгалтерія, приходы, расходы, прибыль. Эшо ни швейцаръ, ни дворникъ, ни приврапникъ, въ собшвенномъ смыслѣ: ибо вороша, принимающія усопшихъ, всегда ошворены насшежь. Хопя у него въ консерваціи куча памяшниковъ, онъ однако не называется и не еспь консервашоръ. Корошко сказашь, эшо неизъяснимая аномалія: власшь, кошорая принимаееть учасшіе во всемъ и кошорая сама еспь ничшо; власшь, посшавлен-

ная внѣ всего, какъ смерть, коею она живетъ. При всемъ томъ, сіе исключительное созданіе зависить отъ *Города-Парижа*, существва также химерическаго, какъ *корабль*, копорый служишь ему эмблеммою, живошнаго разумнаго, копорое движется тысячью лапъ, рѣдко согласныхъ въ своихъ движеніяхъ, отъ чего всѣ находящіяся въ службѣ его лица почти недвижны и и безсмысленны. И такъ сей спражь кладбища естъ не что иное, какъ приврашникъ, возведенный на степень чиновника, не подлежащаго отпущенію.

Впрочемъ мѣсто его не естъ пенсія безъ должности. Онъ не допускаеть никого погребашъ безъ законнаго дозволенія, подлежащъ отвѣтственности за своихъ покойниковъ, опводишь вамъ на обширномъ полѣ шестъ квадратныхъ фушовъ, гдѣ вы нѣкогда должны положишь все, что любите, и все, что ненавидите, вашу любовницу и вашего двоюроднаго брата. Такъ! вы должны знашь, что всѣ Парижскія ощущенія сводящяся сюда и здѣсь получаюшь окончательное распоряженіе. Эпошь человекъ держишь рееспры для своихъ покойниковъ: они лежатъ у себя въ могилахъ и у него въ картонахъ. Въ командѣ его соспоитъ спорожа, садовники, гробокопатели, помощники. Онъ естъ важная особа. Люди въ слезахъ не вдругъ допускаюшя къ нему на аудіэнцію. Онъ являешся

шюлько въ важныхъ случаяхъ: когда одного мерпвца принимаюшь за другаго; когда случается убійство, когда должно вырывать шюло, или когда мерпвецъ оживаетъ. Бюспь царствующаго короля спюишь въ его залъ: но, можешъ бышь, въ какомъ-нибудь пошпенномъ шкафъ, храняшся и другіе бюспы, спшавшіеся послъ имперіи, послъ прежней династіи, даже бюспь прешенденша, соспавляя собой родъ миніашюрнаго кладбища Опца-Лашеза для всъхъ политическихъ переворошовъ Франціи. Королко сказашъ: эшо человекъ публичнй, и вмъспъ человекъ прекрасный, добрый опецъ, добрый супругъ, говоря не эшпашіею. Но шюлько различныхъ чувствованій провозишся предъ нимъ безпреспанно на погребальныхъ дрогахъ! Онъ видълъ шюлько слезъ, испинныхъ и ложныхъ! Онъ видълъ печаль на шюлькихъ лицахъ, во шюлькихъ видахъ! Видълъ милліоны безушъшныхъ, ръчныхъ печалей! И для него печаль значишь не болъе, какъ камень въ одиннадцашъ линій шолцины, въ чешыре фупа вышныи и въ двадцашъ два дюйма ширины! Чшо касаетъ до *вълныхъ стшованій*, эшо соспавляетъ одну изъ непріашносшей его званія: не проходишь ни завшрака, ни объда, когдабъ онъ не долженъ былъ осушашъ попоки неушъшнаго огорченія. Для всъхъ другихъ чувствованій онъ весьма добръ и нъженъ: гошовъ расплакашься надъ

нынѣмъ преапральнынѣмъ героемъ, надъ Г. Жермейлемъ въ драмѣ *L'Auberge des Adrets*, надъ человекомъ въ исподнемъ плащѣ маслянаго цвѣта, кошораго убиваетъ *Макеръ*: но въ царствѣ наспоющихъ мершвыхъ сердце его косшь коспью. Дѣйснвишельные мершвецы для него не болѣе, какъ цифры: его званіе соспоить въ организаціи смерти. Раза при въ сполѣпіе, случаетъ ся, что и его положеніе, его роль получаетъ характеръ высокоспи: онъ высокъ каждую мину. . . во время моровой язвы! . .

Когда Жаке явился къ нему, сей высопомочнынѣмъ повелителѣмъ кладбища былъ весьма разнитванъ.

— Я сказалъ, кричалъ онъ, чтобы полили цвѣтры опъ переулка Массены до площади Реньо де Сен-Жан-д'-Анжели! . . Вы шупшите мои приказаніями! . . Чортъ возми! . . Если родспвенникамъ вздумаетъ придти шеперь, когда погода такъ хороша, они примушоя за меня, раскричатся чершовски, наговорятъ мнѣ всякаго вздору и разнесутъ объ насъ худую славу. . .

— Милоспивый государь, сказалъ ему Жаке, намъ желательо знашь, гдѣ погребена Гжа Жюль?

— Гжа Жюль — какал? . . спросилъ онъ. Въ эшу недѣлю у насъ было при Гжи Жюль. . .

— А! перервалъ онъ взглядывая въ вороша. Вошь и погребальная процессія Полковника де-

Моленкура. Спугайте, спросите дозволеніе, гей! ..

— Процессія великолѣпная! продолжалъ онъ. Бѣднякъ очень скоро опсправился въ слѣдъ за бабкою! Право, еспь фамиліи, копорыя еспшапъ на пошь свѣпъ, словно въ запуски.. Такой квѣлой народъ, эспи Парижане! ..

— Государь мой! сказалъ Жакъ, ударивъ его по плечу: особа, о копорой я вамъ говорю, Гжа Жюль Демаре, жена богашаго биржеваго агенша. . .

— А! знаю! опвѣчалъ онъ, смопря на Жакъ. Эпо кажепся ша, за копоройо ѣхало принадлецашъ праурныхъ карешъ и въ каждой изъ первыхъ двѣнадцати по одному родспвеннику? Мы посмѣялись надъ эспимъ вдоволь. . .

— Пооспорожнѣе, сударь! Г. Жюль здѣсь со мною; онъ можепъ васъ услышапъ: а по, чпо вы говорише, не совсѣмъ прилично!

— Пропшише, сударь! Точно, вы совершенно правы! Извинише! Я счелъ васъ за наслѣдниковъ! ..

— Позвольше, сударь, продолжалъ онъ, разсмапривая планъ кладбища. Гжа Жюль на улицѣ Маршала Лечебера, въ аллеѣ подъ N 4, между дѣвицею Рокуръ, акприсою Французской Комедіи, и Г. Моро-Мальвенемъ, здоровымъ мясникомъ, для копораго заказанъ надгробный памян-

никъ изъ ~~дѣлаго~~ мрамора, копорый, признавъ-ся опкровенно, будещъ чупь ли не изъ лучшихъ на нащемъ кладбищѣ...

— Но эшо ~~часъ~~ ни сколько не подвигаетъ къ дѣлу, сударь! перервалъ его Жаке.

— Правда, ошвѣчалъ онъ, оглядываясь во-кругъ.

— Жанъ! вскричалъ онъ попомъ челоуѣку, копорого увидѣлъ: проводи эшихъ господъ къ могилѣ Гжи Жюль, жены агенша... Ну, что под-лѣ дѣвицы Рокуръ, гдѣ споншь бюспъ...

И оба друга послѣдовали за спорожемъ: но они доспигли до крупной пропинки, ведущей въ верхнюю аллею кладбища, не прежде, какъ выслушавъ по крайней мѣрѣ двадцать предложеній опъ разныхъ поспавщиковъ, копорые, съ припорною услужливостію, спрашивали, не хопяпть ли господа заказашъ какой-нибудь мраморной, желѣзной или рѣзной работы.

— Вамъ угодно *что-нибудь* поспропшь? Мы возьмемъ очень дешево!..

Жаке былъ сполько счаспливъ, что умѣлъ не допуспшь до своего друга сихъ предложеній, споль ужасныхъ для сердца, еще дымящагося кровью; и они добрались наконецъ до мѣста покоя.

При видѣ сей земли, недавно взрыпшой, гдѣ работники набили колышковъ, чтообы означпшь

черпу; на кошпору надобно было утвердить рѣшешку вокругъ могилы, Жюль оперся на плечо Жаке, приподнимаясь изрѣдка, послѣ длинныхъ промежутковъ, и погружая изсохшіе взоры на эпопѣ земляный уголокъ, гдѣ онъ долженъ былъ покинуть навсегда оспашки существа, коимъ жилъ еще доселѣ.

— Какъ ей здѣсь дурно... прошепталъ онъ.

— Но она не здѣсь, ошвѣчалъ ему Жаке, а въ швоемъ сердцѣ! Пойдемъ! Оспавъ эпо ненавистное кладбище, гдѣ мерпвые разряжены, словно женщины на балѣ...

— Еслибъ намъ унеспи ее осюда!..

— Эпо не возможно!

— Все возможно! вскричалъ Жюль.

— Ну, пакъ я самъ приду сюда! прибавилъ онъ послѣ минушы молчанія. Здѣсь еспъ и для меня мѣспо!

Жаке успѣлъ выпаципть его изъ эпой ограды, раздѣленной бронзовыми рѣшешками, подобно шахмашной доскѣ, на красивыя клѣшки, въ коихъ помѣщались памяшники, обремененные пальмами, надписями, слезами, спольже холодными, какъ камни, на коихъ безушѣшныи люди заказали вырѣзать свои сѣшованія и гербы. Много было разныхъ оспроумныхъ изрѣченій, элиграммъ на любопытныхъ, кончешпи, запѣшливыхъ прощаній, обѣповъ скорого свиданія, на кошпору однако не бываешъ никогда кромѣ

одного всегда носпояннаго лица, пышныхъ биографій: много цозолошны, прящя, блеспокъ. Тамъ, порчали пиврсы; здѣсь, желѣзныя копья; дагѣ, египетскія урны; въ иныхъ мѣспахъ, нѣсколькo пушекъ: всюду, эмблемы безчисленныхъ званій и заняпій; наконецъ всѣ спили вмѣспѣ: маврскій, греческій, гошическій; фризы, архиправы, каршины, урны, геніи, храмы; множествo имморшелей умершихъ и розъ заванувшихъ. Комедія самая ужасная! Эшо былъ еще весь Парижъ, съ своими улицами, вывѣсками, магазинами, геспинницами; но Парижъ, видямый чрезъ уменьшительное спекло лорнешки, Парижъ микроскопическій, приведенный въ мѣлкіе размѣры шѣней, призраковъ, мершвецовъ! Эшо былъ цѣлый родъ человѣческій, у котораго не оспалось ничего великаго, кромѣ суешности!

Пшомъ Жюль увидалъ у ногъ своихъ, вдоль до Сень, между возвышеніями Вожирара и Медона, Бельвиля и Монмаршра, наспояцій Парижъ, повишпый сизымъ шуманомъ, образовавшимся изъ его испареній, которій на шу пору лучи солнца дѣлали пррзрачнымъ. Онъ обнялъ однимъ бѣглымъ взглядомъ эпи сорокъ птысячъ домовъ и сказалъ, указывая на проспранштво, заключавшесся между колонною Вандомской площади и золошнымъ куполомъ Инвалидовъ:

— Она похищена у меня шамъ, пагубнымъ любовшпшвомъ сей шолпы, кошорая волнуеш-

ся и шѣснись, для того чшобы шѣснись и волноваться! . .

За чепыре мили опсюда, на берегахъ Сены, въ скромной деревушкѣ, сидящей на скапѣ одного изъ небольшихъ холмиковъ, зависящихъ опъ длинной гориспой цѣпи, среди коей огромный Парижъ копыпешся, какъ младенецъ въ своей колыбели, происходила шакже сцена смерши и печали; но сцена липенная всѣхъ Парижскихъ принадлежноспей, безъ факеловъ и свѣчь, безъ праурныхъ карешъ и погребальнаго пвнїя—смершь запроспо! Вопъ въ чемъ соспоало дѣло.

По упру шѣло молодой дѣвушки примышо было волнами Сены къ берегу, покрытому иломъ и проспникомъ. Рабошники, копавше песокъ, увидѣли его, когда вышли на работу.

— Вопъ находка! сказалъ одинъ изъ нихъ. Это намъ въ карманъ пяпдешпть франковъ!

— Да! отвѣчалъ другой.

И они подошли къ шѣлу.

— Какая прекрасная дѣвушка?

— Чшобъ получишь пяпдешпть франковъ, надобно опвезши ее въ Парижъ и предспавишь въ префектуру полицїи.

— Ныпъ! прежде надо объявишь меру.

И двое рабошниковъ положили ее на два зашупа, прикрыли своимъ плашьемъ и понесли къ деревенскому меру, который былъ приве-

день въ крайнее замѣшательство сею находкою, будучи принужденъ дѣлать допросъ и слѣдствіе.

Слухъ о семъ приключеніи распространился немедленно, съ пою телеграфическою скорописью, которая свойственна споронамъ, гдѣ сообщенія житейскія непрерывны и гдѣ злословіе, болтовня, сплетни и расказы, кои пипаютъ людей, ничѣмъ не пресѣкающся. Скоро носышители, собравшіеся къ меру, извлекли его изъ замѣшательства. Они превратили слѣдственное дѣло въ простое показаніе о смерти. Благодаря ихъ попеченіямъ, покойница признава дѣвичество Идою Грюже, корсепною швеєю, имѣвшею жилищество на улицѣ Кордери - дю - Тампль, N 14. Начала полиція. Вдова Грюже, мать умершей, явилась съ послѣднимъ письмомъ своей дочери. Посреди рыданій матери, врачъ засвидѣтельствовалъ, что покойная почто задохнулась въ водѣ, доказавъ сіе приемомъ черной крови въ легочную систему. Такимъ образомъ дѣло кончилось.

По учиненіи должныхъ розысковъ и собраніи показаній, вечеромъ въ шесть часовъ, начальство дозволило предать шѣло погребенію. Приходскій священникъ отказался принять его въ церковь и совершивъ надъ нимъ христіанскіе обряды. Тогда Ида Грюже была завернута въ саванъ одною старою креспьянкою и положена

въ простой гробъ, сбитый на скоро изъ новыхъ досокъ. Попомъ опнесена на кладбище чепырью человекими, въ сопровожденіи нѣсколькихъ любопытныхъ крестьянокъ, кои рассказывали другъ другу про ея смерть, пополняя разными шолками, выражавшими удивленіе, смѣшанное съ соспраданіемъ. Одна старая госпожа изъ сожалѣнія взяла къ себѣ вдову Грюже и не пустила ее слѣдовать за пѣломъ дочери.

Человѣкъ, соединявшій въ себѣ при должностяхъ, звонаря, церковнаго спорожа и приходскаго могильщика, вырылъ яму на деревенскомъ кладбищѣ, занимавшемъ съ полдесятины земли позади церкви; церкви весьма извѣстной, классической, украшенной чепвероугольною колокольнею, съ оспрой кровлей, покрытой черепицею, снаружи подпиертой угловатыми конспроорсами. За кругомъ, описываемымъ церковными хорами, находилось сіе кладбище, окруженное развалившимися спѣнами, родъ поля наполненнаго буторками; здѣсь не было ни мраморныхъ памятниковъ, ни поспнишелей; но конечно каждая борозда была упистана искренними слезами и спшованиями, коихъ не доставало Идѣ Грюже. Она была брошена въ уголокъ, поросшемъ высокою иравою и дикимъ куспарникомъ. Когда гробъ ея былъ опущенъ въ сію землю, коей проспоша имѣла въ себѣ шакъ много поэшическаго, могильщикъ вскорѣ увидѣлъ себя одного, при

наспущеніи ночи. Засыная могилу, онъ останавливался по временамъ и черезъ спящу взглядывалъ на рѣку и на дорогу, лежащую вдоль берегомъ.

— Бѣдная дѣвушка! воскричалъ человекъ, появившійся вдругъ возлѣ него.

— Вы меня испугали, сударь! сказалъ могильщикъ.

— Општыла ли ша, копорую шы погребашь? ..

— Нѣтъ, сударь! .. Священникъ отказался. .. Это первая покойница, не принадлежащая къ приходу, копорая здѣсь зарываешся. .. Тушъ все знакомые. Вы, сударь, ужъ не.. Э! да онъ ушелъ.

Прошло нѣсколько дней, какъ одинъ человекъ въ шраурѣ явился въ домъ Г. Жюль и не сказавъ ему ни слова, поспавилъ въ комнату его жены большую порфирую урну, на копорой прочелъ онъ слѣдующую надпись:

INVITA LEGE,

CONJUGI MOERENTI

FILIOLAE CINERES

RESTITUIT,

AMICIS XII JUVANTIBUS,

MORIBUNDUS PATER.

— Какой человекъ! сказалъ Жюль, заливаясь слезами.

Осьмй днѣй доспапочно ему было, чибѣ, исполнить всѣ желанія своей жены и привезти въ порядок дѣла свои. Онъ опшправился изъ Парижа, тогда какъ администрація разсуждала еще, позволительно ли гражданину располагать имуществомъ своей жены.

Кипю не встрѣчалъ на бульварахъ Парижа, при поворотахъ улицы, или подъ сводами Нале-Рояля, наконецъ, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только можеть довести случай, сущесшва, мужского или женского пола, видѣ конхъ порождаешъ пшвѣячи смущныхъ мыслей въ умы! При взглядѣ на подобное сущесшво, въ насъ возбуждаешъ внезапное учаспие, либо черпами, конхъ спранное образование изобличаетъ жизнь востпавшую бурныхъ волненія, либо оригинальной совокупностью движеній, осанки, поступи и одѣянія, либо глубоко выразишельнымъ взоромъ, либо другимъ чѣмъ-либо шакимъ, что вдругъ и сильно поражаетъ насъ, между шѣмъ какъ мы не можемъ въ точности объяснить шому причины. На другой дѣнь, другія мысли, другія Парижскія каршины, уносптъ изъ нашего воображенія сей минушнй призракъ.

Но, если мы снова встрѣтимъ поже самое лице, или проходя въ известнй часъ по одному мѣсту, какъ чиновники по окончаніи своей службы, или снуя взадъ и впередъ по городу,

какъ шѣ люди, кои кажутся движимымъ иму- ществомъ Парижскихъ улицъ и встрѣчающа во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, при первыхъ предспавленіяхъ піэсъ и у респорашеровъ, со- ставляя лучшее ихъ украшеніе: тогда суще- ство сіе вѣдряется въ нашемъ воображеніи и оспаётся памъ, какъ первый помъ романа, ко- его конецъ намъ неизвѣстенъ. Мы чувствуемъ искушеніе спросить сего незнакомца, сказавъ ему:

— Чпо шы за человекъ? За чѣмъ скипаешь- ся? По какому праву носишь ворошникъ въ складкахъ, просишь съ набалдашникомъ изъ слоновой косши, жилешь вышедшій изъ моды? За чѣмъ у тебѣ эши синія очки съ двойными стеклами, или эпомъ галсшукъ *des muscadins*, копорый давно уже носишь переспали? . . .

Между сими блуждающими созданіями, однѣ принадлежатъ къ разряду древнихъ боговъ Тер- миновъ, коихъ Римляне спавляли на своихъ рубе- жяхъ; онѣ не говоряшъ ничего; онѣ проспо здѣсь; вошь и все! За чѣмъ? никшо много не знаютъ. Эпо фигуры, подобныя шѣмъ, кои служатъ шиломъ для скудышпоровъ, изображающихъ Чепыре Вре- мени Гола, Торговлю, Изобиліе. Другіе, бывше адвокашы, вешкіе кушцы, спарые генералы, хо- дяшъ взадъ и впередъ, но кажутся неподвижными. Подобно уплымъ деревьямъ, споящимъ на берегу рѣки съ полуобнаженными кореньями, они кажеш- ся совсѣмъ не принадлежатъ къ шумному по-

поку Парижа, ни къ его юной дѣвчельной полгѣ. Не возможно рѣшишь, забылиль ихъ похоронилъ или они вырвались уже изъ гробовъ своихъ: видно только, что они достигли ночи до соспоянїя окаменѣлостей.

Одинъ изъ сихъ Парижскихъ Мельмоповъ, назадъ тому нѣсколько дней, появился среди мудраго и глубокомысленнаго народонаселенїя, конгъ, въ прекрасную погоду, неминуемо мебелируется проспранство между южною рѣшешкою Люксембурга и сѣвренюю Обсервашорин, проспранство, можно сказаць, средняго рода въ Парижѣ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь нѣтъ собспвенно Парижа и здѣсь Парижъ еще еспъ. Эпо проспранство еспъ вмѣспѣ и площадь, и улица, и бульварь, и укрѣпленїе, и садъ, и проѣздъ, и дорога, и провинція, и сполица: но изъ всего здѣсь только кое-что, а ничего вполнѣ нѣтъ; эпо собспвенно пуспырь. Вокругъ сего безименнаго мѣста возвышаюся: Воспипашельный Домъ, Бурбъ, Госпипаль Кошень, Домъ Капуциновъ, Богадѣльня Рошфуко, Инспипуилъ Глухо-Нѣмьихъ, Больница Валь-де-Грасъ. Коропко сказаць, всѣ пороки и всѣ бѣдспвія Парижа имѣюптъ здѣсь свой прїюптъ; и, къ довершенїю сей филанпропнической коллекціи, здѣсь ученоспъ вычисляетъ морскіе приливы и широпы земнаго шара, Г. Шапобріанъ завель богадѣльню Марин Терезин, Кармелишптъ основали монаспырь. Великія капа-

спрофы жизни выражающа званомъ колоколовъ, раздающимъ безпрестанно въ оей пуспыннѣ, и для машери, копорая родиня, и для дидлипи, копорое родиня, и для порожа, копорый издыхаешъ, и для пруда, копорый успокоиваешся, и для юной дѣвы, копорая предаешся молишвѣ, и для ошарика, копорому спановишся холодно, и для геня, копорый обманываешся. Въ двухъ шагахъ опсюда кладбище Мон-Парнасское, копорое, изъ часу въ часъ, ошворяешся для бѣдныхъ покойниковъ съ предмѣспія Сен-Марсо.

Эта площадь, опкуда виднѣть весь Парижъ, завоевана охотниками играшь въ шары, спарьми посѣдальными удалцами, съ просподоушною физиономей, добряками, кои продолжавонъ въ себя нашихъ праѣдовъ и конхъ лица ни съ чѣмъ не лзя сравнишь, кромѣ лица, составляющихъ обыкновенную ихъ публику, въ подвижной галереѣ, слѣдующей за ними.

Человѣкъ, назадь шому нѣсколько дней сѣлавщійся обшашелемъ сего пуспыннаго квартала, неоплучно присущспивоваль при сихъ играхъ и весьма рѣзко опличчался между сими группами, кои, еслибъ дозволено было Парижанъ уподобляшь разнымъ классамъ зоологн, слѣдовалобы причислишь къ роду моллюсковъ. Сей новый приплецъ симпатически сжился съ *тушкою* (*cochonnet*); маленькииъ

шарикомъ, копорый служилъ цѣлью для игроковъ и сосредоточиваетъ въ себѣ импересъ парши; онъ прислонялся къ дереву, когда шарикъ оспанавливался; попомъ, съ шарикомъ же внимательностью, какъ собака къ движеніямъ своего господина, присмаптривался къ шарамъ, какъ они капились по землѣ или летѣли по воздуху. Можно было счесъ его волшебнымъ духомъ - храницелемъ сего шарика. Онъ не говорилъ ничего; а игроки, фанатики самые испуленные, какіе когда-либо въспрѣчались между разными секшаншами, нигде не преобладали у него опчета въ сей упорной молчаливости; только нѣкоторые повольнотумиѣ счищали его за глухо-нѣмаго. Въ случаяхъ, когда надобно было опредѣлять различныя разспоянія между шарами и чушкою, по законамъ игры, прибѣгали къ палкѣ незнакомца, копорая служила какъ будпо официальной мѣрою. Тогда игроки брали ее изъ ладонныхъ рукъ спарика, не говоря ему ни слова, даже безъ всякаго знака привѣщивоспті. Студа налки сдѣлалась для него родомъ службы, на копорую онъ согласился оприщательпо. Когда случался дождь, онъ оспавался подлѣ своего зашннаго шарика, рабомъ и спражемъ начашойпарши. Ему все равно было, ненаспѣе и прекрасная погода. Подобно игрокамъ, онъ соспавлялъ родъ посредствующаго звена между Парижаниномъ,

имѣющимъ наименѣ смысла, и живописнымъ, копорое имѣеть его наиболѣе.

Впрочемъ, блѣдный, дряхлый, разсыянный, безъ всякаго вниманія къ себѣ, онъ приходилъ часпо съ обнаженною головою, выспаляя на показъ свои сѣдые волосы и желшую, чешвероугольную лысину, похожую на колыно, пробивающееся сквозь изодранное лохмотье ницаго. Онъ ходилъ съ опшавившимся рпомъ, безъ идей во взорахъ; безъ всякой швердоспи въ походкѣ; никогда не улыбался, не поднималъ глазъ къ небу, но обыкновенно держалъ ихъ опущенными въ землю, какъ будто ница чего-шо. Въ чешпуре часа, одна спаруха приходила за нимъ и уводила его невѣдомо куда, шаца за руку, словно какъ дѣвушка шаццишь упрямую козу, копорой хочешся оспашься на правѣ, когда надобно ворошишь въ хлѣвъ. Смотришь на него было какъ-шо ужасно! . .

Разъ, послѣ обѣда, Г. Жюль одинъ, въ дорожной коляскѣ, быспро неопейся по улицѣ д'Эспль, выѣхалъ на площадь Обсервапоріи, въ шу минушу, какъ изъ рукъ спарика, прислонившагося къ дереву, при крикахъ нѣсколькихъ нтровокъ, пришедшихъ въ мирную яросшь, брали по обычаю палку для мѣры. Жюлю показалось что-шо знакомое въ эшой фигурѣ; онъ хопѣлъ было оспановишь коляску, какъ она сама оспанови-

лась. Кучерь, спѣсненнѣй наѣхавшими пелѣгами, не хопѣлъ кричать возмущившимся игрокамъ, чпобѣ они поспоронидись и дали дорогу: вѣжливоспѣ, весьма еспеспивенная въ Парижѣ, гдѣ шажѣ много бываептѣ разныхъ возмущеній!

— Это онѣ! сказаѣ Жюль, узнавѣ въ семѣ обломкѣ чеповѣческаго сущеспва, Феррагуса XXIII, главу Пожирающихъ.

— Какѣ онѣ любилѣ ее! прибавилѣ онѣ послѣ нѣкопсраго молчанія.

— Ну, кучерь! пошѣлъ! закричалѣ онѣ наконецъ. а)

а) Здѣсь окончиваептѣ первый эпизодѣ изъ Истории Тринадцати. Бальзакѣ заключаептѣ его слѣдующимъ эпизодомъ:

«Сіе приключеніе, въ коемѣ спалкиваептѣ сполько Парижскихъ физиономій и въ расказѣ коего описуептѣ спспавдали нѣкопсрымѣ образомѣ главный предметѣ для автора, предспавляетѣ грозный и холодный обликѣ одного изъ Тринадцати, падшаго подѣ рукой правосудія, средя непримиримой войны, веденной имѣ сп общеспвомѣ.»

«Если авторѣ успѣлъ здѣсь изобразитѣ Парижѣ, сп вѣкопсрыхъ его спсоровѣ, пробѣгая по немѣ идоль и поперегѣ; перехода изъ предмѣспія Сен-Жерменѣ въ Марѣ; сп улицы въ будуарѣ; изъ пышныхъ паланѣ на убогий чердакѣ; онѣ грѣзепки кѣ женщиѣ, умѣвшей перенеспѣ любовь въ спсружеспство; и наконецъ, онѣ шума жизни кѣ покою смертп: по онѣ можептѣ бытѣ осмѣлитѣся продолжатѣ свое предпріятіе и докончитѣ его, сообщивѣ двѣ другія испоріи, гдѣ приключенія епде двухъ изъ Тринадцати будуѣтѣ расказаны.»

III.

НАМЫСЛЕНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ВЪ

ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ ВѢКѢ.

(окончание)

Поэзія Повѣствовательная, во всѣхъ пѣхъ родахъ, кои подчинены строгой формѣ, въ послѣднія приращенія лѣтъ, была больше пренебрегаема, чѣмъ обрабатываема съ усердіемъ и успѣхомъ: кое гдѣ небольшое число поэтовъ занимались ею предпочтительно, но не произвели по числу ея ничего достопримѣчательнаго. Героическая эпопея есль подвигъ слишкомъ шрудный: и припомъ никто не хотѣлъ обременять себя шрудомъ, коему не благопріисшествуютъ ни гений націи, ни духъ времени. Особенное препяшпвіе находилось еще въ помъ обспояшельспвѣ, что ни древняя, ни

«Внорал буденъ подъ заглавіемъ: не трогайте топора!
Трешья: женщина съ красными глазами.»

«Ся при эпизода изъ Исторіи Тринадцати однихъ нолько могутъ бытъ обнародованы авторомъ. Что касается до другихъ драмъ сей исторіи, споль обильной драмами, ихъ можно шолько рассказывать между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи: но писать ихъ не возможно.»

Какъ скоро авторъ исполнитъ свои обязанности, мы не замедлимъ продолжить Исторію Тринадцати и для чинашелей *Телескопа*. Изд.

романтическая эпопея не были національными въ Германіи: такъ чужо все, произведенное въ семь родъ Нѣмецкими поэтами, не могло быть иначе, какъ подражіемъ. Сія гнѣсная форма, подавляющія всякую свободу движеній, кладущая всегда нѣкоторый родъ принужденія на поэтическій геній, имѣющая въ себѣ что-то чужое и весьма трудно прилаживающаяся къ предметамъ новѣйшаго происхожденія. Не смѣшно ли видѣть лица нашего времени, разговаривающія гексаметрами, или добродушную Нѣмецкую фигуру, выглядывающую изъ *ottave rime*? Сверхъ того, весь эпосъ эпическій машинизмъ, сдѣлавшійся уже поэтическимъ закономъ, который у древнихъ и отчасти у новыхъ народовъ основывался на народныхъ вѣрованіяхъ, нынѣ есть не что иное, какъ пустое украшеніе, которое съ самаго перваго взгляда кажется бесполезнымъ, а при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается совершенно нелѣпымъ и болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ интересу повѣствованія. Германская національная эпопея есть романъ: и Нѣмцы, какъ мы увидимъ послѣ, оказали въ немъ блистательные успѣхи.

Были однако многіе поэмы, испытывавшіе себя собственно въ эпопеѣ. Ихъ достаточно поименовать и указать вкратцѣ ихъ произведенія. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ есть поэма, въ древнемъ родѣ, Зоннерверга, который такъ

спрагически кончалъ жизнь свою въ Іенѣ а). Его *Донатол* содержишь въ себѣ величественнымъ каршинымъ но воображеніе поэза развертываешся не очень правильно и припомъ имѣеть совершенный недоспапокъ въ яносци. Романпическая эпопея нѣскольکو времени обрабощивалась довольно ревностно, особенно когда Лейпцигскій книгопродавецъ Брокгаузь предложилъ награду за лучшее сочиненіе въ семь родѣ; и между ними наилучшю во всѣхъ отношеніяхъ была *Огарованная Роза* молодого Эрнста Шульце, копорую скорѣ можно назвашъ сказкою въ эпической формѣ и копорая по своему гармоническому выраженію и роскошной поэзи сдѣлалась дамскимъ любимымъ чтеніемъ. Мушны должны были судишь объ ней иначе: въ ней слишкомъ мало грунпа и богатыя краски ея можно уподобишь цвѣтеной пыли на крылышкахъ мотылька. Его *Цецилія* былабъ больше достойна вниманія, еслибъ обнаружила болѣе шворческаго могущества и не былабъ слишкомъ распощительна на чудесное ко вреду истины. Впрочемъ въ ней встрѣчаешся много прекрасныхъ мѣст: нѣжность чувства и достоинство мыслей, богатство воображенія и наконецъ легкость спикосложенія и языка, суть качества, обеспечи-

а) Родившійся въ Минстерѣ въ 1778 году, онъ выбросился изъ окна въ Іюль 1805 года, въ слѣдствіе распощеннаго воображенія.

ннѣ почтительное мѣсто: оному поэту, къ сожалѣнню, умершему во црльнѣ юности.

Труды въ помыже родъ Фукс, Луизы Фракманнъ, Тейшера, авшора *Саладина*, Эберта, Дудлера, Бехшпейна, Анаспасія Грина, болѣе или менѣе достойны наименованія. Въ комической эпопеѣ одинъ Претцель имѣлъ успѣхъ: ибо *Лобзида* Кортума, хопя недавно удостоилась чести вшораго изданія, въ самомъ дѣлѣ еспь не чпо иное какъ фарсъ, ни мало не оспроумный, коего все достоинство ограничивается нѣсколькими студентическими выходками. *Рейнеке Фухсъ* Гетъ, извѣсно, не еспь оригинальное произведеніе.

Сказка въ собственномъ смыслѣ обрабатывалась съ болѣшимъ успѣхомъ; и здѣсь можно указать много замѣчательныхъ произведеній, особенно въ родѣ проспома и комическомъ. Наибольшую похвалу заслужили въ семъ отношеніи Спеш. Шитце, Киндъ а) и Претцель.

Для идилліи почти ничего не было сдѣлано, по крайней мѣрѣ если не опноспь къ сей категоріи *Германа и Доротю* Геше, *Луизу* Фосса, *Жанетту* и *Цылятъ* Эбергарда, *Юкунду* Козегаршена, изъ коихъ впрочемъ два первыя спихошворенія

а) Особенно хвалятъ Клядова *Щегленка*, сказку, которая не переведена ни на одинъ иностранннй языкъ. Изд.

принадлежать прошедшему столѣттю. Есть только двѣ собственно идиллическія Малера *Миллера*: *Стрижка Овецъ* и *Луценье Орѣховъ* (и *Rußleben*) б), коими Нѣмцы могутъ гордиться, по причинѣ ихъ совершенно Нѣмецкаго характера, и копорыя достойны всякаго вниманія, равно какъ многія другія произведенія сего оригинальнаго поэта, кажущаяся, несправедливо забываемыя въ Германіи.

Я говорилъ уже прежде о романсахъ и балладахъ. Хорошія легенды принадлежатъ Фуке, Амаліи фон-Гельвицъ, Кинду, Виссу и другимъ. Басни со всѣми своими видами и разновидностями, параболы, параміи, и проч., обрабатывались многими писателями: но они напрасно швырялись изъ всѣхъ силъ; никто изъ нихъ не сравнился съ спарикомъ Геллершомъ. Можно только исключить басни Швейцарца Фрейлиха, написанныя для взрослыхъ дѣтей, коимъ придалъ новую цѣну Дистелли своими оспроумными рисунками.

Особенно романа, копорый неоспоримо есть лучший цвѣтъ современной поэзіи, долгъ но въ особенності замѣнить различныя пер-

б) Во многихъ областяхъ Германіи, по деревнямъ въ Октябрѣ и Ноябрь мѣсяца, сосѣди собираются по вечерамъ лущить орѣхи послѣдняго сбора, и сіе занятіе, соединяя ихъ за однимъ общимъ столомъ, доставляетъ поводъ къ приятельскимъ и веселымъ речкамъ.

воропы, чрезъ копорье онъ прошелъ, прежде чѣмъ сдѣлался самымъ совершеннѣйшимъ органомъ Нѣмецкой народной индивидуальности. Преобладаніе лирическаго элемента въ началѣ вѣка спользился и въ послѣдніе годы прошедшаго, долго описывалось и въ романѣ, особенно благодаря *Вертеру* Гете, копорый нашель шоллу подражателей. Любовь, какъ чувство самое общее, съ конемъ всѣ прочія чувства проявляются, играла главную роль въ семь родѣ романовъ, гдѣ занимались единственно выраженіемъ и предопавленіемъ ея со всѣхъ споронъ: по счастливою, по несчастливую, по самовласною и бурною, по преданною безусловно судьбѣ и добровольно опрекающеюся опъ всякаго вознагражденія.

Мало по малу любовь признана была недоспапною для шого, чшобъ быть единственною подпорой романическаго интереса: начали съ большею подробностію изображать опношенія и обшопельства, среди коихъ она развертывается; и такимъ образомъ соспавился семейственнѣй романъ, копорый кончился шѣмъ, что заключилъ въ себя всю общеспвенную жизнь и, по различію споронъ ея, распался на различныя формы. Философы и художники не замедлили примѣшиться, что форма романа предспавляла имъ превосходное средство для распространенія ихъ идей и

видовъ; и вскорѣ появились со. всехъ сторонъ романы философскіе, психологическіе, педагогическіе, политическіе, и проч. Невозможно было, чтобы при такомъ смѣшеніи поэзія не песнрадала: что могло въ ней быть хорошаго, то зашлялось въ толпѣ; и романики напрасно усиливались прогнивуспашь общему попоку разными средствами: собственными подобными произведеніями на свой манеръ, или обличительными сапирами; они не умѣли еще ни овладѣть вкусомъ націи, ни привлечь на себя вниманіе большинства; сверхъ того имъ нравились другіе роды сочиненій, коихъ толпа не понимала или не умѣла цѣнить по ихъ достоинству.

Наконецъ, говоря выраженіемъ Гете, испорія пришла и съла у домашняго очага Нѣмцевъ. Когда она явилась въ первый разъ, на ней было синее плащье съ красными нашивками; она вошла, не поспулавшись у дверей, съла за споль, безъ приглашенія, и начала подъ носомъ у всѣхъ брать себя лучше куски, не говоря даже: спасибо! Тогда только Нѣмцы продрали глаза: они поняли, что естъ на свѣтѣ вещи поважнѣе того, что дѣлаешя между чепырехъ свѣтъ, и что ошь нихъ самихъ зависѣло раздвинушь свой горизонтъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ и всю жизнь свою. Правда, долго доходили они до сей догадки; и безъ Русской суровой зимы, можешъ быть, никогда бы не поняли, что въ Германіи могла быть

весна: но наконецъ примѣнили эпо и проснулись! Тогда они спазцали съ своей гопшь синее и красное плашье, пользуясь опчаспи пособіями другихъ людей всякаго разбора; надѣли на нее плашье Нѣмецкое, или лучше сказаць все-свѣшное, но кошорому дали на скорую руку Нѣмецкій покрой; плашье, какое по мнѣнію ихъ нашивали или могли носить ихъ прѣдки: и съ шѣхъ поръ каждый приварядился въ Тевтоническое облаченіе; всякая книга одѣвалась шочно шакже, особенно романъ. Великоблнное пламя вспыхнуло во всѣхъ сердцахъ; и все, согласное съ ними расположеніями, было принимаемо съ воспоргомъ. Но сіе согласіе наибольше усмопрѣно было въ среднихъ вѣкахъ: и геній Германскій съ особеннымъ услажденіемъ началъ глядѣться въ ихъ глубину, согрѣваясь ихъ шеплошю, любовашься ихъ богашьими цвѣшами. Тогда романпическая поэзія нашла себѣ наспоащую сферу, гдѣ могла на проспорѣ развиваться и дѣйшвовашь. Публика, кошорая до шѣхъ поръ осшавалась къ ней хладнокровною, привѣшшвовала ее живѣйшими восклицаніями: и Фуке, бывшій шогда во всемъ цвѣшѣ юношескихъ силъ, выспавилъ съ шоржеспвомъ сокровища, измеченныя имъ изъ богашьхъ рудниковъ романпизма, кои приняны были съ воспоргомъ. Знаніе дѣйшвовало заодно съ поэзіей и показало себя не менѣе реаноспнымъ къ разрабошкѣ среднихъ вѣ-

ковъ и опкрышио богатствъ, въ нихъ заключающихся. Новый мѣръ умственныхъ сокровищъ опкрылся взорамъ полны, удивленной и восхищенной!

Но вскорѣ, какъ и всегда случается, раздался голосъ холоднаго разсудка; мгновенноре возбужденіе нечувствительнo утихло; но за то досада видѣшь себя разочарованными въ споль прекрасныхъ мечтахъ произвела раздраженіе гораздо опаснѣйшее. Размышленіе явилось снова на шрибюнѣ, копорую на нѣсколько времени предоспавило было чувству; между штѣмъ видъ разширился до безпредѣльности; взоръ обнялъ весь мѣръ и всю жизнь человѣческую; пошребность шребовашъ и давашъ другъ другу взаимно опчешъ сдѣлалась всеобщейо. Однако сія новая пошребность еще не пробилась въ поэзію, какъ Вальшер-Скопшгъ опкрылъ поврище, показавъ въ романѣ опношенія всѣхъ подробностей и недѣлимостей къ совокупности современной жизни и вовлекши въ сей кругъ все, что ни есть человѣческаго. Его слава прошла въ шриумѣъ по всей просвѣщенной Европѣ; и какъ шаже самая пошребность чувствшюема была вездѣ, шю все прихлынуло къ шомуже цункшу, и романѣ сдѣлался снова шѣмъ, чѣмъ онъ былъ при своемъ началѣ, всеобщейо эндопсешо въ самой свободной формѣ. Первые Германскіе поэмы признали его шакowymъ; и вскорѣ Намцы сравни-

лись, даже превзошли въ немъ всѣ другіе народы а).

Впрочемъ и другіе роды романа не были совершенно оспавлены. Романъ любовный былъ преимущественно обрабатываемъ женщинами-писательницами, коихъ въ Германіи довольное количество и кой находятъ себѣ читателей, особенно въ своемъ полѣ. Романъ философскій со всѣми своими видоизмѣненіями пока, хо-

а) «Такая похвала безъ сомнѣнія преувеличена; но это весьма естественное. Какъ бы ни былъ кто коротко знакомъ съ иностранными литературами и какъ бы ни былъ способенъ чувствовать ихъ красоты, свое отечественное всегда понятнѣе и ближе къ сердцу; а потому если есть уже равенство между своимъ и чуждымъ, то очень легко увлечься и признавать свое превосходнымъ. Намъ гораздо болѣе нравятся похвалы соотечественникамъ, чѣмъ ихъ ожесточенныя крипки, коими одинъ славный современный писатель, и именно Гейне, началъ свои опыты о Нѣмецкой литературѣ предъ просвѣщенной Европой. Нельзя видѣть безъ негодованія сына, котораго бьютъ полицу мать свою, или подобно Хаму, открывающаго наготу своего отца. Пусть крипка утверждаетъ, что въ литературѣ должно быть также, какъ бываетъ у некоторыхъ дикихъ племенъ, гдѣ дѣти убиваютъ своихъ престарѣлыхъ отцовъ: это обычай слишкомъ варварскій и жестокой! Г. Гейне долженъ былъ вспомнить прослоно-родную пословицу, что изъ избы сору выносить не слѣдуетъ (qu'on lave son linge sale en famille).» — Такъ разсуждаетъ Французскій переводчикъ сей сатиры, помѣщенной въ Nouvelle Revue Germanique, 1833, N 50, p. 158. А у насъ съ подобными мыслями только что слышались *квасильи патриотомъ!* Изд.

ши и очень рѣдко, служить мыслительнѣе сред-
ствомъ къ распространенію въ публикѣ своихъ
ученій, особенно относящихся къ религіознымъ
проніямъ, кои живѣе интересуютъ массу наро-
да. Новеллы (*Novelle*), которыя въ Германіи
имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ просто
повѣсть, продолжаютъ пользоваться особен-
но благосклонностью и расплодился до без-
конечности, благодаря липературнымъ журна-
ламъ и безконечному множеству альманаховъ,
появляющихся ежегодно, въ коихъ не гнушающ-
ся принимать участіе лучшіе таланты, даже
часто къ своему предосужденію.

Я бы увлекся слишкомъ далеко, еслибъ захо-
тѣлъ здѣсь разбирать подробно всѣ различныя
произведенія въ семь родѣ. И пакъ ограничусь
только краткою характеристикой прехъ зна-
менитѣйшихъ романистовъ, кои доселѣ еще на-
ходятся въ живыхъ, и преобладающихъ ими
направленій, указавъ наиболѣе примѣчательнымъ
произведенія по каждому изъ сихъ послѣднихъ.
Гете и Жан-Поля пройду молчаніемъ: поелику
они слишкомъ уже извѣстны и слишкомъ часто
были судимы; припомъ спомятъ совершенно
опдѣльно, особенно послѣдній.

Три романиста, о коихъ я намѣренъ го-
ворить, суть: Тикъ, Штеффенсъ и Шлиндлеръ.

Первый, обнаруживъ превосходный талантъ
въ другихъ родахъ поэзіи, явился особенно ори-

гинальнымъ въ Нѣмецкой новеллѣ. Обрабатывая историческое событіе, или созидая самъ для себя басню, во всякомъ случаѣ, онъ избираетъ какое-нибудь определенное явленіе нравственнаго міра и представляетъ его подъ всѣми возможными фазами, принимавая къ своему разсказу философическія размышленія. Его главное искусство состоятъ въ умѣнны опносить всѣ характеры и положенія, какъ бы ни было велико ихъ разнообразіе къ одной главной идее, шакъ что все сходится въ одинъ пунктъ, какъ лучи въ фокусъ зажигающаго зеркала, и не смотря на уклоненія поэта во всѣ стороны, все сосредоточивается непремѣнно, между тѣмъ какъ чашапель не примѣчаетъ никакихъ усилій и не испытываетъ ни малѣйшей усталости. Самый отличительный характеръ Тика есть особенный взглядъ на міръ: взгляды исполненные ироніи, копорый представляеть вещи такими, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ, и заставляетъ насъ вѣрить, что поэтъ самъ считаетъ ихъ очень хорошими; въ самомъ же дѣлѣ показываешь предметъ достигшимъ до послѣдней точки своего развитія только для того, чтобы тѣмъ ярче высказать глубину и пустошу явленій. Его иронія кажется тѣмъ понѣе, что она чужда всякой досады, всякой желчи, всякой личности: поэтъ является выше свѣта, копорый изображаетъ. Поэтому въ новеллахъ Тика все очень естественно, по онѣ кажутся весьма легкими; и

пошому-шо нашли сполько подражателей, кои однако всѣ оспались далеко ниже своего образца. Одинъ сполько, нѣсколько приблизившійся къ нему, еспь псевдонимъ Позгаръ, въ своихъ *Любовныхъ Исторiяхъ*. Сверхъ того, особенную прелесть новелламъ Тика придаетъ грация, всюду обнаруживающаяся, и сладость его мелодическаго языка. Лучшее произведенiе его въ семъ родѣ еспь *Война въ Севернахъ*, копорое еслибъ и оспалось недокончаннымъ, чего весьма должно опасаться, все будетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ. Съ какимъ чувствомъ его поэтическая душа угадала здѣсь испину испори и характеровъ!

Штеффенсъ послушаетъ съ романомъ, какъ Тикъ съ новеллою. Онъ спспавилъ себѣ цѣлю, схватывавшъ и соединявшъ подъ одинъ взглядъ всю жизнь, со всѣми ея физическими и психическими проявленiями, и предспавлявшъ ея необходимыя слѣдствiя. Его романы супъ испорические въ томъ смыслѣ, что выражающъ испорию эпохи, въ коей описываемые имъ характеры разверспываются и подъ влiянiемъ коей находящяся. Но Штеффенсъ гораздо ниже Тика въ одномъ важномъ пунктѣ: онъ спшпкомъ поддежашелень, спшпкомъ допускаетъ своимъ личнымъ чувспвамъ преобладать надъ собою. Посему главныя лица у него всегда Норвежцы, шо еспь его соотечеспвенники, и сцены

романовъ его помѣщающаго предпочтительнѣе въ Норвегіи. Его первая цѣль есць показашь самаго себя, изложивъ свои собственныя виды, чувствованія, опыты; и дабы дать всему этому мѣсто, дабы заславивъ все содѣйствовать цѣлоснѣе предспавленія, онъ умножаетъ ситуаціи и приключенія, на изобрѣненіе коихъ въ неиспощимомъ его воображеніи не бываетъ недостатка. Но именно по тому самому, что для него гораздо важнѣе сцѣплять свои идеи и чувствованія, чѣмъ событія басни, онъ накопляетъ слишкомъ сіи послѣднія; въ его романахъ, онъ сѣкутся безпреспанно между собою и перепутывающагося другъ съ другомъ, какъ у Аріостта, такъ что читатель не можетъ иначе слѣдовать за ними, какъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, и при первомъ чтеніи съ трудомъ схватываетъ ихъ послѣдовательность. Крипика должна осудить его за то по уважанію искусства: но она обезоруживается роскошью его генія, коего неиспощимыя чудеса и прелести заставляющаго забывашь испытываемое упоминаніе. Онъ располагаетъ всеми сокровищами поэзіи и сыплетъ ихъ во всѣ стороны: но опъ сей распочительности онъ не бѣднѣетъ; ибо испочки ея неизчислимы.

Шпиндлеръ ниже ихъ обонхъ по глубинѣ ума. Онъ еще очень молодъ: ни жизнь, ни знаніе, еще не довершили надъ нимъ своего дѣла.

Онъ взялъ себѣ на часть романъ историческій, собственно такъ называемый, и возвысилъ его въ Германіи до высоты, подходящей весьма близко къ Вальтеру-Скотту. Воображеніе богатое, хотя часто самоудѣльное, и совершенно подлежащее, вѣрное изображеніе эпохи, которую онъ хочетъ изображать, суть опличительныя качества его произведеній. Въ своихъ характерахъ, онъ умѣетъ счастливымъ взглядомъ схватывать и совершенно выражать національныя особенности; но менѣе удаченъ въ психологическихъ анализахъ. Въ семъ последнемъ отношеніи, онъ поступаетъ слишкомъ произвольно, не забывая о переходахъ и насильственно представляя вещи такъ, какъ нужно ему, на ту пору. Недостатокъ сей особенно обнаруживается въ его изображеніяхъ порока: онъ представляетъ пресупленіе въ своемъ тахітизмѣ; и потому его пресупники гнусны и презрѣны, какъ не лзя быть больше. Посему, дѣла ихъ недостойными никакого соображенія, онъ оппнмаетъ у нихъ весь имперскій и вредный испинтъ чрезмѣрности злодѣній, которыхъ имъ приписываетъ. Его фантазія, кажется, слишкомъ совершенно владѣетъ имъ и похищаетъ у него ту силу и то поэтическое спокойствіе, кои должны господствовать въ произведеніяхъ искусства. Пока читаешь его творенія, слѣду-

ещь за нимъ съ поспоянно возраспающимъ учаспьемъ, благодаря одушевленію его картинъ и богашспву красокъ; но когда дойдешь до конца, шо никогда не чувспвуешь себя совершенно удовлешвореннымъ. Впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что геній его со временемъ успѣешъ преодолѣшь показанные недоспашки; онъ доказалъ уже, многими отдѣльными черпами, глубину своихъ чувспвованій и вѣрносшь взгляда. Но до сихъ поръ, его могущеспвенный шаданшъ находимъ слишкомъ много удовольспвія въ борбѣ конспрасповъ и еще не возвысился надъ своимъ временемъ. Лучшее изъ его произведеній, по нашему мнѣнію, еспь *Иезуитъ*, не смопря на безчисленные невѣрошпности шрепшго шомы. Ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ испорическихъ романовъ не вспрѣчается характера послѣдовательнѣе и вѣрнѣе самому себѣ, полнѣе и докончаннѣе, какъ характеръ *Иезуита*. Въ своихъ новеллахъ Шпиндлеръ менѣе счастливъ: пошому что не умѣешъ сосредошочивашъ себя и часшо, воображая бышь оригинальнымъ, шо-лько что подражашъ.

Оспашся шеперь наименовать, между оспальными, нѣкошорыхъ позамѣчательнѣе романисповъ и новеллисповъ. Я раздѣлю ихъ по родамъ, въ конхъ они особенно опшчились.

Въ романѣ эрошическомъ и въ изображеніяхъ семейной жизни преимущеспвенно успѣли: Ке-

леръ, Эрнстъ Вагнеръ, А. Г. Эбергардъ, Рохлицъ, Спеф. Шипце, Гегнеръ, Гуспавъ Шиллингъ, фон - Шпейгеншпегъ, Бреншано, Арнимъ, Георгъ Дерингъ, Баумгаршенъ-Крузіусъ, Препцель, Лесманъ и другіе; изъ писателей: Гжи Шопенгауеръ, де Фуке, Каролина фон-Вольпманнъ, Каролина Пихлеръ, и пр. Описательно историческаго романа наименуемъ: Виллибальда Алексиса, Цшокке, Брониковскаго, Гауфа, Г. Деринга, Ф. Лауна а), В. де Шези, Герлоссона, Шпорха, фон-Лидемана и другихъ. Въ романъ дидактическомъ: Спеф. Шипце, фон - Вепше, Вильгельми, авпоръ *Прозелитовъ*, Якобъ, и проч. Въ повѣсти и новеллѣ: Цшокке, Киндъ, Гувальдъ, Рохлицъ, К. Л. Коншесса, фон-Мильшицъ, Блюменгагенъ, Виссъ, Фарнгагенъ фон-Энсе, Мозенгейль, Леопольдъ Шеферъ, Гауфъ, Крузе, фон-Гершпенбергъ, Виллибальдъ Алексисъ и пр.; а изъ дамъ: Гжи Пихлеръ, Шопенгауеръ, Ломанъ, Ганке, де Шези, и другія.

Особенное мѣсто должны оставить мы Э. Т. А. Гоффману, которій долгое время имѣлъ обширное вліяніе и нашель безчисленную школу подражателей! Впрочемъ, сверхъестественность и чрезмѣрное напряженіе его произведеній скоро охладили пріобрѣтенную имъ благосклон-

а) Псевдонимъ, подъ коимъ скрывается Ф. А. Шульце, одинъ изъ самыхъ неупоминимыхъ книжныхъ поставщиковъ: съ 1796 года, онъ написалъ болѣе снхъ сочиненій.

носпь; и здравый вкусъ націи поспѣшилъ уклониться отъ нихъ. Теперь Французы и Дашчане особенно завладѣли Гофманомъ и подражаніе ему prosperли до испуленія. Поелику не лѣзя лучше охарактеризовать сей необычайный геній, какъ сдѣлалъ сіе Менцель, шо я удовольствуюсь здѣсь выпискою его сужденія: » Гофманъ, говоритъ онъ, заключилъ договоръ съ чорпомъ, собственно для того, чшобъ ввести чорпа и самаго себя въ поэзію. Сей спранный вкусъ нашелъ себѣ извиненіе въ своей оригинальности и въ суевѣріяхъ, нѣкогда выселившихся было гурпомъ, а теперь снова возвращающихся. Сверхъ того поэтъ могъ всегда найсти несокрушимую для себя опору въ вѣспномъ изреченіи Гамлета: *» подъ луной есть вещи, коихъ наши философы не понимаютъ!* « Гофманъ, также какъ и Вернеръ, былъ человекъ испуленный, съ распроеною душою. Вся поэзія его опзывается симъ распроешвомъ; или лучше сіе распроешво, сія болѣзнь, составляетъ единственный его предметъ. Онъ изображаетъ поэтически *ночную сторону* природы, подобно какъ Шубертъ дѣлалъ шоже съ умозрипельной почки зрѣнія. Въ его пвореніяхъ, человекъ выспавляется игрушкою разныхъ дьявольскихъ силъ, кои шаяпся въ немъ безъ его вѣдома: сумаспешствія, фанпасмагорія, силъ магнешическихъ, сим-

наши и антинаши. Впрочемъ какъ ни сумасбродно и нелѣпо его обращеніе съ своими героями, у которыхъ онъ оппниваетъ совершенно умъ и нравственную свободу, заславля ихъ кружишься, какъ одурѣвшихъ барановъ, нельзя опказать ему въ удивительномъ талантѣ изображать ужасное и особенно душевныя муки. Психологическая борьба представляемыхъ имъ лицъ, колеблющихся между умомъ и безуміемъ, между упоеніемъ и оправданіемъ, выражается превосходно; и драматическія воины могутъ многому научиться у него, также какъ у Гамлета. Сюда еще присоединяется музыкальный элементъ его гешя; души его героевъ, волнуемая силами психическими и сверхъестественными, звучатъ въ бурѣ страстей, какъ Золова арфа. Въ искусствѣ диссонансовъ и попрысающихъ эффектовъ, Гейманна можно сравнить съ Моцартомъ. « Изъ всѣхъ произведеній его *Фантастическія Картины въ родѣ Камо* занимаютъ первое мѣсто. Когда онъ писалъ ихъ, воображеніе его было еще во всей свѣжести и не имѣло нужды въ насильственныхъ возбужденійхъ.

Наконецъ Поэзія Дидактическая не была почти совсѣмъ обрабатываема въ эти послѣднія тридцать лѣтъ, что я считаю признакомъ совершенства вкуса. Небольшое число стихъ, кои занимались ею, принадлежатъ еще къ школь.

преведшей и едва известной по именамъ. Впрочемъ должно съ уваженіемъ упомянуть, между ними, Хрисп. Штэйнга, автора новыя о *Religion*, и Геринга, поэта *Минеральныя Клози* несравненно выше погоже содержаща поэмы Нейбека: *Gesundbrunnen*. Многие поэмы недавно испытывали себя въ эпиграммѣ, особенно по вызову Брокгауза, который предлагалъ награду за лучшее поэтическое посланіе для своей *Урани*; но никто изъ конкурентовъ не сравнялся съ шарымъ Геккингомъ, который оспаривалъ образцомъ въ семь родѣ поэзіи. Счастливейшій изъ эпиграмматистовъ былъ Гаугъ, недавно умершій, хотя и онъ часомъ дересычалъ изъ пущаго въ порожене. Классическая сатира мало имѣла ревнищелей; она слишкомъ чужда духу и общесваденнымъ отношеніямъ Германіи. Но за то сатира юмористическая обрабатываема была съ близнательнымъ успѣхомъ. Жан-Поль оспаривалъ здѣсь первымъ. Ему слѣдовали весьма удачно Гауфъ, Берне и Гейне; только первый и послѣдній слишкомъ зависяшъ отъ своего юмора и не смѣли, особенно Гейне, свергнуть съ себя суешность, что необходимо для прочнаго успѣха на семь поприщѣ. Весьма недавно Берне оспаривалъ прошивъ себя публику своими *Нисемали* изъ *Парижа*: ибо слишкомъ далеко простиеръ шупку; и большая часшъ чипаше-

лей не умѣла понять, что его преувеличенныя нападки въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ мимификація, нѣсколько грубая и иногда выходящая изъ границъ приличія.

(R. G.)

IV.

ЛЪТОЖИСЯ

ИЗОБРЕТЕНІЙ И ОТКРЫТІЙ.

ТЕЛЕГРАФІЯ И ТЕЛЕГРАФЫ.

Подъ именемъ телеграфіи разумѣемъ мы искусство съ точностію и всевозможною быстротою сообщать изъ одного мѣста въ другое, на разстояніи весьма ошдаленномъ, всякое извѣстіе, всякую новостъ, всякую мысль. Телеграфами называются *орудія*, посредствомъ коихъ сѣи мысли, сѣи извѣстія, сѣи новости пересылаются въ даль. Все таковыя орудія, по свойству своему, могутъ быть основаны, сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, только на двухъ главныхъ началахъ, употребляемыхъ или ошдѣльно или въ связи между собою: *звукъ* или *свѣтъ*. Что касается до сего послѣдняго, то можно бы было употребить, какъ замѣнилъ уже прежде Бекманъ, *электричество*, т. е. дѣйствіе сильныхъ электрическихъ машинъ, искрами коихъ, обращенными на опредѣленные пункты, можно образоватъ всякаго рода свѣпящіяся фигуры. Но, кажется, идея сѣя еще нигдѣ не была приведена въ исполненіе.

Телеграфія для зрѣнія или оптическая метода, какъ днемъ, такъ и ночью, во всякомъ отношеніи предпочтительнѣе *телеграфіи для слуха*; почему и одерживала всегда верхъ надъ сею послѣднею. Свѣтъ движется съ непоспорижимой быстротой; ибо въ одну секунду пробѣгаетъ 42,000 миль. Въ своемъ свободномъ теченіи, онъ передаетъ изображенія вѣтъ, не искажая ихъ, на весьма далекое разстояніе; и сіи изображенія до вѣтъ поръ, пока достигимы для зрѣнія, равно ясно оплываются другъ о другъ, какъ вблизи, такъ и вдали. Звукъ напротивъ, хотя дѣйствуетъ также на весьма далекое разстояніе, не можетъ однакоже въ быстротѣ никакъ сравниться съ свѣтомъ; онъ пробѣгаетъ въ секунду only 1,038 до 1042 футовъ; сопряженія имъ производимы такъ быстро ослабѣваютъ, что въ короткое время дѣйствіе ихъ дѣлается непримѣтно. Хотя оптическая телеграфія шершавѣе иногда помѣшательства оцѣ непрозрачности воздуха, причиняемой туманомъ или дождемъ; но по причинѣ сравнительной рѣдкости ихъ и недолговременнаго продолженія, помѣшательства сіи едва ли могутъ быть приняты въ расчетъ. Пущечный громъ сраженія при Ганау служилъ доказательствомъ, что шумъ также весьма много препятствуетъ и распространению звука. Хотя разстояніе между Ганау и Франкфуртомъ составляетъ только три мили, однакоже жители Франкфурта въ день битвы не имѣли ни малѣйшаго даже подозрѣнія о дѣлѣ, споль близко оцѣ нихъ происходившемъ; и только на другой день объ немъ увѣдомлены.

Изобрѣтеніе телеграфическаго искусства не впол-

ны принадлежатъ XVIII столѣтію; слѣды его видны еще въ глубокой древности. Въ Эскиловомъ Араменскомъ есть несомнѣнные признаки существованія шелеграфіи у Грековъ; посредствомъ вой она были въ состояніи сообщать въ Грецію извѣстіе о разореніи Трои, несравненно скорѣе, чѣмъ можно было учинить тоже чрезъ посредство гонимъ. Это изобрѣтеніе, безъ всякаго сомнѣнія, посредствомъ сигнальных огней, которыми, сколько намъ извѣстно, сушь древнѣйшія средства производили извѣстные знаки и сообщали свои извѣстія. Просимъ, чуждые всякой покусѣ ослѣпленности, сигнальные огни сушь древнѣйшіе памятники шелеграфіи. У древнихъ сихъ огни назывались *лурсы* и употреблялись исключительно во время войны; изъ разводили большое число на высокихъ горахъ, гдѣ они ночью, по яркому свѣту, своему, а днемъ по густому столбу дыма, они нѣкъ возносающемуся, могли бытъ видны на весьма далекомъ разстояніи. Ещѣ и нынѣ шакіе нагорные огни употребительны въ некоторыхъ странахъ; на пр. въ Швейцаріи, гдѣ они назывались *фохфафел* (сыржа на высоки) и служили предостереженіемъ отъ угрожающей опасности. Польскій и Юліи Африканъ разсказываютъ слѣдующее объ употребительной у древнихъ методѣ; сообщать цѣлымъ извѣстіямъ посредствомъ просвѣтыхъ огней. Мѣсто, гдѣ подавались сигналы, раздѣляли на три части: *лрвту*, *лвту* и *середину*. На каждой изъ сихъ прѣкъ частій разводили восемь огней, изъ коихъ всякой означалъ одну какую-нибудь букву алфавита. На центральномъ, средѣльно находящемся мѣстѣ, разводили для каждой буквы столько огней, сколько требова-

лось, дабы дать знать наблюдателю, на которомъ мѣстѣ между главными огнями онъ долженъ быть вскакивать каную-либо букву. Дабы удобнѣе различать разные буквы на ихъ определенныхъ мѣстахъ, наблюдатель имѣлъ у себя геометрической инструментъ съ трубками, которыми обращалъ къ сигнальному мѣсту. Такимъ образомъ распространялись желаемые сигналы, хотя съ великими затрудненіями и съ большою посперею времени.

Пирсурии древнихъ были башни, на концы разводились большіе сигнальные огни. Огнь, подобный *фаросовъ*, служилъ также для переходцевъ и точкамъ, къ концы они должны были направлять свое плаваніе. Полибій, коему обизаны мы многими свидѣніями касательно телеграфовъ древнихъ, говоритъ, что Персей провелъ чрезъ всю Македонію линію подобныхъ башенъ, дабы получать посредствомъ ихъ всякаго рода извѣстія изъ всѣхъ провинцій своего государства. Аннибалъ, для подобной цѣли, провелъ множество такихъ же башенъ въ Африкѣ и Испаніи; огонь ихъ былъ виденъ весьма далеко. Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ о странномъ способѣ, какимъ Персіяне сообщали извѣстія въ отдаленныя мѣста. Они ставили огонь мѣста до мѣста людей съ сильной грудью въ такомъ другъ отъ друга отдаленіи, какъ только могъ достигать ихъ голосъ; и такимъ образомъ посредствомъ изустнаго сообщенія, пересылались въ одинъ день повелѣнія къ сантронамъ провинцій, находящимся на тридцать дней вѣды отъ столицы.

Эней., одинъ изъ современниковъ Архимеда, почтивъ за 360 лѣтъ до Р. Х., пытался усилить неудобства употребительныхъ въ его время огневыхъ сигналовъ, изобрѣшеніемъ, которое хотя показывается весьма много оспроумія, но, какъ будетъ видно изъ описанія, не достигло своей цѣли. На каждой спанціи сплавали сосуды одинаковаго діаметра, наполненные водою и имѣвшие внизу одинаковой же величины шрубку, для испуска воды. На поверхности воды плавалъ кусокъ пробки, въ срединѣ коего утверждена была соразмѣрная съ вышнему сосуду палка. По мѣртъ того, какъ понижалась въ сосудѣ вода, естественнаго понижалась и пробка съ палкой. Палка сія была раздѣлена на участки, описанные другъ оупъ друга на шри дюйма; каждой палкой участкомъ былъ обернутъ кускомъ пергамента, на коемъ написано было какое - нибудь общее извѣстіе. Если случалось что - нибудь такое, что было согласно съ какимъ-либо извѣстіемъ навязаннымъ на палку, то человекъ, находившійся при первой спанціи въ знакъ начатія сигнализировки, держалъ вверхъ зажженный факелъ до шхъ поръ, пока на второй спанціи ему не отвѣчали швѣмъ же. Пошомъ оба опускали факелы и въ одно время открывали шрубки. Выспѣ съ водою понижались въ обонхъ сосудахъ и пробки съ палками; и когда палка понижалась до того, что участкомъ, на коемъ было сообщаемое извѣстіе, равнялся съ краемъ сосуда, то на первой спанціи оупяшъ подвигіемъ факела давали знакъ запереть шрубку. Такъ какъ палка на обонхъ спанціяхъ опускалась одинаково, то на второй

читали извѣстіе, которое первая хотѣла сообщить, и такимъ же образомъ могли пересылать онѣ далѣе. Несовершенство такого телеграфа, который можетъ сообщать однѣ общія извѣстія, случайно только съ означенными согласующіяся, очевидно.

Телеграфія древнихъ весьма усовершенствовалась чрезъ знаки факелами, конхъ изобрѣшеніями были Клеоксенъ и Демоклиппъ. Полибий оставилъ намъ описаніе усовершенствованнаго имъ самимъ способа факельной телеграфіи. Всѣ буквы алфавита, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ одна за другою слѣдуютъ, были, раздѣлены на пять таблицъ. Условясь о значеніи знаковъ, на первой станціи поднимали два факела вверхъ и держали до пѣти поръ, пока со второй стороны освѣчали пѣтъ же. Тогда на первой, съ лѣвой стороны выставляли факелъ, дабы дать знать, въ которой изъ пяти таблицъ находится означаемая буква, при чемъ одинъ факелъ означалъ первую таблицу, два вторую, и п. д. Потомъ выставляли съ правой стороны факелы, которыми уже сообщались самыя буквы. Дабы не ошибиться, по причинѣ отдаленности, на лѣвой или на правой споронѣ выставлялись факелы, за недоспапкомъ въ то время телескоповъ, употребляли вышепомянутый геометрическій инструментъ съ двумя трубками, подобными діоптрамъ, изъ конхъ одна была наведена на лѣвую, а другая на правую спорону сигнальнаго мѣста, такъ что посредствомъ ихъ можно было видѣть только одинъ сигналъ и распознать безошибочно. Телеграфистъ становился за каменнымъ

или деревяннымъ блиндомъ, изъ-за коего выставлялъ факелы и за копорый снова пряталъ ихъ. Если линия телеграфовъ состояла изъ многихъ станцій, но одни телеграфисты, по концамъ ея находившіеся, могли знать смыслъ сигналовъ; а шъ, кои находились въ промежуточныхъ постахъ, исполняли только механически свою должность. Также когда известіе должно было отправляться въ тайнѣ, спонло только переписать буквы алфавита.

Изъ описанія сего за два вѣка до Р. Х. существовавашаго телеграфа можно видѣть, какъ далеко доведено было уже тогда сіе искусство.

Съ общимъ паденіемъ наукъ, и телеграфія мало по малу была забыта. Въ семъ забвеніи оставалась она нѣсколько сотнъ лѣтъ, до шъкъ поръ, какъ въ 1663 году Маркизь Ворчестеръ въ своей Цевшуріи объявилъ, что знаетъ средство, съ помощію коего человекъ изъ своего окна, на такомъ разстояніи, какъ только глазъ можетъ различить бѣлое отъ чернаго, можетъ разговаривать съ другими, незамѣтно и безъ всякаго шума, ночью равно какъ днемъ. Описаніе сего изобрѣшенія дошло до насъ въ весьма темныхъ и загадочныхъ выраженіяхъ. Почти сорокъ лѣтъ спустя, Нормандецъ Амонтавъ, копорый, пошарявъ во время своего пребыванія въ Парижской школѣ слухъ, принужденъ былъ замѣнять оный языкомъ знаковъ, выступилъ съ своимъ телеграфомъ, коего планъ представилъ Королевской Парижской Академіи. Онъ разделялъ свою телеграфическую линію на станціи, состоящія одна отъ другой, какъ только можно видѣть и различать посред-

спомомъ телескопа, знаки дѣлаемые на другой станціи. Но какъ соспавлялъ Амонпонъ сіи знаки, неизвѣстно.

Въ 1684 году, Англичанинъ Гукъ (Hook) возбудилъ большое вниманіе новымъ телеграфомъ, коего планъ представлялъ Королевскому Обществу въ Лондонѣ. Знаки сего телеграфа должны были подниматься вверхъ и, по разсмотрѣніи на ближайшей станціи посредствомъ телескопа, снова внизъ опускаться. Но и сей телеграфъ шакже не былъ введенъ въ употребленіе. Вообще съ того времени многіе умные люди стали заниматься усовершенствованіями и изобрѣшеніями въ семь родъ; но ни одно изъ нихъ не годилось для практикы. Между тѣмъ одинъ частный человекъ, по имени Эджевортъ, усмотрѣлъ въ 1765 году въ своихъ шпорѣвыхъ копяхъ, между Лондономъ и Ньюмаркетомъ, телеграфическую линію, для собственнаго употребленія; однакожъ учрежденіе сіе, которое въ 1784 году было имъ описано, не долго существовало. Знаменитый законоискусникъ Линге (Linget) пытался въ 1782 году выкупиться изъ Баспильскаго заключенія проэктомъ телеграфа. Онъ объявлялъ о томъ въ весьма пышныхъ выраженіяхъ и говорилъ самымъ загадочнымъ шномъ, дабы возбудить любопытство публики; но когда его выпустили, ничего не сдѣлалъ. Предполагають, что телеграфъ его былъ основанъ на электричествѣ. Одинъ монахъ, по имени Домъ Гаушей, предлагалъ въ 1783 году, звукопроводныя трубы, посредствомъ коихъ въ короткое время, на большое разстояніе, можно было сообщать важныя извѣстія. Сверхъ

сего для шйже цвли предлагали: флаги, аэрошпашы, колокола, выпсрылы изъ орудій, барабаны и даже бубны, конми чрезъ извъстное количество шакшвъ и разныхъ часпей ихъ, можно было подавашъ всякіе знаки. Профессоръ Бергшпрессеръ въ Ганау, написавшій пять посланій о синшпешапографикъ, въ конхъ предлагалъ успроишь шелеграфъ между Гамбургомъ и Лейпцигомъ, двалалъ кромъ шого различныхъ предположеній и многія шелеграфическія попышки; его изобръшеніе сигналовъ для арміи достойно вниманія. Онъ предлагалъ между прочимъ изображашъ всъ буквы азбуки посредствомъ чепырехъ различныхъ родовъ ракепъ.

Изъ всъхъ сихъ шелеграфическихъ проэкшвъ, ни одинъ не былъ примъненъ къ пракшикъ въ обширномъ объемъ; можетъ бышь и пошому, что не было ни у кого доспашочной охопы и посшоянства, дабы привеспи ихъ надлежащимъ образомъ въ исполненіе. Не прежде какъ въ 1793 году, во время Французской революціи, инженеръ Шапъ въ Парижъ своимъ шелеграфомъ удовлетворилъ всъмъ условіямъ, перебуемымъ опъ шелеграфин. Телеграфъ его съ великой простотою соединяетъ роскошное богатство разнообразныхъ фигуръ; онъ легко можетъ бышь успроентъ, двйспуетъ безпрешанно, съ быспротою свъша, и на величайшее пространство. Шапъ, человекъ исполненный посшояннш ревности къ наукамъ, воздерживался опъ всякаго хвасповствва своимъ изобръшеніемъ; онъ работалъ съ неушомимымъ перпъвнѣмъ и сдъался шворцемъ перваго шелеграфа, употребленнаго съ совершеннѣйшимъ успѣхомъ въ большомъ раз-

мръ. Телеграфъ сей понынѣ находишия въ полномъ дѣйствіи и вѣроятно сохранитъ оное надолго.

Во время диктаторства Робертсфера, Шаппъ много пострадалъ отъ клеветы и недоброжелательства. Многіе покушались оспаривать у него честь его изобрѣшенія; провозглашали разныхъ, прежде жившихъ людей, какъ шо Гука, Амонсона и другихъ, истинными изобрѣшателями телеграфовъ; утверждали, что онъ у нихъ заимствовалъ свою идею. Между прочимъ, Профессоръ Бекманъ утверждалъ, что онъ въ гадашльномъ проэктѣ Линге нашелъ Шапповы телеграфы. Горесть, причиненная сими оскорбленіями, довела честолюбиваго Шаппа до отчаянія: онъ лишилъ самъ себя жизни. Но изобрѣшеніе его воздвигло ему безсмертный памятникъ: ибо, хотя и прежде Шаппа, какъ мы видѣли, было много изобрѣшателей телеграфовъ, но никто не придумалъ такого, кошорый бы можно было употребить въ дѣло. Если Гукъ или Амонсоновъ телеграфъ имѣеть нѣкоторое сходство съ телеграфомъ Шаппа, то развѣ только въ общей идѣ, а не въ простотѣ и удобствѣ сигналовъ.

Первый опытъ сдѣлалъ Шаппъ въ Мартѣ 1791 года въ Сарцскомъ Департаментѣ. Въ 1792 году, общилъ онъ описаніе своего телеграфа Национальному Конвенпу, кошорый 23 Юля 1793 года, по донесенію Ла-Канала, опредѣлилъ учрежденіе телеграфическихъ линій, при чемъ самому изобрѣшателю, какъ Телеграф-Инженеру, поручено было главное управленіе. Первая линія учреждена была между Па-

рижемъ и Лиллемъ, на протяженіи 60 лье. Для сего проспранства нужно было только 22 телеграфа. Первая станція была устроена на Лувръ, не подалеку отъ залы собранія Конвента; вторая на Мон-Маріпръ, и п. д. Первое событіе, о коемъ увѣдомились симъ способомъ, было взятіе Конде. Одинъ очевидецъ такъ о семъ рассказываетъ. Во время засѣданія Конвента, Шаппъ, Директоръ Парижскихъ Телеграфовъ, увѣдомилъ Конвентъ, что корреспондентъ его изъ Лилля сообщилъ ему о завоеваніи войсками республики города Конде, коего гарнизонъ сдался военнопленнымъ. Конвентъ тогда же опредѣлилъ, что съ этого времени Конде будетъ называться Норлибръ, и послалъ сіе къ Шаппу для сообщенія. Тогда, при стеченіи множества зрителей, машина начала дѣйствовать и въ нѣсколько минутъ декретъ былъ оприва-ленъ. Въ поже самое засѣданіе, по прошествіи не болѣе часа съ четвертью, Шаппъ сообщилъ опять Конвенту, что извѣстіе о декретѣ получено въ Лилль, откуда нарочный посланъ съ нимъ въ Норлибръ.

Съ этого времени надѣлали множество телеграфическихъ линій во всѣхъ направленіяхъ. Предлагаемъ читателямъ нѣсколько примѣровъ скорости съ какою извѣстія сообщаются посредствомъ сихъ машинъ. На проспранствѣ 60 лье, 22 телеграфа передаютъ извѣстія изъ Лилля въ Парижъ въ 2 минуты; изъ Кале, на протяженіи 60 лье, 27 телеграфовъ, въ 3 минуты и 3 секунды; изъ Стразбурга, на 120 лье, 46 телеграфовъ, въ

5 минутъ 52 секунды; изъ Бреста, чрезъ 150 мь, 80 телеграфовъ, въ 10 минутъ; изъ Тулона, 207 мь, въ 13 минутъ 15 секундъ. Одно повелѣнiе, посланное изъ Парижа въ Брестъ, получено было чрезъ нѣсколько минутъ; и въ слѣдствiе его, на другой день упромъ, флотъ выступилъ въ море. Примѣръ величайшей доселѣ извѣстной скорости телеграфическихъ сообщенiй существуетъ въ Англии, на телеграфической линiи между Ливерпулемъ и Голлигдомъ, на пространствѣ 156 Англiйскихъ или 79 Нѣмецкихъ миль; именно въ Ливерпулѣ обратный сигналъ получается чрезъ 35 секундъ.

Если принять, что пушечное ядро пролетаетъ въ секунду 1,800 футовъ, то въ часъ оно пролетитъ 6,480,000 футовъ, что составитъ 405 мь. Телеграфическiя извѣстiя перелетаютъ 150 мь въ 10 минутъ; слѣдственно для 405 мь имѣ надобно только 27 минутъ, тогда какъ пушечное ядро пролетитъ сіе пространство не менѣе какъ въ 60 минутъ. И такъ быспрота телеграфовъ слишкомъ вдвое больше быспроты пушечнаго ядра. Звукъ пробѣгаетъ ось 1,038 до 1,042 футовъ въ секунду; по вышензложенному вычисленiю, въ часъ пробѣжитъ ось 233½ мь. Телеграфу для сего пространства пошребно только 15 минутъ: и такъ ось вчешверо быспрѣ звука. Дабы объяснить сію необыкновенную скорость, должно замѣнить, что первый знакъ пошѣ же часъ повторяется по всей линiи телеграфовъ, такъ что когда депеша на примѣръ въ Парижѣ едва до половины объяснена знаками, уже первый изъ нихъ прибылъ въ Лидль. И такъ вышепоказан-

ная быспроша зависить единственно оцъ раздѣльности буквъ или цифръ телеграфической азбуки. Испивную же скороспъ, съ какою телеграфическое извѣстие сообщается, можно получить тогда, когда къ времени, поспребному для каждаго ондѣльнаго знака, приложится время, нужное для передачи всѣхъ знаковъ телеграфической депеши.

Теперь приспунаемъ къ описанію успройства Французскихъ телеграфовъ. Поелику телеграфъ Шаппа по своему составу и дѣятельности шакъ превосходеть, что въ немъ могло бытъ сдѣлано весьма небольшое количество улучшеній, по опишемъ его, какъ онъ бытъ успроенъ при самомъ началѣ введенія въ употребленіе. Механическое успройство сей машины еспъ слѣдующее. На кровль зданія, выбраннаго или нарочно успроеннаго для телеграфа, спавяшъ вертикальный желѣзный шестъ, вышиною въ 12 фушовъ, на вершицъ коего вершился на оси желѣзная горизонтально разположенная доска, длиною въ 9 фушовъ, шириною въ 9 дюймовъ; на обѣихъ концахъ сей доски, находяшся двѣ маленькія доски, шакъ же ширины какъ и первая, но вдвое короче; сін доски вершился по всѣмъ направленіямъ. Всѣ онъ окрашены одною краскою. Черезъ измѣненіе положенія сихъ немногихъ подвижныхъ частей составляется множество разнообразныхъ фигуръ, кон объясняются по законамъ соположенія. Когда машина въ бездѣйствіи, по меньшія доски сложены и лежатъ на большой горизонтальной доскѣ. Тогда телеграфъ предспавляетъ фигуру Т. Но когда машина начинеть

дѣйствовать, по сѣмъ боковымъ доскамъ оживляются ша-
кою дѣйствительностью, что человекъ, коему случает-
ся видѣть сѣ въ первый разъ, приходитъ въ
изумленіе, особенно не видя, кѣмъ и какъ машина
приводится въ движеніе. Боковыя доски обращают-
ся по въ шу, по въ другую сторону; по обѣ
опускаются, по обѣ поднимаются и сползъ
вертикально на большой доскѣ; по одна виситъ, а
другая сползъ вверхъ, изображая фигуру \sim ; по
раздвигаются въ прямую линію на ровнѣ съ боль-
шой доской, и п. д.

Въ каждомъ изъ сѣхъ положеній машина осматрива-
ется неподвижною сполько, сколько нужно дабы
не ввести наблюдателя въ заблужденіе. Одна-
кожъ всѣ сѣмъ движенія боковыхъ досокъ ограни-
чиваются углами $45^\circ, 90^\circ, 135^\circ, 180^\circ, 225^\circ, 270^\circ$ и
 315° , по еспъ развертываются опъ 45° до 45°
или опъ 90° до 90° градусовъ. Съ первыми 7
углами, по законамъ соположенія, обѣ боковыя
доски могутъ составить 63 различныя фигуры. А
какъ и главная доска можетъ принимать 4 различ-
ныя положенія, именно горизонтальное, вертикаль-
ное и два діагональныхъ, по число 63 должно по-
множить еще на 4 и сверхъ того прибавить 4 по-
ложенія главной доски, въ конхъ боковыя не при-
нимаютъ участія. Откуда получается число 256,
сумма всѣхъ фигуръ могущихъ шакимъ образомъ со-
составиться. Изъ сѣхъ фигуръ можно выбрать шоль-
ко самыя удобныя для телеграфовъ. Если обра-
щать боковыя доски опъ 90° до 90° , по можно

сознавать 100 весьма ясно различающихся знаковъ; а сіе число далеко уже превосходитъ число буквъ обыкновенной азбуки. Сверхъ того при сигнализируются употребляющіяся весьма многія сокращенія; часто одинъ шолько знакъ или немногіе заключающіе въ себѣ цѣлое понятіе, чрезъ что депешки доводятся до всевозможной простоты. Знани шринципана, за исключеніемъ вопросительнаго, во все не нужны.

Механизмъ, приводящій доски въ движеніе и сообщающій имъ разныя положенія, весьма простъ. Оны шрехъ упомянутыхъ досокъ проведены шурки въ кабинетъ внизу находящійся; шурки сіи прикрѣлены къ колесамъ и цилиндрамъ, посредшвомъ конхъ обращающія шелеграфическія крылья. Увѣряюшъ, что въ семъ кабинетѣ помѣщается небольшая модель шелеграфа, которая шакже посредшвомъ шурковъ сообщена съ упомянутыми колесами; сія модель съ шочностию повноряетъ всѣ движенія и положенія большой машины, такъ что человекъ, управляющій движеніями колесъ, не глядя на большой шелеграфъ, можетъ видѣшь, правильны ли его движенія. Ушвердительно не можемъ сказать, замѣнено ли шеперь сіе устройство другимъ шростѣйшимъ. Въ шлѣнахъ кабинета, расположеннаго подъ шелеграфомъ, вѣданы два хорошіе шелескона, изъ конхъ одинъ обращенъ въ шу сторону, гдѣ находится наблюдаемый шелеграфъ, а другой на шелеграфъ, коему должно бышь сообщено извѣстіе. Собшвенно шолько два или шри человека бываюшъ заняты во время

корреспонденции; но само собою разумеется, что их необходимо должно смѣнять: одинъ наблюдаетъ чрезъ телескопъ, другой приводитъ въ движеніе машинку, прешій записываетъ усмотрѣнные сигналы, переводя ихъ на обыкновенные знаки. Наблюдающій въ телескопъ сказывается шому, который находится при колесахъ, каждый знакъ, видимый имъ на наблюдаемомъ телеграфѣ; а сей тотчасъ повпоряетъ сей знакъ. Въ шожь время человекъ, наблюдающій за телеграфомъ, коему извѣстіе сообщается, смотритъ чрезъ другой телескопъ, правильно ли повпоренъ сигналъ. Для извѣстій, кои должны оспаваться впаинъ, еспь особенные знаки, коихъ ключъ имѣють шолько директоры крайнихъ, по обѣимъ концамъ линіи находящихся телеграфовъ; директоры же телеграфовъ, въ среднѣ находящихся, повпоряють шогда механически сіи знаки, не зная ихъ смысла. Въ шакоемъ случаѣ и писецъ бываетъ не нуженъ.

Разстояние телеграфовъ другъ ошъ друга, соображается съ далью, на какой можно въ хорошій телескопъ видѣть движенія телеграфа. Оно бываетъ обыкновенно ошъ $4\frac{1}{2}$ до 6 мѣ. Но сіе разстояние часто должно быть сокращаемо, по причинѣ неровностей земной поверхности, кои прерываютъ телеграфическую линію зрѣнія. Чрезъ гору можеть телеграфическая линія проведена быть шолько посредствомъ телеграфа, воздвигнушаго на вершинѣ сей горы. Вошъ ошъ чего были принуждены въ телеграфической линіи между Парижемъ и Лиллемъ, вшорую почку сообщенія назначить на Монмаршрѣ, ошсшодшемъ ошъ Парижскаго

телеграфа менѣе чѣмъ на лѣ. Всѣ телеграфы должны быть, если возможно, такъ расположены, чтобы движенія машины для наблюдателей съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ были видны сверхъ горизонта. Туманъ и дождь сушь случайныя помѣшательства, кои однако спѣсляютъ употребленіе телеграфовъ и на которыхъ при устройствѣ ихъ необходимо должно обращать вниманіе.

Дабы дать понятіе о корреспонденціи, производимой симъ способомъ, сообщаемъ слѣдующее извѣстіе, слышанное нами отъ очевидца. Сперва директоръ ближайшаго телеграфа далъ знакъ, что будетъ сообщаться депеша: это дѣлается съ такою цѣлю, дабы обратитъ вниманіе всѣхъ директоровъ по линіи. Черезъ нѣсколько минутъ получено обратно извѣстіе, что надзираетель пятой станціи въ оплукъ. Тотчасъ дали знакъ, что сіе извѣстіе получено. Когда наконецъ посредствомъ знаковъ же уведомились, что всѣ находятся на своихъ мѣстахъ, то началось сообщеніе депеши; однакожь между тѣмъ потеряно было около получаса времени. Но такое замедленіе отъ небрежности людей, къ телеграфамъ приспавленныхъ, случаетсяъ рѣдко.

Также и для ночной переписки Французскій телеграфъ весьма удобенъ. Для сей цѣли въ среднѣи и на обонхъ концахъ главной доски, также какъ и на концахъ боковыхъ досокъ, вѣшаются подвижныя фонари, которые, на подобіе корабельныхъ фонарей, всегда удерживаются въ вертикальномъ положеніи и ясно въ ночное время показываютъ положеніе телеграфа.

умные люди усиливались опчасни изобрѣснн новыя телеграфы, опчасни усовершенствовать и упростить поштъ, который уже изобрѣснень. Физикъ Копп

споянн 45° , образуютъ телеграфическіе знаки. Самыи просныи механизмъ, посредствомъ блоковъ, приводитъ ихъ въ движеніе. Число знаковъ, кои могутъ быть произведены такимъ образомъ, весьма велико. По прежнему плану, который былъ представляемъ на разсмотрѣніе, движеніемъ одного крыла, могло быть произведено 96 знаковъ. Теперь Г. де Ш. М. сократилъ сіе число, уничтоживъ одно неподвижное крыло въ нижней перекладнѣ, что, кромѣ упрощенія машины, имѣетъ еще шу выгоду, что представляетъ раздѣленіе объ стороны телеграфа, правую и лѣвую. Теперь движеніе одного крыла доставляетъ только 48 знаковъ, кои могутъ означать буквы, цифры и знаки препинанія. Движеніе двухъ крыльевъ доставитъ 1,944, а шрехъ 55,800 различныхъ сигналовъ, коими можно выражать слова и цѣлыя фразы. Въ соопвѣстствіе наружному телеграфу, Г. Ш. де М. предполагалъ также сдѣлать во внутреннемъ кабинетѣ сокращенную модель, которая, двигаясь вмѣстѣ съ наружною машиною, чрезъ скважины, сдѣланныя въ своихъ крыльяхъ, должна была показывать довольно зашѣдливо придуманные знаки, удобныя для немедленнаго перенесенія на бумагу. Неупоминимый прожектперъ имѣлъ шерптыя соспавнны полныи словарь сихъ знаковъ, по которому можно опыскивать безъ затрудненія слово или фразу, соопвѣстствующую всякому сигналу, и на оборотъ приписывать соопвѣстствующий сигналъ для каждой буквы, цифры и мысли. Мы видѣли также любопытныи проэктъ телеграфической линіи, проведенной имъ между Петербургомъ и Москвою. Сія линія, по начертанію Г. де Ш. М., должна имѣть 45 станцій. Предлагаемъ здѣсь для любопытныхъ топографическое ихъ распредѣленіе.

те, начальникъ Аэропашинскаго Института въ Медонѣ, изобрѣлъ снакъ называемый аэропашинскій телеграфъ, коннорій каженся можетъ быть упо-

1. Въ Москвѣ (за Сухаревой Башней?).
2. Надъ первой опгъ Москвы казармой рабочикъ обидать.
3. На горѣ противъ Кобыльей Луки.
4. На 20 верстахъ по шоссе опгъ Подсолнечной Горы къ Черной Грязи.
5. На горѣ противъ деревни Печихи.
6. Надъ вторюю казармою опгъ Клина къ Подсоли. Горѣ.
7. На Эсинской горѣ.
8. На 12 верстахъ опгъ Клина къ Завидову.
9. На Демидовской горѣ.
10. Надъ дворцомъ въ селѣ Городнѣ.
11. Между 16 и 17 верстами старой дороги опгъ Городни къ Твери.
12. Въ Твери (надъ Губернапюрскимъ домомъ).
13. На Савинской горѣ.
14. На 6 верстахъ новой лини опгъ Мѣднаго къ Твери.
15. Въ Бубеньевской роцѣ по новой лини.
16. Въ Торжкѣ противъ мужскаго монастыря.
17. На полѣ противъ деревни Сахаряки.
18. На Добрыньской горѣ.
19. На Вайбудицкой горѣ.
20. На горѣ позади деревни Шишковой.
21. На горѣ Подвазницѣ противъ деревни Дорки.
22. Противъ Хошмова.
23. На Лежневой горѣ.
24. Между 15 и 16 верстами опгъ Валдая къ Едрову по шоссе.
25. На 6 верстахъ опгъ Зимогорья къ Яжелбицамъ.
26. На Поддѣпской горѣ, на 26 верстахъ шоссе, опгъ Крещецѣ къ Яжелбицамъ.

испробуемъ во время войны, именно для осажденныхъ крепостей. Сей телеграфъ состоитъ изъ осьми черныхъ шапчанныхъ цилиндровъ, кои висятъ другъ отъ друга на чепыре шнура, связанные между собою веревками и прикрепленные къ гондолѣ аэростата. Телеграфистъ-воздухоплавецъ сообщаетъ извѣ-

27. Противъ деревни Перевады, по новому шоссе, отъ Крестцевъ къ Яжелбцамъ.
28. На 5 верстахъ старой дороги отъ Крестцевъ къ Зайцеву.
29. На 6 верстахъ прямого направленія отъ Зайцева въ Крестцы.
30. На 8 верстахъ шоссе отъ Зайцова къ Бронницамъ.
31. На Бронницкой горѣ.
32. На 13 верстахъ шоссе отъ Новгорода къ Бронницамъ.
35. Въ Новгородъ (надъ дождемъ полиціи).
34. На 9 верстахъ отъ Подберезья къ Новгороду.
35. На 17 верстахъ шоссе отъ Спасоваго Полясья къ Подберезью.
36. Надъ дворцомъ въ Спасовомъ Полясьи.
37. На 8 верстахъ шоссе отъ Чудова къ Спасову Полясью.
38. На 17 верстахъ отъ Померани къ Чудову.
39. Надъ дворцомъ въ Померани.
40. На 15 верстахъ отъ Тосны къ Померани.
41. На 23 верстѣ шоссе отъ Ижоры къ Тоснѣ.
42. На 5 верстѣ шоссе отъ Ижоры къ Тоснѣ.
43. Въ Царскомъ Селѣ.
44. Надъ Чесменскимъ дворцомъ.
42. Въ С.П.Бургѣ.

Удобносполнимо ли сіе предназначеніе, мы судить не смѣемъ: по крайней мѣрѣ, оно дѣлаетъ честь зашѣливости и прудомлюбію изобрѣтателя. *Изд.*

спія изъ высшихъ словъ анимодоръ, соединенъ посредствомъ веревки, проданной сквозь два тонкихъ, шаплярные цилиндры и распуская ихъ омышь, чрезъ что сославляешся до 265 различныхъ измѣненій. Конше также занимался изобрѣшеніемъ аэроаппарата, на коемъ не нужно было подниматься человеку, но который будучи прирѣзанны къ аэроаппарату, имѣющему 12 футовъ въ вышину, могъ съ земли управляться посредствомъ веревочъ. Телеграфъ, учрежденный въ Англии для почтовой линии отъ адмиральтейства до морскаго берега, состоитъ изъ рамы, въ коей обрамляются шесть осмиугольныхъ досокъ. Когда сн доска сползетъ вертикально, то представляющъ отдаленному наблюдателю ясно всю свою площадь; если же упадетъ горизонтально, то показываютъ наблюдателю только свой узкій край, который, по причине большой отдаленности не мѣла видѣть. Такимъ образомъ означенныя шесть досокъ представляютъ весьма многія измѣненія. Въ Англии предложены также, для ночныхъ телеграфовъ, фонари освѣщенные газомъ. Шестъ стаяхъ фонарей ставятся пирамидально на желѣзныхъ подставкахъ, одна надъ другою, и сообщаются посредствомъ трубокъ съ газохранилищемъ. Понередѣнно, заперевъ и опширавъ трубки, можно по желанію гасить газовый свѣтъ и зажигать снова.

Англійцавъ Эдвардъ, въ одномъ при своихъ сочиненій, доказываетъ возможность и даже легкость, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ *антикателефора*, пересылать въ одну минуту извѣстія изъ Лондона

не только на Мысь Доброй Надежды, но даже и въ Калькушшу, такъ что черезъ двѣ минушы будешь получавшся обратной отвѣтъ. Нечего говорить: болѣе кажется не льзя ожидать опъ телеграфіи. Но Эдуардъ обращался къ Правительству Англійскому, которое вообще очень щедро на раздачу патентовъ и пособій, и ничего не получилъ опъ него, что служило достаточнымъ доказательствомъ ничтожности и неудобносполнимости его телеграфическаго прозкта. Опъ Англичавъ выходила многіе подобныя прозкты, которые или со вѣмъ не могутъ идти въ дѣло или весьма рѣдко. Также многими, какъ извѣстно, сдѣлано предположеніе учредить телеграфы для торговыхъ цѣлей; въ Англии уже есть телеграфическая линія для частнаго употребленія купцовъ, но линія сія простирается только на 72 Англійскія мил. Издержки на нее составляли только 2,000 фунтовъ стерлинговъ (около 50,000 рублей).

Равнымъ образомъ Англійскій спекулятивный духъ породилъ замыслы о всеобщей телеграфической почтѣ. Такую линію предполагалось учредить опъ Дувра въ Ливерпуль, чрезъ Лондонъ и Бирмингемъ. Вся извѣстія, даже любовныя письма, по сему предположенію должны были отправляться въ шайтъ. Устройство сей телеграфической линіи стоило бы не болѣе 3,000 фунтовъ стерлинговъ или 75,000 рублей.

(22. 25.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА

ИЗВѢЩЕНІЕ СОСТОЯНІЕ

ПОРТУГАЛІИ.

Судьба Португалліи обращаетъ теперь особенное вниманіе: и пошому взглядъ на ея современный бытъ, безсомнѣнн, найдетъ любопытныхъ читателей.

Сословіе, имѣющее наиболѣе вліянія и власти въ Португалліи, въ настоящее время, есть неоспоримо духовенство. Португальскіе писатели, кои сами по большой части были изъ духовныхъ или писали имѣя предъ глазами коспры инквизиціи, съ гордостію утверждаютъ, что народъ ихъ есть самый благочестивѣйшій въ свѣтѣ и пребываетъ постоянно шаковымъ со время Тубала, внука Ноева, копорый, по ихъ сказаніямъ, основалъ Сепубаль или нынѣшній Септ-Ивель. Доводы, коими подкрѣпляютъ они сіе гордое хвасповство, показываютъ вмѣстѣ мѣру и свойство ихъ собспвеннаго благочестія. Они доказываютъ, на примѣръ, что Португалцы были всегда самыми ревностными гонителями невѣрныхъ; что ихъ страна была колыбелью чепырехъ основателей монашескихъ орденовъ Западной Церкви; что ихъ короли прославились особенною щедростію къ духовенству; и что въ Португаліи находилась наиболѣе мощей, родилось наиболѣе святыхъ, совершилось наиболѣе чудесъ, признаваемыхъ католиками. Такъ какъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, Порту-

гальцы постоянно были в войнѣ съ Маврамп и каждая побѣда ихъ увѣковѣчивалась какимъ-нибудь особеннымъ вкладомъ или новой привилегіей въ пользу духовенства, но само собою разумѣется, что могущество церкви увеличивалось съ распространениемъ могущества Португальской монархіи.

Наружный видъ Португальскаго быша совершенно сообразенъ съ картинами, въ конхъ представляющъ ее національные писатели. Въ другихъ государствахъ Европы, слѣды пятнадцатаго вѣка встрѣчаются только въ запискахъ и сочиненіяхъ, кои оныя не оставили. Въ Португаліи напротивъ вѣкъ сей еще живетъ: вы найдете его всюду, даже съ сохранениемъ большей части костюма, обычаевъ, суеврій. Когда протестантъ прѣзжаетъ въ Лиссабонъ, то можетъ подумать, что религія, какъ понимаютъ ее въ сей странѣ, есть единственное занятіе ея жителей, что она исключительно поглощаетъ все ихъ вниманіе и что правительство здѣсь не что иное, какъ числая евокрація. Въ города имѣютъ въ себѣ что-то монашеское: церкви и монастыри суть зданія наиболѣе замѣчательныя и занимаютъ собою все возвышенности. Съ самаго утра вы пробуждаетесь и въ продолженіе цѣлаго дня оглушаетесь звономъ колоколовъ, возвѣщающихъ совершеніе разныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Если вы идете по улицамъ, то должны быть увѣрены, что непременно встрѣтитесь съ процессіями или увидите толпу, распростертую предъ какимъ-нибудь образомъ. Монахи черные, бѣлые и сѣрые, обушенные и разушенные, съ бородами и безъ бородъ, безпрестанно васъ пѣвають

и ползкуютъ. Вы слышите званіе колокольчика, который возвѣщаетъ приближеніе Святыхъ Даровъ, и еще не видите балдахина, который обыкновенно покрываетъ священника, или свѣчь, съ конемъ его сопровождающъ, а уже весь народъ повергается ницъ лицомъ на мостовую. Увлекаемые толпой, вы заходите въ церковь, коей стѣны покрыты разными приношеніями и вкладами ex-voto, и видите, что служба совершается вдругъ на многихъ алтаряхъ, въ присутствіи великаго множества молящихся обою пола, съ благоговѣніемъ преклонившихъ головы въ землю и шепчущихъ тихо Латинскія молитвы. Ницѣ осажда васъ у дверей, пребываютъ милосыни во имя С. Девы, всѣхъ Святыхъ и душъ спраждущихъ въ числиницѣ; а старосты различныхъ приходовъ ходятъ по улицамъ, испрашивая подаяній, при звукахъ барабана и волынки.

И не думайте, чтобы число, сила и богатство Португальскаго духовенства были менѣе на самомъ дѣлѣ, чѣмъ кажутся по наружности. Іезуитъ Віэйра говорилъ, что въ его время (1670) въ Португаліи находилось 16,000 монаховъ, 30,000 бѣлыхъ священниковъ и 15,000 монахинь; всего 55,000 человекъ. Но это исчисленіе вѣроятно очень уменьшено: ибо одинъ монастырь, и именно Алькобасскій, заключалъ въ себя почти цѣлый городъ, имѣя 995 монаховъ, кромѣ служекъ. Съ сего времени, число членовъ духовенства опчасн уменьшилось; но все еще очень значительно. Если къ духовнымъ всякаго рода, коихъ число и нынѣ не менѣе 30,000, прибавимъ еще высшее духовенство, сослужащее изъ Патриарха, ко-

порой есть родъ Папы въ королевствѣ, трехъ Архіепископовъ, пѣнадцати Епископовъ, и около пѣтидесяти Прелатовъ или Наспоиселей разныхъ конгрегацій и монашескихъ орденовъ, по можемъ сравнить себя идею о набожности Португальцевъ. Общій доходъ духовенства, считая по десятины, которую оно платитъ въ казну, долженъ простирается до 700,000 ф. с. (17,500,000 р.); но можно предполагать съ достовѣрностію, что въ самомъ дѣлѣ онъ по крайней мѣрѣ вдвое а). Духовенство Португальское всегда такъ строго взыскивало своимъ собственныя десятины, что, въ конвенціи, сдѣланной некогда между Королемъ и Пріоромъ одного монашескаго ордена, есть особенный пунктъ относительна десятичнаго сбора съ рыбы, которая ловится въ Тѣхо.

Принимая въ соображеніе столь ужасную многочисленность духовенства и чрезмѣрную обширность его доходовъ, не лзя не чувствовать, что духъ, обладающій имъ, долженъ имѣть могущественное вліяніе на судьбу Португалліи. По несчастію, трудно найти гдѣ-либо въ другой странѣ духовныхъ, которые бы были невѣжественнѣе и развратнѣе. Тѣ, кои сохраняютъ еще нѣкоторую числоту въ нравахъ и имѣютъ въ себѣ искру добросовѣстной вѣры, по большій часъ погружены, въ невѣжество; другіе, имѣю-

а) О доходахъ Португальскаго духовенства сравнительно съ прочими Европейскими государствами, см. *Телеск.* 1851, N 15. *Изд.*

ице болге ума и смѣливости, супь рѣшительно эгоисты и обманщики.

Другое важное сословіе въ Португаліи есть дворянство. Можетъ быть, нѣтъ другой страны, гдѣ бы дворянъ было больше. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ имена, связанныя съ блестящестьнѣйшими воспоминаніями опечесивенной исторіи; другіе получили кое-какъ свои шляхи. Fidalgo Португальскій; вообще, есть существо надменное, глупое, необщественное, безъ всякаго образованія и правилъ. Большая часть ихъ, съ обширными владѣніями, но съ весьма ограниченнымъ доходомъ, соединяющъ безвкусную пышность съ отвращительной неопрятностью, живутъ въ какомъ-нибудь уголкѣ недоспроеннаго или разваливагося дома, безъ книгъ, безъ вкуса къ искусству, безъ всякаго желанія просвѣщенія свой умъ, не имѣя даже возможности оказывать приличное гостепрѣимство, преданные распуску и сираси къ игрѣ. Впрочемъ, не имѣя никакого вѣса въ государствѣ и никакой почтенной цѣли для своего честолюбія, они привыкли, въ послѣдствіи царствованія, довольствоваться пустымъ эникепомъ, мелкими папригами и самымъ нелѣпымъ ханжесвомъ. Рожденіе сославляло единственную вещь, коею они хвастались; и хотя въ самомъ дѣлѣ ни чего не значили они предъ тѣми, кому имѣли богатство или дарованія, не смотря на то водились только между собой и избгали всякаго соприкосновенія съ другими классами, какъ чумы... Должно однако замѣнить, что сей поршрешъ не лѣзя безъ различія прилагать ко всемъ Португаль-

оныхъ дворянамъ; многіе изъ нихъ представляюми собой исключенія, достойныя всякаго уваженія...

Чтобы довершить повѣстие о настоящемъ состояніи Португалліи, должно упомянуть еще о людяхъ, коимъ ввѣрена гражданская и судебная администрація. Для исправленія различныхъ публичныхъ должностей здѣсь наводятся великое множество чиновниковъ ачныхъ, продажныхъ, безсовестныхъ, кривыхъ въсамъ правосудія по невѣжеству, безчестности и корыстолюбію. Каждая вѣсть администраціи крѣпко ниму служащихъ, кои получаютъ небогатное жалованье и вознаграждаютъ себя грабежомъ. Для управленія евангелической часовнею здѣсь столькоже чиновниковъ, сколько въ Велико-Британіи. Что касается до судей, то нѣтъ болѣе сотни въ одномъ Лиссабонѣ. Нѣкто изъ нихъ не получаетъ менѣе 300 ф. с. (7,500 р.) годоватаго жалованья; но за то всѣ починя проживаютъ въ годъ не менѣе 1,000 ф. с. (25,000 р.); нечего спрашивать, гдѣ берутъ они добавокъ.

Таково основаніе государства, которое завоевано теперь для Дони Маріи Глоріи. Известно, какія обещанія сыпалъ отецъ ея для отвѣщенія Португальцевъ отъ Дона Мигуэла, который, не смотря на коимъ Англичанъ и Французовъ, поспѣшно имѣлъ на своей сторонѣ большинство націи. Но не сими взглядами можно и должно упрочить благоденствія страны, коей не достаешь необходимыхъ основаній порядка и устройства, не достаешь просвѣщенія и трудолюбія. Португальцы сами это чувствуютъ: и отсюда ихъ рѣшительная антипатція къ Бразильскому

Экс-Императору. Его настоящие успехи суть рѣшительно дѣло случая и весьма еще далеки отъ прочнослити. Большинство Португаліи все еще за Дона Мигуэля. Кроме того, что сей послѣдній имѣетъ на своей сторонѣ права законности, основываемыя на древнемъ постановленіи *Кортесовъ де Ламехо* о преемствѣ престола, личный характеръ Дона Педро не покровъ, чтобы могъ внушать къ нему довѣренность Народъ Португальскій видитъ въ немъ виновника своихъ бѣдспвий и не безъ основанія приписываетъ настоящае свое изнуреніе его чесплобію, возбуждавшему споль продолжительныя смуты и междоусобную войну. Сверхъ того онъ окруженъ людьми, конхъ нечислыя правдла и корыстные виды давно извѣстны. Просвѣщенные Португальцы угадываютъ, что фразы, вывезенныя имъ изъ Франціи, утверждаютъ только беспорядокъ и неуспрройство въ ихъ опечесивіи.

Теперь Португаллія разодрана на четыре политическія партіи, неумолимо свирѣпствующія другъ противъ друга. Самая многочислениѣйшая изъ нихъ есть, такъ называемая апостомическая, которая продолжаетъ держаться Дона Мигуэля; другая, преданная непосредственно Дону Педро, хотѣла бы возвести его самаго на престолъ; партія moderateиствова дѣйствуетъ во имя Донны Марии, подъ предводительствомъ извѣстнаго Пальмеллы; наконецъ есть также и партія демократическая, состоящая изъ людей, жаждущихъ ниспроверженія всякаго порядка.

Что долженъ произвести подобный хаосъ? Натурально, Португаллія еще на нѣсколько поколѣній

должна будетъ отброситься назадъ съ пуши къ про-
свѣщенію; и сія прекрасная справа, опередившая
нѣкогда Европу при возрожденіи изъ мрака среднѣхъ
вѣковъ а), долго еще останется добычей невѣжества
и неустройства. По крайней мѣрѣ, для другихъ на-
родовъ да послужитъ сія поучительнымъ свидѣтель-
ствомъ, что внутренній миръ есть единственное
основаніе общественнаго благоденствія и совершен-
ства!

VI.

СМЫСЛ

ДОПОТОПНЫЙ МІРЪ,

ИЛИ СИСТЕМА КЮВЪ.

Понятія, которыя Кювье составилъ себѣ о пере-
воротахъ земнаго шара, состоятъ изъ цѣлаго ряда
положеній, конхъ только сдѣленіе будетъ здѣсь
показано. Первое изъ нихъ есть то, что мо-
ре долго и спокойно пребывало на нашихъ матері-
нахъ, на высотѣ гораздо большей, чѣмъ нынѣшній
ихъ уровень, отъ чего вездѣ остались горизонталь-
ные слои раковинъ, и что попомъ оно было. Испан-
на сія носитъ доказательства свои въ самой себѣ

а) Въ доказательство, какъ роскошно было первое устро-
еніе Португальской монархіи при возрожденіи наукъ и ис-
кусствъ въ Европѣ, мы представимъ въ слѣдующей книж-
кѣ краткое обозрѣніе исторіи Португальской вознѣ. *Лад.*

Второе положение соспориць въ шомъ, что восходя на хребты большихъ горъ, вездѣ встрѣчаемъ мы новые слои, образовавшіеся изъ другихъ раковинъ. Сначала слои сии были также горизонтально расположены, какъ первые: шеперь же, напрошивъ, поднялись, сповашъ косвенно, иногда даже вертикально, и не только не оспанавливаются на первыхъ слояхъ, но иногда встрѣчаются углубленными ниже ихъ, даже опчаспи бывають ими покрыты; слѣдовательно они были прежде; слѣдовательно шаръ земной прешерпалъ по крайней мѣрѣ двѣ революци; и послѣду раковины косвенныхъ слоевъ не одинаковы съ раковинами слоевъ горизонтальныхъ, но слѣдовательно влага осадившая какъ пѣ, такъ и другіе, измѣнилась въ своемъ качествѣ; она содержала другіе зародыши, другія составительныя начала. И такъ если въ слѣдствіе перваго переворота спановились въропшымъ вшорой, то пѣмъ болѣе два споль явныя измѣненія дѣлають въропшымъ безчисленное множество другихъ. Но здѣсь границы возможности должны опредѣляться дѣйствительностью. Разсмотримъ различные слои земли, сравнимъ породы органическихъ веществъ, коихъ оспашки въ ней содержатся: вы найдете пошчасъ различіе надъ ними и слѣдственно откроеще слѣды переворотовъ, коихъ число соотвѣтствуетъ числу сихъ слоевъ и сихъ породъ, съ шюю еще особенностью, что надъ существами сходными, морскими, земными или прѣсноводными, сии измѣненія не могли бышь внезапны и всесовершенны: но первымъ должно было пригопшляться вшорое, вшорымъ прешье, и т. д.; такъ что въ посредствующихъ сосшояніяхъ

удерживается почти одна и таже физиономія и только по обстоятельству цѣлое различивуется само отъ себя; но иногда различіе бываетъ уже непоправно.

Сіе великое зрѣлище особливо разнообразится неизмѣримымъ беспорядкомъ положенія, въ коемъ иногда встрѣчаются ископаемые окаменѣлости. Въ слояхъ морскихъ, даже самыхъ древнихъ, какъ будто погружены слои, наполненные растеніями и животными, земляныи и прѣсноводными и обратно; въ самыхъ верхнихъ и самыхъ новыхъ слояхъ подъ морскими произведеніями бываютъ погребены земныя животныя. Даже подъ одной и той же лавою найдены два гиганта моря и земли: китъ и слонъ. Мало того? на слонѣ найдено еще множество усирницъ, къ нему припрѣпившихся. И такъ во время жизни слона море столько бысило набѣжало, чтоо захватывало его; онъ находился подъ водою довольно долго, такъ чтоо усирницы могли припрѣпитьвись утвердилься на его скелетъ; наконецъ въ общемъ смѣшеніи снхихъ, принесло в китъ къ его останку, съ коимъ онъ поистѣ находился висѣть до нѣхъ поръ, какъ волканъ, наливъ своею лавою, погребъ ихъ обонхъ подъ нею. И такъ очевидно, чтоо въ елдсннѣ монженія и повышенія воды, море попеременно покрывало пшвердую землю, осушая дно свое, и обратно; такимъ образомъ пшверя уже существовавшія погребались и появлялись новыя. Если ннѣ изъ сихъ переворотновъ совершались медленно, то большаа часть ихъ неоспорно произошла вдругъ, насильственно, чтоо очевидно изъ разлома нѣкоторыхъ слоевъ земли, протѣкшхъ коихъ набилось множество голытей и обломковъ. Китовѣ прибавляетъ, чтоо кроме сихъ нѣкоторыхъ

ныхъ сгдствій, измѣненія ея выли и другія весьма горестныя. Они совершенно и невозвратно измѣнили температуру нѣкъ мѣсяцъ, гдѣ совершались. Ся температура упала вдругъ, подобно какъ упадетъ послѣ бурь; внезапный холодъ оновалъ воды и землю; и шакимъ-по образомъ въ замерзшихъ шундрахъ Сибири сохранился риноцерось, ошкрытый за шесньдесятъ лѣтъ предъ сими Палласомъ, и огромный слонъ, явившійся вдругъ, какъ вслѣдствіе сикъ древнихъ уничтожившихся міровъ, назадъ тому шрицать чешыре года; на берегахъ Ледовишаго Оксана, за полярнымъ кругомъ. Ледъ, вшупри коего находился сей послѣдній, образовалъ собою безобразную глыбу и только черезъ цѣль лѣтъ совершенно распалъ: Тогда только волны вывели его на берегъ. Мясъ его было такъ сѣжо, что могло служить пищею дикимъ звѣремъ и рыбачьимъ собакамъ. Известно, что риноцерось сей былъ ошчасни покрытъ шерстью; слонъ шакже носилъ на себѣ шѣкъ, шопорый былъ очень длиненъ, гуель и пушистъ. Но если на семъ основанъ мѣненъ, что въ шо время температура Сибири была шочно шавалже, какъ нынѣ, и что слоны могли жить здѣсь, защищаясь сою шерстью отъ холода, шо несомнѣтельно подобнаго предположенія слишкомъ скоро обнаружится; ибо, если не шриванъ, что сн животноя заброшены въ Сибирь особеннымъ кризисомъ земнаго шара, шо, поелику онъ находится въ ней вездѣ, не только берегамъ и шроливамъ великаго Ледовишаго моря, въ Азін и въ Америкѣ, надлежитъ предположить, что шриванъ сн и были ихъ ошечесивомъ; шо сн гштаншскія созданія не могутъ иначе суще-

сказаны, какъ при обильной и роскошной вегетаціи; необходимая же вегетація сама не иначе можетъ вытѣсь мѣсто, какъ при температурѣ, если не очень жаркой, но по крайней мѣрѣ высшей и болѣе ровной, чѣмъ живишія температура сихъ полуночныхъ странъ. И такъ древняя температура здѣсь измѣнилась: ибо, въ противоположномъ случаѣ, сія оспапки слова и риноце-роса, распались, исчезли, не дошлибы до насъ черезъ столько тысячъ лѣтъ.

Такимъ образомъ изъ существованія ископаемыхъ ко-стей и разнообразія ихъ произхожденія слѣдуетъ, что слон, ихъ заключающіе, были во время жизни сихъ животныхъ потревожены движеніями неправильными, судорожными, смятеніями, коиъ сдѣлались жерпивою. Смятенія сія случались въ разные времена. Палео-эеріонъ Монмартрскій существовалъ вѣрно преж-де, чѣмъ слонъ Уркскаго канала; и нельзя отнести къ одной эпохѣ существованія лошади, видѣнной вмѣстѣ съ оспапками пигра въ улицѣ Говиль, и кнша, выкопаннаго почти за сто лѣтъ предъ симъ въ улицѣ Дофизъ, хотя глубина, гдѣ находились, какъ сіе, такъ и вышеупомянутыя окаменѣлыя животныя, почти одинакова. И такъ сіи мѣлечныя движенія, сія перемѣны были послѣдовательны. Но въ какомъ порядкѣ? Сего порядка не откроемъ мы, если спавемъ занимаешь только перемѣнами часными и мѣсными; а сообра-зивъ всѣ слон, доселѣ открытыя, можемъ сослаться рядъ, въ которомъ будетъ находишься постоянный неизмѣняемый порядокъ; не пошому, чтобы въ немъ всегда показывались всѣ сіи слон; случается, что одного, двухъ не доспаешь: но когда они появляються,

то всегда на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, никогда не перемѣщаясь. Положивъ сіе за основаніе, выдѣлитъ, что, если сей рядъ слоевъ полонъ, то спонитъ только опредѣливъ, какія ископаемыя свойственны каждому изъ нихъ, и потомъ составивъ для нихъ живописныхъ соотвѣтственныхъ порядокъ, который бы дозволялъ заключать по извѣстному ископаемому объ извѣстномъ словъ, и обратно. Такимъ образомъ каждый слой будетъ имѣть при отличительные характеры по мѣсту, имъ занимаемому, по веществу, изъ котораго состоитъ, и по ископаемымъ, въ немъ заключающимся. Вотъ единственная хронологія земнаго шара, какую только можемъ мы имѣть: хронологія чисто относительная, безгласная на счетъ истиннаго долготыя часпей и цѣлаго.

Теперь, за чѣмъ природа слѣдовала такому порядку? Особенно, почему, производя живописныхъ, начала она съ самыхъ просвѣтлѣвшихъ? Развѣ не имѣла она опытности, силы, матеріаловъ? Развѣ могуществу ея есть границы? Развѣ она повинуетца какой-либо необходимости? Безъ сомнѣнія: необходимости разума; ибо по системѣ вещей, въ какой мы находимся, необходимо было, что бы распеція существовали прежде праводныхъ живописныхъ, праводныя прежде плошодныхъ, а нѣ и другія пребуютъ предварительнаго существованія воздуха, воды, теплоты, сѣмени, которое привлекаетъ къ себѣ спихин, и твердой почвы, которая могла служить имъ опорой. Необходимость сія предшествовала созданію первыхъ существъ. Ничего не произошло случайно: все совершенно вѣчною мудростию, которая есть сама для себя верховная необ-

ходимость. Что касается до силъ, которыми природа дѣйствовала, то онѣ намъ почти не извѣстны. Варролицо онѣ существовали въ первоначальномъ успройствіи земнаго шара; и ежели правда, что Юпитеръ, какъ говорятъ астрономы, находился еще въ хаосѣ; если огонь, которымъ проникнута сія безмѣрная масса, не дозволяетъ еще морамъ успокоиться на ея поверхности; или, если по успокоеніи ихъ, моря сіи, расширяясь онѣ огня, кипятъ, и влещутся изъ береговъ щелью по силѣ ихъ распоргнишь; если даже и Марсъ отчасти находился въ такомъ же состояніи смѣшенія: то можно заключить, что въ первоначальныя времена земли, тѣже причины могли производить тѣже дѣйствія. Но какъ бы ни казалось благовидно сіе предположеніе и какую бы вѣроятность имъ придавала ему форма земнаго шара, опыты надъ наплавкомъ въ совокупности съ опытами свидѣтельствующими о существованіи центральнаго огня, и насильствѣ самыхъ глубокихъ слоевъ: оно всегда будетъ слабо, потому что, не имѣетъ доказательствъ. Ибо какимъ образомъ проникнемъ мы сквозь плъму вековъ, гдѣ бы взоръ нашъ могъ усмотрѣть первое происхожденіе всѣхъ вещей? Даже, принявъ за главную причину земныхъ переменъ, единственную, всемогущую, всѣдѣствующую силу природы, огонь, мы будемъ нуждены сознаться, что дѣйствіе сіе не всегда было одно, или что оно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ результатамъ, не всегда было подобно самому себѣ. Первые перевороты были въ самомъ дѣлѣ только перемѣненія краевъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ должно было

произошедшее внезапное потрясеніе у полюса. Изъ глубины бездны вознесся огромный столпъ воды и огня съвера къ югу пролился чрезъ всѣ наши материки, размешивая всѣ препаисивія, между пѣтъ какъ часпъ водъ его, вознесшаяся до высшихъ словъ атмосферы, испадала въ видѣ дожда на землю, покрывая ее пмою: вырывая съ корнемъ деревья, опкрывая для живописныхъ подъ ногами ихъ гробъ, куда увлекали ихъ съ собою воды. Массы веществъ, обломки небесныхъ пѣтъ, дребезги міровъ, носяпса въ проспранспѣ. Ужели одинъ изъ сихъ обломковъ коснулся земли; и сей ударъ превратилъ положеніе водъ, зашопилъ материки, поколебалъ земную ось, измѣнилъ температуру и климаты?.. Но кто посмѣеть предаваться мечпанъ своего воображенія, когда божеспивенный гласъ, внимаемый всѣми народами, назначаетъ сему грозному явленію истинную причину, копорую чшили, предъ копорой благоговѣли Депоки, Лейбницы, Ньютоны? Только во всякомъ случаѣ всемірный попопъ не могъ бытъ продолжипеленъ. Напонъ земли, испребивъ все живущее, воды опять вошли въ берега свои, оставивъ землю нагою, опуспощенной. И сн-то земли, возвращенныя жизни, составляютъ большею часпю материкъ, нами обипаемый.

И С Т О Р І Я А Р Ф Ы .

Изъ всѣхъ музыкальныхъ инспрументовъ арфа есть самый гармоническій, самый блестящій, самый пѣжный и меланхолическій.

Сполъ любезныя свойсшва и простота устройства были причиною ранняго ея изобрѣпенія. Первые

Египтяне знали уже арфу; только она дѣлалась у нихъ въ большемъ размѣрѣ, о чемъ можно судить по образцу, имѣющемуся въ Парижскомъ Музее. У Евреевъ арфа была мала и легка. Таковую, по всей вѣроятности, употребили царственный пророкъ Давидъ. Греки имѣли также свой эпигоніонъ, изобрѣщенный Эпигономъ Амвразійскимъ, когдѣ пальцы извлекали изъ струнъ ея согласные звуки.

Не извѣстно, имѣли ли арфу Римляне, и какую. Однакожъ инструментъ сей проникъ въ свѣрныя страны. Въ рукахъ бардовъ, присуществовавшихъ оныхъ пиршествамъ героевъ, коихъ воспѣвалъ славу. Въ послѣдствіи арфа сдѣлалась удѣломъ шрубатуровъ; она своими мелодическими звуками сопровождала пѣсни, воспѣваемые въ честь любви, и гимны, войнѣ посвященные. Послѣ сихъ времени благороднаго рыцарства, арфа пришла въ упадокъ. Преданная въ руки самыхъ низкихъ скомороховъ, она скиталась по Германіи, Богеміи, Англіи, Валлісу. Только за семьдесятъ лѣтъ предъ симъ, можно сказать въ нашихъ уже глазахъ, извлекли ее изъ уничиженія, возвысили, прославили и снова сдѣлали достоинною украшать театры, дворцы царей, даже храмы, посвященные христіанскому богослуженію, гдѣ гармоническіе звуки ея сочетаются съ гимнами, воспѣвающими славу Превѣчнаго.

Глюкъ первый употребилъ ее въ чудесной сценѣ ада своей прекрасной оперы: Орфей. Послѣ его знаменитѣйшіе Италіянскіе и Германскіе композиторы ввели сей инструментъ въ свой оркестръ.

Во Франціи Керубини, Метцоль, Лескоёръ, Пазръ, Бершонъ, Боэльдье и проч. всѣ хопя съ некоторыми измѣненіями, употребили ее въ своихъ операхъ.

Многіе запомнятъ еще дѣйствіе, произведенное въ 1804 году, въ церкви Инвалидовъ, хоромъ двѣнадцати арфъ, кои сочешаваясь съ звуками гѣвческихъ роговъ и голосовъ, воспѣвали чудные подвиги челоуѣка, рывавшаго въ то время судьбы Европы. Побѣдмшель Германіи, Египта и Ипаліи, пожелалъ, чшобы музыка сія была повшорена; и шакое одобреніе конечно было. леснио самолюбію арпнста а). Великій челоуѣкъ, движимый любовью къ изящному, никогда его не поведавшею, ножелалъ, чшобы арфа была употреблена въ его капеллѣ: и сіе введеніе, поддержанное въ послѣдшхвн Королями, придало оркестру сей капеллы болѣе величія и блеска, сообщило музыкѣ характеръ болѣе религіозный и шрогашельный. Въ оперѣ: Барды, Лескоёръ имѣлъ счасливую мысль помѣстншь въ оркестрѣ восемь арфъ, звуки коихъ придали музыкѣ удивительную оригинальность колорита, какою только воображеніе можетъ сообщить музыкѣ самаго Оссіана. Слушателямъ казалось, что они перенесены въ чершогн Шотландскихъ героевъ.

Таковы сладоспныя впечатлѣння, производимыя надъ душой звуками арфы: и кажется, не нужно для сего болѣе примѣровъ. Однако, дабы вѣрно оцѣ-

а) Арпнстѣ сей былъ Г. Надерманъ, знаменншый арпнстѣ, намѣревающійся въ нннѣшнюю осень издашь Школу для Арфы, изъ коей именно и заимствованъ сей опрывокъ. Изд.

нить сей инструментъ, дабы составивъ себѣ истинное понятіе о его богатствѣ и средствахъ, нужно внимательно взглянуть на арфу ея первобытнѣмъ состояніи, разсмотрѣвъ, что она шеперь, и подумаешь, чтобъ еще можно и желательнѣе было изъ ней сдѣлать. Она состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: струны и дерева. Сіи два элемента согласуются между собой, сливаются такъ сказать во едино усиливаютъ взаимно другъ друга: струны своими сопрансїями, дерево своимъ резонансомъ; и изъ сего сочетанія происходятъ самые чистые, самые нѣжные и роскошные звуки, наиболѣе способные услаждать слухъ человѣческой. Явно, что нѣтъ ничего простѣе подобнаго устройству; но въ семь состояніи простоты, какъ бы ни былъ великъ объемъ арфы, смотря по большому или меньшему количеству струнъ ея, очевидно, что, поелюку струны сіи имѣютъ определенное, неизмѣняемое протяженіе, спротяжїа всегда одинакимъ образомъ, по и инструментъ сей не можетъ измѣнять тона, не можетъ примѣняться ко всемъ модуляціямъ музыки.

Дабы извлечь арфу изъ сего тѣснаго круга дѣятельности, дабы помѣстивъ ее въ большихъ оркестрахъ, прїобщивъ игру ея къ игрѣ другихъ инструментовъ, надобно было открыть ей обширнѣйшее поле модуляцій, придумать возможность возвышать по желанію на пол-тона всѣ ея струны. Искусство произвело сіе при помощи механизма, приводимаго въ дѣйствіе семью педалями, кои насприваютъ на одинъ тонъ семь однородныхъ струнъ, образующихъ октавы. Правда, присоединеніе сего механизма къ арфѣ

нивать въ копоры неудобства. Арфа дѣлалась чрезъ по шажелге, свойство звуковъ ея нѣсколько измѣняется; самое же неприятное неудобство шю, что вниманіе музыканта развлекается, будучи принуждено обращаться вмѣстѣ и на руки и на ноги; откуда можно видѣть, какъ важно, чтобы музыкантъ, сочиняющій для арфы и не желающій опаздывать себѣ ни въ какихъ, даже самыхъ отдаленныхъ модуляціяхъ, умѣлъ назначать самые простыя способы для побужденія трудности; равно должно замѣтить, какъ необходимо разыгрывающему музыканту привыкнуть къ такимъ способамъ, дабы умѣть совершать съ легкостью самыя неожиданныя переходы.

Какъ бы шю ни было, неудобства, здѣсь изчезлемыя, выкупаются слишкомъ большими выгодами; рѣшишельно можно сказать, что арфа, при помощи сего внутренняго механизма, нашла въ себѣ неисчерпаемыя сокровища гармоніи. Съ шого времени приняла она вдругъ самый быстрый полетъ. Послѣ Гохбрукера, копорый, можно сказать, шолько что показалъ арфу, явился Крумгольцъ: Крумгольцъ, коего геній, овладѣвъ семипедальной арфой, извлекъ изъ ней звуки шоль прекрасныя, прелюди шакъ богато модулированныя, импровизации шоль, разнообразныя и блистательныя, что поразило удивленіемъ всѣхъ славѣйшихъ музыкантовъ своего времени и показалъ, что для арфы, такимъ образомъ успроенной, подѣ его перспами нѣтъ границъ. Успѣхъ его былъ совершенный. Звуки арфы очаровали сердца принцессы и королевы. Изученіе сего инструмента составляло любимое занятіе Королевы Французской. Ея примѣру послѣ-

звали Герцогиня де Бурбонъ, Принцесса де Ламбаль и де Краонъ, Графиня Жавилъ съ своей воспитанницей, Герцогиней Орлеанской, и проч. и проч. А въ свѣтъ сама Гжа Крумфольцъ, Гжи Мюзиньи, де Ламбергъ, Молинось, всѣ ученицы Крумфольца; онѣ были достойны своего учителя и дарованіями своими поддержали общій воспоргъ, имъ произведенный и разпросиравившійся по всей Европѣ. Не должно забыть еще двухъ другихъ учениковъ Крумфольца: Графа де Пермона и Виконта де Марина, конхъ игра, швердая, разнообразная, исполненная силы, огня и средсивъ, доказала, подобно игрѣ Крумфольца, что человекъ съ высокими талантомъ можеть изъ аранъ сдѣлать все, что, одушевленная искусными перспами, она можеть сдѣлаться ошгомоскомъ всѣхъ вдохновеній генія а).

- а) Въ несчастныя времена эмиграціи, Виконтъ де Маринъ удалившись въ Англію, употребляя свой прекрасный талантъ, щедро вознаграждаемый богатыми Британцами, на содержаніе несчастныхъ поварницъ своего бѣдствія.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечачаніи предспавлены были въ Ценсурный Компшестъ три экземпляра. Москва. Окшября 2 дня, 1833.

Ценсоръ *Алексій Болдыревъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Однѣ изъ Тринадцати. Повесть Бальза-
ка. 16, 158, 195, 435
Письмо о Философѣ. (*М. Максимовича*). . . 433

НАУКИ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ.

- Записка о Земледѣльской Промышленности
въ Бакинской Провинци. (*И. Павлова*). 141, 373
Сравненіе долговѣчности Мужчинъ и Женщинъ. 401
Дополнительный Миръ по сѣверу Кіева. . . . 544

ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

- Вспомогательная Лекція Высшей Тактики. (*Н.
Навроцкаго*). 3
Политическая Спандисинка Европы. 132

ИСТОРИЯ.

- Исторія Англійскихъ Скачекъ. 277
Телеграфія и Телеграфы. 518
Исторія Арфы. 551

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

- Живописные Сады въ разныхъ странахъ Ев-
ропы. 56, 199
Нѣмецкая Словесность въ XIX столѣтіи. 83, 114, 494

Опрывокъ въ Писема о Богемской Литера- турѣ. (<i>К. Винарицаго</i>).	251
Люкзорскій Обелискъ въ Тулонѣ. Письмо Г. Мери къ Г. Баршелеми.	145
Бегумъ-Сомру, Индійская Амазонка.	264
Некрологія Пьера Герена.	269
Нормальныя Школы въ Пруссіи для перво- начальнаго образованія.	417
Нынешнее Состояніе Португалліи.	557
Знаменитые Современники: Гекторъ Бер- люзъ.	239, 387
КРИТИКА.	
Основанія Франки, М. Павлова.	103
СМѢСЬ.	
Микроскопъ.	127

AP
T4
1833
no. 9-12

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

